

BESTSELLER

Филлис Дороти ДЖЕЙМС



КОМНАТА УБИЙСТВ

Ф.Д. Джеймс — Агата Кристи
нашего времени!

P.D. JAMES

Австралийский детектив

Ф.Д. Джеймс — королева современного английского детектива. Она удостоена множества высоких наград — включая орден Британской империи, а королева Елизавета II пожаловала ей титул баронессы.

Успех Ф.Д. Джеймс сравним только с мировой популярностью Конан Дойла и Агаты Кристи. Каждый из ее двенадцати романов стал международным бестселлером!



Внезапная смерть одного из совладельцев маленького частного музея — **ТЩАТЕЛЬНО СПЛАНИРОВАННОЕ УБИЙСТВО.**

Опытный следователь Адам Дэлглиш не сомневается в этом **НИ НА МИНУТУ** — ведь от жертвы желали избавиться едва ли не **ВСЕ** родственники и сотрудники музея.

Казалось бы, отыскать преступника — не так уж сложно...

Однако **ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ ГИБНУТ ОДИН ЗА ДРУГИМ** — и теперь уже мотивы убийцы понять практически **НЕВОЗМОЖНО...**

Если бы детектив был классической музыкой, Ф.Д. Джеймс звучала бы в «Ла Скала»!

«Independent»

Роман, не уступающий «Убийству в доме викария» Агаты Кристи!

«Telegraph»

В наше время с Ф.Д. Джеймс не сравнится НИ ОДИН автор, работающий в жанре классического детектива.

ISBN 5-17-030400-5



9 785170 304004

«Sunday Post»

BESTSELLER

Ф.Д.
ДЖЕЙМС

КОМНАТА
УБИЙСТВ

РОМАН


ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Д41

Серия «Bestseller» основана в 1998 году

Phillis Dorothy James
THE MURDER ROOM

Перевод с английского Л. Ткача

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Green and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 01.06.05. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 3000 экз. Заказ № 3186.

Джеймс, Ф.Д.

Д41 Комната убийств : роман / Ф.Д. Джеймс; пер. с англ. Л. Ткача. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 430, [2] с. — (Bestseller).

ISBN 5-17-030400-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-2085-7 (ООО «Транзиткнига»)

Внезапная смерть одного из совладельцев маленького частного музея —
ТЩАТЕЛЬНО СПЛАНИРОВАННОЕ УБИЙСТВО.

Опытный следователь Адам Дэлглиш не сомневается в этом НИ НА МИНУТУ — ведь от жертвы желали избавиться едва ли не ВСЕ родственники и сотрудники музея.

Казалось бы, отыскать преступника — не так уж сложно...

Однако ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ ГИБНУТ ОДИН ЗА ДРУГИМ — и теперь уже мотивы убийцы понять практически НЕВОЗМОЖНО...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Phillis Dorothy James, 2003

© Перевод. Л. Ткач, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2005

*Двум моим зятьям,
Лину Флуку
и
Питеру Дункану Маклеоду*

*Настоящее, как и прошлое,
Возможно, сходятся в будущем.
А будущее помещается в прошлом*.*

Т. Элиот

* Перевод И. Гансвинд.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА



очу повиниться перед лондонскими властями и перед всеми, кто любит Хэмпстед*. В этой дивной, заслуживающей всяческого почитания местности я нахально разместила несуществующий музей Дюпейна.

Другие упоминающиеся в романе места реальны. Знаменитые убийства, представленные в Комнате убийств в качестве экспонатов, — реальные преступления. Считаю важным еще раз подчеркнуть: музей Дюпейна, его владельцы, персонал, добровольные работники и посетители — выдуманы. То же касается колледжа Суотлинг и вообще всех героев этой книги. Заодно следует извиниться за искажения в описании работы лондонской подземки и железнодорожной ветки, соединяющей Кембридж и Лондон. Впрочем, пассажиры общественного транспорта могут счесть эту уловку не слишком и значительной.

Как всегда, я выражаю благодарность доктору Энн Пристон из службы судебной экспертизы и моей секретарше, миссис Джойс Маклинен. И особенно я обязана мистеру Эндрю Дугласу, офицеру той же службы, который просветил меня в вопросах, касающихся подозрительных пожаров и их расследования. Он оказал мне неоценимую помощь.

Ф.Д. Джеймс

* Хэмпстед — фешенебельный район на севере Лондона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

КНИГА ПЕРВАЯ

КТО И ГДЕ

ПЯТНИЦА, 25 ОКТЯБРЯ — ПЯТНИЦА,
1 НОЯБРЯ

1



дам Дэлглиш впервые посетил музей Дюпейна двадцать пятого октября, в пятницу, ровно за неделю до обнаружения там первого тела. Визит был случайным, решение — спонтанным. В событиях этого дня он видел одно из причудливых совпадений, которые нас всегда удивляют, хотя и случаются не так редко, как того требует здравый смысл.

Дэлглиш вышел из здания Министерства внутренних дел на Куин-Эннз-гейт в половине третьего, после долгого утреннего совещания, в котором был один-единственный коротенький перерыв (неважный кофе и бутерброды, как обычно), и теперь направлялся к располагавшемуся неподалеку Нью-Скотленд-Ярду, своему месту работы. Волей того же случая Дэлглиш шел один. Полицейских на совещании собралось много, и он наверняка шагал бы сейчас в компании коллеги, если бы один из министерских чиновников не попросил его зайти пораньше. Требовалось обсудить один вопрос, никак не связанный с утренними делами. Совещание, как и ожидалось, вызвало кучу дополнительной бумажной работы. Срезая путь к Бродвею через переход на станции

«Сент-Джеймс-парк», Дэлглиш прикидывал, вернуться ли в офис, где, не исключено, его весь день будут дергать, или взять бумаги домой, в квартиру на набережной Темзы, чтобы спокойно поработать.

На совещании не разрешалось курить, но в комнате и без того надышали, и теперь он наслаждался свежим воздухом, пользуясь недолгой прогулкой. День был ветреный и не по сезону ясный. В прозрачном голубом небе метались сбившиеся в кучу облака, и Дэлглиш мог бы вообразить этот день весенним, да только от реки остро пахло морем — конечно же, не без участия его воображения — и дул пронизывающий ветер. Стоило полицейскому выйти из подземки, ветерок сразу на него набросился.

Несколькими секундами позже Дэлглиш увидел Конрада Акройда. Он стоял на углу Дейкер-стрит, придвинувшись к самому краю тротуара, и смотрел то в одну, то в другую сторону. Такая смесь тревоги и надежды присуща всем, кто пытается поймать такси. Акройд почти сразу заметил Дэлглиша и пошел навстречу, протянув обе руки, радостно улыбаясь из-под широкополой шляпы. Теперь невозможно было избежать встречи — да и не нужно. Мало кто не обрадовался бы, встретив Конрада Акройда. Хорошее настроение, не покидающее его круглый год, интерес к мелочам, любовь к сплетням и, главное, бьющая в глаза независимость от прожитых лет — все это вселяло в людей надежду. Он выглядел так же, как и в их первую встречу, состоявшуюся не одно десятилетие назад. Представить Акройда тяжело заболевшим или переживающим личную трагедию было трудно, а уж известие о его смерти друзья и вовсе сочли бы нарушением естественного порядка вещей. Дэлглиш предполагал, что в этом и заключался секрет популярности Акройда: глядя на него, окружающие могли тешить себя иллюзиями и не ждать от судьбы подвоха. В его одежде, как и всегда, наблюдалось подкупающее своеобразие: мягкая фетровая шляпа лихо заломлена, крепенькая фигурка скрыта плащом из пурпурно-зеленой шотландской ткани. И толь-

ко Акرويد, единственный среди знакомых Дэлглиша, но сил гетры.

— Адам! Потрясающая встреча! Я гадал, на месте ли ты, мой дорогой, но заходить не стал. Испугался. Вряд ли бы меня пустили, а все же, проберись я туда, вряд ли дали бы уйти. Мы тут с братом пообедали. В одной гостинице — здесь, неподалеку. Он раз в год приезжает в Лондон и всегда в ней останавливается. Брат — набожный католик, а от гостиницы рукой подать до Вестминстерского собора. Там его знают и относятся с пониманием.

Относятся с пониманием к чему? И к чему относилось это замечание — к гостинице, собору или и тому, и другому вместе?

— Не знал, что у тебя есть брат, Конрад, — сказал Дэлглиш.

— Едва ли я сам об этом толком знаю. Мы так редко видимся. Брат, так сказать, затворник... Он живет в Киддерминстере, — добавил Акرويد, будто это все объясняло.

Дэлглиш уже собрался пробормотать, что ему «очень жаль... ничего не поделаешь... пора...», как его спутник заметил:

— Старина! Полагаю, заставить тебя не в моих силах, но я хочу на пару часов зайти в музей Дюпейна в Хэмпстеде. Почему бы тебе не присоединиться? Ты, конечно, знаешь об этом музее?

— Да, однако не был там ни разу.

— Это ты зря, зря. Место очаровательное! Музей посвящен периоду между двумя мировыми войнами — 1919—1938 годам. Он невелик, но представляет все, что имеет отношение к той эпохе. У них есть хорошие картины: Нэш, Уиндем Льюис, Айвон Хитченс, Бен Николсон. Особенно тебя заинтересует библиотека. Первые издания, несколько рукописей и, само собой, поэты тех лет. Поехали!

— Может, в другой раз?

— Да не будет у тебя другого раза! А сейчас ты попался. Это судьба. Уверен: твой «ягуар» нежится где-нибудь здесь,

в подземном гараже столичной полиции. Мы можем поехать на машине.

— Ты хочешь сказать, я могу тебя отвезти.

— А потом отправимся в Суис-коттедж попить чаю. Если ты откажешься, Нелли мне этого никогда не простит.

— Как поживает Нелли?

— Все так же мила, спасибо. В прошлом месяце наш врач ушел на покой. Мы общались с ним двадцать лет — расставание было печальным. Хотя и его преемник вроде понимает, что к чему в наших организмах. Впрочем, вообще неплохо иметь дело с человеком помоложе.

Брак Конрада и Нелли Акройдов оказался столь незыблем, что теперь уже мало кого беспокоило их взаимное несоответствие, и никто не развлекался досужими разговорами об альковной подоплке этого союза. Внешне едва ли можно различаться сильнее, чем эти двое. Конрад — пухлый, низенький, смуглый, с горящими любопытными глазами, стремительно, как танцор, передвигающийся на маленьких проворных ножках. Нелли была как минимум на три дюйма выше, светлая, плоскогрудая, с безжизненными волосами, уложенными в виде двух наушников. В качестве хобби она собирала первые издания повестей для девочек школьного возраста, выходивших в двадцатые — тридцатые годы. Ее подборка Анжелы Бразилл считалась уникальной.

Их общей страстью был дом. А также сад, еда (Нелли великолепно готовила), две сиамские кошки и легкая ипохондрия Конрада, которой они вместе потакали. Акройд все еще издавал принадлежавшую ему «Патерностер ревю», которая славилась ядовитостью статей и обзоров, опубликованных в ней без подписи. В частной жизни добрейший из Джекилов, в своей издательской ипостаси он превращался в нераскаявшегося Хайда.

Некоторые из его друзей, добровольно взваливших на себя непосильный груз обязанностей и забот, а также отказавшихся от всех радостей жизни, кроме самых насущных, тем не менее находили время для дневного чаепития у Ак-

ройдов, в их изящной вилле в Суис-коттедж, с уютной гостиной и непреходящей атмосферой всеобщего потакания. Время от времени к ним присоединялся и Дэлглиш. Еда была ритуалом, который будил воспоминания и не терпел суеты. Хрупкие чашки с большими ручками, тонкие куски черного хлеба, намазанные сливочным маслом, крошечные бутерброды с кружочками огурца и пирожные с фруктовой начинкой, выпеченные из домашнего легкого теста. Все это приносила пожилая служанка — настоящая находка для агента, занимающегося подбором актеров для «мыльной оперы» о жизни в эпоху короля Эдуарда. Вкус еды не обманывал ожиданий гостей. Посетителей постарше этот чай возвращал к временам не столь беспокойным, а у всех остальных ненадолго возникала иллюзия, будто порядок, разумность, покой и уют семейного очага Акройдов также присущи и миру вокруг. Хотя провести начало сегодняшнего вечера, сплетничая с Акройдами, значило бы проявить собственную слабость. И все-таки Дэлглиш видел, что будет непросто найти веский довод для отказа и везти друга в Хэмпстед ему придется.

— С удовольствием тебя подброшу, — сказал он, — но у меня, возможно, не получится остаться — если ты надолго.

— Не беспокойся, старина. Обратно я поймаю такси.

В течение нескольких минут Дэлглиш собрал необходимые бумаги, выслушал отчет секретарши обо всем, что произошло в его отсутствие, и вырулил из подземного гаража. Акройд стоял рядом с вращающейся вывеской и походил на послушного ребенка, ждущего, пока взрослые его заберут. Он аккуратно закутался в плащ и, удовлетворенно похрюкивая, влез в машину. После собственных беспомощных усилий Акройд разрешил себя пристегнуть. Они выехали на Бердкейдж-уок, и Конрад сказал:

— В прошлую субботу я видел тебя на Саут-банк. Ты стоял у окна второго уровня и смотрел на реку. С тобой была, позволь заметить, молодая женщина необыкновенной красоты.

— Зря не подошел. Я бы вас познакомил, — невозмутимо ответил Дэлглиш.

— Мне это приходило в голову, но я понял, что буду лишним. Поэтому я удовольствовался разглядыванием двух ваших профилей, интересуясь в первую очередь ею и проявляя любопытство, которое выходило за рамки приличий. Не ошибся ли я, заметив некоторую скованность? Или это правильнее назвать самообузданием?

Дэлглиш не ответил. Акройд посмотрел на его лицо, на чуткие руки, крепко сжавшие руль, и счел благоразумным сменить тему:

— Со сплетнями в «Ревю» я, можно сказать, завязал. Их стоит печатать, только если они свежи, достоверны и непристойны — а тогда есть шанс нарваться на иск. Люди такие сутяжники! Однако я пытаюсь внести некоторое разнообразие в газету. Мой визит к Дюпейну связан как раз с этим. Я пишу серию статей, посвященных убийству как символу эпохи. Убийство как история общества, если тебе угодно. Нелли полагает, что здесь я напал на золотую жилу. Она просто в восторге! В качестве примера возьмем самые нашумевшие убийства викторианской поры. Они не могли случиться ни в каком другом веке. Эти загроможденные гостиные, угрожающие приступом клаустрофобии, нарочитое соблюдение приличий, рабское положение женщины. А развод! Если жене удавалось найти для него основания (что само по себе было непросто), она становилась неприкасаемой. Неудивительно, что бедняжки принялись добывать мышьяк, вымачивая бумагу для ловли мух*. Впрочем, те годы были еще простыми. А вот время между войнами гораздо интереснее. В музее Дюпейна отвели целую комнату под экспонаты, связанные с самыми нашумевшими убийствами двадцатых — тридцатых годов. Не в угоду посетителям, любящим пощекотать себе нервы, этот музей другого рода. Убийство — единственное в своем роде преступление, отражающее суть эпохи.

Акройд впервые поглядел на Дэлглиша внимательно:

* В 1889 году миссис Флоренс Мэйбрик (1862—1941) была осуждена за отравление мужа мышьяком. Она вымачивала бумагу для ловли мух в раковине, чтобы добыть содержащийся в ней мышьяк.

— Неважно выглядишь, старина. У тебя ничего не стряслось? Ты не заболел?

— Нет, Конрад, я не заболел.

— Нелли только вчера говорила, что тебя совсем не видно. Ты очень занят, возглавляя отдел с таким безобидным названием, якобы учрежденный для расследования убийств, требующих деликатного подхода. Слова «деликатного подхода» звучат странно, по-чиновничьи: разве бывают убийства, не требующие деликатного подхода? И все равно мы понимаем, что имеется в виду. Если лорд-канцлер, при мантии и парике, обнаружен забитым до смерти прямо на вулсаке* — зовите Адама Дэлглиша.

— Что-то мне не верится в подобный пример. Ты можешь представить зверскую расправу на глазах у лордов? Само собой, некоторые из их светлостей наблюдали бы за происходящим с удовлетворением, но...

— Конечно, нет. Все откроется, когда палата встанет.

— Тогда почему он останется сидеть на вулсаке?

— Его должны убить где-нибудь еще, а тело перенести. Читай детективы, Адам. Нынешние убийства банальны и, ты уж извини, слегка вульгарны. Их исполнителям недостает воображения. И все же с переносом тела возникнут трудности. Придется хорошенько подумать. Вижу, что это может не сработать.

Акройд говорил с сожалением. Не окажутся ли детективы его следующей страстью? Тогда нужно охладить его пыл. Убийство, настоящее или выдуманное, с какой стороны ни посмотри — неподходящее увлечение для Акройда. Правда, его любознательность всегда отличалась широким охватом. Однажды загоревшись, он следовал велению сердца с полной самоотдачей, будто всю жизнь только и занимался данной проблемой. Похоже, Конрад и на этот раз от своего не отступится.

* Вулсак — квадратная диванная подушка, набитая шерстью и обтянутая красной тканью. На ней сидит лорд-канцлер, спикер палаты лордов.

— В Вестминстерском дворце никто не умирает. А не сговор ли это? Не запихивают ли они, неприлично поторапливаясь, труп в неотложку? А после заявляют, что он умер по дороге в больницу? Вот так. Из этого можно извлечь несколько ценных подсказок. Окажись тут замешано, например, наследство, мог бы помочь хронометраж событий. Название, конечно, у меня уже есть. «Смерть на вулсак».

— Трудоемкая задача, — сказал Дэлглиш. — Ладно, вернемся к убийству, отражающему суть эпохи. Что ты ожидаешь найти в Дюпейне?

— Не исключено, что вдохновение, хотя главным образом информацию. Комната убийств — это что-то особенное! Неофициально мы все ее так называем. Там есть газеты того времени, публиковавшие репортажи с места преступления и из зала суда, очаровательные фотографии, среди которых есть несколько подлинных, подлинные предметы, найденные рядом с жертвой. Не могу себе представить, как старому Максу Дюпейну удалось все это заполучить, но не сомневаюсь: он не церемонился. А в отношении убийства наши интересы, конечно, совпадают. Старику Комната убийств нужна была, чтобы привязать убийство к эпохе, в противном случае он потакал бы испорченному вкусу публики. Я уже выбрал себе первое дело, и мой выбор очевиден. Миссис Эдит Томпсон. Тебе, конечно, известен этот случай?

— Да.

Все, кто интересуется настоящими убийствами, или изъятиями в уголовном судопроизводстве, или ужасами и странностями, присущими высшей мере наказания, знают о деле Томпсона — Байуотерза. Оно породило целый выводок романов, пьес и кинолент и внесло свой вклад в освобождение журналистики от оков морали. Не обращая внимания на молчание собеседника, Акройд жизнерадостно зачирикал дальше:

— Обратимся к фактам. Перед нами молодая привлекательная женщина, ей двадцать восемь лет, она замужем за тупова-

тым служащим судоходной компании, который старше ее на четыре года, они живут на бестолковой улице в безликом пригороде на востоке Лондона. И ты удивляешься, что она искала утешения в другой, выдуманной ею самой жизни?

— Мы не располагаем данными об умственных способностях Томпсона. Ты ведь не считаешь туповатость жертвы смягчающим обстоятельством?

— Я готов рассматривать и менее веские основания, старина. Ум Эдит Томпсон не уступает ее привлекательности. Она удерживается в кресле управляющей в фирме по изготовлению дамских шляпок в Сити, а в те времена это что-нибудь да значило. Вместе с мужем и его сестрой она отправляется в отпуск, знакомится с Фредериком Байуотерзом — стюардом, который на восемь лет ее моложе, — и влюбляется в него до беспамятства. Когда он в море, она пишет ему страстные письма, которые человек, лишенный воображения, обязательно сочтет подстрекательством к убийству. Она утверждает, будто крошила в овсянку Перси электрические лампочки; вероятность последнего поставил под сомнение выступавший на процессе судебный патологоанатом, Бернард Спилсбери. 3 октября 1922 года, вечером, когда супруги идут из театра, откуда-то выскакивает Байуотерз и наносит Перси Томпсону смертельное ножевое ранение. Эдит Томпсон слышит вопль: «Не надо!.. О нет!» Ее письма, конечно, говорят сами за себя. Уничтожь их Байуотерз, она была бы сейчас жива.

— Вряд ли, — сказал Дэлглиш. — Она родилась сто восемь лет назад. Какие у тебя есть основания считать это преступление типичным для того времени? Ревнивый муж, молодой любовник, рабская покорность зову плоти. Такое могло случиться пятьдесят, сто лет назад. Такое может случиться сегодня.

— Нет, не точь-в-точь. Во-первых, пятьюдесятью годами раньше ей не суждено было работать в Сити. Вряд ли бы она встретила Байуотерза. А сегодня она, конечно, могла бы найти применение своему уму и упорядочить бурлящее во-

ображение, пойдя в университет. Возможно, ее ждали бы успех и процветание. Мне она видится сочинительницей любовных романов. Эдит, вне всякого сомнения, не стала бы женой Перси Томпсона, а пойдя она на убийство — сегодняшние психиатры нашли бы этому объяснение. Нынешние присяжные иначе относятся к внебрачным связям, а судья не пошел бы на поводу у собственного предубеждения против замужней женщины, которая заводит любовников восьмью годами моложе себя. Присяжные образца 1922 года такое предубеждение, несомненно, разделяли.

Дэлглиш молчал. Ему было одиннадцать лет, когда он прочитал об этой обезумевшей, одурманенной наркотиками женщине, которую к месту казни пришлось почти волочить. С тех пор воспоминание об этом деле свернувшейся змеей лежало в глубине его памяти. Бедный Перси Томпсон не заслуживал смерти, но кто заслуживает участи его вдовы? Что за страдания выпали на ее долю в эти последние дни, в камере для приговоренных, когда она осознала наконец — снаружи есть иной мир и он еще опаснее ее фантазий? В нем существуют люди, которые в назначенный день и назначенный час извлекают ее на свет и, руководствуясь решением суда, свернут ей шею. Хотя он был тогда всего лишь мальчиком, его отношение к смертной казни уже начинало формироваться, и этот случай упрочил его аболиционизм. Можно ли было действовать тоньше и убедительнее, чтобы в его душе зародилась и все глубже пускала корни эта невысказанная вера в необходимость подчинения неистовых страстей воле, в опасность, которую может таить в себе всепоглощающая любовь, в то, что цена порой оказывается слишком высокой? Не этому ли его, только начинающего службу в отделе уголовного розыска, учил бывалый сержант полиции, который теперь давным-давно на пенсии? «Приводящие к убийству мотивы состоят из четырех элементов: любовь, похоть, корысть и ненависть. Парень, тебе будут говорить, что самая опасная — ненависть. Не верь этому. Самая опасная — любовь».

Дэлглиш решительно пресек дальнейшие размышления о деле Томпсона — Байуотерза и опять переключился на Акройда.

— Следующее дело — самое интересное из всех, мною найденных. Оно до сих пор не разгадано, полно очаровательных подтасовок и совершенно типично для тридцатых. Не могло произойти ни в какое другое время — по крайней мере в таком виде. Полагаю, ты о нем знаешь. Это дело Уоллеса. О нем много писали. У Дюпейна есть все материалы.

— Его как-то включили в программу подготовительных курсов в Брамсхилле. Незадолго до этого я стал инспектором. Оно использовалось в качестве примера «как не надо проводить расследование». Правда, не думаю, что это дело и теперь там изучается. Они нашли что-нибудь посвежее, позлободневнее. Им есть из чего выбрать.

— Значит, тебе известны обстоятельства?

Разочарование Акройда было столь явным, что казалось невозможным не пойти навстречу его капризам.

— Напомни мне.

— Год тысяча девятьсот тридцать первый. Япония вторглась в Маньчжурию; Испания провозгласила себя республикой; Индию сотрясали восстания, а Канпур был затоплен волной насилия, вызванной межобщинными конфликтами, величайшими за всю историю страны; умерли Анна Павлова и Томас Эдисон; профессор Огюст Пикар стал первым человеком, достигшим стратосферы на воздушном шаре. Такова была обстановка в мире. А у нас вернулось в результате октябрьских выборов новое коалиционное правительство, сэр Освальд Мосли завершил формирование своей Новой партии, и два миллиона семьсот пятьдесят тысяч человек оказались без работы. Невеселый был год. Видишь, Адам, я провел целое исследование. Ты впечатлен?

— Весьма. Возможности твоей памяти беспредельны. Только я не вижу связи с подлинно английским убийством в пригороде Ливерпуля.

— Расширяю контекст. Хотя я могу и не воспользоваться этим, когда начну писать. Мне продолжать? Я тебя не утомляю?

— Будь добр. И ты меня не утомляешь.

— Даты: девятнадцатое и двадцатое января, понедельник и вторник. Предполагаемый убийца: Уильям Герберт Уоллес, пятидесяти двух лет, страховой агент в «Пруденшил компании». Носит очки, сутуловат. Этот ничем не примечательный человек проживает со своей женой Джулией по адресу: Энфилд, Уолвертон-стрит, 29. Он дни напролет ходит от одного дома к другому и собирает деньги за страховки. Шиллинг здесь, шиллинг там, а вокруг — дождливый день, а впереди — неизбежный конец. Типично для того времени. Тебе может едва хватать на еду, но ты все равно каждую неделю по чуть-чуть откладываешь, чтобы хватило на достойные похороны. Ты можешь прозябать в нищете, однако в конце устроишь по крайней мере некое представление, а не маршбросок до ближайшего крематория, откуда надо выкатиться через пятнадцать минут, не то родственники следующего усопшего начнут ломиться в дверь. Жена Джулия, пятидесяти двух лет. У нее ласковое лицо. В жизни преуспела немного больше — она хорошая пианистка.

Уоллес играл на скрипке, и они иногда вместе музицировали. Это происходило в гостиной, выходящей окнами на улицу. Судя по всему, играл он так себе. Если во время исполнения муж начинал слишком страстно пикировать, то появлялся мотив для убийства. Только с другой жертвой. Тем не менее они считались любящей парой, но кто знает? Я не отвлекаю тебя от дороги?

Дэлглиш вспомнил, что Акройд, сам водить не умеющий, во время езды всегда нервничал.

— Ничуть.

— Мы приближаемся к вечеру девятнадцатого января. Уоллес увлекался шахматами и должен был играть в Центральном шахматном клубе, члены которого по понедельникам и четвергам собирались в одном из кафе в центре горо-

да. В тот понедельник ему туда позвонили. Взявшая трубку официантка подозвала организатора, Самуэля Беати, чтобы тот ответил. Сообщив, что Уоллес должен сегодня играть и что его еще нет, Беати посоветовал перезвонить. Звонивший сказал, что не сможет, так как сегодня у его девушки день рождения, ей исполнился двадцать один год, и не мог бы Уоллес зайти завтра в половине седьмого, чтобы обсудить деловое предложение. Он назвал Р.М. Куолтроу и оставил адрес: Мозли-хилл, Менлав-Гарденз-Ист, 25. Важно и интересно следующее — у того человека не сразу получилось дозвониться — то ли в самом деле, то ли он это разыграл. В результате телефонистка запомнила время звонка: двадцать минут восьмого.

А на следующий день Уоллес отправился на поиски Менлав-Гарденз-Ист, которой, как ты уже знаешь, не существует в природе. До района Менлав-Гарденз ему пришлось ехать на трех трамваях. Поиски заняли около получаса, он спрашивал дорогу как минимум у четверых, в том числе у полисмена. В конце концов Уоллес отступился и поехал домой. Соседи собирались уходить, когда услышали, что в дверь черного хода в доме двадцать девять кто-то стучит. Они пошли выяснить, в чем дело, и увидели Уоллеса, сообщившего, что он не может попасть внутрь. Он при них сделал еще одну попытку, и на этот раз дверная ручка повернулась. Они вошли втроем. Тело Джулии Уоллес лежало в той самой комнате, на коврике у камина, лицом вниз, а окровавленный макинтош Уоллеса валялся рядом. Она была забита насмерть. Ей раздробили череп, с неистовой силой нанеся одиннадцать ударов.

Уоллеса арестовали второго февраля, в понедельник, через тринадцать дней после убийства. Все улики были косвенными, кровь на одежде не обнаружили, орудие убийства пропало. Вещественного доказательства, указывающего на его причастность, не существовало. Улики, что интересно, могли усилить позицию как обвинения, так и защиты — смотря

с какой стороны подойти. В кафе звонили из телефонной будки на Уолвертон-стрит в тот момент, когда Уоллес мог там проходить. Следует ли отсюда, что звонил он сам или там его поджидал убийца, желавший удостовериться, что Уоллес идет в клуб? С точки зрения полиции, спокойствие мужа было противоестественным. Во время дознания он сидел на кухне и гладил лежавшую у него на коленях кошку. Его мало заботило происходящее, или он был стоиком и умел не выказывать собственные чувства? А эти неоднократные попытки выяснить дорогу? Уоллес предпринял их ради укрепления своего алиби или он просто был добросовестным агентом, старающимся не упустить выгодную сделку и не склонным быстро сдаваться?

Дэлглиш стоял в веренице машин, выстроившихся перед очередным светофором, и вспоминал подробности того дела. Если в ходе расследования царили хаос и неразбериха, то же самое будет и в суде. В своей заключительной речи судья поддержал Уоллеса, но присяжные признали его виновным, взяв только час на выработку решения. Уоллес подал апелляцию. Ее приняли на том основании, что к делу не были приложены достоверные сведения, подтверждающие вынесенный присяжными вердикт. В сущности, это означало, что присяжные ошиблись.

Акройд все щебетал, а Дэлглиш уставился на дорогу. Толчея его не удивила: с каждым годом рабочий день в пятницу заканчивается все раньше; ситуацию усугубляли дачники, семьями покидающие Лондон на выходные. Они еще не доехали до Хэмпстеда, а Дэлглиш уже сожалел о своем порыве и мысленно подсчитывал, сколько часов он потерял. Он приказал себе перестать дергаться. Его жизнь и так переполнена делами, случилась передышка, зачем же портить себе удовольствие? Ближе к «Джек Строз касл» движение замерло, и потребовалось несколько минут, чтобы влиться в поток машин, движущихся по Спаньердз-роуд, которая прямой линией вытянулась вдоль Хэмпстеда. Кусты и деревья росли

вплотную к дорожному полотну. Казалось, друзья едут по далекой глубинке.

— Здесь притормози, Адам, иначе пропустим поворот, — сказал Акройд. — Его непросто заметить. Мы к нему подъезжаем, осталось около тридцати ярдов, он по правой стороне.

Найти поворот и в самом деле оказалось непросто. А заезжать в него приходилось поперек встречного потока, что тоже было нелегко. Дэлглиш увидел ворота, а за ними дорожку с густыми зарослями кустов и деревьев по сторонам. Слева от въезда висела прикрепленная к стене черная табличка с белой надписью: «Музей Дюпейна. Пожалуйста, снизьте скорость».

— То еще приглашение, — сказал Дэлглиш. — Им что, не нужны посетители?

— Не уверен, что хозяева в них нуждаются, особенно если посетителей много. Макс Дюпейн, основавший этот музей в 1961 году, считал его чем-то вроде своего хобби. Он был очарован временем между двумя войнами. Можно сказать, был на нем помешан. Дюпейн собирал свою коллекцию тогда же, в двадцатые — тридцатые, чем и объясняется наличие некоторых картин: он мог купить их до того, как у художника появлялись большие деньги. Им были приобретены первые издания всех значимых романистов того времени, а также тех, кто, по его мнению, заслуживал места в этой коллекции. Библиотека на сегодняшний момент ценится довольно высоко. Музей предназначался для тех, кто разделяет его страсть, и этот подход оказал влияние и на нынешнее поколение владельцев. Теперь, когда дела переходят к Маркусу Дюпейну, ситуация может измениться. Он только что оставил государственную службу и вполне может воспринять музей как дело всей жизни.

Дэлглиш ехал по асфальтированной дорожке, столь узкой, что две машины едва могли на ней разминуться. С каждой стороны дорожки тянулась узкая полоска травы, а за ней — живая изгородь из кустов рододендрона. За ними росли чахлые деревца с начавшими желтеть листьями, и их присутствие делало дорожку еще сумрачнее. Они проехали мимо молодого челове-

ка, над которым возвышалась тощая пожилая женщина и, казалось, руководила его работой. Между ними стояла плетеная корзина; было похоже, что они сажали луковицы каких-то цветов. Молодой человек поднял на посетителей глаза и неотрывно смотрел, пока они ехали мимо. Женщина, если не считать мимолетного взгляда, не обратила на них внимания.

Дальше был поворот налево, там дорожка выпрямлялась, и впереди неожиданно возник музей. Дэлглиш остановил машину и вместе с Акройдом погрузился в молчаливое созерцание. Дорожка разделялась надвое, чтобы обогнуть круглую лужайку с кустами посередине, далее стояло симметричное здание из красного кирпича. Дом был изысканным, его архитектура впечатляла, и он оказался больше, чем Дэлглиш ожидал. В здании насчитывалось пять эркеров, центральный из которых, с двумя окнами, одно над другим, сильно выдавался вперед. На каждом из двух нижних этажей, с той и другой стороны от этого эркера, имелось по четыре одинаковых окна и еще по два в скатах крыши. Выкрашенную белой краской дверь со стеклами окаймлял сложный кирпичный узор. В сдержанности и абсолютной симметричности этого здания таилось что-то отталкивающее, казенное, чуждое. А вот и кое-что необычное: на месте ожидаемых пилястров располагались утопленные в стену панели, а капители были украшены кирпичным орнаментом. Они придавали фасаду некоторую причудливость, без которой тот был бы пугающе однообразен.

— Узнаешь дом? — спросил Акройд.

— Нет. Он должен быть мне знаком?

— Только в том случае, если ты посещал «Пенделл-Хаус», который неподалеку от Блетчли. Иниго Джонс построил его в 1636-м, и тот дом не был для него рядовым. Некий процветающий фабрикант соорудил это здание в 1894 году. Ему понравился «Пенделл-Хаус», и он решил сделать копию. В конце концов, настоящий архитектор там не присутствовал и возразить не мог. Тем не менее, копируя, делец не пошел дальше внешнего вида. И тем лучше. Интерьер «Пенделл-Хаус» не внушает доверия. Тебе нравится?

Конрад, словно ребенок, беспокоился, не будут ли разочарованы его подношением.

— Занятно. Правда, я предпочел бы не знать, что это копия Иниго Джонса. Мне нравится, но я не уверен, что мне захочется жить здесь. Избыток симметрии вселяет в меня беспокойство. А такие утопленные кирпичные панели я вижу впервые.

— Не ты один, если верить Певзнеру*. Говорят, они уникальны. Мне это по душе. Без них фасад смотрелся бы слишком сдержанно. И все равно зайдем и поглядим, как там внутри. Ведь за этим мы сюда и приехали. Стоянка за лавровыми кустами, направо. Макс Дюпейн не выносил вида машин перед домом. По правде говоря, он ненавидел проявления современной жизни. Большинство из них.

Дэлглиш опять завел двигатель. Белая стрелка на деревянной табличке указывала дорогу к стоянке, покрытой гравием территории, пятьдесят на тридцать ярдов, с въездом с южной стороны. Там уже двумя рядами расположилось двенадцать машин. Дэлглиш нашел место в дальнем конце.

— Тесновато, — сказал полицейский. — Как они управляют в людный день?

— Наверное, посетители смотрят, нельзя ли приткнуться с той стороны дома. Там есть гараж, но им пользуется Невил Дюпейн. Он держит в нем свой «ягуар-тайп». Впрочем, я никогда не видел, чтобы на стоянке не было мест. А может, в музее специально занимаются этим вопросом. Для пятницы, дневного времени, картина обычная. Несколько машин принадлежит персоналу.

Пока они шли к входной двери, вокруг не наблюдалось никаких признаков жизни. Дэлглишу подумалось, что для случайного гостя вход таит неясную угрозу, однако Акройд уверенно взялся за круглую медную ручку, повернул ее и толкнул дверь.

— Летом ее обычно не запирают. Сегодня такое солнце, что можно, кажется, рискнуть. Так или иначе — мы на месте. Добро пожаловать в музей Дюпейна!

* Николаус Певзнер (1902—1983) — британский историк архитектуры.

Вслед за Акройдом Дэлглиш вошел в просторный холл, пол которого был выложен черной и белой плиткой. Перед собой он увидел изящную лестницу, которая на уровне примерно двадцатой ступени раздваивалась и вела к восточной и западной галереям. С каждой стороны холла имелось по три двери из красного дерева. В каждой из них открывалась такая же, поменьше, ведущая на верхнюю галерею. Под крючками для одежды стояли две высокие стойки для зонтиков. Справа располагался стол секретарши; он был также из красного дерева. На стене позади него висел старомодный пульт. Рядом была дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», ведущая, судя по всему, в служебные помещения. Единственным живым существом здесь была сидящая за столом женщина. Акرويد и Дэлглиш направились к ней, и она подняла глаза.

— Добрый день, мисс Годбай! — сказал Акرويد. — Это мисс Мюрел Годбай, — продолжил он, развернувшись к Дэлглишу. — Она отвечает за прием посетителей и за всеми нами приглядывает. А это мой друг, мистер Дэлглиш. Он должен платить?

— Конечно, должен! — вмешался Дэлглиш.

Мисс Годбай взглянула на него. Адам увидел массивное, с нездоровым цветом кожи лицо и удивительные глаза, смотрящие сквозь узкие очки в роговой оправе: зелено-желтые зрачки, с ярким центром и темной окантовкой. Густые прямые волосы (что-то среднее между насыщенным красно-коричневым и золотым) были зачесаны набок и заколоты сзади черепаховой заколкой. Рот — маленький, волевой. Зато дряблый, мясистый подбородок сбивал с толку. Какого она возраста? Судя по всему, ей было сорок с небольшим. Хоть мисс Годбай и улыбнулась Акроиду, она при этом лишь разжала губы, что придавало женщине настороженный и немного зловещий вид. На ней были костюм из тонкой голубой шер-

сти и жемчужное ожерелье. Она напоминала девицу, впервые вывезенную в свет, — как на некоторых английских фотографиях, публиковавшихся в давних выпусках «Кантри лайф». Дэлглиш подумал, не намеренно ли она так оделась — чтобы соответствовать десятилетиям, которым посвящен музей? Девического или наивно-привлекательного в мисс Годбай не было решительно ничего.

Вставленное в рамку объявление сообщало, что плата за вход составляет: для взрослых — пять фунтов, для пенсионеров и студентов — три с полтиной, а для детей до десяти лет и для получающих пособие по безработице вход свободный. Дэлглиш протянул десять фунтов и вместе со сдачей получил круглую синюю наклейку. Акройд, получив такую же, запротестовал:

— Мы и в самом деле должны их носить? Я «друг», я записан!

— У нас новая система, мистер Акройд. — Мисс Годбай твердо стояла на своем. — Синие для мужчин, розовые для женщин и зеленые для детей. Это простой способ соотнести сборы с количеством посетителей и сделать доступной информацию о людях, которых мы обслуживаем. И естественно, служащие сразу могут определить, не прошел ли кто бесплатно...

Друзья отошли в сторону.

— Мисс Годбай знает свое дело и немало способствовала наведению здесь порядка, но ей, к сожалению, не хватает чувства меры. А сейчас ты можешь видеть что где. В первой комнате слева — картинная галерея, в следующей — спорт и развлечения, третья комната посвящена истории. По правой стороне — одежда, театр и кинематограф. Библиотека и Комната убийств этажом выше. Тебе наверняка захочется посмотреть картины, библиотеку, а может быть, и остальные комнаты. Я бы предпочел пойти с тобой, однако мне надо работать. Лучше начнем с Комнаты убийств.

Игнорируя лифт, бодро, в своей обычной манере, Акройд начал подниматься по лестнице. Дэлглиш последовал за ним,

зная, что Мюрел Годбай устала сидеть за столом, будто размышляя: достаточно ли посетители безобидны, чтобы оставлять их без сопровождения? Они уже дошли до Комнаты убийств, располагающейся в восточной части дома, в его глубине, когда наверху открылась дверь. Послышались сердитые голоса, которые сразу затихли, и на лестницу торопливо вышел мужчина. Он немного замешкался, когда увидел Дэлглиша с Акройдом, затем, будто узнав их, поклонился и кинулся вниз по лестнице. Дэлглиш успел заметить густые непослушные волосы и сердитые глаза на пылающем лице. Плащ мужчины шумел, словно разделяя бешенство хозяина. Следом в дверном проеме появился еще один человек. Неожиданные посетители его не удивили. Он обратился непосредственно к Акройду:

— Зачем он нужен, музей этот? Невил Дюпейн только что задал мне такой вопрос. Зачем он нужен? Я начинаю сомневаться в том, что он сын своего отца, хотя... бедная Маделин своей целомудренностью нагоняла скуку. Для таких шалостей ей не хватало жизнерадостности. Приятно вас снова здесь видеть. — Мужчина посмотрел на Дэлглиша. — Кто это?

Вопрос мог прозвучать оскорбительно, однако в голосе слышались замешательство и интерес человека, стоящего перед новым, весьма интересным приобретением.

— Добрый день, Джеймс, — сказал Акройд. — Это мой друг, Адам Дэлглиш. Адам, познакомься, это Джеймс Калдер-Хейл, хранитель и гениальный кормчий музея Дюпейна.

Калдер-Хейл был высоким, худым, почти истощенным, с длинным костистым лицом и большим, тщательно вылепленным ртом. Золотистые, начинающие седеть волосы упали на высокий лоб; в них там и тут мелькали белые пряди. Все вместе придавало ему некоторую театральность. Из-под резко очерченных, будто выщипанных бровей сверкали умные глаза, придающие силу лицу, которое иначе казалось бы нежным. Дэлглиша не ввела в заблуждение хрупкая оболочка: ему не единожды приходилось встречать волевых, не склонных рассуждать людей с таким вот выражением на лице —

витающего в облаках умника. На Калдер-Хейле были узкие мятые брюки, полосатая рубашка, бледно-голубой широкий галстук со свободным узлом, клетчатые домашние тапочки и длинная серая кофта, доходящая почти до колен. Его гнев, раздражение и резкий фальцет показались Дэлглишу напускными.

— Адам Дэлглиш? Слышал о вас.

Это прозвучало как обвинение.

— «Повод для ответа и другие стихи»*. Современную поэзию я почти не читаю, имея немодную нынче склонность к ритму и рифме, но у вас хотя бы не проза, которую расположили на странице в виде стихов. Насколько я понимаю, Мюрел знает, что вы здесь?

— Я расписался, — сказал Акройд. — И взгляните на наши маленькие наклейки.

— И правда! Дурацкий вопрос. Без этой штуки даже вы, Акройд, не прошли бы дальше холла. Женщина-диктатор. При этом дельная и, прямо скажем, незаменимая. Извините за недавнюю вспышку. Я редко выхожу из себя. И при общении с любым из Дюпейнов это пустая трата сил. Ладно, ведь вы здесь с какой-то целью — не позволяйте мне отвлекать вас.

Он собрался уйти. Судя по всему, за дверью был его офис.

— Что вы ответили Невилу Дюпейну? — крикнул Акройд ему вслед. — Зачем нужен музей?

Калдер-Хейл помедлил.

— Я не сказал ему ничего нового. Музей Дюпейна, как и любой другой уважаемый музей, обеспечивает хранение, запись и демонстрацию всего, что относится к прошлому и представляет интерес как для ученых, так и для просто интересующихся. Невил Дюпейн, кажется, решил, что музей должен приносить определенную пользу обществу или выполнять некую миссию. Чудеса! Рад встрече с вами, — сказал он Акройду. — И с вами, конечно, — кивнул Калдер-Хейл Дэлг-

* «Повод для ответа и другие стихи» («*A Case to Answer and Other Poems*»). *Case to answer* также означает «основание для предъявления иска».

лишу. — В картинной галерее пополнение, которое может представлять интерес. Маленькая, но приятная акварель Роджера Фрая, завещанная музеем одним из постоянных посетителей. Будем надеяться, нам удастся ее сохранить.

— Что вы хотите этим сказать, Джеймс? — спросил Акройд.

— А, вы же не знаете. Будущее этого места под вопросом. Нынешний договор об аренде истекает в следующем месяце, заключение нового уже обсуждалось. Старик написал странное завещание, по которому музей переходит в так называемую семейную доверительную собственность. Насколько я понял, музей сохранится только в том случае, если договор подпишут все трое его детей. Закрытие музея будет трагедией, и я не располагаю полномочиями, которые позволили бы ее предотвратить. Я не являюсь доверенным лицом.

Не сказав больше ни слова, Калдер-Хейл повернулся, зашел в свой офис и плотно закрыл за собой дверь.

— Для него это, наверное, и в самом деле будет трагедией, — сказал Акройд. — Он работает здесь с тех пор, как уволился с дипломатической службы. Само собой, бесплатно, хотя в его распоряжении офис, а также он проводит экскурсии для избранных. Его отец и Макс Дюпейн дружили с университетских времен. Старик считал музей своей утехой. Такое нередко случается с владельцами подобных учреждений. Посетители его не то чтобы раздражали — некоторым из них здесь были очень рады, — просто Макс Дюпейн считал, что один настоящий исследователь стоит пятидесяти случайных гостей. И действовал в соответствии со своими взглядами. Если вы не знаете, что это за музей, когда он открывается, когда закрывается, — значит, вам и не нужно этого знать. Избыток информации привлечет прохожих, желающих переждать дождь и надеющихся на эти полчаса чем-нибудь занять детей.

— Зато случайный, несведущий посетитель может войти во вкус, найти прелесть в том, что на отвратительном современном жаргоне называется «посещением музеев».

И он здесь может кое-чему научиться. Дюпейн этого не одобрил бы?

— Умозрительно. Если его наследники решат не прерывать аренду, они пойдут той же дорогой. И что иного они могут предложить? Дюпейн не идет ни в какое сравнение ни с Британским музеем, ни с музеем Виктории и Альберта. Конечно, если тебя особенно интересуют годы между войнами — а меня интересуют именно они, — в этом случае Дюпейн дает почти все необходимое. Да только двадцатые — тридцатые пользуются у обычной публики ограниченным спросом. На весь музей хватит одного дня. Наиболее популярна Комната убийств. Наверное, это и выводило старика из себя. Нынче музею, целиком посвященному убийствам, был бы обеспечен успех. Меня удивляет, что никто не основал что-нибудь в этом роде. Правда, есть Черный музей в Нью-Скотленд-Ярде, есть интересная коллекция у речной полиции в Уэппинге, но они закрыты для обычных людей. Вход строго по пропускам.

Хотя Комната убийств не была тесной — не менее тридцати футов в длину — и ее освещали три подвесных люстры, Дэлглишу она сразу показалась мрачной, вызывающей клаустрофобию, и три окна, два восточных и одно южное, не могли развеять это чувство. Справа от покрытого орнаментом камина Адам заметил вторую, неприметную, дверь. У нее не было даже ручки, и ее наверняка держали закрытой.

Вдоль стены, под застекленными стендами, стояли книжные полки, тематика каждой из которых соответствовала, надо думать, тому или иному экспонату. Еще там находились ящики с сопутствующими документами. Сверху рядами висели фотографии. Многие увеличены; некоторые, явно оригинальные, неприглядно откровенны. У Адама осталось впечатление какой-то мешанины из крови и отрешенных, смотрящих в никуда лиц мертвецов — убийц и их жертв, которых теперь объединяла смерть.

Дэлглиш и Акройд прошлись по комнате. Здесь были представлены в изученном и проиллюстрированном виде

самые знаменитые убийства межвоенных лет. Сознание Дэлглиша затопили имена, лица, факты. Уильям Герберт Уоллес. Здесь он явно моложе, чем был на момент процесса. Над твердым воротничком с удавкой галстука — непримечательное, хотя и не лишенное привлекательности лицо: усы, слегка безвольный рот, очки в стальной оправе, спокойный взгляд. Рядом фотография из газеты, на которой Уоллес пожимает руку своему адвокату. Он и стоящий рядом брат выше всех окружающих; Уоллес немного сутулится. Его ждет тяжелейшее испытание, при этом он одет в аккуратный темный костюм вместе со все теми же высоким воротничком и узким галстуком. Жидкие волосы с аккуратным пробором прилизаны и блестят. Наверное, такое лицо идет дотошному, занудному чиновнику. Домохозяйки, заплатив положенные за неделю гроши, не пригласят такого человека в дальнюю комнату попить чаю и поболтать.

— А вот прекрасная Мери-Маргарет Фами, которая застрелила своего неверного египетского мужа прямо в гостинице «Савой» в 1923 году. Этот случай стал известным благодаря защищавшему ее Эдварду Маршаллу Холлу. Тот направил на присяжных настоящий пистолет, требуя оправдательного приговора, и с грохотом его выронил. Решение суда было соответствующим. Естественно, женщина была виновна, однако усилиями защиты избежала наказания. Ко всему прочему, Холл держал в ходе суда речь, изобиловавшую расистскими намеками. Он высказался в том ключе, что женщина, вышедшая замуж за, как он выразился, «азиата», не должна ничему удивляться. В наши дни у него были бы проблемы с судьей, лорд-канцлером и прессой. Опять, старина, перед нами преступление, типичное для своего времени.

— Мне-то показалось, что ты в умозаключениях опираешься на то, как преступление совершено, а не на особенности уголовного судопроизводства.

— Я учитываю все обстоятельства. А вот другая защита, не менее успешная. Убийство «Брайтонский сундук», 1934 год. Считается, что это тот самый чемодан, мой дорогой Адам, в

который Тони Манчини, двадцатилетний официант, ранее привлекавшийся за воровство, запихнул тело своей любовницы, Вайолет Кэй, которая зарабатывала на жизнь проституцией. Это второй «Брайтонский сундук». Первое тело, без ног и головы, также принадлежало женщине и было обнаружено на железнодорожной станции одиннадцатью днями раньше. По тому убийству никто арестован не был. Дело Манчини слушалось на выездном суде присяжных в декабре. Его блистательно защищал Норман Беркет, сохранивший подсудимому жизнь. Суд признал его невиновным, однако в 1976 году Манчини сознался сам. Чемодан притягивает всеобщее внимание и вызывает у посетителей нездоровый интерес.

Дэлглиш не испытывал такого интереса. Он неожиданно почувствовал необходимость взглянуть на окружающий мир и подошел к одному из восточных окон. Внизу стоял деревянный гараж, окруженный молодыми деревцами, а где-то в восьми ярдах от него — садовый навес с водопроводным краном. Давешний мальчик, вымыв здесь руки, вытер их о собственные штаны. Тут Дэлглиша окликнул Акройд, которому не терпелось продемонстрировать последние находки. Подведя друга ко второму стенду, он сообщил:

— Убийство «Костер на дороге», 1930 год. Наверняка войдет в мою статью. Тебе оно должно быть известно. Альфред Артур Рауз, тридцатисемилетний коммивояжер, жил в Лондоне. Жуткий бабник. Он не был двоежнецом, однако за время своих поездок Рауз успел совратить около восьмидесяти женщин. Ему то и дело требовалось исчезать. Желательно так, чтобы его вообще считали мертвым. Шестого ноября он подобрал бродягу на пустынной дороге в Нортгемптоншире, убил его, облил тело бензином, поджег машину и удрал. К несчастью для Рауза, мимо проходили местные молодые люди, возвращавшиеся к себе в деревню. Они спросили, откуда огонь. «Кажется, кто-то разложил праздничный костер!» — крикнул он им на ходу. Благодаря той встрече его смогли арестовать. Спрячась Рауз в канаве — глядишь, не попался бы.

— И что же тут специфического для того времени? — спросил Дэлглиш.

— Рауз прошел войну, где получил серьезное ранение в голову. И на месте преступления, и в суде он вел себя на удивление тупо. Я считаю Рауза жертвой Первой мировой войны.

А ведь и вправду. То, как он повел себя тогда на дороге, странное высокомерие, с которым он отвечал на вопросы в суде... Петлю на своей шее он затянул сам — роль обвинителя была второстепенной. Интересно, как он служил и насколько серьезно был ранен. Рауз прошел Фландрию. Оттуда мало кто вернулся полностью здоровым.

Дэлглиш предоставил Акرويدу заниматься его изысканиями, а сам отправился на поиски библиотеки. Она располагалась на том же этаже, в западной части дома: длинная комната, где два окна выходили на стоянку и одно — на подъездную дорожку. В стенах, закрытых полками из красного дерева, три выступа; в середине комнаты длинный прямоугольный стол. У окна на столе поменьше стоял копировальный аппарат; на табличке значилась цена: десять пенсов за страницу. Здесь сидела пожилая женщина и делала надписи к экспонатам. В комнате не было холодно, но служительница носила шарф и варежки. Как только Дэлглиш вошел, женщина сказала певучим, хорошо поставленным голосом:

— Некоторые шкафы заперты. Если вам захочется подержать эти книги в руках — у меня есть ключ. Подшивки «Таймс» и других газет на первом этаже.

Дэлглиш ответил не сразу. Ему еще надо было побывать в картинной галерее, поэтому он не имел возможности порыться в книгах без спешки, в свое удовольствие. В то же время он не хотел, чтобы его визит выглядел простым капризом.

— Я здесь впервые. Так сказать, ознакомительная экскурсия. Но все равно спасибо.

Он медленно прошелся вдоль книжных полок. Здесь были представлены, большей частью в первых изданиях, все глав-

ные романисты того времени; некоторые имена он видел впервые. Само собой, здесь стояли Дэвид Лоренс, Вирджиния Вульф, Джеймс Джойс, Джордж Оруэлл, Грэм Грин, Уиндам Льюис, Розамонд Леман. Вот они, те бурные годы, во всем их разнообразии и богатстве, как на перекличке. Поэзия занимала отдельный шкаф. Здесь имелись первые издания Йитса, Элиота, Паунда, Одена и Льюиса Макниси. А также поэты военной тематики, публиковавшиеся в двадцатые: Уилфред Оуэн, Роберт Грейвс, Зигфрид Сасун. Хорошо бы засесть тут как следует и все перешупать, пересмотреть... Впрочем, если у него и найдется свободное время, его будет стеснять присутствие этой молчаливой женщины, чьи одетые в варежки руки двигались с таким трудом. Дэлглиш предпочитал читать в одиночестве.

Он дошел до конца стола, где было разбросано с полдюжины номеров журнала «Стрэнд мэгэзин», разноцветные обложки которого изображали улицу Стрэнд, слегка меняя ракурс от номера к номеру. Дэлглиш взял номер за май 1922 года. На обложке значились рассказы П.Г. Вудхауса, Гилберта Франкау, И. Филиппа Оппенгейма и специальная статья Арнольда Беннета. По-настоящему же двадцатые оживали на страницах рекламы. Сигареты по пять шиллингов и шесть пенсов за сотню; спальня, обставленная за тридцать шесть фунтов; муж, озабоченный явным недостатком либидо у собственной жены и возвративший ее в хорошее расположение духа, незаметно бросив щепотку чудодейственных солей в утренний чай.

Наконец он спустился в картинную галерею. Дэлглиш сразу понял, что она предназначена для серьезных исследователей. Рядом с каждой картиной висела табличка, сообщавшая о главных галереях, где выставлены другие работы данного художника. По сторонам камина располагались выставочные стенды с письмами, рукописями и каталогами; увидев их, Дэлглиш подумал о библиотеке. Именно на этих полках двадцатые — тридцатые представлены наиболее полно. Именно писатели — Джойс, Во, Хаксли, — а не худож-

ники оказались убедительны в толковании тех смутных лет и смогли, в свою очередь, на них повлиять. Пока Адам медленно шел мимо пейзажей Пола и Джона Нэшей, ему пришло в голову, что катастрофа 1914—1918 годов, тогдашние кровь и смерть породили ностальгическую тоску о провинциальной Англии, ее мире и покое. Здесь висел пейзаж, воскрешающий ту райскую безмятежность и написанный очень традиционно — при всем богатстве и оригинальности стиля. Бревна, аккуратно сложенные у стены фермерского дома, возделанные поля, небо, кусок пустынного пляжа... Пронзительные свидетельства, напоминание об ушедшем поколении. Людей не было. Дэлглишу мерещилось, что они окончили дневной труд, развесили все по местам и тихо оставили этот мир. Конечно, столь безупречно ухоженных полей не бывает. Они были возделаны не ради потомков, но во имя неизменного и бесплодного постоянства. Во Фландрии природе рвали на части, насиловали, гноили; здесь же чье-то воображение вернуло ей бесконечный покой. Дэлглиш не ожидал, что традиционный пейзаж способен вызывать у него такое беспокойство.

Он с облегчением перешел к религиозным аномалиям Стэнли Спенсера и разнообразным портретам: эксцентричным работам Перси Уиндама и более расплывчатым, небрежным — Дункана Гранта. Выставленные здесь художники были Дэлглишу в основном знакомы. И почти все они доставляли ему удовольствие. При этом чувствовалось огромное влияние континентальных мастеров, несравнимо более великих. Макс Дюпейн не смог раздобыть самые замечательные работы каждого художника, но ему удалось собрать коллекцию, достаточно разнообразную и дающую представление об изобразительном искусстве между войнами, — а это, в конце концов, и было его целью.

В галерее уже был один посетитель: худенький юноша, одетый в джинсы, потрепанные кроссовки и большую теплую куртку с капюшоном, в сравнении с которой его ноги походили на тонкие палочки. Приблизившись к парню, Дэлг-

лиш увидел бледное, тонкое лицо. Волосы скрывала глубоко надетая шерстяная шапка. С момента прихода Адама мальчик неподвижно стоял перед батальным полотном Пола Нэша. Дэлглиш и сам хотел рассмотреть картину повнимательнее, и они минуту простояли бок о бок, молча.

Эту работу, называвшуюся «Пашндейл-2», он видел впервые. В неуклюжих мертвых телах было все: ужас, тщета, боль. Наконец нашлась картина, которая оказалась доходчивее любых слов. Изображенная здесь война — не его. И не его отца. Она теперь почти стерлась из памяти ныне живущих мужчин и женщин. Способен ли какой-нибудь современный конфликт вызвать такую неизбежную печаль?

Посетители музея стояли молча, каждый со своими мыслями. Дэлглиш уже хотел идти дальше, как вдруг мальчик спросил:

— Как вы думаете, это хорошая картина?

Серьезный вопрос пробудил в Дэлглише, не хотевшем показаться знатоком, какую-то осторожность и нерешительность.

— Я не художник, не искусствовед. Думаю, что картина хорошая. Я бы с удовольствием повесил ее у себя дома.

При всей беспросветности, ей найдется место в просторной квартире над Темзой. Эмма была бы счастлива видеть ее там. Она поделила бы его нынешние чувства.

— Раньше она висела в доме моего деда, в Суффолке. А он приобрел ее в память о своем деде, погибшем у Пашндейла.

— Как картина попала сюда?

— Ее хотел заполучить Макс Дюпейн. Он ждал до тех пор, пока дед не оказался на мели, и купил ее по дешевке.

Дэлглишу никак не удавалось придумать подходящий ответ. Через минуту он спросил:

— Вы часто приходите на нее посмотреть?

— Да. Они не могут этого запретить. Когда я на пособии, мне не нужно платить. — Мальчик отвернулся и добавил: — Забудьте мои слова. До сих пор я никому об этом не рассказывал. Я рад, что вам понравилась картина.

И он ушел. Чем спровоцировано это неожиданное признание? Может быть, они чем-то незримо обменялись, пока молча стояли перед картиной? Конечно, мальчик мог врать, и все же Дэлглиш так не думал. Он только поражался дотошности Дюпейна. Решив ничего не рассказывать Акرويدу о встрече у картины, Дэлглиш еще раз медленно прошелся по комнате и отправился назад, в Комнату убийств.

Конрад сидел в кресле у камина; на столе перед ним были разложены книги и периодика. Уходить он пока не собирался.

— По делу Уоллеса теперь есть другой подозреваемый, — сообщил Акرويد. — Ты знал? До недавнего времени о нем ничего не было известно.

— Да, слышал. Если я не ошибаюсь, его звали Парри. Он тоже мертв. Ты не раскроешь это убийство, Конрад. И потом, тебя интересует убийство в связи с его эпохой, а не разгадка преступления.

— Мы по верхам не скажем, старина. Хотя вообще-то ты прав. Я не должен разбрасываться. Если тебе пора ехать — поезжай, обо мне не беспокойся. Я тут собрался в библиотеку. Хочу сделать несколько копий. Останусь до закрытия, до пяти. Мисс Годбай любезно предложила подбросить меня до метро. Какое доброе сердце бьется в этой внушительной груди!

Несколькими минутами позже Дэлглиш, полный впечатлений, ехал обратно. Годы между войнами. «Потерянное поколение», память, обожженная ужасами Фландрии. Англия, которую ждал близкий позор, продралась сквозь это время и смогла миновать большую опасность. Те десятилетия оказались эпохой потрясающего многообразия и небывалых общественных изменений. И все же чем они так привлекали Макса Дюпейна, посвятившего жизнь их описанию? В конце концов, он этим увековечивал собственное время. Он покупал первые издания книг, сохранял газеты и журналы. «Обломки эти среди моих руин — опоры»*. Вот оно! Значит, Дюпейн увековечивал сам себя? И музей, основанный им и на-

* «Обломки эти среди моих руин — опоры». — Т. Элиот. «Бесплодная земля».

званный его именем, — жертва, охраняющая от забвения? Быть может, в этом и заключается привлекательность любого музея? Поколения ушли, но то, что ими создано, нарисовано, написано, их устремления и результаты — здесь. Хотя бы отчасти. Создавая мемориалы не только прославленным, а еще и многим безымянным жертвам, не надеемся ли мы упрочить собственное бессмертие?

Впрочем, у Адама не было особого желания развлекаться мыслями о прошлом. Грядущие выходные целиком уйдут на писанину, и все последующие будни Дэлглишу придется работать по двенадцать часов в сутки. А вот выходные через неделю свободны, и нет ничего, что могло бы ему помешать. Тогда он увидит Эмму, и от мысли о встрече с ней ему будет все это время светло. Ожидание и сейчас наполняет его надеждой. Дэлглиш чувствовал себя беспомощным, как впервые влюбившийся мальчик, осознавая, что через этот кошмар уже проходил: единственное слово — и он отвержен. Но по-иному он не мог поступить. Надо набраться смелости, пойти на риск и, самое главное, поверить, что она, быть может, его любит. В следующие выходные он найдет время, место и те главные слова, которые или разделят их, или навсегда соединят.

Вдруг Дэлглиш заметил синюю метку, все еще приклеенную к пиджаку. Он отодрал ее, скатал в шарик и сунул в карман. Адам был рад, что побывал в этом музее. Новые приятные впечатления. Увиденное ему большей частью понравилось. И все же, сказал Дэлглиш себе, он сюда не вернется.

3

В своем офисе, окна которого выходили на Сент-Джеймс-парк, самый старший из Дюпейнов освобождал стол. Он действовал методично, вдумчиво и без спешки, как в любом другом служебном деле. Расставлять было почти

нечего, а забирать с собой и того меньше: почти все служебные бумаги уже унесли. Час назад пришел одетый в форму курьер и захватил с собой последнюю папку, в которой содержались последние минуты службы Дюпейна. Финальное опорожнение корзины для исходящих бумаг произошло так бесцеремонно и спокойно, будто ничего особенного не случилось. Дюпейн постепенно освобождал полку от своих многочисленных книг. Остались служебные издания, криминальная статистика, чистая бумага, Арчболд и копии последних законопроектов. Теперь другие руки разложат здесь иные книги. Дюпейн полагал, что знает, чьи это будут руки. Он считал это продвижение незаслуженным и преждевременным, но его преемник был из тех счастливичков, кого чиновники называют птицами высокого полета.

Когда-то его самого считали таким. К тому времени как Дюпейн дослужился до заместителя министра, о нем заговорили как о первом претенденте на пост главы министерства. Тогда бы он получил титул и уходил в отставку как сэр Маркус Дюпейн; компании в Сити выстраивались бы в очередь, желая заполучить его в качестве директора. Этого ждала Элисон, этого ждал сам Дюпейн. Честолюбивые замыслы он претворял в жизнь упрямо, однако головы не терял, осознавая непредсказуемость успеха. Светскость его жены была беспредельна и почти неприлична. Иногда ему казалось, что она вышла за него замуж, только чтобы вращаться в свете. Элисон старалась при каждом удобном случае продемонстрировать успешность мужа. Любой обед был не встречей друзей, а очередной операцией в тщательно продуманной кампании. Мысль, что она не может повлиять на его карьеру, что жизнь вне офиса не играет никакой роли (если только не вызывает общественного порицания), — такая мысль не посетила ее ни разу. Надо было сказать при случае: «Я не собираюсь становиться ни епископом, ни директором школы, ни премьер-министром. Меня не проклянут и не уволят на том основании, что бордо отдавало пробкой».

В портфеле лежала прихваченная из дома тряпка для пыли; протирая стол, на дне левого ящика Маркус нащупал

огрызок карандаша. Сколько лет он там провалялся? Дюпейн осмотрел испачканные в пыли пальцы, вытер их о тряпку, которую затем аккуратно сложил, оставив грязь внутри, и убрал в холщовую сумку. Портфель он оставил на столе. Золотая королевская эмблема потускнела, но все еще будила воспоминания. В день, когда ему вручили этот портфель, эмблема ярко блестела, как и персональный жетон.

На непременный прощальный коктейль Маркус всех собирал еще до ленча. Постоянный заместитель министра подозрительно бегло проговорил дежурные комплименты: ему было не впервой*. Заглянул сам министр. Он всего лишь раз, и то украдкой, посмотрел на часы. Царила исполненная фальши дружеская атмосфера, перемежаемая принужденным молчанием. К половине второго люди начали разбредаться. Как-никак пятница. Впереди выходные.

В последний раз закрыв дверь своего офиса, Дюпейн вышел в пустой коридор. Эмоции отсутствовали; это его удивляло и немного беспокоило. Должен же он хоть что-нибудь чувствовать! Сожаление, тихую печаль, легкий приступ ностальгии, просто значимость момента. Маркус не ощущал ничего. На входе сидели все те же два чиновника, и оба были заняты. Последнее обстоятельство избавило его от необходимости говорить неловкие прощальные слова. Он решил пройти к Ватерлоо своим любимым маршрутом: через Сент-Джеймс-парк, вниз по Нортумберленд-авеню и по Хангерфордскому мосту. Дюпейн в последний раз прошел сквозь качающиеся двери, затем пересек Бердкейдж-уок, и его окружил свежий, по-осеннему неряшливый парк. На середине моста через озеро Маркус привычно задержался, чтобы полюбоваться крышами и башнями Уайтхолла. Рядом стояла мама, у которой в трехколесной детской коляске лежал укутанный малыш. Около нее другой ребенок, только научившийся ходить, кидал уткам хлеб. Птицы ссорились,

* Постоянный заместитель министра непосредственно руководит деятельностью аппарата министерства; при смене правительства сохраняет свой пост.

кружились в водовороте и отпихивали друг друга. Эту сцену Маркус Дюпейн наблюдал в течение двадцати лет во время каждодневных послеобеденных прогулок. На этот раз она пробудила в нем неприятные воспоминания об одной встрече, случившейся неделю назад.

Тогда он шел тем же путем. Здесь стояла невысокая плотная женщина в теплом пальто. Она кормила уток корками от своих бутербродов. Вокруг никого не было. Бросив последнюю корку, женщина повернула голову и, увидев Дюпейна, неуверенно улыбнулась. Еще подростком Маркус считал неожиданные проявления чувств со стороны незнакомого человека отвратительными и даже пугающими; он, не улыбнувшись, кивнул и быстро зашагал прочь. Отрывистый, пренебрежительный жест Маркуса выглядел так, будто она его домогалась. И только на ступенях колонны герцога Йоркского его осенило. Он знал эту женщину. Это была Талли Клаттон, работавшая в музее экономкой и до сих пор появлявшаяся перед ним в одном и том же наглухо застегнутом коричневом халате. Воспоминание подняло в нем волну раздражения — и на нее, и на себя. Эту дурацкую ошибку надо исправить при первой же встрече. Дело осложняется тем, что речь, возможно, пойдет о ее будущем. Коттедж, в котором она живет бесплатно, стоит как минимум триста пятьдесят фунтов в неделю. Хэмпстед недешев, особенно Хэмпстед с видом на Хит. Если он решит искать ей замену, бесплатное жилье будет дополнительным козырем. Они смогут привлечь семейную пару: жена будет убирать дом, а муж займется садом. С другой стороны, Талли Клаттон работала очень добросовестно и была на хорошем счету. На фоне других многочисленных проблем, ждущих его вмешательства, неразумно начинать с болезненных изменений внутреннего распорядка. Кэролайн само собой будет сражаться, отстаивая и Клаттон, и Годбай. Маркус очень хотел обойтись без сражений с сестрой. С Мюрел Годбай проблем не было: ее устраивает скромное жалованье и она исключительно компетентна. Редкое сочетание по нынешним временам. Правда, могут воз-

никнуть трудности с распределением ролей. Годбай считала себя подчиненной Кэролайн, что вполне естественно, так как работу ей дала сестра. Впрочем, с этим можно подождать до подписания нового соглашения. Тогда останутся обе женщины. А мальчик, Райан Арчер, не будет очень удержаться за свое место. У молодых нет такой привычки.

«Если бы я только мог испытывать страсть хоть к чему-нибудь». Карьера давно не приносила удовлетворения. И даже музыка теряла свое очарование. Маркусу вспомнилось последнее занятие, где они с преподавателем играли концерт Баха для двух скрипок. Его исполнение отличалось аккуратностью, даже чуткостью, но сердце оставалось безучастным. Полжизни он провел в тщательно выверенном нейтралитете, в любом споре осторожно фиксируя аргументы обеих сторон, — и дух его, похоже, ослаб. Правда, сейчас забрезжила надежда. Быть может, ему удастся найти радость и удовлетворение, взяв на себя управление музеем, носящим его имя? «Мне нужен этот музей. Я могу принести ему успех. Невил его у меня не отберет. Я не собираюсь предоставлять ему такую возможность». Уже когда он переходил дорогу у Атенеума, недавнее прошлое начало его отпускать. Воскрешение музея — вот что вернет интерес к жизни, заменит и искупит мертвые, серые годы.

Маркус возвращался в свой уимблдонский особняк, обыкновенный и скучный. Он шел по дороге, усыпанной листьями, и его нынешнее возвращение ничем не отличалось от прежних. Гостиная сияла, как и всегда. Из кухни слышался легкий, ненавязчивый запах обеда. Элисон сидела перед обогревателем и читала «Ивнинг стандед». Аккуратно сложив газету, она встала мужу навстречу.

— Приходил министр внутренних дел?

— Нет. Его и не ждали. Был наш министр.

— Прекрасно. Они всегда старались показать, как к тебе относятся. Ты никогда не получал того, что заслуживал.

Маркус ждал большей злобы. Глядя на жену, он почувствовал в ее голосе скрытое возбуждение, смесь вызова и чувства вины. Она сказала:

— Займись хересом, дорогой, будь добр. В холодильнике стоит непочатая бутылка.

Нежность была делом привычки. В течение двадцати трех лет их совместной жизни Элисон создавала образ счастливой жены, которой повезло с мужем. Другие браки могли позорно распадаться — ее был нерушим.

Маркус поставил поднос на стол.

— Я обедала с Джимом и Мависом. Они на Рождество едут в гости, в Австралию. В Сидней. Там живут Мойра и ее муж. Я, возможно, поеду с ними.

— Джим и Мавис?

— Калверты. Ты должен их помнить. Мы обе входим в комитет «Помогайте старикам». Они обедали у нас месяц назад.

— Та, рыжая? У которой пахнет изо рта?

— Обычно не пахнет. Она, наверное, что-нибудь съела. Ты же знаешь, Стивен и Сьюзи давно зовут нас в гости. Опять же внуки. Очень уж заманчиво лететь в компании. Жалко упускать такой случай. Должна признаться, что сама я побаиваюсь. Джим, возможно, устроит нам места классом выше тех, что мы заказывали. Он большой специалист по этой части.

— Наверное, у меня не получится поехать в Австралию ни в этом году, ни в следующем, — сказал Маркус. — У меня — мюзей. Я беру дело в свои руки. И кажется, я это уже объяснял. Придется выходить на полный рабочий день. Во всяком случае, поначалу.

— Дорогой, я все понимаю, но ты можешь объявить забастовку и на пару недель приехать. Убежать от зимы.

— Сколько ты там собираешься пробыть?

— Месяцев шесть. А то и год. Ехать в такую даль на меньший срок бессмысленно. Не знаю, как мне дастся перелет. И я не буду жить все это время у Стивена и Сьюзи. Никому не хочется общаться со свекровью несколько месяцев подряд. Джим и Мавис хотят путешествовать. С нами едет Джек, брат Мависа, так что нас будет четверо, и я не буду чувствовать себя лишней. Группы по трое не бывают удачными.

Их брак распадался. Удивительно, как мало его это трогало.

— Мы ведь можем себе такое позволить, не так ли? — продолжала Элисон. — Ты получил единовременное выходное пособие?

— Да, мы можем позволить.

Маркус смотрел на жену совершенно равнодушно, будто разглядывал незнакомого человека. В свои пятьдесят два Элисон все еще оставалась привлекательной и смогла сохранить изящество, в котором не осталось почти ничего живого. Она даже была желанной. Только нечасто и, следовательно, без особой страсти. Обычно они занимались любовью после некоторого перерыва, под воздействием выпивки и привычки. Хватало их ненадолго. Им нечего было друг о друге узнавать — да и не хотелось. Маркус понимал, что эти безрадостные спаривания она считала подтверждением того, что их брак еще существует. Элисон могла ему изменять, однако оставалась при этом в рамках приличий. В ходе своих измен она вела себя скорее благоразумно, нежели скрытно. Элисон делала вид, что ничего не было; он делал вид, что ничего не заметил. В основе их брака лежал негласный конкордат. Маркус обеспечивал доход, Элисон окружала его уютом, отслеживала его предпочтения, прекрасно готовила, избавляла от любой работы по дому. Ни один не злоупотреблял хорошим отношением другого. В общем, у них получился брак по расчету. Элисон была хорошей матерью Стивену, их единственному ребенку, и преданной бабушкой своим внукам. Ее в Австралии ждали больше, чем его.

Вывалив новости, Элисон расслабилась.

— Что ты будешь делать с этим домом? — спросила она. — Тебе не понадобится столько места. Он стоит около семисот пятидесяти тысяч. Ролинсоны выручили за свой «Хай триз» шестьсот тысяч. Правда, им пришлось повозиться. Если захочешь продать его до моего приезда, я не против. Извини, что не смогу тебе помочь, но все, что тебе нужно, — это хорошая фирма по перевозке мебели.

Так она все-таки думает о возвращении, пусть и ненадолго. Может быть, новое приключение не будет отличаться от прежних. За исключением продолжительности. А потом придется уладить несколько вопросов. В частности, с ее долей от этой суммы.

— Да. Я, наверное, продам. Хотя спешить некуда.

— Не мог бы ты переехать в квартиру при музее? Так проще всего.

— Кэролайн не согласится. Для нее та квартира — собственный дом. С тех пор, как она унаследовала ее от отца.

— Однако постоянно она там не живет. У нее есть квартира при школе. Ты мог бы жить там все время и заодно приглядывать за музеем. Насколько я помню, это хорошее место. Просторное. Полагаю, тебе там будет очень уютно.

— Кэролайн необходимо время от времени уезжать из школы. Она согласилась на содействие и сохранение музея в обмен на квартиру. Мне нужен ее голос. Ты знаешь об условиях договора.

— Никогда не могла в них разобраться.

— Очень просто. Для принятия любого решения по музею, в том числе для продления аренды, необходимо согласие всех трех доверенных лиц. Если Невил не подпишет договор, музей будет закрыт.

Тут Элисон разозлилась по-настоящему. Она могла уходить от мужа к любовнику, оставаться вдалеке и возвращаться, когда ей вздумается, однако при любом столкновении с семьей жена будет на его стороне. За его желания — или за то, что она под этим понимала, — Элисон сражалась совершенно безжалостно.

— Тогда вы с Кэролайн должны его заставить! — закричала она. — Что ему стоит, в конце-то концов? У него своя работа. Ему этот музей всегда был по фигу! Ты не должен разрушать свою жизнь лишь потому, что Невил не хочет подписать лист бумаги! Ты должен прекратить этот идиотизм!

Маркус взял бутылку с хересом, подошел к жене и наполнил их бокалы. Они подняли их одновременно, как в клятве.

— Да, — сказал он серьезно, — если возникнет необходимость, я найду на Невила управу.

4

Субботним утром, ровно в десять часов, в директорском кабинете колледжа Суотлинг на еженедельное совещание собрались леди Суотлинг и Кэролайн Дюпейн. Это полуофициальное мероприятие отменялось только в случае крайней необходимости, и на протяжении его полагался только один перерыв: в одиннадцать часов приносили кофе. Таков был установившийся стиль общения. И обстановка кабинета ему соответствовала. Женщины сидели в одинаковых креслах, лицом друг к другу, у большого стола из красного дерева, который стоял напротив широкого южного окна. Под этим окном, на лужайке, росли ухоженные розовые кусты. На их обнаженных ветвях виднелись шипы. В рыхлой почве не было сорняков. Дальше, за лужайкой, поблескивала тусклым серебром Темза.

Дом в Ричмонде был главной собственностью леди Суотлинг, которой теперь совместно управляли она и Кэролайн. Школу основала ее свекровь. Затем здание перешло к ее сыну и, наконец, к невестке. До прихода Кэролайн Дюпейн, под руководством одной леди Суотлинг, не делалось ничего — что со школой, что со зданием. Дом, помнивший и хорошие, и плохие времена, оставался все таким же прекрасным. Как, впрочем, и его хозяйка. Так считала она сама, так думали окружающие.

Леди Суотлинг никогда не задавалась вопросом, нравится ли ей ее компаньонка. Такие вопросы были ей несвой-

ственны — о ком бы ни шла речь. Люди могли быть полезными или нет, приемлемыми для общения или не заслуживающими ее внимания. Леди Суотлинг предпочитала, чтобы ее знакомые были хороши собой; если же кому-то из них не повезло с генами или судьбой, то им следовало по крайней мере следить за своей внешностью и делать все, что в их силах. Входя в директорский кабинет, она обязательно бросала взгляд в большое овальное зеркало, висящее у двери. Действие стало машинальным: все и так было в порядке. Седые волосы аккуратно уложены в дорогой парикмахерской. При этом все сделано без излишней тщательности, чтобы окружающие не решили, будто она на этом зациклена. Дорогая юбка доходит до середины голени — длина, приверженность которой леди Суотлинг пронесла сквозь все капризы моды. На кремовую шелковую блузку с бросающейся в глаза небрежностью накинута кашемировая кофта. Она понимала, что производит впечатление процветающей, успешной женщины, способной устроить собственную жизнь. Это в точности совпадало с ее ощущениями. В пятьдесят девять важно то же, что и в восемнадцать: происхождение и хорошая осанка. Ее внешность и ее титул представляли ценность и принадлежали школе. Тут нужны уточнения. Баронский титул, как известно, дается за заслуги скорее перед премьер-министром и своей партией, нежели перед страной, но сегодня только наивный или несведущий может беспокоиться или даже удивляться этому. Все равно титул есть титул.

Страсть леди Суотлинг к зданию школы не имела ничего общего с ее чувствами к человеческим существам. При входе ее всегда охватывало удовлетворение от мысли, что дом принадлежит ей. Школа, носящая ее имя, наконец-то процветала. Денег вполне хватало на уход за домом и садом, кое-что даже оставалось. Она понимала, что обязана этим успехом Кэролайн Дюпейн. Леди Суотлинг помнила каждое слово из их разговора, состоявшегося семь лет назад. Кэролайн, которая к тому моменту семь месяцев работала ее секретаршей, предложила свой план реформ. Она действовала смело, не

дожидаясь приглашения. Ею явно двигала ненависть к беспорядку и неуспеху, а не личные амбиции.

— Если мы не начнем меняться, показатели будут снижаться и дальше. Говоря начистоту, проблем две: мы не обеспечиваем соответствующее цене качество, и мы не знаем, зачем вообще нужны. Обе роковые. Мы не можем оставаться в прошлом, и нынешняя политическая ситуация нам на руку. Сегодня посылать девочек учиться в другую страну нет никакого смысла: дети богатых родителей каждую зиму ездят в Клостерс кататься на горных лыжах. Мир полон опасностей, и, похоже, их становится все больше. Родители все чаще хотят, чтобы подготовка их дочерей к выходу в свет производилась в Англии. Что мы понимаем под «выходом в свет»? Это понятие устарело, и у молодежи оно вызывает чуть ли не смех. Бессмысленно предлагать обычный набор: готовка, умение составлять букеты, уход за детьми, манеры и, в качестве бесплатного приложения, немного культуры. При желании они могут почти все это получить бесплатно, в вечерних классах при муниципалитете. Мы должны от них отличаться. Надо покончить с автоматическим зачислением лишь на основании папиной платежеспособности. Эти идиотки необучаемы: у них нет желания учиться. Они портят других и всем мешают. Никаких психологически несовместимых — здесь не психиатрическая лечебница для привилегированных. Никаких трудных подростков. Кражи в Харродз или Харви-Никс ничем не отличаются от воровства в Вулворте*, несмотря на мамочкин счет и папочкины выплаты полиции.

Леди Суотлинг вздохнула:

— В прежние времена можно было не сомневаться, что человек определенного происхождения будет вести себя соответствующим образом.

— Неужели? Я этого не заметила. Самое главное — качество, — продолжила Кэролайн, не желая останавливаться. — Каждый год или полтора учащиеся должны быть в состоянии продемонстрировать какой-то результат собственных усилий.

* Противопоставляются дорогие и дешевые магазины.

Взимаемую нами плату нужно оправдывать — видит Бог, она достаточно высока. Прежде всего ученики должны уметь пользоваться компьютером. Секретарские и управленческие навыки всегда в цене. Затем — свободное владение одним иностранным языком. Если один язык уже есть, давать второй. В программу стоит включить готовку. Она доступна, практична и ценится в обществе, только учить надо по высшему разряду. Другие предметы — светские навыки, уход за ребенком, манеры — по желанию. Изящные искусства — не проблема. Нам доступны частные коллекции, а Лондон в двух шагах. Я думаю, мы могли бы обмениваться студентами со школами в Париже, Мадриде и Риме.

— По силам ли нам все это? — спросила леди Суотлинг.

— Первые два года будет тяжело, а потом реформы начнут давать плоды. Слова «я провела год в Суотлинг» должны что-нибудь значить. Должны предполагать владение какими-то умениями, пользующимися спросом. Как только мы станем престижными, показатели не заставят себя ждать.

И они не заставили. Суотлинг стал воплощением идей Кэролайн Дюпейн. Леди Суотлинг, никогда не забывавшая зла, помнила и добро. Кэролайн сначала вошла в правление, а затем стала партнером. Леди Суотлинг понимала, что без нее самой школа процветать будет, а вот без ее коллеги — нет. Оставалось последнее. В своем завещании леди Суотлинг могла и здание, и школу оставить Кэролайн. У нее не было ни детей, ни близких родственников — никого, кто мог бы это оспорить. А поскольку и Кэролайн овдовела — Рэймонд Пратт разбился, врезавшись на своем «мерседесе» в дерево, — не было опасности, что муж захватит ее долю. Леди Суотлинг еще не говорила с компаньонкой на эту тему. Спешить, в конце концов, некуда. У них и так все шло замечательно. И ее радовало осознание своей силы хотя бы в этой ситуации.

Они методично проработали все вопросы.

— Вы довольны этой новой девочкой, Маршей Колинсон? — спросила леди Суотлинг.

— Более чем. Мать у нее дура, а вот к ней самой это не относится. Она пыталась поступить в Оксфорд, но не прошла. Подготовительные курсы ей не нужны: у нее и так высокие оценки. Марша собирается в следующем году повторить попытку, надеясь, что ее настойчивость не останется без вознаграждения. Похоже, вопрос для нее стоит так: или Оксфорд, или ничего. Не самый разумный подход, учитывая тамошний конкурс. Приди она туда из государственной системы образования, шансов у нее было бы больше. И не думаю, что проведенный здесь год сильно ей поможет. Марша хочет профессионально освоить компьютер. Это ее главный приоритет. Язык она выбрала китайский.

— А с этим не будет проблем?

— Не думаю. Я знаю в Лондоне одного аспиранта, который с удовольствием давал бы частные уроки. Девочке не нужно терять за границей целый год. Кажется, судьба человечества ей безразлична. По ее словам, этого хватало в школе, и в любом случае служба за рубежом — «лишь разновидность благотворительного империализма». Она озвучивает модные предрассудки, однако у нее есть мозги.

— О, прекрасно. Только если ее родители в состоянии платить за обучение.

Они продолжили работу. Во время кофе леди Суотлинг сказала:

— На прошлой недели я встретила Селию Меллок. В Харви-Николз. В разговоре она упомянула музей Дюпейна. Я ничего не поняла. В конце концов, она была у нас только два триместра. Селия удивлялась, что учащиеся ни разу там не побывали.

— Искусство того времени не входит в программу, — ответила Кэролайн. — И современную девушку не особенно интересуют двадцатые — тридцатые. Как вам известно, в этом семестре мы сосредоточились на искусстве нашего времени. Визит в Дюпейн возможен, но посещение Тейта принесет больше пользы.

— Селия сказала странную вещь: в Дюпейне стоит побывать, и она вам очень благодарна за 1996-й. Она ничего не объяснила. Не могу понять, что Селия имела в виду.

Память леди Суотлинг была непредсказуема, но только не в отношении цифр и дат. Кэролайн снова наполнила ее чашку.

— Думаю, что ничего не значит. Я о ней слышать не слышала в 1996 году. Селия всегда старалась привлечь к себе внимание. Обычная история: единственный ребенок у богатых родителей, дающих ей все, кроме своего времени.

— Вы не собираетесь закрывать музей? С договором все в порядке?

Вопрос прозвучал вполне невинно. Кэролайн Дюпейн знала, что за ним кроется. Леди Суотлинг всегда ценила связь школы пусть с небольшим, но уважаемым музеем. В частности, поэтому она так поддерживала решение Кэролайн вернуть девичью фамилию.

— С договором все в порядке, — ответила Кэролайн. — Мой старший брат и я твердо решили: музей Дюпейна не закроется.

— А ваш средний брат? — не сдавалась леди Суотлинг.

— Конечно же, Невил согласится. Новый договор будет подписан.

5

Воскресенье, двадцать седьмое октября. Пять часов вечера. Кембридж. Под Гаррет-Хостел-бридж в потоке насыщенного охряного цвета шелестели ивы. На мосту стояли Эмма Лавенам, читающая лекции по английской литературе, и ее подруга, Клара Бекуит. Они смотрели на желтые листья, уносимые потоком, будто это все, что осталось от осени. Эмма не могла пройти через этот мост, не

задержавшись, не посмотрев на воду. Но Клара выпрямилась и сказала:

— Пойдем-ка. Последний отрезок Стейшн-роуд всегда занимает больше времени, чем рассчитываешь.

Клара приехала из Лондона, чтобы провести день с Эммой. Они болтали, ели, прогуливались по Феллоуз-гарден. Во второй половине дня им захотелось поразмяться, и было решено пойти к станции самым длинным путем: позади колледжей, а потом через город. Эмма любила Кембридж, каким он был в начале учебного года. Лето в ее представлении — это переливающиеся в жарком мареве камни, тенистые лужайки, аромат цветов, отражающийся от блестящих, залитых солнцем стен, плоскодонки, энергично и умело ведомые сквозь сверкающую воду или спокойно покачивающиеся у ветви, танцевальная музыка вдалеке, перекликающиеся голоса. И все же не этот триместр был ее любимым. В лете присутствовала какая-то вселяющая беспокойство неистовость, исходящая от поглощенной собой молодости. Там были травмы, связанные с экзаменами, горячка последних минут, когда хочется еще раз все просмотреть, бескомпромиссная погоня за быстро приедающимися удовольствиями и печальные мысли о неизбежности грядущих разлук. Эмма предпочитала первый триместр. Там — интерес к новичкам, рано задернутые занавески, за которыми остается ранний вечер и первые звезды, беспорядочный перезвон колоколов и, как и сейчас, Кембридж пахнет рекой, туманом и суглинком. Листопада в этом году не было долго. Какая ему предшествовала осень! Одна из самых замечательных на ее памяти. И все же он наконец начался. Фонари освещали тонкий темно-золотой ковер. Листья шуршали под ее ногами, и в воздухе чувствовался их вкус, слышался горько-сладкий зимний аромат.

Эмма шла с открытой головой. На ней были длинное твидовое пальто и высокие кожаные сапожки. Лицо обрамлял поднятый воротник. Рядом, тяжело ступая, шла Клара, одетая в короткую куртку с меховой подкладкой. Темную пря-

мую челку скрывала полосатая вязаная шапочка. Она была на три дюйма ниже подруги. На ее плече висела сумка. Там лежали купленные в Кембридже книги, но Клара, казалось, не чувствовала веса.

Клара влюбилась в Эмму в первый же их триместр. Она не впервые влюблялась в женщину, которая явно не была лесбиянкой. Клару, как и всегда, покорило это открытие, однако она перенесла очередное разочарование с привычным стоицизмом и задалась целью добиться дружбы с Эммой. Клара преподавала математику и достигла первой — бакалаврской — степени, говоря, что вторая степень настолько скучна, что о ней нельзя и думать. Три года вкалывать, сидя в сыром равнинном городе, можно только ради первой или третьей. И уж коли в нынешнем Кембридже все равно нельзя не заработать, почему бы еще чуть-чуть не поднапрячься. В науку ее не тянуло. Научная среда, утверждала Клара, мужчин делает или угрюмыми типами, или гордецами, а женщин, если у тех не появятся других интересов, более чем странными. После университета она немедленно перебралась в Лондон. К Эмминому и отчасти собственному удивлению, Клару увлекла карьера руководителя фонда в Сити, где ее ждали успех и весьма солидные доходы. Затем всеобщее процветание сменилось отливом, отрыгнулось неудачами и разрушенными иллюзиями, однако Клара уцелела. Она еще ранее объяснила Эмме свой неожиданный выбор.

— Я зарабатываю просто бешеные деньги. При этом на жизнь мне за глаза хватает трети, а остальное я куда-нибудь вкладываю. Мужики потому так расстраиваются, что они, как только получают премию в полмиллиона, сразу начинают жить, будто зарабатывают чуть не миллион в год: дорогой дом, дорогая машина, дорогая одежда, дорогая женщина, дорогая выпивка. И до смерти боятся, что их уволят. Фирма может уволить меня хоть завтра — мне более или менее все равно. Я намерена сделать три миллиона. Тогда я оттуда свалю и займусь чем-нибудь таким, что мне действительно нравится.

— Например?

— Мы с Энни подумываем открыть ресторан рядом с одним из современных университетских городков. Там всегда существует некоторое количество клиентов, которым некуда деться. Им позарез нужно качественное питание по приемлемым ценам: домашний суп, салаты, состоящие из чего-то более существенного, чем порубленная зелень с половинкой помидора. Еда в основном вегетарианская, но с выдумкой. Где-нибудь в Суссексе, близ Фалмера. Такова идея. Энни вполне готова, хотя у нее есть чувство, будто мы должны сделать что-нибудь полезное для общества.

— Что может быть нужнее обществу, чем качественная пища для молодежи по приемлемым ценам?

— Когда дело доходит до необходимости потратить миллион, Энни начинает думать в интернациональном ключе. У нее что-то вроде комплекса матери Терезы.

Они пошли дальше, храня доброжелательное молчание. Клара спросила:

— Как Гайлз воспринял твою измену?

— Плохо, как ты и предполагала. На его лице сменилось несколько чувств подряд: удивление, недоверие, жалость к себе и гнев. Он был похож на актера, пробующего перед зеркалом разные выражения. И как это я могла ему понравиться?

— Но ведь понравилась!

— Это было несложно.

— Он думал, ты его любишь.

— Нет. Гайлз думал, что я считаю его столь же обворожительным, как это кажется ему самому, и что я буду не в силах удержаться от замужества, если он снизойдет до предложения.

Клара рассмеялась:

— Эмма, осторожней. В твоих словах слышится горечь.

— Нет, всего лишь искренность. Нам обоим нечем гордиться. Мы использовали друг друга. Он обеспечивал мой покой. Я была девушкой Гайлза, и никто не смел ко мне притронуться. Главенство доминирующего самца признается даже в академических джунглях. Меня оставили в покое и

дали возможность сосредоточиться на том, что действительно важно: на моей работе. Восхищаться тут нечем, однако все было по-честному. Я не говорила, что люблю его. Эти слова я не говорила никому и никогда.

— А теперь тебе хочется говорить их и слышать их. От офицера полиции. И к тому же от поэта. Впрочем, от поэта — это я еще могу понять. Правда, что за жизнь вас ждет? Сколько времени вы провели вместе с вашей первой встречи? Четыре свидания из назначенных семи? Быть на подхвате у министра внутренних дел, комиссара полиции, высших чинов министерства — для Адама Дэлглиша это, наверное, верх блаженства. А для тебя? Его жизнь в Лондоне, твоя — здесь.

— Не всегда причиной был Адам, — вставила Эмма. — Однажды пришлось отменить мне.

— Четыре свидания, не считая вашей первой встречи, об обстоятельствах которой не знаешь, что и сказать. Убийство все-таки не совсем обычный повод для знакомства. Ты его, может статься, и не знаешь.

— Я знаю достаточно. И невозможно знать все. Кому это по силам? Любовь к Адаму не дает мне права запросто входить в его мысли, будто в собственную комнату при колледже. Адам — самый замкнутый человек из тех, кого я когда-либо встречала. И все равно я знаю о нем главное.

Так ли это? Эмма задумалась. Адам постоянно имел дело с разломами в человеческом сознании, с притаившимися там кошмарами. А она даже не пыталась в них разобраться. И вовсе не та жуткая сцена в церкви Святого Ансельма открыла ей глаза. О том, какой вред могут друг другу наносить человеческие существа, Эмма знала из литературы; что до Адама, то в тщательном исследовании этих вопросов состояла его работа. Ранним утром, отходя ото сна, она иногда представляла его: с лицом в маске, в гладких, блестящих, обезличивающих латексных перчатках. До чего только не дотрагивались эти руки! Она повторяла про себя вопросы, на которые едва ли когда-нибудь найдет ответы. Зачем ты это делаешь? Тебе это нужно как поэту? Почему ты выбрал такую работу? Или это она тебя выбрала?

— А еще эта женщина, которая с ним работает, — сказала Эмма. — Кейт Мискин. Она входит в его команду. Я наблюдала за ними. Адам — ее начальник, она называет его «сэр» — прекрасно, но я видела братство, своего рода близость, недоступную, казалось, никому, кто не является офицером полиции. Это его мир. Я не вхожу туда. И никогда не стану вхожа.

— Не понимаю, почему ты должна этого желать. В его мире полно всякого дерьма. И Адам не вхож в твой.

— Адам мог бы войти. Он поэт. Ему понятен мой мир. Мы можем говорить на эти темы, и мы в самом деле говорим. Но мы не касаемся его дел. Я даже не бывала в его квартире. Знаю, что он живет в Куинхит, над Темзой, но не видела его дома. Могу лишь воображать. И это также часть его мира. Если Адам меня когда-нибудь туда пригласит, я буду знать, что все в порядке: он хочет, чтобы я вошла в его жизнь.

— Не исключено, что он пригласит тебя в следующую пятницу. Кстати, когда ты думаешь подтянуться?

— Я думаю поехать на каком-нибудь дневном поезде и быть в Патни около шести — если ты не собираешься никуда уходить. Адам обещал заехать за мной в четверть девятого, если ты не против.

— Хочет избавить тебя от мороки с поездкой через весь Лондон на своих двоих. Он хорошо воспитан! И прибудет с примирительным букетом красных роз?

Эмма рассмеялась:

— Нет, Адам приедет без цветов. А если и с цветами, то это будут не красные розы.

Они дошли до памятника жертвам войны, стоящего в конце Стейшн-роуд. На покрытом изображениями постаменте высилась статуя широко шагающего молодого воина, великолепного в своем безразличии к смерти. Когда отец Эммы преподавал в колледже, няня водила их с сестрой в близлежащий ботанический сад. По пути домой они делали небольшой крюк, чтобы выполнить нянино предписание и помахать этому солдату. Няня, которую Вторая мировая ос-

тавила вдовой, давно мертва, как и мать и сестра Эммы. Остался только ее отец, живущий теперь в многоквартирном доме у Марилебона, один среди книг. Эмма, проходя мимо памятника, всегда испытывала острое чувство вины от того, что она больше не машет. Ей казалось, она умышленно вызывает неуважение — и не только к погибшим.

На платформе уже начались затяжные прощания между ждущими поезда влюбленными. Несколько парочек прогуливались, держась за руки. А вот одна пара настолько крепко прижалась к стене комнаты ожидания, что выглядела склеенной.

— Тебе претит сама мысль о любовной карусели? — неожиданно спросила Эмма.

— То есть?

— Ритуал спаривания в его современной разновидности. Ты знаешь, как это бывает. В Лондоне ты, возможно, видела больше, чем я здесь. Девочка знакомится с мальчиком. Они друг другу нравятся. Идут в постель, нередко после первого же свидания. У них или получается, и тогда они признаны в качестве пары, или нет. Иногда все закачивается следующим же утром, когда она видит, в каком состоянии ванна, как тяжело извлечь его из постели и отправить на работу, его очевидную уверенность в том, что выжимать апельсины и делать кофе — ее обязанность. Так все обычно и происходит, не правда ли? Ты знаешь хоть один случай, когда она оставалась у него жить?

— Мэги Фостер осталась у своего парня, — ответила Клара. — Ты ее, наверное, не знаешь. Преподает математику в Кингз и обладает квартирой с двумя спальнями и одной ванной комнатой. Все считают, что квартира Грега больше подходила для его работы. Кроме того, он не хотел возиться с перевешиванием своих акварелей восемнадцатого века.

— Хорошо, Мэги Фостер твоя. Они остались вместе. У них тоже может получиться или не получиться — только разрыв, конечно, повлечет больше грязи, трат и, как всегда, страданий. Обычное дело при обязательствах, которые один тре-

бует, а другой не может на себя взять. Или у них все получится. Они решат признать свои отношения или пожениться. Обычно причина — в страстном желании женщины завести ребенка. Мама начинает планировать свадьбу, папа подсчитывает затраты, тетушка покупает новую шляпку. Окружающие испытывают облегчение. Победа в еще одной стычке с хаосом, царящим нынче в обществе и нравах.

— Ладно, все лучше ритуала, имевшего место во времена наших бабушек и дедушек, — рассмеялась Клара. — Моя бабушка вела дневник, там все это есть. Она была дочерью успешного юриста, проживающего в Лемингтон-Спа. О работе, конечно, не могло быть и речи. Закончив школу, бабушка жила дома и занималась тем, чем занимаются все дочери, пока их братья учатся в университете: составляла букеты, подавала чашки во время чаепитий, слегка участвовала в пристойной благотворительности — но только не такой, где есть опасность соприкоснуться с мерзостью нищеты, — отвечала на скучные письма от родственников, до которых у ее матери не доходили руки, помогала с устройством праздников в саду. Тем временем матери, все поголовно, занимались организацией общественной жизни, желая обеспечить встречу своих дочерей с правильным мужчиной. Теннис, танцы в узком кругу, вечеринки в саду. В двадцать восемь девушка начинала беспокоиться, в тридцать выходила в тираж. Невзрачным, неловким и застенчивым оставалось уповать на Всевышнего.

— Помоги им Господь и в наши дни, им и теперь непросто, — сказала Эмма. — Система осталась столь же неприглядной, разве не так? Только теперь мы по крайней мере можем сами устроить свою жизнь. Есть альтернатива.

— Тебе-то не на что жаловаться, — ответила смеясь Клара. — В этой карусели ты будешь сидеть на сияющем скакуне, пресекая любые попытки пойти на бордаж. И почему карусель непременно двуполая? Все мы пребываем в состоянии поиска. Некоторым из нас повезло — не тому большинству, что довольствуется малым. А иногда малое оказывается лучшим из возможного.

— Я не хочу довольствоваться малым. Я знаю, чего и как хочу, и это не временное увлечение. Я знаю, что если лягу с Адамом в постель, а потом он со мной порвет, мне слишком дорого это обойдется. Постель не сделает меня более преданной, чем я есть сейчас.

К первой платформе с грохотом подкатил лондонский поезд. Клара опустила сумку, и подруги торопливо обнялись.

— Значит, до пятницы, — сказала Эмма.

Клара не удержалась и еще раз крепко прижала ее к себе.

— Если в пятницу он тебя опять продинамит, думаю, стоит задуматься, есть ли у ваших отношений будущее.

— Если продинамит, может, и задумаюсь.

Она стояла и глядела, пока поезд не скрылся из виду, но так и не помахала рукой.

6

Слыша слово «Лондон», Таллула Клаттон с детства воображала прославленный город, исполненный волнения и волшебства. Она говорила себе, что страсть ее детства и юности, бывшая почти телесной, не была абсурдом, не являлась навязчивой идеей: корнями она уходила в реальность. Талли была, в конце концов, уроженкой Лондона. Она появилась на свет в двухэтажном доме ленточной застройки, на узкой улице в Степни. Ее родители, дедушки, бабушки, в том числе бабушка по материнской линии, в честь которой ее и назвали, родились в Ист-Энде. Она имела право на этот город по рождению. Само ее выживание было счастливой случайностью, и когда у нее разыгрывалось воображение, Талли видела в этом руку провидения. В 1942 году улица была разрушена бомбежкой, и живой из-под обломков вытащили только ее. Талли тогда было четыре года. Ей казалось, что она помнит этот момент. Хотя, возможно, ей запомнились

тетины рассказы о своем спасении. С годами Талли теряла уверенность, помнила ли она слова тети или само событие: как ее вынесли на свет, всю серую от пыли, и при этом девочка смеялась и тянула обе руки, будто хотела обнять всю улицу.

Так Талли оказалась сосланной в магазинчик на углу, в пригород, в Лидс, где ее растили мамина сестра и ее муж, но какая-то ее часть осталась на той разрушенной улице. Ее растили добросовестно, осознавая свой долг, а может, и любили, однако ни тетя, ни дядя не отличались ни открытым нравом, ни привычкой четко выражать свои мысли, и Талли не знала, что такое любовь, и даже не ждала ее. Она оставила школу в пятнадцать лет; при этом некоторые из учителей отмечали ум девочки, но поделать ничего не могли. Они знали, что ее ждет магазин.

Когда молодой, приятный на вид бухгалтер, регулярно на пару с дядей проводивший у них ревизию, стал появляться чаще, чем необходимо, и проявлять к Талли интерес, казалось естественным принять его неуверенное предложение, увенчавшее предыдущие отношения. В конце концов, места хватало как в квартире над магазином, так и в ее постели. Ей было девятнадцать. Дядя и тетя не скрывали своего облегчения. Теперь за его услуги не надо было платить. Он помогал в магазине. Стало полегче. Талли радовалась регулярным, пусть и лишенным изобретательности соитиям и предполагала, что счастлива. Когда их дочери исполнилось девять месяцев, муж умер от сердечного приступа и все пошло как встарь: долгие часы, постоянное беспокойство о хлебе насущном, желанный и ненавистный звон дверного колокольчика, бесплодные попытки конкуренции с появившимися супермаркетами. Ее сердце разрывалось от отчаяния и жалости, когда она видела тщетные усилия тети привлечь старых покупателей: с капусты и салата срезались верхние листья, чтобы овощи выглядели посвежее, распространялись рекламные объявления о скидках, не способные никого ввести в заблуждение, страстно предлагались кредиты — в надежде

что счет вдруг будет оплачен. Главными впечатлениями юности для нее остались запах гниющих овощей и звон колокольчика.

Тетя и дядя завешали магазин ей, и, после того как они с разницей в месяц умерли, Талли выставила наследство на продажу. Купить дышащее на ладан предприятие мог или мазохист, или витающий в облаках идеалист. Покупка все же состоялась. Из вырученных денег десять тысяч фунтов Талли взяла себе, остальное отдала дочери, которая давно жила отдельно, и отправилась на поиски работы. Новое занятие она нашла через неделю, в музее Дюпейна. Когда Кэролайн Дюпейн показывала ей коттедж и Талли из окна своей будущей спальни увидела Хит, она уже знала, что пришла домой.

Сквозь обремененное обязанностями и строгостями детство, недолгое замужество и материнскую несостоятельность она пронесла мечту о Лондоне. Мечта начала крепнуть, еще когда Талли была подростком, и приобрела наконец прочность кирпича и камня, блеск солнечного света в реке, величепие аллей, очарование тихих дорожек, в конце которых угадывались дворики. История и миф обретали конкретное место обитания, а воображаемые люди — кровь и плоть. Лондон принял ее как свою, и Талли не была разочарована. Она не обманывалась и понимала, что опасность окружает ее везде, где бы она ни ходила. Имеющиеся в музее описания жизни между войнами рассказали ей то, что она знала и так: этот Лондон — не та столица, которую знали ее родители. Их город — умиротвореннее, в их Англии больше благородства. Талли думала о Лондоне, как моряк о море. Он был ее стихией, но его мощь утешала, и, столкнувшись с ним, она испытывала опаску и уважение. Во время своих будничных и воскресных прогулок Талли разрабатывала стратегию защиты. Деньги, которых хватало ровно на день, она носила в специальном мешочке, спрятанном под зимним пальто или летней курткой. Еда, автобусная карта и бутылка с водой лежали в рюкзаке за спиной. Талли носила удобные прочные ботинки. Если ее ждало длительное посещение галереи или

музея, она брала с собой складной брезентовый стульчик. Талли переходила вслед за лектором от картины к картине вместе с группкой себе подобных. Они поглощали информацию глотками, как вино в день скидок, опьяненные щедростью подарка.

Почти каждое воскресенье Талли посещала церковь и тихо радовалась музыке, архитектуре, литургии, получая скорее эстетическое наслаждение, нежели приобретая религиозный опыт. При этом ритуал и упорядоченность восполняли недостаток чего-то непонятного ей самой. Она росла прихожанкой англиканской церкви. Каждое воскресенье утром и вечером Талли отправляли в храм. Одну. Тетя с дядей работали в магазине по пятнадцать часов в сутки, отчаянно пытаясь добиться прибыли, и по воскресеньям бывали совсем без сил. Они жили опрятно, достойно и благоразумно — в этом заключался их кодекс чести. Потешиться религией могли себе позволить те, у кого на это было время — средний класс например. Теперь Талли входила в лондонские храмы с тем же любопытством, так же предвкушая новые впечатления, как и при входе в музей. Она всегда верила в существование Всевышнего и сама... удивлялась этому. Однако Талли сомневалась, что Он отзывается на людские молитвы или впечатлен необычайными страданиями и превратностями, выпавшими на долю существа, им созданного.

Каждый вечер, довольная и изможденная своими отважными вылазками, Талли возвращалась, как в убежище, в коттедж на окраине Хита. Закрывая дверь, она испытывала подъем. Ее религию, ее вечерние молитвы питала благодарность. До сих пор Талли была одинока и не одна, теперь же — одна, но совсем не одинока.

Даже если произойдет самое плохое и у нее не будет дома, она не попросится к дочери. Роджер и Дженнифер Крофорды жили сразу за Бейсингстоком, в современном доме с четырьмя спальнями. О таких микрорайонах застройщики говорят: «Престижные дома, расставленные в виде двух полумесяцев». От заразного непрестижного жилья «полумесяцы»

отгородились стальными воротами. Они были установлены в результате бешеных усилий домовладельцев, а ее дочь и зять полагали, будто эти ворота — победа закона и порядка, защита и укрепление общественных ценностей, покоящихся на частной собственности, ратификация общественных различий. В какой-нибудь миле от них стояли муниципальные дома, и их жители считались варварами, опасность которых недооценена.

У Талли иногда возникало ощущение, что брак ее дочери покоится не только на общности устремлений, но и на готовности супругов принять и даже одобрить чужие обиды. За этими повторяющимися жалобами чувствовалось самодовольство, не остающееся без взаимности. Они думали, что хорошо устроились, и были бы сильно раздосадованы, узнав о мнении некоторых своих друзей. Если что и вызывало у них искреннее беспокойство, так это неопределенность ее будущего: однажды они могли столкнуться с необходимостью обеспечить ее жильем. Эту озабоченность Талли понимала и разделяла.

Она навестила свою семью лишь три раза, на Рождество. К этому пугающему ежегодному ритуалу ее обязывало родство. Талли принимали с отменной вежливостью, строго следуя принятым в обществе нормам. Настоящего тепла и искренней привязанности не было. Она не обижалась. Сама Талли приносила с собой все, что угодно, только не любовь. Она хотела лишь найти удобный повод для того, чтобы больше не ходить к дочери. Талли подозревала, что остальные чувствуют то же самое, но скованы необходимостью соблюдать приличия. Приглашать овдовевшую и одинокую маму на Рождество считалось обязанностью, которую, единожды на себя взяв, нельзя сложить, не рискуя дать повод для коварной сплетни или умеренного скандала. Поэтому каждый сочельник на поезде, который они считали не постыдным, Талли прибывала в Бейсингсток, где ее встречал Роджер или Дженнифер. У нее забирали тяжеленный чемодан, и ежегодное испытание начиналось.

Рождество в Бейсингстоке не отличалось умиротворенностью. Собирались друзья — опрятные, привлекательные, экспансивные. Потом надо было совершать ответные визиты. В сознании Талли отпечатались вереница жарких комнат, разгоряченные лица, пронзительные голоса и хрипкое веселье — с акцентом на половом аспекте. Люди с ней здоровались, некоторые, как казалось, с искренней доброжелательностью, Талли улыбалась и отвечала, пока ее не уводила тактичная Дженнифер, опасавшаяся, что гости заскучают. Талли чувствовала скорее облегчение, чем обиду. Ей нечего было сказать о машинах, заграничных отпусках, сложностях с дешевой прислугой, бестолковости муниципальных властей, небрежности соседей, забывающих запираť ворота. Внуков Талли почти не видела — за исключением опять же рождественских застолий. Клайв большую часть времени проводил в своей комнате, в которой имелось все необходимое для его семнадцати лет: телевизор, видеомагнитофон и DVD-плеер, компьютер с принтером, стереоустановка и наушники. Саманта, двумя годами моложе брата, с виду всегда была не в духе, редко появлялась дома, а если и оказывалась, то часами секретничала по своему мобильному телефону.

Только теперь — все. Десять дней назад, как следует подумав, написав три или четыре черновика, Талли составила письмо. Не будут ли они сильно против, если в этот год она не придет? Мисс Кэролайн на праздники уезжает, и, если Талли уедет тоже, некому будет приглядывать за музеем. Она не будет одна. Есть несколько друзей, которым уже разосланы приглашения. Конечно, это совсем не то, что с семьей, но она уверена, что ее поймут. Подарки будут высланы в начале декабря.

Лживость письма вызывала в Талли чувство вины, однако вскоре пришел ответ. Там присутствовала легкая досада, предположение, что Талли позволяет себя эксплуатировать, но при этом в письме слышалось и облегчение. Ее отказ был вполне обоснован — отсутствие матери можно будет спокойно объяснить друзьям. Рождество она собиралась встретить

одна, в коттедже. И уже придумала, как проведет этот день. Утренняя прогулка в ближайшую церковь, удовлетворение от мысли о принадлежности толпе и в то же время отдельности от нее. Ей так нравится. На обед — цыпленок, а затем, может быть, крошечный рождественский пудинг и полбутылки вина. А также видеокассета из проката, книги из библиотеки и, какая бы ни была погода, прогулка по Хиту.

Теперь эти планы утерjali былую ясность. За день до письма от дочери Райан Арчер, зайдя к Талли после работы в сад, между прочим сказал, что на Рождество может остаться один. Майор подумывает о поездке за границу. Талли тут же ответила: «Ты не должен проводить Рождество в сквоте*, Райан. Если хочешь, можешь пообедать со мной. Только дай мне знать за несколько дней, чтобы я прикупила еды».

Райан согласился, хотя как-то неуверенно, и Талли сомневалась, променяет ли он свою теплую компанию на тихую скуку коттеджа. И все-таки предложение было сделано. Если Райан придет, Талли по крайней мере должна быть уверена, что он будет как следует накормлен. Впервые за многие годы она с нетерпением ждала Рождества.

Ныне же благодаря новому, куда более серьезному поводу для беспокойства все отошло на второй план. Будет ли грядущее Рождество последним из тех, что она проведет в этом коттедже?

7

Рак вернулся, и это было смертным приговором. Джеймс Калдер-Хейл сделал такой прогноз сам и принял его без страха, сожалея лишь об одном: он не успевал закончить свою книгу, посвященную периоду между мировыми война-

* Сквот — здание, в котором люди живут без разрешения, не платя renty. Буквальное значение глагола «to squat» — «сидеть на корточках».

ми. Ему нужно совсем немного, от четырех до шести месяцев, даже если упадет темп. Время все еще могло быть предоставлено; впрочем, Джеймс тут же отверг это слово. «Предоставлено» — так говорят о пособии. От кого пособие? На вопрос, раньше он умрет или позже, может ответить только патология. Опухоли нужно созреть. То есть ему может повезти или не повезти. Хотя в конечном счете победит рак.

Джеймс не мог поверить, что какие-то его действия, влияние со стороны, душевный настрой, самообладание, вера в докторов могут что-либо поделать с этой неминуемой победой. Пусть другие живут надеждой получить все, что должно, посмертно, «после доблестной битвы». У него куража для сражения не было — особенно с заранее окопавшимся врагом.

Час назад онколог с профессиональным тактом сообщил последние новости: ремиссия закончилась. В конце концов, опыта врачу не занимать. С восхитительной ясностью он изложил возможные варианты дальнейшего лечения и результаты, на которые можно надеяться. Калдер-Хейл соглашался с его рекомендациями, делал вид, что размышляет над вариантами. Консультация состоялась не в больнице, а в собственной приемной врача, на Харли-стрит. Хотя Джеймс шел первым, к тому моменту как его вызвали, приемная уже начала заполняться. Озвучивать собственный прогноз было бы неблагодарностью или, что то же самое, дурным тоном: ведь доктор так старался. Калдер-Хейл чувствовал, будто это он сам дарит врачу иллюзорную надежду.

Выйдя на Харли-стрит, он решил взять такси до станции «Хэмпстед-Хит» и пойти до музея пешком: через Хит, мимо хэмпстедских прудов, путепровода и к Спаньердз-роуд. Калдер-Хейл обнаружил, что подводит итог своей жизни, и чувствовал отстраненное удивление, как от пятидесяти пяти лет, казавшихся такими значительными, может остаться столь жалкое наследие. Факты появлялись в его сознании в виде отрывистых утверждений. Единственный сын процветающего челтнемского адвоката. В отце не было ничего пугающе-

го, лишь полная отрешенность. Мать — сумасбродка, при этом обожающая суетливо соблюдать все условности. Она не досаждала никому, кроме собственного мужа. Образование получено в старой школе отца, потом в Оксфорде. Ничем не выдающаяся карьера в МИДе, в основном на Ближнем Востоке. Джеймс мог бы достичь большего, но ему мешали два роковых недостатка: отсутствие честолюбия и недостаточно серьезное отношение к службе. Он хорошо владел арабским, умел к себе расположить, однако сильных чувств ни у кого не вызывал. Короткий брак с дочерью египетского дипломата, решившей, что ей нужен английский муж, и быстро понявшей, что он ей не подходит. Детей нет. Ранняя пенсия в связи со злокачественной опухолью; неожиданная и сбивающая с толку ремиссия.

С тех пор как был поставлен диагноз, он потихоньку отмежевывался от всяких надежд на жизнь. Или это началось много раньше? Когда возникала необходимость в сексе, он за это платил — втихаря, дорого и с минимумом затрат времени и эмоций. Джеймс не мог вспомнить, когда наконец решил, что хлопоты и затраты того не стоят. Ненужный стыд, сопутствующие ему душевные тревожнения и, что еще важнее, море скуки — в обмен на выкинутые деньги. Эмоции, восторги, триумфы, неудачи, удовольствия и боль, заполнившие пустоты в этом наброске жизни, никогда не были столь сильными, чтобы вызвать его беспокойство. Калдер-Хейлу с трудом верилось, что они когда-либо обладали такой силой.

Не тоска ли это, не оцепенение ли духа — один из смертных грехов? В отрицании всякой радости верующий должен видеть намеренное богохульство. В его тоске отсутствовала такая драматичность. Джеймса наполняла безмятежность, ему ни до чего не было дела, а случайные вспышки казались всего лишь притворством. Настоящее лицемерие, игра для мальчишек, в которую он ввязался больше из покладистости, а не по призванию, трогала его так же мало, как и все остальное, что не связано с писательством. Джеймс осозна-

вал ее важность, но чувствовал себя не участником, а сторонним наблюдателем людских усилий и людских безрассудств.

Теперь он оставлял незаконченным единственное дело, единственное, способное наполнить его жизнь радостью. Ему хотелось завершить свой исторический труд. Джеймс работал над ним уже восемь лет, с тех пор как Макс Дюпейн, друг его отца, открыл для приятеля музей, который его очаровал. Идея, до сих пор лежавшая в спячке, вдруг ожила. Когда Дюпейн предложил Калдер-Хейлу должность хранителя, неоплачиваемую, но с правом пользования офисом, это прозвучало как ободрение. Для писательства возникли благоприятные условия. Джеймс отдал работе всю свою верность, всю увлеченность — такого с ним до сих пор не случалось. Перспектива умереть, не закончив книгу, была невыносима. Никто не станет возиться с публикацией незавершенного труда. Он умрет, и от дела, которому отданы сердце и ум, останутся папки с еле читаемыми пометами и кипы неизданных рукописей, которые запихнут в полиэтиленовые пакеты и отправят в макулатуру. Иногда сила, с которой он стремился закончить книгу, его беспокоила. Он не историк; профессионалы же вряд ли будут милосердны в своих оценках. И все же книга не останется незамеченной. Джеймс беседовал с интересными стариками, которым было за восемьдесят, и свидетельские показания умело перемешал с описаниями исторических событий. Он предлагал читателю оригинальные, иногда индивидуалистские взгляды, и они заслуживали внимания. Джеймс заботился об удовлетворении собственной потребности, а не чужой. По причинам, которые он и сам толком не смог бы объяснить, Джеймс видел в этой книге оправдание своей жизни.

Если музей закроется до того, как он допишет книгу, тогда конец. Джеймс считал, что ему известен строй мыслей всех трех доверенных лиц, и это знание его мучило. Маркус Дюпейн искал занятие, которое давало бы престиж и рассеяло бы скуку пенсионного возраста. Будь этот человек поудач-

ливее, получи он свой титул, его ждали бы директорские места в Сити, места в комиссиях и комитетах. Калдер-Хейл пытался понять, что же пошло не так. Возможно, не было ничего, что Дюпейн мог бы предупредить: смена правительства, новые предпочтения министра, изменения в негласной иерархии. Кто в конце концов окажется наверху, нередко является делом случая.

Почему хочет сохранить музей Кэролайн Дюпейн, Калдер-Хейл понимал хуже. Сберечь имя семьи — может, и это играет какую-то роль. Потом, квартира давала ей возможность уезжать из школы. Она всегда будет противостоять Невилу. Насколько Джеймс помнил, брат и сестра постоянно воевали. Ничего не зная об их детстве, Калдер-Хейл мог только гадать об истоках этого взаимного раздражения, усугублявшегося тем, как каждый из них относился к работе другого. Невил не скрывал презрения ко всему, что считалось в Суотлинг главным; его сестра открыто поносила психиатрию. «Это не научная дисциплина, а прибежище для отчаявшихся или потакание модным неврозам. Вы даже не можете описать различия между умом и мозгом так, чтобы в этом был хоть какой-нибудь смысл. Возможно, за последние пятьдесят лет вы нанесли больший вред, чем любая другая ветвь медицины. Благодаря усилиям нейробиологов и компаний по производству лекарств, давших вам инструментарий, сегодня у вас есть возможность помогать своим пациентам. А без этих маленьких таблеток вы бы торчали там же, где и двадцать лет назад».

Между Невилом и Кэролайн Дюпейнами не будет согласия и по поводу будущего музея — и Калдер-Хейл, кажется, знал, чья возьмет. И не то чтобы закрытие потребует от них каких-то больших усилий. Если новый арендатор захочет быстро вступить в свои права, то, чтобы уложиться в срок, потребуются чудовищные усилия от самого Калдер-Хейла, будет масса споров и финансовых сложностей. Хранитель — он, Джеймс, и поэтому и главный удар, вероятно, придется на него. Тогда о надеждах закончить книгу можно забыть.

Англия с ликованием встречала прекрасный октябрь, навевающий мысли о весне, о череде мягко перетекающих одна в другую перемен, а не о погружении в пестрое бессилие. Неожиданно небо, только что залитое чистейшей лазурью, потемнело: набежало чумазое, будто фабричный дым, облако. Упали первые капли, и Джеймс едва успел раскрыть зонт, пока его не окатило с головы до ног. Казалось, будто облако освободилось от всей накопившейся в нем воды, вылив ее Джеймсу на голову. В нескольких ярдах тесной группой стояли деревья, и Калдер-Хейл укрылся под каштаном, приготовившись терпеливо ждать, пока распогодится. Над ним сквозь желтеющую листву проглядывали деревянные сухожилия, и, глядя вверх, Джеймс чувствовал медленно стекающие по лицу капли. Интересно, почему эти крошечные случайные брызги так приятны коже, успевшей высохнуть после первых атак дождя. Наверное, просто уютно осознавать, что тебе еще доступны нежданные маленькие радости. Самые главные, грубые, насущные телесные нужды давно утратили свою остроту. Джеймс стал непривередлив в еде, потребность в половых отношениях возникала редко, и он справлялся с ней. Но упавшая на лицо дождевая капля все еще могла доставить ему наслаждение.

А вот и коттедж Талли Клаттон. За последние четыре года, возвращаясь с прогулок по Хиту, Джеймс бесчисленное число раз проходил этой узкой дорожкой, и, натываясь на коттедж, всегда испытывал удивление, даже потрясение. Окруженный деревьями, он смотрелся очень уютно, был на своем месте и в то же время казался анахронизмом. Похоже, что архитектор, следуя капризу заказчика, главный дом сделал в виде точной копии образца восемнадцатого века, однако при проектировании коттеджа решил себя побаловать и действовал в соответствии с собственными предпочтениями. Благодаря своему расположению — позади музея — коттедж не был виден, и клиента этот разнобой мог не слишком беспокоить. Дом будто сошел со страниц детских сказок: на первом этаже, по краям выступающего крыльца, два эркера, выше —

пара обычных окон, над которыми нависает черепичная крыша; перед домом — аккуратный сад с выложенной камнем тропинкой, ведущей к входной двери; с каждой стороны — по лужайке, огороженной низенькой живой изгородью из бирючины. В середине каждой лужайки слегка возвышалась прямоугольная клумба: здесь Талли Клаттон высадила обычные белые цикламены, а также пурпурные и белые анютины глазки.

Когда Джеймс приблизился к садовой калитке, из-за деревьев появилась Талли. На ней был старый плащ для работы в саду. Она несла плетеную корзинку, а в руке держала лопатку. Талли говорила, хотя он не помнил когда, что ей шестьдесят четыре. Выглядела она моложе. На ее лице кожа лишь слегка огрубела и едва начали появляться морщины. Лицо было хорошим, спокойным. Сквозь очки смотрели пронизательные глаза. Талли казалась довольной, но, слава Богу, не благодаря той решительной и безнадёжной жизнерадостности, свойственной некоторым пожилым, не желающим признавать власть изматывающих лет.

Когда бы Джеймс ни возвращался с прогулки по Хиту, он заходил в коттедж посмотреть, дома ли Талли. Утром его ждал кофе, днем — чай с фруктовым кексом. Так повелось с тех пор, как года три назад Джеймс без зонта попал в грозу и пришел сюда. Куртку можно было выжимать, насквозь промокшие брюки липли к ногам. Талли увидела его из окна и выбралась на улицу, чтобы пригласить его обсушиться и выпить чего-нибудь теплого. Беспокойство, которое у нее вызвал вид Джеймса, превозмогло всякую стыдливость, и он с благодарностью вспоминал тепло искусственного огня в камине и горячий кофе с небольшим количеством виски, приготовленный Талли. Она не пригласила его приходить снова, и Джеймс понимал, что ее беспокоило: он мог подумать, будто она страдает от одиночества и вроде как навязывается, вменяя ему в обязанность эти визиты. В результате лишь сам Джеймс стучал или выкликал ее. При этом он не сомневался, что ей по сердцу его приход.

Теперь, поджидая ее, он спросил:

— Я не слишком поздно для кофе?

— Конечно, нет, мистер Калдер-Хейл. Я улучила момент между ливнями и высадила нарциссы. По-моему, под деревьями они лучше смотрятся. Я пробовала сажать их на центральных клумбах, но, когда цветы умирают, впечатление гнетущее. Миссис Фарадей говорит, что листья надо оставлять до тех пор, пока они совсем не пожелтеют и их можно будет оторвать. Иначе на следующий год мы останемся без цветов. Только это так долго...

Джеймс следом за Талли взошел на крыльцо, помог ей снять плащ и стоял рядом, пока она, усевшись на узкую скамейку, стягивала резиновые сапоги и надевала домашние тапочки. Затем он прошел через узкий холл и попал в гостиную.

Включив обогреватель, хозяйка коттеджа сказала:

— Вы, похоже, слегка промокли. Сядьте-ка здесь и пообсохните. Я сейчас быстренько сделаю кофе.

Джеймс ждал, прислонив голову к высокой спинке и вытянув ноги к обогревателю. Он переоценил собственные силы: прогулка оказалась слишком долгой. Сейчас Джеймс почти с удовольствием ощущал эту усталость. Помимо его офиса, эта комната была одной из немногих, где он мог сидеть без всякого напряжения. А как славно Талли здесь все устроила! В комнате царил ненавязчивый уют. Ни лишней мебели, ни чрезмерных украшений, ни заикленной на себе женственности. Камин — подлинный, викторианский, выложенный по периметру голубой делфтской плиткой, с декоративной стальной решеткой. Кожаное кресло, в котором отдыхал Джеймс — с высокой спинкой, прошитой пуговицами, с удобными подлокотниками, — было ему как раз по росту. Напротив стояло такое же, чуть поменьше. В нем обычно сидела Талли. В ниши по сторонам камина были встроены полки, и на них стояли книги, исторические и по Лондону. Он знал, что этот город был ее страстью. Из предыдущих разговоров также следовало, что Талли любила биографии и

автобиографии, однако там стояло и несколько классических романов в кожаных переплетах. В середине комнаты располагался маленький круглый стол с двумя резными деревянными креслами. Там она ела. Джеймс глянул в полуоткрытую дверь по правой стороне холла и увидел квадратный деревянный стол и четыре стула с прямыми спинками. Столовая. Часто ли ею пользовались? Джеймс ни разу не встретил здесь посторонних. Казалось, жизнь Талли ограничивалась четырьмя стенами этой гостиной. На широком подоконнике южного окна расположилась ее коллекция фиалок — темно-фиолетовых и белых.

Талли внесла кофе и печенье, и он с некоторым трудом поднялся, чтобы забрать у нее поднос. До него дошел бодрящий аромат, и Джеймс удивился собственному аппетиту.

С ней он говорил обо всем, что бы ни пришло в голову. Джеймс предполагал, что шокировать ее может только злость или тупость, как и его самого. Ни на что такое, по его собственным ощущениям, он способен не был. Иногда разговор казался его монологом. Однако ее ответные реплики были всегда кстати и часто вызывали у него удивление. Джеймс спросил:

— Вас не угнетает Комната убийств, когда вы там убираетесь и вытираете пыль? Мертвые глаза на мертвых фотографиях, мертвые лица?

— Я, наверное, к ним привыкла, — сказала она. — Не в том смысле, что они мне как друзья, это было бы глупо. Но они часть музея. Когда я оказалась там впервые, то воображала, что выпало на долю жертв, и все-таки угнетенной себя не чувствовала. У них все позади, разве не так? Они сделали то, что сделали, за это поплатились, и их больше нет. Они теперь не страдают. В нашем мире есть о чем горевать, а переживать о былых злодеяниях бессмысленно. Впрочем, иногда я задумываюсь: а куда все они делись — не только убийцы и их жертвы, а все те люди на фотографиях? А вы задумываетесь об этом?

— Нет, не задумываюсь. Потому что знаю. Мы, как и животные, умираем. Большей частью по тем же причинам и, за

исключением немногих счастливиц, испытывая почти такую же боль.

— И все?

— Да. Это утешает, не правда ли?

— Значит, все наши действия, то, как мы себя ведем, имеет значение лишь в этой жизни?

— А где же еще, Талли? Что и говорить, тяжело вести себя разумно и прилично здесь и сейчас, стараясь из последних сил подлизаться к небесам, в расчете на баснословную загробную жизнь.

Талли забрала у Джеймса чашку и снова ее наполнила.

— Дело, наверное, в воскресной школе и посещении церкви. Каждое воскресенье по два раза. Мое поколение, если призвать нас к ответу, — верующие наполовину.

— Так и о нас можно сказать. Только сей трибунал будет иметь место здесь, в коронном суде, с одетым в парик судьей. А проявив минимум сообразительности, большинство из нас может от него ускользнуть. Что вам видится? Большая конторская книга, дебет-кредит, ангел-архивариус?

Он говорил мягко, как и всегда с Талли Клаттон. Она улыбнулась:

— Что-то вроде. Когда мне было восемь или около того, я представляла себе книгу, похожую на большую конторскую книгу моего дяди. Там была черная надпись «Счета» на обложке, а у страниц — красные поля.

— Ладно, вера приносит обществу пользу, — сказал Калдер-Хейл. — Мы пока не нашли ей эффективную замену. Сейчас мы выстраиваем нашу собственную мораль. «Что я хочу, то и правильно, и это принадлежит мне по праву». Старшее поколение, быть может, еще и отягощено какой-то народной памятью об иудеохристианском чувстве вины, но со следующим поколением все уйдет.

— Я рада, что мне тогда не придется жить.

Джеймс знал — Талли не была наивной. Сейчас она улыбалась, лицо выглядело спокойным. В чем бы ни заключалась ее мораль, в ней нет ничего, кроме доброжелательности

и здравого смысла. А какого черта требовать большего? В чем еще она или кто бы то ни было нуждается?

— Я думаю, что музей — это торжество смерти. Жизни мертвых людей, сделанные ими предметы, вещи, которым они придавали значение, их одежда, дома, повседневные удобства, искусство.

— Нет. Музей связан с жизнью. С отдельной жизнью, с тем, как ее прожили. С общей жизнью во все времена, жизнью мужчин и женщин, с созданными ими обществами. С длящейся жизнью вида *Homo sapiens*. Надо быть напрочь лишенным любопытства, чтобы не любить музеи.

— Я люблю, — мягко ответила Талли. — Только я чувствую, что живу в прошлом. Не в собственном прошлом — там нет ничего захватывающего или необычного, — а в прошлом всех людей, обитавших в Лондоне до меня. Я никогда не гуляю там в одиночестве, и никто не может остаться там один.

В одной и той же прогулке по Хиту каждый находит свое. Джеймс замечал перемены в деревьях, в небе, радовался мягкости почвы под ногами. Талли воображала прачек времен Тюдоров, пользующихся чистотой источников, развешивающих белье на можжевельных кустах; кареты, экипажи, с грохотом катящие прочь от городских тревог, от чумы и пожаров, ища убежище в престижном лондонском пригороде; представляла разбойника Дика Терпина, верхом, выжидающего в тени деревьев.

Талли привстала, собираясь унести поднос на кухню. Джеймс поднялся и забрал его. Она смотрела ему в глаза, и на ее лице впервые было написано беспокойство.

— Вы будете на той встрече, в среду? На которой будет решаться судьба музея?

— Нет, Талли, мне там находиться не положено. Доверенных лиц только трое — это Дюпейны. И никому из нас ничего сообщено не было. Только слухи.

— Музей и в самом деле могут закрыть?

— Закроют, если Невил Дюпейн добьется своего.

— Почему? Он здесь не работает. Невил здесь и не бывает толком — лишь по пятницам, когда забирает машину. Он не заинтересован в музее. Что ему за дело?

— Он ненавидит нашу, как ему кажется, «национальную заикленность на прошлом». Ведь вполне хватает сегодняшних проблем. Ему удобно сосредоточить свою ненависть на музее. Это место основал его отец, вложил туда состояние, оно носит его имя. Невил хочет избавиться не просто от музея.

— Это в его силах?

— О да! Если он не подпишет новый договор, музей будет закрыт. Впрочем, я бы не стал волноваться. Кэролайн Дюпейн — женщина весьма решительная. Сомневаюсь, что Невил перед ней устоит. От него ведь не требуется ничего, кроме подписи.

Стоило Джеймсу произнести эти слова, как их идиотизм поразил его. Разве бывало так, чтобы написанное имя не имело значения? Благодаря подписи людей казнили или миловали. Подпись лишала наследства или давала его. Поставить ее или не поставить означало разницу между жизнью и смертью. Однако непохоже, чтобы это относилось к подписи Невилла Дюпейна на новом соглашении. Неся поднос на кухню, Джеймс был рад, что не видит взволнованного лица Талли. Такой он не видел ее никогда. Он неожиданно осознал чудовищность того, что ее ждало. Этот коттедж, эта гостиная значили для нее так же много, как для него — его книга. А ей за шестьдесят. Ну, по нынешним временам ее не назовешь старой, но возраст не подходит для поиска новой работы и нового дома. Конечно, вакансий много: надежную экономку найти непросто. И все же данная работа, данное место подходили ей идеально.

Его охватила неловкая жалость, и на мгновение Джеймс ослабел. Все случилось так неожиданно, что ему пришлось быстро поставить поднос на стол и немного передохнуть. И одновременно его посетило желание сделать какой-нибудь величественный дар. Он же может положить его к ее ногам

так, чтобы все стало хорошо. Калдер-Хейл немного поиграл этой нелепой мыслью. Он мог бы переписать завещание на нее. Джеймс понимал: такая экстравагантная щедрость не по его части. Вряд ли можно назвать этот поступок великодушным — ему-то деньги нужны не будут. Проценты он всегда тратил полностью, капитал же не трогал и завещал семье. Завещание лет пятнадцать назад составил семейный юрист. Наследство аккуратно распределялось между тремя племянниками. Странно. Его никогда особенно не заботило, что племянники о нем думают; и видел он их редко. Однако Джеймс чувствовал — ему не все равно, как они отнесутся к дяде после его смерти. Калдер-Хейл прожил свою жизнь в уюте и большей частью в безопасности. А что, если он найдет в себе силы для одной последней, великолепной выходки, разительно меняющей чью-то жизнь?

Он услышал голос Талли:

— Что-то случилось, мистер Калдер-Хейл?

— Нет. Решительно ничего. Спасибо за кофе. И не переживайте из-за среды. У меня предчувствие, что все будет хорошо.

8

Половина одиннадцатого. Как и всегда, Талли убралась в музей еще до открытия. Теперь они с Мюрел Годбай должны были все проверить — перед тем, как музей в пять часов будет закрыт. Остальные обязательные дела сделаны, разве только ей самой чего-то захочется. Но в коттедже тоже все было в порядке, поэтому она посидела с мистером Калдер-Хейлом подольше. Мальчик Райан, помогавший с тяжестями при уборке и с работами в саду, приходил со своими бутербродами к часу дня.

С первыми осенними холодами Талли предложила ему съесть свой обед в коттедже. Летом она видела Райана при-

слонившимся спиной к одному из деревьев и рядом с ним пакет. Когда дни стали холоднее, он приспособился есть в сарае с газонокосилкой, сидя на перевернутом ящике. Такое пренебрежение удобствами казалось ее неправильным, но предложение она сделала в неопределенной форме, чтобы не заставлять его и не затруднять отказ. Однако Райан с готовностью согласился и начиная с того утра ровно в час приходил с бумажным пакетом и банкой кока-колы.

Талли не хотелось есть вместе с ним — это было бы вторжением в святая святых ее частной жизни, — поэтому она перекусывала в двенадцать, и к его приходу все было убрано. Если она готовила суп, то немного оставляла и парню, особенно в холодный день. Райану, кажется, это нравилось. Позже Талли научила его готовить кофе — настоящий кофе, а не гранулированный из банки, — и Райан его подавал. Он проводил здесь не больше часа, и каждые понедельник, среду и пятницу Талли привыкла слышать его шаги по дорожке. Она ни разу не пожалела о своем предложении. Однако по вторникам и четвергам чувствовала смешанное с чувством вины облегчение от того, что утро полностью принадлежит ей.

С первого дня после ее мягкой просьбы Райан стал на крыльце снимать рабочие сапоги, вешал куртку, в носках шел в ванную, мыл руки и только потом присоединялся к ней. Райан приносил с собой запах земли, травы и какой-то неуловимый мужской дух, нравящийся Талли. Ее изумляло, каким чистым он казался, каким хрупким. По-девичьи изящные кисти вступали в странное противоречие с загорелыми мускулистыми руками. Лицо — круглое, щекастое, курносое, с розовой кожей, кажущейся замшевой на ощупь. Широко расставленные большие карие глаза. Тяжелые верхние веки. Подбородок, рассеченный вертикальной чертой. Коротко остриженные волосы. Круглая голова. Талли его лицо казалось детским, просто увеличившимся с годами, но без следов взрослого опыта. Впечатление нетронутости, невинности рассеивалось, стоило посмотреть в его глаза. Райан мог их широко

распахнуть и уставиться на мир с обезоруживающей безмятежностью — и вдруг сбивал с толку быстрым взглядом, лукавым и осведомленным. Такая же двойственность была присуща и его познаниям. Случайные обрывки жизненного опыта, говорящие об искушенности, подобранные, будто мусор, сочетались с поразительным невежеством в обширных областях человеческого знания, которое ее поколение приобретало еще до окончания школы.

Талли нашла Райана, вывесив объявление на доске вакансий у местного газетного киоска. Миссис Фарадей, на общественных началах работающая в саду, дала понять, что сгребать листья, а также подрезать кусты и молодые деревья ей не под силу. Она и предложила повесить объявление, а не обращаться в местное агентство по трудоустройству. Талли дала телефонный номер коттеджа и никак не упомянула музей. Когда позвонил Райан, они с миссис Фарадей провели собеседование и решили взять парня пока на месяц, на испытательный срок. Перед его уходом Талли спросила о рекомендации:

— Райан, у тебя есть кто-нибудь, кто мог бы написать рекомендацию? Ну, тот, у кого ты работал раньше?

— Я работал у одного майора — чистил серебро и кое-что делал по дому. Я его попрошу.

Он больше ничего не сообщил, а через два дня пришло письмо.

Милостивая государыня!

Райан Арчер сообщил мне о вашем намерении взять его разнорабочим и помощником садовника. Он не особенно рукастый, но кое-какую работу по дому выполнял удовлетворительно и, если ему было интересно, выражал готовность к обучению. Насчет его способностей к садовничеству — если таковые имеются — не знаю, не сталкивался. Однако сомневаюсь, что он может отличить анютины глазки от петунии. Райан не всегда пунктуален, но, когда приходит, способен работать как следует (если за ним

присматривать). Мой жизненный опыт подсказывает, что люди делятся на честных и бесчестных, и здесь мы в любом случае бессильны. Этот мальчик — честный.

Руководствуясь этой весьма сдержанной рекомендацией и заручившись одобрением миссис Фарадей, Талли взяла Райана на работу.

У мисс Кэролайн он интереса почти не вызвал, а Мюрел сложила с себя всякую ответственность:

— Хозяйственные мероприятия — по вашей части, Талли. Я не хочу вмешиваться. Мисс Кэролайн согласилась, чтобы он получал установленную минимальную зарплату. Я буду ему платить каждый день перед его уходом из кассы на мелкие расходы. Конечно, под расписку. Если парню потребуется спецодежда, ее тоже можно будет оплатить из малой кассы, но лучше купите ее сами и не оставляйте ему. Он может выполнять тяжелые работы по уборке этого помещения, включая лестницу, но я не хочу, чтобы он оставался без присмотра в любой другой части музея.

— Майор Аркрайт написал в рекомендации, что Райан честный, — вставила Талли.

— Не исключено. Но он может оказаться болтуном. А узнать, честные ли у него друзья, нам неоткуда. Я думаю, по окончании испытательного срока вам с миссис Фарадей следует официально сообщить о его успехах.

По мнению Талли, для человека, не желающего вмешиваться в хозяйственные дела, Мюрел слишком въедлива (впрочем, как всегда). Однако эксперимент удался. Хотя Райан и вправду был непредсказуем. Например, Талли никогда не могла быть уверена, появится ли он вовремя. Однако шли месяцы, и Райан стал надежнее: несомненно, причиной была нужда в наличности, которую он получал в конце дня. Энтузиазмом Райан не отличался, но и лентяем не был, и даже миссис Фарадей, ублажить которую было непросто, казалось, благоволила к нему.

Вчера на ужин была курица, и этим утром Талли приготовила куриный суп. Райан потягивал его с явным удовольствием, грея о кружку тонкие пальцы. Он спросил:

— Много нужно смелости, чтобы кого-нибудь убить?

— Я никогда не считала убийц смелыми, Райан. Скорее они трусы. Иногда требуется большая смелость для того, чтоб не убить.

— Не понял, что вы имеете в виду, миссис Талли.

— Я тоже. Это так, к слову. Глупость, наверное, как мне теперь кажется. Убийство — не самая приятная тема для беседы.

— Да, зато интересная. В прошлую пятницу мистер Калдер-Хейл провел меня по музею. Я вам не рассказывал?

— Нет, Райан.

— Когда он приехал, я пропалывал грядку. Он сказал: «Доброе утро», и я его спросил: «Могу я посмотреть музей?» Он ответил: «Можешь. Все зависит от того, нужно ли это тебе. А я не вижу, почему нет». Так что мистер Калдер-Хейл велел мне привести себя в порядок, а он пока подождет в холле, внизу. По-моему, мисс Годбай все это не понравилось. Она на меня так посмотрела!

— Мистер Калдер-Хейл поступил очень хорошо, решив показать тебе музей. Работая здесь... Ладно. Правильно, что у тебя появилась возможность посмотреть на все собственными глазами.

— Почему я не мог посмотреть раньше и сам по себе? Мне не доверяют?

— Тебя не пускали не потому, что мы тебе не доверяем. Просто мисс Годбай не любит, чтобы люди приходили, когда им вздумается, и бесплатно шатались по музею. Это касается всех.

— Но не вас.

— Ну, Райан, конечно же. Я должна вытереть пыль и прибраться.

— И не мисс Годбай.

— Мисс Годбай секретарша, и она принимает посетителей. Ей необходимо иметь свободный доступ ко всему зданию, иначе музей перестал бы работать. Иногда ей приходится сопровождать посетителей — если мистера Калдер-Хейла нет на месте.

«Или он сам не считает нужным сопровождать этих посетителей». Но вслух Талли этого не сказала.

— Тебе понравился музей?

— Мне понравилась Комната убийств.

«О Господи! А впрочем, ничего удивительного. Он не первый, кто задержался именно в Комнате убийств».

Райан спросил:

— А этот железный чемодан — как вы думаете, это тот самый, куда запихнули тело Вайолет?

— Я предполагаю, что это он. Старый мистер Дюпейн был очень щепетилен в отношении источников, откуда приходили экспонаты. Не знаю, как он раздобыл некоторые из них. Предполагаю, что благодаря связям.

Райан покончил с супом и достал из пакета бутерброды: толстые куски белого хлеба, а между ними что-то вроде саями.

— Значит, если бы я поднял крышку, то увидел бы пятна ее крови?

— Тебе не разрешат поднять крышку, Райан. Экспонаты нельзя трогать.

— А если бы открыл?

— Возможно, ты увидел бы какое-то пятно, хотя никто не может быть уверен, что это кровь Вайолет.

— Они могли сделать анализ.

— Думаю, анализ был сделан. И даже если это человеческая кровь, то отсюда еще не следует, что кровь именно ее. В те времена не знали о ДНК. Райан, у тебя какой-то нездоровый интерес, тебе не кажется?

— Интересно, где она сейчас.

— Возможно, в Брайтоне, на церковном кладбище. Не уверена, что кто-нибудь знает точно. Она была проституткой, бедной женщиной, и денег на достойные похороны, возможно, не оказалось. Ее могли захоронить в так называемой могиле для нищих.

Так ли все было? Может быть, слава возвысила ее до посмертных почестей? И у нее были богатые похороны: лошади с черными султанами, толпы болванов, бегущих за процессией, фотографии в местных газетах, а то и в общенацио-

нальной прессе. Каким нелепым показалось бы все это молодой Вайолет — за много лет до того, как ее убьют, — если бы кто-нибудь напророчил, что после смерти она будет более знаменитой, чем при жизни, что почти через семьдесят лет после ее убийства в мире, невообразимо изменившемся, женщина и мальчик будут толковать о ее похоронах.

Талли подняла глаза и услышала, как Райан произнес:

— Думаю, мистер Калдер-Хейл пригласил меня, так как хотел выяснить, чем я тут занимаюсь.

— Райан, он и так знает, чем ты занимаешься. Ты садовник, занятый неполный рабочий день.

— Он хотел выяснить, что я поделываю в остальные дни.

— И что ты ему ответил?

— Я сказал, что работаю в баре на Кингз-кросс.

— Райан, разве это так? Я думала, ты работаешь у майора.

— Я и в самом деле работаю у майора, но я никому не рассказываю о своих делах.

Пятью минутами позже, наблюдая, как парень надевает свою уличную обувь, Талли в очередной раз осознала, как мало о нем знает. Райан рассказывал ей, что был взят на воспитание, однако не поведал, почему и куда. То он говорил, что живет в сквоте, то оставался у майора. Впрочем, если Райан был сам по себе, то такой была и она, такими в музее были все. «Мы вместе работаем, часто встречаемся — бывает, что ежедневно, — мы общаемся, советуемся, у нас общая цель. И все же в душе каждый из нас — непознаваемое “я”».

9

Этот надомный визит значился у доктора Невилла последним за день и вызывал у него наибольшие опасения. Он еще не припарковался и не запер машину, но уже собирался с силами перед грядущим испытанием: как толь-

ко откроется дверь, они с Адой Гиринг встретятся взглядами, и в ее пристальных глазах Невил увидит безмолвную мольбу. Пройти эти несколько ступенек, ведущих на галерею второго этажа, оказалось столь утомительно, будто он поднялся на самый верх. У двери придется подождать. Здесь всегда приходится ждать. Альберт реагировал на дверной звонок, даже если находился в ступоре. Иногда он впадал в ужас и трясся в своем кресле, в другой раз поднимался и, отпихивая жену, с удивительной скоростью неся к двери, желая оказаться там первым. Тогда Невил наткнется на взгляд Альберта. Его старые глаза все еще способны выражать такие разные чувства: страх, ненависть, подозрение, отчаяние...

Сегодняшним вечером он почти хотел, чтобы его встретил именно Альберт. Невил прошел к средней двери. Дверь была с глазком и двумя кодовыми замками; единственное окно закрывала прибитая снаружи железная сетка. Он предполагал, что сетка — самый дешевый способ обеспечить защиту, однако всегда беспокоился по этому поводу. Устрой Альберт пожар, дверь окажется единственным выходом. Невил позвонил не сразу. Вечерело. Как быстро — стоило перевести назад часы, выцвел день и вступила в свои права темнота. Вдоль галерей зажегся свет. Глянув вверх, Дюпейн увидел огромный многоквартирный дом, который вздымался в темноте, будто вставшее на якорь великолепное круизное судно.

Невил понимал, что невозможно позвонить тихо, и все равно его палец нежно прикоснулся к звонку. Ждать пришлось не дольше обычного. Ей нужно убедиться, что Альберт остался в кресле и отошел от потрясения, вызванного звонком. Через минуту послышался скрежет засовов, и миссис Гиринг открыла перед врачом дверь. Невил еле заметно кивнул ей и шагнул внутрь. Она снова все заперла.

Идя за ней по короткому коридору, Невил сказал:

— Перед уходом я звонил в больницу. Сожалею, но в специальном отделении свободных мест нет. Альберт возглавляет список претендентов.

— Он возглавляет этот список уже восемь месяцев. Наверное, мы ждем, пока кто-нибудь умрет.

— Да, — согласился Невил. — Пока кто-нибудь умрет.

Этот разговор длился уже шесть месяцев. Перед тем как войти в гостиную — миссис Гириг уже взялась за дверную ручку, — он спросил:

— Как там у вас?

Она всегда здесь задерживалась, чтобы обсудить своего мужа, пока он сидел и вроде как не слышал — или не слушал.

— Сегодня тихий. И всю неделю был тихий. А вот в прошлый четверг он вырвался. Заходила женщина из службы помощи, и Альберт шмыгнул в дверь. Я не успела его перехватить. Когда на него находит, он бежит очень быстро. Прежде чем мы его нагнали, он успел сбежать по лестнице и почти удра на центральную улицу. А потом была драка. Люди на нас смотрели. Они не понимали, зачем и куда мы волочем пожилого человека. Та женщина старалась убедить его, говорила ласковые слова, но Альберт не собирался ее слушать. Я прихожу в ужас от мысли, что он однажды вырвется на проезжую часть и убьется.

Она боялась именно этого. Абсурдность ее страхов вызвала в нем сразу и грусть, и раздражение. Болезнь Альцгеймера забрала у нее мужа. Человек, с которым она вступила в брак, превратился в потерявшего ясный рассудок, буйного незнакомца, неспособного предложить ни дружбы, ни поддержки. Уход за ним истощил миссис Гириг, она выбивалась из сил. Но он был ее мужем. Ее ужасала мысль, что однажды он выскочит на дорогу и погибнет.

Висящие изнанкой внутрь цветастые шторы, потертая мебель, добротный, старомодный газовый камин — маленькая гостиная, наверное, почти не изменилась с того времени, как супруги переехали сюда. Только теперь в углу стоял большой телевизор, а под ним видеомаягнитофон. И Невил знал, что карман передника миссис Гириг оттопыривал мобильный телефон.

Невил подтащил поближе кресло, поставив его между супругами. Он выделил на встречу с ними полчаса, как обыч-

но. Невил пришел без хороших вестей. Он сделал для них все, что в его силах, и больше ему предложить нечего. Он мог лишь уделить им часть своего времени. Невил будет делать то же, что и всегда: спокойно сидеть и слушать. В комнате было слишком душно. Газовый камин с шипением изрыгал чудовищный жар, опалаяющий ноги и сушащий глотку. И запах. Какая-то кисло-сладкая вонь, состоящая из нескольких составляющих: прокисшего пота, жареной пищи, грязной одежды и мочи. Невилу мерещилось, что он, вдыхая, различает каждый запах в отдельности.

Альберт неподвижно сидел в кресле. Его покрытые шишками руки крепко вцепились в края подлокотников. Пришурившись, он с небывалой злобой смотрел Невилу в глаза. На нем были мешковатые темно-синие тренировочные штаны с белыми полосами по бокам, куртка от пижамы и длинная серая кофта. Каких же трудов стоило Аде и ее помощнице одевать его!

Невил спросил, ощущая бесполезность вопроса:

— Как вы управляетесь? К вам по-прежнему приходит миссис Наджент?

Теперь миссис Гиринг говорила свободно, перестав беспокоиться о муже: понимает он что-нибудь или нет. Наверное, она начинала осознавать бессмысленность перешептываний за дверью.

— Да, ходит. Теперь каждый день. Без нее я бы не справилась. Прямо беда, доктор! Когда Альберт не в порядке, он говорит ей ужасные вещи, оскорбительные вещи — связанные с тем, что она черная. Его слова в самом деле отвратительны. Я знаю, что Альберт ничего такого не имеет в виду, это все потому, что он болен, но лучше бы она этого не слышала. Он никогда таким не был. Миссис Наджент такая славная — все понимает правильно и не обижается. А я расстраиваюсь. Тут еще эта женщина, соседка наша, миссис Моррис. Услышала его ругань и сказала, что, если это дойдет до департамента, нас привлекут к суду как расистов и оштрафуют. Сказала, что заберут у нас миссис Наджент и просле-

дят, чтобы к нам больше никто не пришел — ни черный, ни белый. А вдруг миссис Наджент самой надоест и она уйдет куда-нибудь еще, где ей не приходится выслушивать такие вещи? Мне ее не в чем винить. Миссис Моррис права. Привлечь к суду за расизм могут. В газетах об этом пишут. Как мне выплатить штраф? С деньгами у нас и без этого туговато.

Люди ее возраста и класса слишком горды, чтобы жаловаться на нужду. Она заговорила о деньгах впервые, и стало видно, сколь велико ее беспокойство. Невил твердо сказал:

— Вас никто не собирается привлекать к суду. Миссис Наджент — разумная и опытная женщина. Она понимает, что Альберт болен. Хотите, я переговорю с департаментом?

— Вы могли бы, доктор? Может, будет лучше, если это сделаете вы. Я так нервничаю. Всякий раз при стуке в дверь я думаю, что пришли из полиции.

— Из полиции к вам не придут.

Невил просидел еще двадцать минут. Он в который раз выслушал, как миссис Гиринг переживает, что у нее могут забрать Альберта. Она понимала, что не справляется, однако что-то — может быть, память о клятве в супружеской верности — оказалось сильнее желания освободиться. Невил снова попытался ее уверить, что жизнь Альберта в специальном отделении будет лучше, что он получит опеку, которую не может получить дома, что она сможет навещать его, когда ей вздумается, что если бы Альберт мог что-то понимать, он бы ее понял.

— Может быть, — сказала она. — Да только простил бы он?

Что толку убеждать, будто ей не в чем себя винить? Миссис Гиринг была охвачена двумя чувствами, взявшими верх над всем остальным: любовью и чувством вины. Кто дал ему право лезть со своей земной, полной изъянов мудростью, изгоняя из ее души что-то столь глубоко сидящее, основополагающее?

Перед уходом Невила она заварила ему чай. Миссис Гиринг всегда заваривала ему чай. Невилу не хотелось чаю, и

он старался подавить раздражение, пока миссис Гиринг пыталась убедить Альберта к ним присоединиться, уговаривая мужа, как ребенка. Наконец доктор мог уйти.

— Я завтра позвоню в госпиталь. Если будут какие-то новости, я дам вам знать.

У двери она поглядела на Невила и сказала:

— Думаю, я больше так не выдержу, доктор.

Это были ее последние слова, и их разделила закрывшаяся дверь. Он вышел в промозглый вечер, в последний раз услышав скрежет засовов.

10

В начале восьмого утра, в своей маленькой, но безупречно чистой кухоньке Мюрел Годбай пекла печенье. Так повелось с тех пор, как она заняла свой теперешний пост в музее Дюпейна. Мюрел приносила печенье к чаю мисс Кэролайн (если та была в музее) и к ежеквартальным встречам доверенных лиц — сестры и двух братьев. Завтрашняя встреча обещала стать судьбоносной, но это не повод менять установленный порядок. Кэролайн Дюпейн любила, чтобы в тесто клали масло. Печенье должно быть пряным, изысканно хрустящим и едва подрумянившимся. Оно было готово и теперь остывало на специальной решетке. Мюрел занялась приготовлением флорентийского печенья. Для сегодняшнего чаепития оно не совсем подходило: доктор Невил норовил положить свой кусочек у чашки, и шоколад таял. А вот мистеру Маркусу такое печенье нравилось, и если его не будет, то он будет разочарован.

Мюрел аккуратно разложила ингредиенты, будто выступала в кулинарной передаче: фундук, бланшированный миндаль, вишня в сахаре, смесь из лимонной и апельсиновой кожуры, кишмиш, брусок сливочного масла, сахарная пуд-

ра, сливки и плитка отменного горького шоколада. Пока Мюрел все это нарезала и крошила, ее посетило некое чувство, таинственное и мимолетное. Приятное единение духа и тела — ничего подобного до прихода в музей она не испытывала. Оно посещало ее редко и неожиданно, отзываясь легким жжением в сосудах. Наверное, это и есть счастье. Она замерла; нож завис над фундуком; Мюрел на мгновение отвлеклась, дав ножу волю. Было ли это тем, что люди чувствуют большую часть своей жизни? И даже в детстве? У нее такого не было никогда. Момент прошел, и, улыбнувшись, она опять принялась за работу.

Детские годы Мюрел Годбай, вплоть до ее шестнадцатилетия, прошли в заключении, в открытой тюрьме. Приговор обжалованию не подлежал, а в чем именно состояло ее преступление — никто ей так и не объяснил. Она смирилась со всеми ограничениями, духовными и физическими: дом тридцатых годов пополам с другой семьей; неблагополучный пригород Бирмингема, с его мнимо тюдоровскими перекрестиями черных балок; в качестве сада — клочок земли за домом; высокий забор, укрывающий этот сад от любознательности соседей. Границы включали общеобразовательную школу, куда Мюрел ходила через городской парк, с его математически выверенными клумбами, с предсказуемой сменой растений: весной — нарциссы, летом — герань, осенью — георгины. Она рано усвоила главный тюремный закон, рецепт выживания в неволе: не высывайся и не нарывайся на неприятности.

Ее отец был тюремным надзирателем. Низкорослый педантичный человечек, с важной походкой и легкими садистскими наклонностями, которых он слегка стыдился. Благодаря собственному благоразумию отец не переступал черты, и существование его жертв было сносным. Собственную мать она считала сокамерницей, но общая беда не породила ни взаимопонимания, ни сочувствия. О некоторых вещах лучше было умалчивать. В их разговорах случались паузы, очевидные обеим, и все же попытка нарушить их привела бы к катастрофе. Каждая бережно несла свою муку, закрывая ее

ладонями, держась от другой на расстоянии, словно опасаясь разделить какую-нибудь невыясненную чужую вину. Мюрел спасали бесстрашие, молчаливость и тщательно скрываемая от окружающих внутренняя жизнь. Триумфы ее ночных мечтаний отличались драматичностью и нездешним колоритом, но Мюрел никогда не обманывала себя и считала их просто вымыслом, уловкой, делающей жизнь более приемлемой, и не потакала себе, путая их с реальностью. За пределами тюрьмы был настоящий мир. Однажды она вырвется на свободу и возьмет свое.

Она росла, зная, что отец любит только свою старшую дочь. К тому времени как Симоне исполнилось четырнадцать, их взаимная одержимость окрепла до такой степени, что не вызвала больше сомнений ни у Мюрел, ни у ее матери. Симоне доставались подарки, угощения, новая одежда, пикники по выходным, на которые они ездили вдвоем с отцом. У Мюрел была маленькая комната в глубине дома, и, уже лежа в постели, она слышала их перешептывания и тонкий, полуистерический смех Симоны. Мать им прислуживала, но жалованья, полагающегося в таких случаях, не получала. А может быть, невольно соблазнившись их утехами, она подглядывала за ними.

Мюрел не чувствовала ни зависти, ни обиды. У Симоны не было ничего, что хотелось бы иметь ей. В четырнадцать лет Мюрел знала дату своего освобождения: день ее шестнадцатилетия. Она лишь хотела убедиться, что будет в состоянии себя содержать и что закон не может заставить ее вернуться домой. Судя по всему, мать наконец осознала, что жизни у нее нет. Она ушла незаметно, проявив характерное для хозяйки и жены невежество. Легкая пневмония — не то заболевание, от которого умирают. Впрочем, это верно лишь для тех, кто хочет жить. В похоронном бюро морг называли «приделом вечного покоя» — эвфемизм, приводивший Мюрел в бессильную ярость. Она смотрела на лежащую в гробу мать. Судя по выражению лица этой незнакомой женщины, она была довольна. Что ж, так тоже можно освободиться, но это не ее путь.

Через девять месяцев ей исполнилось шестнадцать лет. Мюрел ушла, оставив Симону и отца в их симбиотическом мире утех, заговорщицких переглядываний и детских радостей. Она подозревала, чем они занимаются, хотя точно никогда не знала. И не интересовалась. Мюрел никак не дала знать о своих намерениях. Она написала отцу, что уходит из дома, будет искать работу и позаботится о себе сама, а записку аккуратно положила на середину каминной полки. С одной стороны, Мюрел хорошо понимала, в чем ее преимущества. Правда, в некоторых отношениях она оказалась нетрудоспособной — и не столь проницательной. Мюрел ставила на приличный аттестат, твердые навыки в стенографии и машинописи, восприимчивые к техническим новшествам мозга, сообразительность и систематичность. Она приехала в Лондон с деньгами, которые копила с четырнадцати лет, нашла комнату по карману и принялась искать работу. Она готовилась предложить верность, самоотверженность и энергичность — и была уязвлена, когда выяснилось, что спросом пользуются другие, более заманчивые качества, как то: физическая привлекательность, общительность, веселый нрав и угодливость. Мюрел находила работу легко, но нигде не задерживалась. Она неизменно уходила со всеобщего согласия и была слишком горда, чтобы возражать и требовать справедливости. В какой-то момент, в котором не бывало ничего неожиданного, работодатель вызывал ее для беседы и намекал, что ее квалификация нашла бы лучшее применение на другой должности и это для ее же блага. Мюрел писали хорошие рекомендации, в которых расхваливали ее добродетели. О причинах ухода тактично умалчивалось: работодатели и сами толком не понимали, в чем дело.

С родными Мюрел не встречалась и не созванивалась. Ни с отцом, ни с сестрой. Через двенадцать лет после того, как она ушла из дома, их не стало. Симона покончила с собой, а спустя две недели умер отец — от сердечного приступа. Мюрел почувствовала лишь смутное, безболезненное сожаление. Чужая трагедия иногда пробуждает в нас нечто подобное.

Трагический уход сестры вызвал у нее лишь удивление, что у той хватило духу сделать это.

Смерть родных изменила жизнь Мюрел. Других родственников у них не было, и дом перешел ей. Мюрел не стала туда возвращаться. Вместо этого она проинструктировала агента, который должен был продать и недвижимость, и все, что там находилось. Теперь съемные комнаты остались позади. Мюрел нашла традиционный кирпичный коттедж в Саут-Финч-ли, на одной из тех полудеревенских улочек, которые пока еще встречаются — даже в не самых далеких пригородах. Высокая крыша, маленькие окошки. Дом малопривлекательный, но добротный и относительно изолированный. Напротив имелось место для машины, которую теперь она могла себе позволить. Постепенно — неделя за неделей — она обзавелась мебелью, которую искала по комиссионным магазинам, покрасила стены, повесила шторы.

Работа не доставляла ей той же радости, но Мюрел стойко переносила невзгоды. В этой добродетели у нее недостатка не было. Ее предпоследнее место, секретарь-машинистка в Суотлинг, оказалось понижением в статусе. Зато здесь перед ней открылись кое-какие возможности: собеседование проводила мисс Дюпейн, которая вскользь упомянула, что со временем ей, возможно, понадобится личная секретарша.

Работа была сущим наказанием. Она презирала учениц, кляла этих соплячек за тупость, высокомерие и невоспитанность, а их родителей считала нуворишами. Как только те потрудились ее заметить, неприязнь вернулась сторицей. Девочки нашли Мюрел назойливой, некрасивой до безобразия и лишенной почтительности, которой они от нее ждали как от нижестоящей. Она оказалась подходящим объектом для недовольства и удобной мишенью для шуток. Были среди них немногие, злые от природы. Нашлись и те, кто обращался с ней учтиво. Но никто ничего не противопоставил всеобщему пренебрежению. Даже самые доброжелательные привыкли называть ее ГГ — Горгона Годбай.

Два года назад ситуация взорвалась. Мюрел нашла дневник одной из учениц и положила в ящик своего стола, чтобы

передать, когда та к ней зайдет. Она не считала нужным специально искать владелицу. Девочка обвинила Мюрел в намеренном удерживании дневника и принялась на нее орать. Мюрел рассматривала ее с холодным презрением: крашенные, торчащие красными иглами волосы, в носу золотая бляха, накрашенный рот выкрикивает непристойности. Грубо схватив дневник, она напоследок прошипела:

— Леди Суотлинг просила, чтобы вы к ней зашли. Я могу вам сказать — зачем. Вас вышибут с работы. Вы не тот человек, который нужен колледжу для приема посетителей. Вы — отвратительная, вы — тупая, и мы будем рады вашему уходу!

Мюрел посидела, помолчала и потянулась за сумочкой. Еще один отказ. Она заметила, что к ней идет Кэролайн Дюпейн. Мюрел подняла глаза и не сказала ничего. Заговорила Кэролайн:

— Я только что была у леди Суотлинг. Думаю, будет правильнее, если вы смените место работы. Здесь не находится применения вашим способностям. Мне в музее Дюпейна нужна секретарша для работы с посетителями. С деньгами, боюсь, там не намного лучше, зато есть реальные перспективы. Если вы заинтересованы, советую прямо сейчас пойти к леди Суотлинг и подать заявление об уходе — не дожидаясь, пока она сама об этом заговорит.

Мюрел так и сделала. Наконец-то она нашла работу, где ее ценили. Все шло хорошо. Мюрел обрела свободу. И она обрела любовь, пусть еще и не осознала этого.

11

Сделав последний визит, Невил Дюпейн доехал до своей квартиры, выходящей на Кенсингтон-Хай-стрит, только к началу десятого. В случае особенно обширной географии намеченных встреч или при угрозе слишком мутор-

ной поездки на общественном транспорте Невил перемещался по Лондону на «ровере». А в музейном гараже стоял его любимый красный «ягуар-тайп» 1963 года выпуска. Обычно Невил забирал его в пятницу, в шесть часов вечера. Он привык с понедельника по четверг работать допоздна, что давало ему возможность проводить выходные вне Лондона. Это было совершенно необходимо. Как местный житель, Невил имел право ставить машину рядом с домом, однако он не избежал изматывающей поездки вокруг квартала, пока не нашел, куда приткнуться. Неустойчивая погода изменилась опять, и все сто ярдов, оставшиеся до дома, Невил шел под мелким дождиком.

Он жил на последнем этаже большого многоквартирного здания, построенного после войны, с непримечательной архитектурой, но ухоженного и удобно расположенного. Его размеры, неброский уют, даже тесные ряды пустых, лишенных всякого выражения окон — все гарантировало уединение, столь необходимое Невилу. Он никогда не считал квартиру своим домом. Это слово не вызывало у него никаких ассоциаций, и скорее всего он бы затруднился дать ему определение. Квартира была его убежищем. Постоянный глухой шум, который доносился с оживленной улицы, лежащей пятью этажами ниже, лишь подчеркивал умиротворенность этих комнат. Тот же эффект дало бы ритмичное дыхание моря вдалеке. Заперев за собой дверь и отключив сигнализацию, Невил сгреб разбросанные по коврику письма, повесил влажный плащ, швырнул портфель и, пройдя в гостиную, опустил деревянные жалюзи, за которыми остались огни Кенсингтона.

Удобная квартира. Невил купил ее лет пятнадцать назад, когда окончательно развелся, оставил центральную Англию и переехал в Лондон. Он не поленился и отобрал минимум современной, удобной мебели. Первоначальный выбор оказался столь удачным, что дальнейшие усовершенствования не понадобились. Невил любил иногда послушать музыку, и стереооборудование у него было новейшее и дорогое. Сама

по себе техника его не интересовала. Он не требовал от нее ничего, кроме нормальной работы. Если машина ломалась, Невил не начинал качать права, а просто заменял ее другой моделью, предпочитая денежные траты временным и душевным потерям. Стоящий в холле телефон вызывал у него ненависть. Невил редко брал трубку. Он каждый вечер прослушивал сообщения. У тех, кому он мог срочно понадобиться, в том числе и у больничной секретарши, имелся номер его мобильного. Этого номера не было больше ни у кого — ни у дочери, ни у брата с сестрой. Если Невил и задумывался о значимости этих исключений, он не беспокоился. Они знали, где его искать.

Переделанной тогда же кухней Невил не воспользовался ни разу. Он был разборчив в еде, однако готовить не любил и в основном полагался на купленные в центральных супермаркетах полуфабрикаты. Невил открыл холодильник, выбирая между рыбным пирогом с мороженым горошком и мусакой*, когда раздался звонок. Он так редко слышал громкий и настойчивый звук домофона, что был потрясен, будто ему стучали прямо в дверь. Немногие знали, где он живет, и никто из них не мог приехать без предупреждения. Невил подошел к двери и нажал кнопку переговорного устройства, надеясь, что кто-то ошибся номером. Когда он услышал властный голос дочери, в нем все оборвалось.

— Пап, это Сара. Я тебе звонила. Мне нужно с тобой поговорить. Ты что, не слышал мои сообщения?

— Нет, извини. Я только что пришел и еще не прослушивал автоответчик. Давай, поднимайся.

Он отпер входную дверь и встал рядом, слушая вой лифта. Сегодняшний день был тяжелым, а завтра его ждала другая, не менее головоломная задача — будущее музея Дюпейна. Невил хотел еще раз продумать тактику, обосновать свое нежелание подписывать новый договор, выстроить аргумен-

* Мусака — греческое блюдо, состоящее из рубленого мяса молодого барашка, баклажанов и томатов. Сверху поливается соусом, содержащим сыр.

тацию, способную сломить решимость брата и сестры. Он рассчитывал на спокойный вечер, хотел собраться и принять окончательное решение, однако про покой, похоже, можно забыть. Сара бы не пришла, не оказалась она в беде.

Как только он открыл дверь и забрал у дочери зонтик и плащ, ему стало ясно, что дело серьезное. Сара с детства не могла держать себя в руках, не говоря уже о притворстве. Еще во младенчестве ее гнев был страстен и изнурителен, в моменты счастья и душевного волнения она приходила в неистовство, а своим отчаянием заражала обоих родителей, вместе с ней погружавшихся в уныние. Ее вид, ее одежда всегда выдавали внутреннее смятение. Невилу вспомнился один вечер — лет пять, что ли, тому назад, — когда она нашла удобным встретиться с другом здесь, в этой квартире. Она стояла на том же месте, что и сейчас, волосы были спутаны, щеки радостно пылали. Глядя на дочь, Невил с удивлением обнаружил, что она красива. Сейчас ее тело казалось каким-то осевшим, будто она преждевременно постарела, непричесанные волосы убраны назад, на угрюмом лице безысходность. Глядя в это лицо, так похожее на его и в то же время таинственно другое, Невил видел унылые глаза, сосредоточенные, казалось, на собственной никудышности. Сара рухнула в кресло.

— Что ты будешь? Вино, кофе, чай?

— Вино в самый раз. Любое, которое открыто.

— Белое, красное?

— Пап, ну ради Бога! Какая разница! Ладно, красное.

Он взял с полки ближайшую бутылку, прихватил два стакана и вернулся.

— Хочешь подкрепиться? Ты ела? Я как раз собирался разогреть что-нибудь и поужинать.

— Я не голодна. Я пришла кое-что уладить. Для начала, чтоб ты знал, Саймон меня бросил.

Вот оно что. Он не был удивлен. Невил как-то встречался с ее сожителем и сразу, жалея и сердясь, понял, что это очередная ошибка. Вся ее жизнь состояла из таких повто-

ров. Влюбляясь, Сара всегда отдавалась целиком, без раздумий, а теперь, когда ей уже почти тридцать четыре, желание любить и быть любимой подогревалось нарастающим чувством безысходности. Невилу нечем было утешить дочь: любые его слова вызовут лишь негодование. Работа лишила его возможности уделять ей внимание и заботу, пока она была подростком, а развод дал еще один повод для ее обид. Все, что Сара от него теперь требовала, — это практическое содействие.

— Когда все случилось?

— Три дня назад.

— Это окончательно?

— Конечно, окончательно! Все было кончено еще месяц назад, просто я об этом не знала. А теперь мне необходимо вырваться, по-настоящему вырваться. Я хочу уехать за границу.

— А как же работа, школа?

— Я ее бросила.

— Ты хочешь сказать — выставила оценки за триместр?

— Не выставляла я никаких оценок. Я просто не вышла на работу. Я не собиралась возвращаться в этот бардак, где бы ребяташки, даваясь от смеха, обсуждали мою личную жизнь.

— Да с какой стати? Откуда им знать?

— Ради Бога, папа! Спустись на землю! Естественно, они знают. Работа у них такая — знать. И так идут всякие там разговоры, что я зря пошла в учителя — будто я гожусь на что-либо другое, — а тут мне в лицо будут тыкать несостоятельностью еще и на личном фронте!

— Но ты преподаешь в средней школе. Они же дети.

— Эти детки в одиннадцать лет знают о сексе больше, чем я знала в двадцать! И вообще, меня готовили в учителя. А так я половину времени заполняю всякие бланки, а в оставшиеся часы пытаюсь удержать под контролем двадцать пять сквернословящих, подзуживающих друг друга агрессивных детей, не испытывающих никакой тяги к учебе. Я жила впустую! Хватит!

— Не могут же они все быть такими.

— Конечно! Только таких достаточно, чтобы класс стал необучаемым. У меня есть два мальчика с диагнозами, предполагающими стационарное психиатрическое лечение. Просто места свободного не нашлось. И что же? Их опять подбросили нам! Психиатр — ты, и возиться с ними — твоя забота, а не моя!

— Но не выйти на работу... Это на тебя не похоже. Ты подводишь своих коллег.

— Директор как-нибудь справится. Он-то мне в эти последние триместры не шибко помогал. Так или иначе, я ушла.

— А квартира?

Они, кажется, купили ее в складчину. Невил одолжил ей деньги для первого взноса, а на ежемесячные выплаты должно было хватить, по его предположениям, ее жалованья.

— Естественно, мы ее продадим. Правда, надежды разделить прибыль нет никакой: прибыли не будет. Эта общага, что строится напротив нас, положила конец всяким перспективам. Юрист должен был обо всем заранее разузнать, да что толку привлекать его за халатность. Нам нужно продать жилье за сколько получится. Я оставила все на усмотрение Саймона. Он хорошо с этим справится, так как понимает: ипотека висит на нас обоих. Я умываю руки. Штука в том, папа, что мне нужны деньги.

— Сколько? — спросил Невил.

— Чтоб хватило на год нормальной жизни за границей. Я у тебя их не прошу — во всяком случае, не прямо у тебя. Я хочу свою долю от продажи музея. Хочу, чтобы его закрыли. Тогда я возьму у тебя займы — немного, тысяч двадцать — и после возвращу из тех денег. Нам всем что-то полагается, так? Я имею в виду доверенных лиц и внуков.

— Я не знаю сколько, — ответил Невил. — По условиям доверенности все ценные предметы, в том числе и картины, будут предложены другим музеям. Нам полагается доля от того, что останется после их продажи. Думаю, там получится тысяч по двадцать каждому. Я не считал.

— Этого достаточно. Собрание завтра, да? Я звонила тете Кэролайн и уточняла. Ты ведь не хочешь сохранять музей? Я хочу сказать... Ты всегда знал: дед о нем беспокоился больше, чем о тебе или о любом другом члене семьи. Музей был его личной утехой. И пользы от него все равно никакой. Дядя Маркус может думать, что он преуспеет, но у него ничего не получится. Он лишь будет тратить деньги до тех пор, пока обстоятельства не заставят его отступить. Я хочу, чтобы ты мне обещал не подписывать новый договор. Тогда я смогу занять у тебя с чистой совестью. Я не возьму денег, если у меня не будет даже надежды вернуть их. Мне осточертело сидеть в долгах и испытывать признательность.

— Сара, тебе не за что испытывать признательность.

— Да ну? Пап, я не тупая и понимаю: тебе проще выдавать деньги, чем любить меня. Я всегда с этим мирилась. Еще будучи ребенком я знала, что любовь — это то, что ты отдаешь своим пациентам, а не маме или мне.

Обвинение не было новым. Он слышал его много раз — и от жены, и от Сары. Доля истины в этом была, хоть и не такая большая, как им казалось. Повод для обиды был слишком очевидным, слишком упрощенным, слишком удобным. Их отношения куда тоньше и сложнее, чем эти незатейливые умствования. Он не спорил. Просто ждал.

— Ты же хочешь, чтобы музей закрыли? Ты всегда знал, какую роль он сыграл в твоей жизни и в жизни бабушки! Это все прошлое, папа. Мертвые люди, мертвые годы. Ты всегда говорил, что мы слишком носимся со своим прошлым: копи́м его, собираем. Ради Бога, можешь ты хоть один раз настоять на своем и не идти на поводу у брата с сестрой?

Вино так и осталось закупоренным. Повернувшись к дочери спиной, усилием воли заставив руку подчиняться, Невил откупорил его и наполнил бокалы. Затем сказал:

— Я думаю, музей надо закрывать, и намерен сказать это на завтрашней встрече. Я не жду от окружающих согласия. Заседание неизбежно выльется в личное противостояние.

— Что ты имеешь в виду, говоря «намерен»? Прямо как дядя Маркус! Ты должен знать сейчас, чего хочешь добить-

ся. Тебе ведь и делать ничего не надо, так? Тебе даже не придется их убеждать. Я знаю, тебе проще что-нибудь сделать, лишь бы избежать семейной ссоры. Все, что требуется, — не подписывать новый договор, продержаться до крайнего срока и не попадаться им на глаза. Они не могут тебя заставить.

Передавая ей вино, он спросил:

— Когда тебе нужны деньги?

— Я хочу получить их на днях. Думаю полететь в Новую Зеландию. Там живет Бетти Картер. Вряд ли ты ее помнишь. Мы вместе учились. Она вышла за новозеландца и все это время звала меня провести у них каникулы. Я собираюсь начать с острова Южного, потом переехать в Австралию, а потом — в Калифорнию. Мне надо прожить год без необходимости работать. После я смогу решить, что хочу делать дальше. И это будет не преподавание.

— У тебя не получится обойтись без задержек. Нужно получить визу, заранее заказать билет на самолет. Сейчас не лучшее время для отъезда из Англии. Мир как никогда опасен и неустроен.

— Ты мог бы начать меня убеждать, что теперь надо сидеть дома, а не ехать куда вздумается. Мне нет дела до терроризма ни здесь, ни где бы то ни было еще. Я терпела неудачи во всем, за что бы ни бралась. Мне кажется, я рехнусь, если останусь еще хотя бы на месяц в этой проклятой стране.

«Но ты всюду будешь вместе с собой». Он мог так сказать. И не сказал. Невил знал, какое презрение — заслуженное презрение — вызовет у нее эта банальность. Толку от его советов было не больше, чем от советов психолога в любом дамском журнале. Деньги — другое дело. Он сказал:

— Я могу выписать чек сегодня же вечером, если хочешь. И я от своего не отступлюсь. Все правильно, музей надо закрывать.

Сара сидела напротив. Они не смотрели друг на друга, но вино по крайней мере потягивали вместе. Вдруг он ужасно по ней затосковал и, не сиди они так, кинулся бы к дочери и обнял ее. Любовь ли это? Невил знал: это что-то не столь раз-

рушительное, не столь беспокойное, нечто, с чем он мог бы справиться. Здесь смешались жалость и чувство вины перед Гиринами. Слово дано, и он понимал, что это обещание придется выполнить. А еще он понимал, что рад ее отъезду. Невила захлестнуло отвращение к себе. Его переполненная заботами жизнь станет проще, если его единственный ребенок окажется на другом конце света.

12

Собрание было назначено на среду, тридцатое октября, на три часа дня. Как понимал Невил, учли интересы Кэролайн, у которой и утро, и вечер были заняты. Невила время не устраивало. После обеда он никогда не чувствовал особого прилива сил, да и надомные визиты пришлось переносить. Наследники должны были встретиться в библиотеке, на первом этаже, как всегда происходило в тех редких случаях, когда у них, как у доверенных лиц, оказывались общие дела. Посередине комнаты там стоял прямоугольный стол, на нем — три неподвижно закрепленные лампы с пергаментными абажурами. В общем, подходящее место, но Невил предпочел бы другое. Он слишком хорошо помнил, как входил туда по требованию отца, с вспотевшими руками, с колотящимся сердцем. Отец никогда его не бил. Жестокость его слов и нескрываемое презрение к среднему сыну доставляли тому мучения еще более изощренные и оставляли невидимые, но долго не заживающие шрамы. Невил никогда не обсуждал отца с Маркусом или Кэролайн — разве только в самых общих выражениях. Судя по всему, они страдали меньше или вообще не страдали. Маркус всегда был замкнутым, любящим уединение ребенком; позже он блестяще учился в школе и университете. От внутрисемейных конфликтов его защищала непритворная самодостаточность. Кэролайн,

единственная дочь и к тому же самая младшая, была любимицей отца — насколько Дюпейн-старший вообще был способен на привязанность. Его жизнью был музей, и их мать, будучи не в силах состязаться с таким увлечением и не находя поддержки в детях, отказалась от участия в соревнованиях и умерла, не дожив и до сорока лет.

Хотя Невил и приехал вовремя, Маркус и Кэролайн были уже на месте. Может, они заключили какое-нибудь предварительное соглашение? Обсудили будущую стратегию? А как же! Расписали каждый шаг грядущего сражения! Когда Невил вошел, они стояли в дальнем конце комнаты и теперь направились к брату. Маркус нес черный портфель.

Одежда Кэролайн говорила о готовности к битве: черные брюки; рубашка в серо-белую полоску, оставляющая открытой шею; красный шарф, завязанный под самым подбородком, его ниспадающие концы выглядели как флаг неповиновения. Маркус, будто подчеркивая официальность встречи, оделся как на работу — типичным государственным служащим. На его фоне старый плащ Невила и поношенный, нуждающийся в чистке костюм делали среднего брата похожим на бедного родственника. В конце концов, он врач-консультант, и алименты уже платить не надо. Он не был бедняком. Уж новый-то костюм мог себе позволить, кабы не отсутствие свободного времени и сил. Невил впервые — при встрече с братом и сестрой — ощутил себя в невыгодном положении из-за того, что не так одет; ощущение было одновременно абсурдным и унижительным, и от этого он разозлился еще больше. Неформально одетым Невил видел Маркуса лишь иногда. Во время отпуска тот ходил в шортах цвета хаки, в полосатой футболке или фуфайке. Старательная небрежность совсем его не меняла, а лишь подчеркивала свойственную ему зависимость от принятых норм. В повседневной одежде он походил, на взгляд Невила, на бойскаута-переростка. Лишь в хорошо сшитом костюме Маркус выглядел естественно. Сейчас брат себя чувствовал более чем естественно.

Невил стянул плащ, бросил его в кресло и прошел к столу в центре комнаты. Три кресла, три лампы. У каждого — картонная папка и стеклянный стакан. Между двумя лампами, на подносе, стоял кувшин с водой. Невил сел в кресло, стоящее отдельно — оно было ближе, — и тут же понял, что и физически, и психологически он с самого начала поставил себя в невыгодную позицию. Но, сев, уже не смог заставить себя перебраться.

Маркус и Кэролайн заняли свои места. Что кресло предназначалось именно Невилу, стало ясно по одному-единственному взгляду, брошенному Маркусом. Брат положил портфель рядом с собой. Невила вид стола наводил на мысли об устном экзамене. Кто экзаменатор — ясно, кому предстояло провалиться — тоже сомнений не вызывало. Забитые, достигающие потолка полки, снабженные запирающимися стеклянными дверцами, будто готовились обрушиться на Невила. Возвращался детский кошмар: недостаточно прочные, они сейчас оторвутся от стены — сначала медленно, потом загрохочут падающие кожаные переплеты, и они погребут его под своим чудовищным весом. Темные выступы за спиной наводили знакомый ужас перед притаившейся в них угрозой. Комната убийств должна была бы произвести на Невила впечатление более сильное, хотя и не столь личное, но вызывала лишь жалость и любопытство. Подростком он стоял и смотрел в молчаливом раздумье на непроницаемые лица, будто силой своего взгляда был способен проникнуть в их ужасные тайны. Невил вглядывался в безмятежное, тупое лицо Рауза. Перед ним был человек, который подобрал бродягу и обещал его подвезти, а сам при этом решил сжечь того живьем. Невил мог вообразить благодарность усталого путника, влезającego в машину, чтобы потом в ней погибнуть. По крайней мере Раузу хватило милосердия его сначала оглушить или придушить, а уж потом поджечь — и то он наверняка сделал это не из жалости, а руководствуясь одной целесообразностью. Бродяга не был ни признан, ни назван, ни востребован, и его не идентифицировали до сих пор. Толь-

ко в своей смерти он обрел мимолетную славу. Общество, столь мало заботившееся о нем при жизни, отомстило за него, представ во всем великолепии закона.

Невил подождал, пока Маркус не спеша открыл свой портфель, извлек оттуда бумаги и водрузил на нос очки.

— Спасибо, что пришел, — сказал он. — Я приготовил три папки с нужными нам документами. Там нет копий документа о форме собственности — в конце концов, его положения всем нам хорошо известны, — но на случай, если кто-то захочет справиться, он лежит у меня в портфеле. Нас сейчас интересует третий пункт. Он обуславливает порядок принятия основных решений по музею, в том числе: подписание очередного договора об аренде, назначение старшего персонала и любые приобретения дороже пятисот фунтов. Все выше перечисленное должно скрепляться подписью всех доверенных лиц. Текущий договор истекает пятнадцатого ноября сего года, и для его возобновления необходимы три наших подписи. В случае продажи или закрытия музея все первые издания, а также картины, оценивающиеся выше пятисот фунтов, должны быть переданы по условиям соглашения нижеуказанным музеям. Право первого выбора картин — у Тейта, книг и рукописей — у Британской библиотеки. Оставшиеся предметы должны быть проданы, а вырученные деньги разделены между оставшимися к тому моменту опекунами и потомками нашего отца по прямой линии. То есть выручка будет поделена между нами тремя, моим сыном, двумя его детьми и дочерью Невила. Составляя доверенность на семейную собственность, отец все сделал так, чтобы музей продолжал существовать.

— Конечно, он должен остаться, — вступила Кэролайн. — А любопытно — сколько получит каждый из нас, если музей будет закрыт?

— Если под договором не окажется трех наших подписей? Я не вызывал оценщиков, так что за этими цифрами — мои прикидки, и только. Большая часть экспонатов, остающихся после безвозмездной раздачи, хоть и представляет зна-

читательную историческую и общественную ценность, рынок заинтересовать не смогут. По моей оценке, каждому из нас достанется по двадцать пять тысяч фунтов.

— Да уж! Деньги, конечно, нелишние, но для продажи первородства — едва ли достаточные.

Маркус перевернул страницу в своем досье.

— Я приготовил копию нового договора, она составляет приложение В. Условия, за исключением годовой ренты, существенно не изменились. Срок договора — тридцать лет, рента утверждается заново каждые пять лет. Как вы убедитесь, цена по-прежнему разумна, даже выгодна; такие льготы не были бы нам доступны в условиях открытого рынка. Так происходит, как вы знаете, благодаря тому, что домовладелец не имеет права заключать соглашение об аренде с организациями, не связанными с литературой или искусством.

— Нам все это известно, — сказал Невил.

— Я понимаю. Я считал полезным освежить нашу память перед тем, как мы начнем выработать решение.

Взгляд Невила остановился на книгах Герберта Уэллса. Читает ли их кто-нибудь теперь? Он сказал:

— Все, что нам нужно решить, — это как мы будем закрывать музей. Должен сразу сказать: я не намерен подписывать новый договор. Время музея Дюпейна подошло к концу. Считаю разумным обозначить свою позицию с самого начала.

Несколько секунд все молчали. Невил заставил себя взглянуть в лица родственников. И Маркус, и Кэролайн оставались совершенно невозмутимыми — даже удивления никакого не выказали. Этот залп открыл сражение, которого они ждали и к которому были готовы. Они почти не сомневались в результате — лишь нащупывали самую действенную стратегию.

Когда Маркус нарушил молчание, его голос звучал совершенно невозмутимо:

— Я считаю такое решение преждевременным. Никому из нас не дано найти разумный выход, пока мы не рассмотрим финансовые обстоятельства — позволяют ли они сохранить музей. Например: по силам ли нам заключить новый

договор, и какие требуется внести изменения, чтобы музей продолжал существовать и в двадцать первом веке.

— Ты не можешь не понимать, что дальнейшие обсуждения будут потерей времени. Я все обдумал. Я размышляю над этим с тех пор, как умер отец. Музей пора закрыть, а экспонаты распределить между другими организациями.

Ни Маркус, ни Кэралайн не ответили. Невил больше не возражал. Повторы только ослабят его позицию. Лучше дать им высказаться, а затем опять вкратце сформулировать собственное решение.

Маркус продолжил, будто Невил ничего не говорил:

— В приложении С содержатся мои предложения, касающиеся реорганизации музея и поиска источников финансирования. Здесь же мной приведены счета за прошлый год, данные о посещениях и планируемые затраты. Как вам станет понятно из дальнейшего, я предлагаю добыть средства на заключение нового договора об аренде, продав единственную картину. Возможно, Нэша. Противоречий с условиями доверенности не возникнет, если выручка целиком будет вложена в музей — дабы сделать его работу более эффективной. Мы вполне можем расстаться с одной картиной: это не будет серьезным уроном. Как-никак картинная галерея — не главное в Дюпейне. Просто работы художников того времени представлены у нас достаточно широко, и мы можем себе позволить держать галерею. Теперь мы должны рассмотреть вопрос с кадрами. Джеймс Калдер-Хейл выполняет полезную работу; будет лучше всего, если он ее и продолжит. Но я считаю, что нам наконец нужно обзавестись квалифицированным хранителем — если мы хотим роста. На данный момент у нас работают: Джеймс, Мюрел Годбай — секретарь, отвечающий за прием посетителей, в коттедже живет Таллула Клаттон, выполняющая всю работу по дому, за исключением тяжелой уборки, и этот мальчик, Райан Арчер, разносчик, обычно занимающийся садом. Кроме того, у нас добровольно работают миссис Фарадей, курирующая работы в саду, и миссис Стрикленд, каллиграф. Обе женщины добросовестны и нужны музею.

— Правильно было бы включить в этот список и меня, — сказала Кэролайн. — Я прихожу сюда не меньше двух раз в неделю и практически управляю музеем — с тех пор, как умер отец. Если и осуществляется общий контроль, то он исходит от меня.

— Полноценный контроль отсутствует, — сказал Маркус с ровной интонацией. — Я не понимаю, чем занимаешься ты, Кэролайн, но общее положение вещей указывает на непрофессионализм. Мы должны перестать заниматься любительством — если собираемся внести фундаментальные изменения, необходимые для нашего выживания.

— Фундаментальные изменения не требуются, — нахмурилась Кэролайн. — Это место уникально. Да, оно маленькое. Так мы и не планировали собирать толпы, как это делают музеи более широкой тематики. Однако наше заведение играет свою роль. Из представленных тобой данных следует, что ты надеешься привлечь государственные средства. Забудь об этом. Нам не дадут ни фунта, с какой стати? А если и дадут — гранта будет недостаточно, а дополнениям взяться неоткуда. Местные власти и так испытывают сильное давление. Правительство не в состоянии толком профинансировать большие государственные музеи — Музей Виктории и Альберта, Британский музей. Не спорю, нам необходимо повысить доходы, да только не ценой утери нашей независимости.

— Мы не стремимся заполучить общественные деньги. Ни от правительства, ни от местных властей. Нам их все равно не видать. А если что и получим, то сами будем не рады. Только представь: у Британского музея около пяти миллионов долга. Правительство настаивает на свободном доступе в эти музеи, при этом недостаточно их финансирует; в результате они оказались в затруднительном положении и вынуждены идти к тому же правительству с протянутой рукой. Почему бы им не продать часть своих огромных, избыточных фондов, не установить разумную цену за вход для всех, кроме самой уязвимой части посетителей, и не стать независимыми?

— Они не могут отказаться от благотворительных мероприятий и не в состоянии отказаться от поддержки, — сказала Кэролайн. — Я согласна с тем, что мы без этого обойтись можем. Не понимаю, с какой стати музеи и галереи должны быть бесплатными. В аналогичных местах деньги берут: на концертах классической музыки, в театре, на балах. Би-биси — тоже за деньги. Если ты, конечно, готов отнести их продукцию к области культуры. А о сдаче квартиры и думать не смей. После смерти отца она перешла мне, и я без нее обойтись не могу. Я не могу жить в комнате при Суотлинг!

— У меня и в мыслях не было лишать тебя квартиры, — спокойно сказал Маркус. — Для размещения экспонатов она не подходит, попасть в нее можно только на лифте или через Комнату убийств, что неудобно. Места у нас достаточно.

— И не смей думать также о том, чтобы избавиться от Мюрел или Талли! Они обе делают больше, чем должны, — с таким-то жалованьем!

— Я и не собирался от них избавляться. Особенно от Годабай, которая просто незаменима. Я подумываю о некоторых дополнительных поручениях для нее — без вмешательства, конечно же, в ваши с ней дела. Однако на входе нам нужен кто-нибудь более привлекательный и доброжелательный. В качестве секретарши я хочу нанять девушку с высшим образованием. Обладающую необходимыми навыками, естественно.

— Да ну? Что еще за девушка такая — с высшим образованием? Из какого-нибудь университета по вязанию корзин? Ты лучше сначала убедись, что она умеет читать и писать! Мюрел владеет компьютером, Интернетом, бухгалтерией! Найди-ка девушку, умеющую все это и согласную работать за такое жалованье. Если получится — считай, что тебе офигительно повезло!

Невил во время этой перепалки молчал. Оппоненты могли так и сяк друг на друга набрасываться, но главная цель у них была общая: сохранить музей. Ему надо дождаться своего шанса. Он в очередной раз удивился, как мало знает брата и сестру. Невил никогда не обманывался на свой счет и не

считал, что психиатрия дает ему ключ к человеческой душе, и все же эти двое, разделяющие с ним ложное чувство близости и родства, были закрыты, как никто другой. Маркус гораздо сложнее, чем можно было бы заключить, глядя на его бюрократические замашки. Он чуть ли не профессионально играл на скрипке — а это что-нибудь да значит. Потом эти его занятия вышивкой. Чуткие руки Маркуса умели делать странные вещи. Глядя на них, Невил воображал эти длинные ухоженные пальцы то производящими изящные пометы на официальных бумагах, то прижимающими скрипичные струны, то держащими иголку с продетой в нее шелковой нитью или перебирающими, как сейчас, аккуратно разложенные документы. Маркус — с его скучным, «как у всех», загородным домом, ультрасветской женой, тяга к которой у него прошла, возможно, уже через час после знакомства, успешным сыном-хирургом, кующим ныне высокодоходную карьеру в Австралии. И Кэролайн. Поймет ли он когда-нибудь, что определяет ее жизнь? В ее школе Невил не был ни разу. Он презирал то, ради чего это заведение, как ему казалось, существовало: научить избранных вести жизнь, полную вседозволенности и безделья. Существование сестры в школе оставалось для него загадкой. Невил подозревал, что брак ее разочаровал, но одиннадцать-то лет она вытерпела. Какова теперь ее личная жизнь? Трудно поверить, что она столь же целомудренна, сколь и одинока. Невил почувствовал усталость: по ногам проходила крупная дрожь, а глаза слипались. Он заставил себя встряхнуться и услышал ровный, неторопливый голос Маркуса:

— Из наблюдений, которые я вел последний месяц, неминуемо вытекает следующее: если мы хотим выжить, музей Дюпейна должен измениться, и измениться фундаментально. Мы больше не можем оставаться маленьким хранилищем прошлого, которым пользуются немногие знатоки, исследователи и историки. Нам нужно открыться для людей, обучать и направлять, а не просто хранить память о давным-давно прошедших десятилетиях. И самое главное: мы долж-

ны шире смотреть на вещи. В мае 2000 года правительство опубликовало следующие материалы, посвященные будущей политике: «Центры общественных перемен: музеи, галереи и архивы — в общее пользование». Приоритет здесь — совершенствование общества, и музеи в связи с этим должны — дальше я цитирую — «...выявлять отвергнутых обществом людей... привлекать их и удовлетворять потребности таких людей... развивать проекты, нацеленные на улучшение жизни людей, рискующих оказаться вне общества». В глазах окружающих мы должны стать проводниками общественных перемен.

Громкий смех Кэролайн был одновременно пренебрежительным и искренним.

— Боже мой, Маркус! И как это ты не возглавил министерство: — просто удивительно! Ты обладаешь всем необходимым. Ты проглотил все нынешние словечки одним большим глотком. Так что мы должны, по-твоему, делать? Выйти на Хайгейт и Хэмпстед, чтобы разыскивать публику, желающую почтить нас своим присутствием? Предположим, нам удалось разыскать некоторое количество одиноких матерей (у каждой по два ребенка), геев, лесбиянок, владельцев маленьких магазинчиков и представителей нацменьшинств. И что дальше? Детей завлечь каруселью на лужайке и бесплатными шариками, а остальным посулить чай? Если музей выполняет свою работу как следует, интересующиеся люди — из разных слоев общества — будут в него ходить. На прошлой неделе я водила в Британский музей группу из нашей школы. В половине шестого оттуда повалили самые разные люди: молодые, старые, благополучные, оборванные, черные, белые... Бесплатный вход и притягательность музея — вот почему они туда пришли! Так мы не можем, но у нас есть возможность продолжать делать то же, что делали с тех пор, как нас основал отец. Ради Бога, давай ограничимся только этим! Сложностей нам и так хватит!

Невил сказал:

— Если картины уйдут в другие галереи, никто ничего не потеряет. Они по-прежнему будут вывешены на всеобщее

обозрение. Люди по-прежнему будут иметь возможность смотреть на них. Возможно, даже еще больше людей.

Кэролайн отмахнулась:

— Не обязательно. Весьма маловероятно, по моему мнению. У Тейта тысячи картин, которые негде выставить. Сомневаюсь, что Национальная галерея или Тейт сильно заинтересуются нашим предложением. Может быть, в маленьких провинциальных галереях дела обстоят иначе, но нет никакой гарантии, что они захотят получить эти экспонаты. Картинам место здесь. Они — часть продуманной, ясной экспозиции, посвященной времени между войнами.

Маркус закрыл досье и положил сцепленные руки на его обложку.

— До того, как выскажется Невил, я хочу обозначить две вещи. Первое. Условия доверенности сформулированы так, чтобы обезопасить музей Дюпейна от закрытия. Будем считать, у нас нет разногласий по этому поводу. Большинство желает сохранить музей. Из этого следует, что мы не должны доказывать тебе свою правоту. Убеждать — твоя обязанность. Второе. Как тебе кажется, каковы твои мотивы? Не допускаешь ли ты, что твое несогласие обусловлено не разумными соображениями, как то: достаточно ли музей здоров в финансовом отношении, чтобы выжить, выполняет ли он свое предназначение и тому подобное. Может быть, тобой движет жажда мести — мести отцу, для которого музей значил больше, чем семья, больше, чем ты? Если я прав, то не ведешь ли ты себя немного по-детски и не стыдно ли тебе, как добавили бы некоторые?

Слова сидящего по ту сторону стола Маркуса, высказанные мягко, монотонно, без всякой злобы — просто-напросто разумный человек предлагает разумную теорию, — ударили Невила, причинив ему почти физическую боль. Он почувствовал, как отшатнулся, сидя в своем кресле, понимая, что лицо выдало всю силу его смятения. Вопреки воле в нем бушевали удивление, потрясение, гнев — все это лишь подтверждало выдвинутое Маркусом обвинение. Невил ждал

битвы, но и представить себе не мог, что брат отважится выбрать столь опасное поле боя. Он чувствовал, как Кэролайн вытянулась вперед, и ощутил на своем лице ее пристальный взгляд. Они ждали его ответа. Невила подмывало сказать, что одного психиатра в семье вполне достаточно, однако передумал: для дешевых шуток момент был неподходящий. Молчание длилось где-то полминуты, за это время он вновь обрел голос и способность говорить спокойно.

— Хотя бы и так. И в отношении меня это правдиво не в большей степени, чем в отношении любого другого члена семьи, — и тем не менее мое решение остается прежним. В дальнейших обсуждениях нет никакого смысла, особенно если они выливаются в составление психологических портретов друг друга. Я не собираюсь подписывать новый договор. А теперь мне пора вернуться к своим пациентам.

В этот момент у него зазвонил мобильный телефон. Невил собирался отключить его на время встречи и забыл. Он прошел к своему плащу и начал шарить в кармане. Звонила его секретарша. У нее не было необходимости представляться.

— Звонили из полиции. Они хотели тебе позвонить, но я сказала, что сообщу сама. Миссис Гиринг попыталась убить себя и своего мужа. Большая доза растворимого аспирина и полиэтиленовые пакеты на голове.

— Они живы?

— Альберта врачи «скорой» откачали. Он будет жить. А она мертва.

Невил закусил губу.

— Спасибо, что сообщили мне. Я перезвоню.

Он положил телефон обратно и на негнувшихся ногах пошел к креслу, удивляясь, что может идти. Невил заметил равнодушный взгляд Кэролайн.

— Извините. Мне сообщили, что жена одного из моих пациентов покончила с собой.

Маркус поднял глаза от своих бумаг.

— Но не сам пациент? Его жена?

— Не сам пациент.

— А раз не пациент, незачем было тебя беспокоить.

Невил не ответил. Он сидел, сжав лежащие на коленях руки, и боялся, что брат с сестрой заметят их дрожь. Его охватило иступленное, осязаемое бешенство — вздымающееся, словно блевотина. Невил чувствовал необходимость изрыгнуть его зловонным потоком, будто бы это принесло избавление от боли и чувства вины. Он помнил последние слова, сказанные ему Адой Гириг: «Думаю, я больше так не выдержу». Она имела в виду именно это! Стоически все переносящая, не жалующаяся, она осознала, что дошла до предела. Поразительно, однако ни Маркус, ни Кэролайн не заметили его смятения — этот разрушительный приступ отворачивания к себе. Невил уставился на Маркуса. Брат хмурился, соображал, был спокоен; похоже, формулировал очередной аргумент, разрабатывал стратегию. Лицо Кэролайн было понятнее: она побелела от гнева.

Они на несколько минут замерли в этой немой сцене противостояния, и тут открылась дверь. Их отвлекло движение в комнате. В дверном проеме стояла Мюрел Годбай с полным подносом в руках. Она сказала:

— Мисс Кэролайн просила меня принести чай к четырем часам. Наливать сейчас?

Кэролайн кивнула и принялась раздвигать бумаги, освобождая на столе место. Вдруг Невил не выдержал. Он вскочил, хватая плащ, и повернулся к родственникам в последний раз.

— Я закончил. Все сказано. Мы все теряем время. Готовьтесь-ка лучше к закрытию. Я никогда не подпишу этот договор. Никогда! И вы не сможете меня заставить.

Он взглянул в искаженные отвращением лица. Невил понимал, как выглядит в их глазах: распоясавшийся ребенок, вымещающий бессильный гнев на взрослых. Но сила была на его стороне, и они знали это.

Невил слепо направился к двери. Он не помнил, как все произошло. То ли он задел поднос рукой, то ли Мюрел Годбай, инстинктивно желая помешать, встала у него на пути.

Вертящийся поднос вылетел из ее рук. Невил слегка задел Мюрел, осознав лишь ужасный вопль, дугу горячего чая и грохот падающего китайского фарфора. Не оглядываясь, он побежал вниз по лестнице, мимо изумленных глаз сидевшей за столом миссис Стрикленд — прочь из музея.

13

Наступило тридцатое октября, среда, день встречи доверенных лиц. Этот день начался для Талли, как и любой другой. Еще не рассвело, а она уже находилась в музее. С каждодневными делами было покончено в течение часа. Мюрел пришла рано и принесла с собой корзинку. Талли догадалась, что та испекла, как обычно, печенье к чаю для собраний. Вспомнив школьные годы, Талли подумала: «Она подлизывается к учителю». И ее сердце сжалось от чувства, которое она сама бы определила как недостойную смесь жалости и легкого презрения.

Вернувшись из маленькой кухни в глубине холла, Мюрел объявила распорядок дня. Музей, за исключением библиотеки, будет открыт в полдень. Миссис Стрикленд вот-вот должна приехать; ей велено работать в картинной галерее. Она могла бы взять на себя работу с посетителями, пока Мюрел будет заниматься чаем. Талли, наверное, не понадобится. Звонила миссис Фарадей и сообщила, что простудилась и прийти не сможет. Не приглядит ли Талли за Райаном, когда тот соизволит явиться, чтобы он не воспользовался отсутствием миссис Фарадей?

По возвращении в коттедж у Талли не было ни одной свободной минуты. В результате обычной прогулки по Хиту, предпринятой, несмотря на изморось, она вместо успокоения в душе и теле почувствовала лишь необычную усталость. В полдень Талли еще не была голодна и решила отложить

свой обед, состоящий из супа и омлета, до прихода Райана. Сегодня он принес половину маленькой буханки черного хлеба (заранее нарезанного) и банку сардин. Когда парень попытался вскрыть сардины, кольцо отломилось. И ему пришлось сходить на кухню за открывалкой. Для банки это оказалось слишком, и Райан не справился и забрызгал маслом скатерть. Коттедж сразу пропах рыбой. Талли пошла открыть дверь и окно; поднялся ветер, и по стеклу забарабанил дождь. Возвратясь к столу, она застала Райана намазывающим изуродованную рыбу на хлеб — хлебным ножом вместо своего, который Талли перед ним специально выложила. Замечание прозвучало бы слишком мелко, но она неожиданно почувствовала, что хочет остаться одна. Омлет утерять свою привлекательность, поэтому Талли пошла на кухню и открыла пакет с томатно-фасолевым супом. Прихватив большую тарелку и ложку, она вернулась к Райану и села за стол.

Не прожевав до конца хлеб, парень проговорил:

— А правда, что музей закроют и всех нас вышвырнут на улицу?

Талли заставила себя ответить равнодушно:

— Кто тебе об этом сказал, Райан?

— Никто. Я случайно услышал чужой разговор.

— Может быть, тебе не следовало его слушать?

— Я и не старался. Я пылесосил холл, а у стола стояла мисс Кэролайн и разговаривала с мисс Годбай. Она сказала: «Если мы в среду не сможем его переубедить, музей будет закрыт, вот и все. Однако я рассчитываю на его благоразумие». Мисс Годбай что-то ответила — я не расслышал. Я услышал еще несколько слов, пока мисс Кэролайн не ушла: «Держите это при себе».

— Не лучше ли было и тебе держать это при себе?

Райан невинно уставился на Талли:

— Так ведь мисс Кэролайн не мне это говорила, верно? Сегодня среда. Поэтому они сегодня придут все троим.

Талли охватила ладонями тарелку с супом, но есть не стала. Она боялась, поднеся ложку ко рту, выдать дрожь в руках.

— Удивительно, что тебе удалось услышать так много, Райан. Они, наверное, говорили очень тихо.

— Да, так и было. Будто секрет какой обсуждали. Я услышал только окончание разговора. Когда я убираюсь, они никогда не обращают на меня внимания. Как если бы меня там не было. А если они и заметили, то решили, что я сквозь шум пылесоса ничего не услышу. А может быть, их не волновало, потому что это не важно. Я не имею значения.

В голосе Райана не было и тени обиды, хотя глаза мальчика неотрывно смотрели ей в лицо, и Талли знала, что он ждет реакции. На его тарелке осталась одинокая корочка хлеба, и он, продолжая глядеть на Талли, принялся ее крошить, а крошки скатывать в маленькие шарики, чтобы затем разложить их вокруг тарелки.

— Конечно же, ты имеешь значение, Райан, как и твоя работа здесь. И выброси из головы мысли, будто тебя не ценят. Не будь глупым.

— Мне нет до этого дела — ценят меня или нет. Во всяком случае, окружающие. Мне платят, так ведь? Не нравилась бы мне работа, я бы ушел. Похоже, и вправду придется.

На мгновение беспокойство о собственной судьбе отошло на второй план.

— Куда ты пойдешь, Райан? Какую работу будешь искать? Какие у тебя планы?

— Думаю, что планы есть у майора — на меня. Он большой специалист по этой части. Вы-то что будете делать, миссис Талли?

— За меня не беспокойся, Райан. В наши дни спрос на экономок большой. В «Леди» полно объявлений. Могу и на пенсию выйти.

— Но где вы будете жить?

Этот вопрос был лишним. Получалось, что Райан каким-то образом узнал о ее переживаниях, хотя она о них молчала. Кто-то об этом говорил? А он опять случайно услышал? Талли вообразила обрывки такого разговора: «Талли — вот с кем будут проблемы. Мы не можем ее просто так вышвырнуть. Насколько мне известно, ей некуда податься».

— Смотря какая попадется работа, верно? — спокойно сказала она. — Я предполагаю остаться в Лондоне. Хотя какой смысл решать теперь, пока ничего не определилось.

Райан смотрел ей в глаза, и она почти поверила в его искренность.

— Хотите — приходите в сквот. Там вы, правда, будете не одна. От Эвиных близнецов много шума, и они пованивают. Впрочем, это не так уж страшно. Я хочу сказать, что меня все устраивает, но я не уверен, что вам понравится.

Конечно, не понравится! Как ему только могло прийти такое в голову? Проявлял ли он пусть и неуместную, зато искреннюю заботу или играл с ней в какую-то игру? От этой мысли ей стало неуютно. Талли старалась говорить доброжелательно, даже с некоторым юмором:

— Вряд ли до такого дойдет, Райан. Спасибо тебе. Сквот — это для молодежи. И не думаешь ли ты, что тебе пора вернуться к работе? Сейчас рано темнеет, а тебе предстоит еще обрезать несколько мертвых плетей плюща на западной стене.

Талли впервые предложила ему уйти. Райан тут же поднялся, ничуть не обидевшись. Он смахнул со стола несколько крошек, отнес тарелку, нож и стакан с водой на кухню. Вернулся, неся намоченное кухонное полотенце, и начал оттирать им масляные пятна.

Стараясь скрыть раздражение, она сказала:

— Брось это, Райан. Скатерть придется стирать.

Он швырнул полотенце на стол и вышел. Когда за ним закрылась дверь, Талли с облегчением вздохнула.

День все тянулся. Она находила себе всякие пустяковые дела по коттеджу, не в силах спокойно сесть и почитать. Вдруг ей стало невозможно. Нужно узнать, что происходит, а если это невозможно — перестать сидеть в стороне, будто ей ни до чего нет дела. Можно запросто найти повод, зайти в музей и поговорить с Мюрел. Миссис Фарадей как-то упоминала, что хотела бы высадить вдоль дороги побольше цветов. Не могла бы Мюрел оплатить это из кассы на мелкие расходы?

Талли потянулась за плащом. Накинув капюшон, она вышла на улицу. Там все еще шел дождь. Мелкая бесшумная изморось заставляла блестеть лавровые листья и холодила, покалывала лицо. Когда Талли подходила к двери, оттуда вышел Маркус Дюпейн. Он двигался стремительно, его лицо было напряжено, и он вроде бы ее не заметил, хотя они разминулись в футах друг от друга. Он даже не закрыл дверь, оставшуюся приоткрытой. Толкнув ее, Талли вошла в холл. Горели только две лампы — на столе Мюрел. Она сама и Кэролайн стояли рядом. Обе надевали плащи. Холл за их спиной утерял знакомые черты: загадочный, полный зловещих теней, с пещерами углов, с центральной лестницей, ведущей в черное небытие, — ничего близкого, обычного, обнадеживающего. На мгновение ей привиделись лица из Комнаты убийств: убийцы и их жертвы вместе неторопливой, тихой вереницей спускались из темноты. Талли чувствовала на себе внимание обеих женщин. И общее оцепенение прошло.

Кэролайн Дюпейн деловым тоном сказала:

— Ну хорошо, Мюрел. Все запереть и включить сигнализацию я предоставлю вам.

Коротко бросив «спокойной ночи», не обращаясь при этом ни к Мюрел, ни к Талли, она прошагала к двери и ушла.

Мюрел открыла ящик с ключами и взяла ключи от входной двери и кодовых замков. Она сказала:

— Мы с мисс Кэролайн проверили комнаты, так что вы можете идти. У меня случилась неприятность с чайным подносом, но я все убрала. — Помолчав, Мюрел добавила: — Я думаю, что вам следует начинать искать новую работу.

— Вы хотите сказать — именно мне?

— Всем нам. Мисс Кэролайн обещала что-нибудь для меня найти. Наверное, у нее что-то есть на уме — то, что могло бы меня заинтересовать. А так — да, всем нам.

— Что случилось? На собрании было что-нибудь решено?

— Официально — пока нет. У них был очень тяжелый разговор. — Мюрел помолчала, а затем с тем легким блаженством, с которым сообщают плохие новости, добавила: — Доктор Невил хочет закрыть музей.

— А он может?

— Он может покончить с нормальной работой музея — а это то же самое. Никому не рассказывайте о нашем разговоре. Как я уже говорила, официально еще ничего не решено, но, в конце концов, вы здесь проработали восемь лет. Я думаю, вы имеете право быть в курсе.

— Спасибо, что сказали мне, Мюрел, — как можно тверже произнесла Талли. — Нет, я никому ничего не скажу. Когда, как вам кажется, все прояснится?

— Все уже вполне прояснилось. Новый договор должен быть подписан пятнадцатого ноября. Значит, у мистера Маркуса и мисс Кэрлайн есть две недели на то, чтобы попытаться убедить своего брата изменить точку зрения. А он не собирается ее менять.

Две недели. Прошептав слова благодарности, Талли направилась к двери. Возвращаясь в коттедж, она чувствовала, что колени у нее не гнутся, а плечи ссутулились под навалившейся на них тяжестью. Да разве могут ее вышвырнуть через две недели? К ней вернулась способность соображать. Не случится такое, не может случиться. Пока въедут новые съемщики, должна пройти не одна неделя, а то и не один месяц, даже год. Для этого сначала нужно вывезти экспонаты и мебель, а это долго. Талли сказала себе, что на принятие решения у нее есть уйма времени. Она не занималась самообманом и понимала — вряд ли новые съемщики будут счастливы оставить ее в коттедже. Он им понадобится для размещения собственного персонала. Конечно, понадобится. Не обманывалась она и насчет собственных финансовых возможностей, которые вряд ли позволят ей купить в Лондоне квартиру — даже с одной спальней. Деньги были разумно вложены, но в связи с экономическим спадом не прибавлялись. На ежемесячные выплаты их хватит, да только кто же ей даст кредит на квартиру — шестидесятилетней, без твердых источников дохода? И все же другие переживали и не такие катастрофы. Как-нибудь справится и она.

В четверг ничего особенного не произошло, и о будущем официально ничего не сообщили. Дюпейны не появлялись, лишь еле заметным потоком шли посетители, казавшиеся Талли унылой, одинокой группкой людей, шатающихся тут и там и удивляющихся, что это они тут делают. В пятницу Талли открыла музей в восемь утра, как обычно. Она выключила сигнализацию, включила весь свет и начала проверку. Поскольку вчера не было посетителей, в комнатах на втором этаже убираться не понадобилось. Работа на самом тяжелом — первом — этаже была обязанностью Райана. Осталось удалить отпечатки пальцев с некоторых выставочных стендов, особенно в Комнате убийств, и протереть столы и стулья.

Мюрел появилась, как и всегда, ровно в девять, и рабочий день начался. Ждали группу ученых из Гарварда; с ними была предварительная договоренность. Визит устроил мистер Калдер-Хейл, который и должен был все им показать. Комната убийств его не интересовала, и эту часть экскурсии обычно проводила Мюрел. Смотритель признавал в убийстве и символичность, и характерность для своего времени, но возражал против посвящения убийцам и их преступлениям целой комнаты. Талли знала, что Калдер-Хейл отказывался от объяснений, не распространялся насчет экспонатов и все же был твердо уверен: чемодан открывать не следует по той простой причине, что те самые пятна крови могут вызвать у посетителей интерес и заставят их в очередной раз содрогнуться от ужаса.

Мюрел была предельно собранна. В десять часов она пошла искать Талли, стоявшую за гаражом и занятую разговором с Райаном — какие кусты следует подрезать и не стоит ли позвонить и посоветоваться с миссис Фарадей, которая еще не вышла после болезни.

— Мне пришлось на время оставить рабочее место, — сказала Мюрел. — Меня ждут в Комнате убийств. Согласись вы

завести мобильный телефон, я была бы уверена, что в любой момент смогу связаться с вами, даже если вы не в коттедже.

Отказ Талли обзаводиться мобильным телефоном вызывал упреки давно. Ее ненависть к мобильникам происходила не только из-за привычки людей не выключать их даже в музеях или кричать в них всякую бессмыслицу, когда она сидит в автобусе — на своем любимом месте, спереди, на втором этаже, наблюдая за происходящим внизу. Причины не ограничивались этими неудобствами. Сигнал сотовых по каким-то абсурдным, но неизбежным законам породнился в сознании Талли с настойчивым звоном дверного колокольчика в магазине, под знаком которого прошли и ее детство, и взрослая жизнь.

Она сидела за столом, выдавала маленькие билеты-наклейки, с помощью которых Мюрел контролировала количество посетителей, слушала приглушенное жужжание голосов, доносящееся из картинной галереи, — и на сердце у нее стало светлее. День был под стать ее настроению. В четверг небо, непроницаемое, будто серый ковер, давило на город и, казалось, впитывало его жизненную силу. Даже на окраине Хита воздух отдавал кислой гарью. А в пятницу погода прямо с утра переменялась. Воздух, все еще холодный, стал подвижнее, к полудню посвежело. Ветер раскачивал верхушки деревьев, шевелился в кустах, наполнял воздух запахами поздней осени, запахами земли.

Пока Талли дежурила за столом, приехала миссис Стрикленд, одна из добровольных помощниц. Она была каллиграфом-любителем и приходила в Дюпейн по средам и пятницам, чтобы находиться в библиотеке и писать, если требуется, новые таблички к экспонатам. Миссис Стрикленд выполняла тройную функцию, так как могла ответить практически на любые вопросы посетителей о книгах или рукописях, а заодно приглядывала за происходящим.

В полвторого, когда Мюрел пошла обедать в офис, на Талли опять оставили стол. Хотя посетителей приходило все меньше, музей казался оживленнее, чем был в последние

недели. В два образовалась маленькая очередь. Талли с улыбкой приветствовала вновь приходящих, протягивая сдачу, и ее оптимизм крепчал. Вдруг найдется способ сохранить музей?! Но никаких сообщений до сих пор не было.

Без чего-то пять последние посетители ушли, и Талли вернулась в последний раз, чтобы вместе с Мюрел все проверить. При жизни старого Дюнейна этот обход был только ее обязанностью, но через неделю после своего появления Годбай по собственному почину взялась сопровождать Талли. Сама Талли возражать не стала, инстинктивно понимая, что не стоит ссориться с протеже мисс Кэролайн. Они вместе осмотрели комнаты, заперли галерею и библиотеку, заглянули в архив, который располагался в подвале и всегда ярко освещался: железная лестница была небезопасной. Все хорошо. Никаких вещей, забытых посетителями.

Выставочные стенды аккуратно закрыли кожаными чехлами. На библиотечном столе лежало несколько журналов в полиэтиленовых обложках. Их разложили поаккуратнее. Уходя, женщины выключили свет.

Вернувшись в холл и всматриваясь в темноту над лестницей, Талли в который раз подивилась странностям, приущим молчаливой пустоте. После пяти часов музей в ее глазах приобретал загадочность и чужеродность. С общественными местами такое часто происходит: их оставляют человеческие существа, и тишина, как зловещий потусторонний дух, прокрадывается внутрь, вступая в свои ночные права. Мистер Калдер-Хейл ушел поздним утром вместе с посетителями, мисс Кэролайн уехала в четыре. Вскоре и Райан, забрав свое дневное жалованье, пешком отправился к метро.

Остались Талли и Мюрел. Мюрел предложила мисеис Стрикленд подвезти ее до метро, и в пятнадцать минут шестого, чуть раньше обычного, она и ее пассажирка уехали. Талли подождала, пока машина не скроется в темноте, и пошла к коттеджу.

Поднялся ветер; его неожиданные порывы вымывали из души женщины дневной оптимизм. Талли с усилием двига-

лась вдоль восточной стороны дома, и ей хотелось, чтобы в коттедже горели огни. С появлением Мюрел она приучила себя к экономии. Обогрев и освещение у коттеджа были отдельными, ей не предъявлялось никаких претензий, но Талли знала, что счета тщательно изучаются. И Мюрел была, конечно же, права: деньги сейчас надо беречь как никогда. И все же, приближаясь к темной массе коттеджа, Талли хотела, чтобы сквозь шторы в гостиной был виден свет. Она понимала: это пока что ее дом — и ей стало спокойнее. У двери она задержалась и через раскинувшийся Хит оглянулась на далекий блеск лондонских огней. Даже с приходом темноты, когда Хит превращался в чернеющую под ночным небом пустоту, он все равно оставался ее любимым, родным местом.

В кустах раздался шорох, и появился Кот. Ничем не выдавая ни привязанности, ни хотя бы узнавания, он прошептал по дорожке и уселся, ожидая, пока откроют дверь.

Кот был ничейным. Даже Талли признавала, что вряд ли кто-нибудь добровольно захотел бы такое завести. Она никогда не видела кота больше этого. Он был на редкость рыжим, на его плоской квадратной морде один глаз располагался чуть ниже, чем надо, на коротеньких толстых лапках — огромные когти. О существовании хвоста кот, казалось, и не подозревал, так как пользовался им лишь иногда, выражая большей частью неудовольствие. Он появился прошлой зимой, придя из Хита, и два дня просидел под дверью, пока Талли не вынесла ему блюдце с кошачьей едой, — возможно, поступив несколько опрометчиво. Кот в несколько глотков с этим справился, прокрался через открытую дверь в гостиную и захватил кресло у камина. Работавший в тот день Райан стоял у двери и с опаской поглядывал на пришельца.

— Заходи, Райан. Он не собирается на тебя нападать. Это всего лишь кот, и он не виноват, что так выглядит.

— Он такой большой. Как вы его собираетесь назвать?

— Я пока над этим не думала. Рыжий или Мармелад — слишком очевидно. Ладно, он ведь может и уйти.

— Судя по его виду, он уходить не собирается... Рыжие, не рыжие — все они коты. Можете так его и назвать: Кот.

И он стал Котом.

В течение нескольких недель Кота перевидали все — и Дюпейны, и персонал. Восторга он не вызвал ни у кого. В голосе Маркуса Дюпейна слышалось явное неудовольствие: «Ошейник отсутствует. Значит, никого он особенно не интересуется. Вы могли бы дать объявление, но не исключено, что владелец только рад его уходу. Талли, если вы решите его оставить, старайтесь следить, чтобы он не забирался в музей».

Миссис Фарадей поглядела на Кота с неодобрением, собственным всем садовникам, сказав только, что хорошо бы не пускать его на здешнюю лужайку, только вряд ли это возможно. Миссис Стрикленд воскликнула: «Какой же он уродливый, бедняжка! Не милосерднее было бы его усыпить? Думаю, вам не следует его подкармливать, Талли. У него могут быть блохи. Не подпускайте его к библиотеке, ладно? У меня аллергия на шерсть».

Талли не ждала от Мюрел сочувствия — и не ошиблась: «Вы бы приглядывали, чтоб он не лез в музей. Мисс Кэрлайн будет этим недовольна, а у меня и без него дел полно. Надеюсь, вы не собираетесь делать для него лазейку в двери? Следующему жильцу это, возможно, не понравится».

Судя по всему, не заметил пришельца только Невил Дюпейн. К Коту быстро привыкли. Талли кормила его, как только вставала, и тот сразу исчезал. Иногда он появлялся в конце дня и в ожидании второй кормежки садился у двери. Потом исчезал до девяти вечера. Попросившись внутрь, он мог стать поспасибительнее и чуть-чуть посидеть у Талли на коленях, а после занимал привычное кресло. Перед тем как лечь, Талли выпускала его на ночь.

Открывая банку любимых консервов Кота, она вдруг почувствовала, что рада его видеть. Кормление Кота было частью ее повседневных забот, и теперь, в этой неопределенности, от повседневного исходила уютная уверенность, что все

вернулось на круги своя, какое-то чувство защищенности от пертурбаций. От грядущего вечера она ждала того же. Вскоре Талли отбудет на вечерние занятия, посвященные георгианской архитектуре в Лондоне. Они проходили в местной школе, по пятницам, в шесть часов вечера. Каждую неделю, ровно в половине шестого, Талли ехала туда на велосипеде. Она обычно добиралась раньше времени, так что успевала выпить чашку кофе с бутербродом — среди шумного равнодушия столовой.

В семнадцать тридцать, в блаженном неведении насчет грядущих ужасов Талли погасила свет, заперла дверь коттеджа, выкатила из сарая велосипед, включила, поправив, фару и, энергично крутя педали, выехала на дорожку.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

ПЯТНИЦА, 1 НОЯБРЯ — ВТОРНИК,
5 НОЯБРЯ

1



Аккуратная записка на двери комнаты номер пять подтвердила опасения, появившиеся у Талли при виде пустого коридора: занятия отменили. Сообщалось, что миссис Мэйбрук заболела, но выражалась надежда, что к следующей пятнице она выздоровеет. Сегодня вечером мистер Полард будет рад видеть всех студентов у себя, на занятиях по теме «Джон Раскин и Венеция». В шесть часов вечера, класс номер шесть. Талли не чувствовала себя готовой к встрече с незнакомыми предметом, лектором и студентами. Даже на час. Это оказалось последним и не самым значительным разочарованием сегодняшнего дня, начавшегося столь многообещающе, с выглядывающим то и дело солнцем, с надеждой на благополучный исход, крепнущей во время этих просветлений, — и изменившегося с наступлением темноты. Порывы ветра становились все сильнее, звезд на небе почти не было, и возникало чувство, что будущее не сулит ничего хорошего. А тут еще эта безрезультатная поездка. Талли вернулась в пустой велосипедный сарай и отперла замок, фиксирующий переднее колесо. Пора возвращаться в знакомый уют коттеджа, к книге

или видеокассете, к ненавязчивой, хотя и небескорыстной дружбе Кота.

Впервые дорога казалась ей столь утомительной. И не только потому, что пронзительный ветер застал ее врасплох. Ноги отяжелели, велосипед стал обузой, отбирающей все силы. Талли почувствовала облегчение, когда, пропустив небольшую вереницу машин, движущуюся по Спаньердз-роуд, она пересекла ее и начала спускаться. На этот раз спуску не было конца. Темнота за неясным светом фонарей казалась почти осязаемой. Талли задыхалась. Она пригнулась к рулю, вглядываясь в круг от велосипедного фонаря на асфальте, который покачивался, словно блуждающий огонек. Никогда прежде тьма не казалась ей столь пугающей. Для нее стало привычным каждый вечер ходить через свой маленький сад на окраину Хита, смаковать земляной запах почвы и растений, усиленный темнотой, и смотреть на дрожащие вдалеке лондонские огни, свет которых был куда грубее света мириад крошечных точек на небосклоне. Но сегодня она больше никуда не пойдет.

За последним поворотом показался дом; в смятении и ужасе Талли резко затормозила. Вид, запах, звук смешались воедино, сердце подпрыгнуло и заколотилось, будто бы оно сейчас взорвется и разорвет ее на части. По левую сторону от музея что-то горело — то ли сарай, то ли гараж. И тут мир на несколько секунд распался. Ей навстречу неслась большая машина и слепила ее фарами. Талли оказалась прямо перед ней, не успев сдвинуться с места или хотя бы подумать. Инстинктивно сжав руль, она почувствовала сотрясение от удара. Велосипед вывернулся, ее подняло в воздух — свет, звук, искореженный металл — и швырнуло в придорожную траву; велосипедные колеса продолжали вращаться. Талли, оглушенная, не понимающая толком, что происходит, несколько секунд лежала не шевелясь. Даже мысли были парализованы. Придя в себя, женщина попыталась поднять велосипед. Она с удивлением обнаружила, что ей это по силам, что руки и ноги ее слушаются. Талли отделалась ушибами; серьезных повреждений не было.

Вцепившись в велосипед, она с трудом встала на ноги. Машина остановилась. Талли осознала присутствие мужчины и голоса, произнесшего:

— Извините! С вами все в порядке?..

Этот голос производил впечатление. Он отличался от остальных голосов и в других обстоятельствах звучал бы успокаивающе. Приблизившееся к ней лицо также было непростым. Тусклый свет фонарей позволил Талли его разглядеть: в течение нескольких секунд она рассматривала светлые волосы, привлекательные черты, глаза, светящиеся отчаянием и мольбой.

— Все хорошо, спасибо. На самом деле я стояла на месте и упала на траву. Все хорошо, — повторила Талли.

В словах мужчины звучало искреннее беспокойство, но от нее не ускользнула некоторая суетливость, выдающая желание уехать. Едва дослушав, мужчина кинулся назад, к машине. Уже стоя у дверцы, он обернулся и, всматриваясь в языки пламени, взметнувшиеся еще выше, прокричал ей:

— Кажется, кто-то разложил праздничный костер!

И машина, взревев, унеслась. В наступившей суете, думая лишь о вызове пожарных, Талли даже не заинтересовалась, кто такой этот незнакомец и что он вообще делал в закрытом музее. Однако последние слова нашли в ее душе ужасный отклик. Речь и образ слились в мгновенном узнавании, заставившем ее окаменеть. Эти слова произнес убийца, Альфред Артур Рауз, когда спокойно шел прочь от полыхающей машины и сгоревшей в ней жертвы.

Попытавшись сесть на велосипед, Талли увидела искореженное переднее колесо: велосипед был безнадежно испорчен. Бросив его на траву, она побежала в сторону пожара. Сердце выбивало ритм, аккомпанируя тяжелому топоту ног. Еще не добравшись до гаража, Талли увидела, что именно он был очагом пожара. Крыша все еще горела, а самое высокое пламя было справа от него, среди берез. Ее слух заполнился звуками: рвущийся ветер, шипение и треск огня, маленькие взрывы, похожие на пистолетные выстрелы, с кото-

рыми в вышине отлетали маленькие веточки. Они коротко вспыхивали и, обгорев, падали к ее ногам. Это было похоже на фейерверк.

У открытой двери гаража Талли в ужасе остановилась, не в силах сдвинуться с места. «О нет! Боже милостивый, нет!» — закричала она во весь голос. Стон был унесен очередным порывом ветра. Не сразу закрыв глаза, Талли несколько секунд вглядывалась. Она знала: избавиться от этого ужаса не удастся никогда — эта сцена навсегда отпечаталась в ее душе. Ни желания сбежать, ни желания спасти у нее не возникло. Спасать было некого. Из открытой дверцы машины торчала рука: когда-то это было плотью, мускулами, венами с пульсирующей в них теплой кровью. Сквозь разбитое ветровое стекло виднелся почерневший шар; на фоне обгоревшей плоти поблескивали в застывшем оскале белые зубы. Когда-то это было человеческой головой. Теперь ничего человеческого в ней не осталось.

В сознании Талли неожиданно ярко возникла картина, точнее, набросок, который попался ей в одной из книг: головы казненных изменников насажены на шесты, стоящие вдоль Лондонского моста. Воспоминание породило секундную потерю ориентации, будто все происходило не здесь и не сейчас, будто это галлюцинация, дошедшая до нее сквозь века и явившаяся в мешанине настоящих и вымышленных кошмаров. Мгновение прошло, и к ней вернулась способность воспринимать реальность. Она должна вызвать пожарных, и сделать это надо как можно быстрее. Тело вдруг обрело чудовищный вес, прижимающий ее к земле; мускулы казались сделанными из железа. Но и это прошло.

Позже Талли не могла вспомнить, как добралась до двери коттеджа.

Она стащила и отбросила перчатки, нащупала холодный металл ключей во внутреннем кармане сумочки и попыталась разобраться с двумя замками. Совершив манипуляции с ключом кодового замка, Талли вслух произнесла: «Спокойнее, спокойнее». И ей стало спокойнее. Руки еще дрожали,

однако ужасный стук сердца поутих и она смогла открыть дверь.

Как только Талли оказалась в коттедже, то с каждой секундой стала соображать все лучше. Она пока еще не могла справиться с дрожью в руках, зато мысли наконец прояснились. Сначала — пожарные.

По номеру 999 ответили в течение нескольких секунд, хотя ей все равно показалось, что она ждала целую вечность. Женский голос спросил, какая требуется помощь, и Талли ответила: «Пожар! Пожалуйста, скорее! В горящей машине чье-то тело». Секундой позже к разговору подключился мужской голос, и она спокойно ответила на его вопросы, снабдив свой рассказ необходимыми деталями. Опуская трубку, Талли вздохнула с облегчением. Что-либо сделать для того обгоревшего тела было нельзя — вне зависимости от того, насколько быстро приедут пожарные. Помощь скоро будет здесь: чиновники, эксперты. Люди, чья работа — разрешать такие ситуации. Жуткий вес ответственности и бессилия скоро будет снят с ее плеч.

А теперь она должна позвонить Маркусу Дюпейну. Телефон стоял на дубовом столике, где Талли держала закатанную в полиэтилен карточку с именами и телефонными номерами. Этим людям она могла позвонить в чрезвычайной ситуации. Вплоть до последней недели список возглавляла Кэролайн Дюпейн, но мисс Кэролайн сама ее проинструктировала, что теперь, когда Маркус Дюпейн вышел в отставку, о любом происшествии первым должен узнавать он. Талли переписала карточку своим ясным, аккуратным почерком и теперь набирала номер.

Женский голос отозвался практически сразу.

— Миссис Дюпейн? — спросила Талли. — Это Талли Клаттон из музея. Скажите, пожалуйста, дома ли мистер Дюпейн? Боюсь, что произошло нечто ужасное.

— Что именно? — резко спросил голос.

— Пожар в гараже. Я вызвала бригаду. Я их сейчас жду. Мог бы мистер Дюпейн прибыть как можно скорее?

— Его здесь нет. Он пошел навестить Невила в его квартире в Кенсингтоне. — Голос опять стал резче. — «Ягуар» доктора Дюпейна там?

— В гараже. Похоже, там внутри чье-то тело.

Стало тихо. Телефон казался мертвым. Талли не могла слышать даже дыхание миссис Дюпейн. Ей хотелось, чтобы жена Маркуса бросила трубку — тогда бы она могла позвонить Кэролайн Дюпейн. Поставить в известность первой Талли собиралась вовсе не свою нынешнюю собеседницу.

Тут миссис Дюпейн заговорила. Она говорила нетерпеливо, властно, тоном, не терпящим возражений:

— Посмотрите, там ли машина моего мужа. Синий «БМВ». Сейчас же. Я подожду у телефона.

Чем спорить, дешевле было подчиниться. Талли побежала назад, к дому, к парковке, скрытой кустами. Там стоял единственный автомобиль, «ровер» доктора Невила. Она вернулась в коттедж и схватила трубку:

— Синего «БМВ» там нет, миссис Дюпейн.

Опять стало тихо, но на этот раз Талли слышала что-то вроде короткого вздоха облегчения. Голос заговорил спокойнее:

— Я сообщу мужу, как только он вернется. Мы ждем к ужину гостей, так что мистер Дюпейн скоро будет. Я не могу позвонить ему на мобильный: за рулем он отключает телефон. А пока что сообщите Кэролайн. — И повесила трубку.

Талли не нуждалась в напоминаниях. Мисс Кэролайн предупредить надо обязательно. В колледже оказался включенным автоответчик, и Талли, прослушав лишь первые слова записанного Кэролайн сообщения, повесила трубку. Она набрала номер мобильного телефона Кэролайн, и здесь ей ответили немедленно. Талли удивляло, как ясно и сжато у нее получается говорить.

— Мисс Кэролайн, это Талли. Боюсь, что произошло ужасное несчастье. Гараж в огне, там машина доктора Невила. Пламя распространяется на деревья. Я вызвала пожарных и пыталась найти мистера Дюпейна, но его нет дома. —

Помолчав, она выпалила почти непроизносимое: — Боюсь, что в машине чье-то тело.

Поразительно, насколько буднично прозвучал спокойный голос мисс Кэролайн. Она сказала:

— Вы говорите, что в машине моего брата кто-то сгорел?

— Боюсь, что так, мисс Кэролайн.

Теперь в голосе слышалось нетерпение.

— Кто? Мой брат?

— Я не знаю, мисс Кэролайн. Я не знаю.

Даже самой Талли было слышно, как звук ее голоса стал выше и превратился в вой, в котором слышалось одно отчаяние. Трубка выскользнула из мокрых ладоней. Теперь она поднесла ее к левому уху.

В голосе Кэролайн звучало нетерпение.

— Талли! Вы здесь? Что с музеем?

— Все в порядке. Только гараж и деревья вокруг. Я вызвала пожарных.

Неожиданно силы ее покинули, у нее защемило в глазах, и голос начал исчезать. До сих пор были только ужас и страх. Сейчас Талли впервые почувствовала невыносимое горе. Не то чтобы ей нравился доктор Дюпейн, или она его по-настоящему знала. Эти слезы выражали что-то гораздо более глубокое, чем сожаление о человеке, умершем столь ужасной смертью. Она знала: слезы — от потрясения и страха. Часто моргая, принуждая себя успокоиться, Талли думала: так всегда бывает, если умирает кто-то из тех, кого мы знаем. Мы всегда немного горюем о самих себе. Но сейчас ее скорбь была не о том, что она и сама смертна, — горе выглядело частью какого-то более общего чувства, которое у нее вызывал этот мир, в котором столько красоты, столько страха, столько злобы.

Голос Кэролайн стал твердым, начальственным и странно успокаивающим.

— Отлично, Талли! Вы все сделали правильно. Я приеду. Буду где-то через полчаса. Я уже выхожу.

Положив трубку, Талли задумалась. Должна ли она звонить Мюрел? Если бы мисс Кэролайн считала, что та долж-

на быть здесь, разве она не сказала бы сама об этом? Впрочем, Мюрел будет уязвлена и рассержена, если Талли не позвонит. Она не могла себе позволить пойти на конфликт с мисс Годбай, и та была, в конце концов, человеком, благодаря которому музей работает. В выходные пожар наверняка попадет в местные новости. Конечно, попадет. Новости вроде этой всегда распространяются быстро. Мюрел имеет право узнать обо всем прямо сейчас.

Талли набрала номер, но там было занято. Она попробовала еще раз. Если Мюрел говорит по телефону, она не подойдет к мобильному, хотя попробовать стоило. После четвертого звонка она услышала голос Мюрел. Талли успела только представиться, как Мюрел сказала:

— Почему вы звоните на мобильный? Я же дома.

— Вы говорили по телефону.

— Нет, не говорила. — Помолчав, она сказала: — Подождите, пожалуйста, у телефона. — И после еще одной паузы, покороче, Мюрел произнесла: — Плохо лежала трубка. В чем дело? Где вы?

Мюрел казалась рассерженной. «Она ненавидит, когда ее уличают даже в незначительной оплошности», — подумала Талли.

— В музее. Мои вечерние занятия были отменены. Боюсь, у меня есть для вас ужасные новости. В гараже случился пожар, машина доктора Невила находится там. В ней чье-то тело. Кто-то сгорел. Боюсь, это доктор Невил. Я вызвала пожарных и сообщила обо всем мисс Кэролайн.

На этот раз молчание оказалось более долгим. Талли спросила:

— Мюрел, вы здесь? Вы расслышали?

— Да, я расслышала. Это чудовищно! Вы уверены, что он мертв? Вы могли его вытащить?

Вопрос прозвучал нелепо.

— Никто не смог бы его спасти.

— Это наверняка доктор Невил!

— Кто еще мог оказаться в его машине? Правда, я не уверена. Я не знаю, кто это. Знаю лишь, что он мертв. Вы хотите приехать? Я подумала, что вы желали бы обо всем знать.

— Конечно, я приеду. Я была в музее последней и должна сейчас быть там. Я приеду как можно скорее. Пока мы не знаем наверняка, не говорите мисс Кэролайн, что это доктор Невил. Там может оказаться кто угодно. Кому еще вы об этом сообщали?

— Я позвонила мистеру Маркусу, но не застала его. Ему передаст жена. Звонить Калдер-Хейлу?

Голос Мюрел стал нетерпеливым.

— Нет. Оставьте это мисс Кэролайн, до ее приезда. Не вижу, какая от него может быть польза. Просто оставайтесь на месте. И, Талли...

— Да, Мюрел?

— Извините меня, я была резка с вами. После приезда пожарных оставайтесь в коттедже. Я приеду очень скоро.

Талли положила трубку и пошла к двери коттеджа. За треском пожара и свистом ветра ей слышался приближающийся шорох колес. Она побежала к дому, закричав от облегчения. Огромная пожарная машина — с яркими фарами, поисковыми огнями, не от мира сего, будто какое-то гигантское мифическое чудовище, — осветила дом и лужайку; от ее шума оцепенение рассыпалось в прах. Талли побежала навстречу, зачем-то указывая на языки пламени. Чудовищный груз беспокойства упал с ее плеч. Помощь наконец была здесь.

2

Джефри Гаркнес, помощник комиссара, любил оставлять широкие окна в своем офисе незадернутыми. Офис располагался на седьмом этаже. Так же поступал и Адам Дэлглиш, чей кабинет был этажом ниже. Год назад в Нью-Скот-

ленд-Ярде случился всеобщий переезд, и теперь окна Дэлглиша выходили на Сент-Джеймс-парк. Этот вид был более спокойным, даже пасторальным, хотя с такого расстояния все выглядело скорее намеком на пейзаж, нежели самим пейзажем. О времени года ему сообщали изменения в парке: весенние цветущие деревья, великолепие их летней тяжести, золотисто-желтый хруст осени, зимой — торопливые, озябшие, с поднятыми воротниками прохожие. Ранним летом вдруг появлялись предоставленные муниципалитетом шезлонги, которые взрывали пространство цветным брезентом, и полуодетые лондонцы сидели в изумрудной траве, как на картине Сера. Летними вечерами, идя через парк домой, Адам то и дело слышал медное крещендо военного оркестра, который встречал гостей, пришедших на прием к королеве и поглощенных праздничным великолепием собственных одежд.

Вид из офиса Гаркнеса не отличался таким сезонным разнообразием. С наступлением темноты все окна превращались в панораму Лондона, окаймленную праздничными огнями. Башни, мосты, дома и улицы висели бриллиантовыми и рубиновыми камнями, браслетами, ожерельями, темная лента реки придавала им еще большую загадочность. Вид был настолько великолепным, что на его фоне офис Гаркнеса терялся: официозная, соответствующая его положению мебель выглядела жалким компромиссом; сувениры, награды и гербы полиций иностранных государств смотрелись наивно и претенциозно, словно детские трофеи.

Дэлглиша вызвал помощник комиссара. Это прозвучало как просьба, но, войдя, Адам почти сразу понял, что случай нерядовой. Мэйнард Скоби из Специальной службы был здесь же с каким-то коллегой, которого никто не потрудился представить, хотя Дэлглиш его не знал. Там же стоял, глядя в окно, Бруно Денолм из MI5*. Теперь он повернулся и занял место рядом с Гаркнесом. Лица обоих мужчин не казались загадочными. Помощник комиссара выглядел раздра-

* MI5 — одна из спецслужб Великобритании, контрразведка. Название устарело (так же как и MI6), но неофициально все еще используется.

женным. Денолм имел осторожный, но решительный вид человека, который хоть и встретил противника, превосходящего числом, зато сам располагает оружием посерьезнее.

Гаркнес сказал:

— Музей Дюпейна, частный музей, посвященный времени между войнами. В Хэмпстеде, на окраине Хита. Может быть, он вам известен?

— Я там был неделю назад, — ответил Дэлглиш.

— Это может оказаться полезным. Я о нем слышу впервые.

— О музее знают немногие. Там не занимаются саморекламой, хотя здесь возможны перемены. Управление музеем перешло в руки Маркуса Дюпейна.

Гаркнес прошел к столу для совещаний

— Давайте-ка лучше сядем. Может статься, что мы не сразу со случившимся разделаемся. Произошло убийство — или, точнее, подозрительная смерть, которую офицер из отдела по расследованию пожаров считает убийством. Невил Дюпейн сгорел в собственном «ягуаре», который стоял в незапертом гараже. Похоже, у покойного был такой обычай — забирать машину в пятницу, в шесть часов вечера, и уезжать на выходные. В эту пятницу кто-то мог ждать его в засаде, вылить ему на голову бензин и поджечь. Выглядит вполне правдоподобно. Мы бы предпочли, чтобы за это расследование взялись вы, Адам.

Дэлглиш поглядел на Денолма:

— Раз вы здесь, вас что-то интересует в этом деле.

— Лишь косвенно, однако мы бы предпочли, чтобы дело прояснилось как можно быстрее. Мы располагаем голыми фактами, и, похоже, там нет никаких сложностей.

— Тогда при чем тут я?

— Необходимо все выяснить с минимумом суеты, — ответил Денолм. — Убийство всегда получает широкую огласку, а нам не нужно чрезмерное внимание прессы. В этом музее у нас есть агент, Джеймс Калдер-Хейл, который работает кем-то вроде хранителя. Он служил в Министерстве иностр-

ранных дел и по делам Содружества. Эксперт по Ближнему Востоку. Владеет арабским, одним или двумя диалектами. Четыре года назад он вышел в отставку по состоянию здоровья, но с друзьями связь не теряет. И, что важнее, они не теряют с ним связь. Время от времени мы получаем от него полезную информацию, и нам хотелось бы, чтобы все осталось по-прежнему.

— Он получает жалованье? — спросил Дэлглиш.

— Не совсем так. Определенные выплаты время от времени производятся. В основном же он сам по себе. Однако Калдер-Хейл очень полезен.

Гаркнес сказал:

— MI5 не в восторге от необходимости делиться этой информацией, однако мы в интересах следствия настояли. Конечно, вы должны держать это при себе.

— Если за расследование берусь я, оба работающих со мной детектива должны быть в курсе. Насколько я понимаю, вы не будете возражать против ареста Калдер-Хейла, если Невила Дюпейна убил он?

Денолм улыбнулся:

— Думаю, вы убедитесь, что он чист. У него есть алиби.

«Неужто!» — подумал Дэлглиш. MI5 сработала быстро. Узнав об убийстве, они первым делом связались с Калдер-Хейлом. Если алиби подтвердится, тогда его можно будет выключить из списка подозреваемых и все будут счастливы. И все же вмешательство MI5 грозит осложнениями. Официально они могут держаться в стороне, и это им выгодно, а неофициально будут отслеживать каждое его движение. Дэлглиш спросил:

— А как вы хотите представить это в суде? Для них это лишь очередной случай, и далеко не любая подозрительная смерть расследуется нашим отделом. Они могут заинтересоваться, почему началось следствие.

— Это не проблема, — отмахнулся Гаркнес. — Мы можем высказать предположение, что один из прежних пациентов Дюпейна был важной персоной и мы стремимся найти его

убийцу, не попав при этом в неудобную ситуацию. Говорить все прямым текстом никто не собирается. Главное — раскрыть преступление. Офицер из отдела по расследованию пожаров сейчас в музее, как и Маркус Дюпейн со своей сестрой. Полагаю, вас больше ничто не задерживает?

Так, теперь надо позвонить Эмме. По дороге в офис Адама захлестнула обида, столь же острая, как полузабытые детские разочарования, несущая с собой суеверное подозрение, что жестокая судьба повернулась к нему спиной и его лишают заслуженного счастья. Он заказал угловой столик в «Айви» на девять часов вечера. Обедая, они бы вместе решали, как провести выходные. Дэлглиш все рассчитал. Совещание в Ярде должно было продлиться как минимум до семи, и заказ столика на более ранний срок грозил бы катастрофой. По уговору он в четверть девятого звонил Эмминой подруге, Кларе, которая жила в Патни. Ему было пора ехать.

Отменить заказ столика могла и секретарша, но Адам никогда не использовал ее для передачи Эмме даже самого незначительного сообщения. Не воспользуется он ее помощью и на этот раз: от этого всего один шаг до раскрытия той части его жизни, которую он всегда держал в неприкосновенности. Набирая номер, Дэлглиш гадал, не в последний ли раз он услышит ее голос. Эта мысль приводила его в смятение. Если новая обида переполнит чашу терпения, он намеревался настаивать на одном: их последняя встреча должна пройти лицом к лицу.

К телефону подошла Клара. Как только он попросил к телефону Эмму, она сказала:

— Насколько я понимаю, опять облом?

— Я бы предпочел поговорить с Эммой. Она рядом?

— Она в парикмахерской, вернется с минуты на минуту. Не трудитесь перезванивать. Я ей сообщу.

— Я лучше скажу сам. Сообщите ей, что я перезвоню.

— И не подумая. Не сомневаюсь: чей-нибудь вонючий труп ждет не дождется вашего внимания. — Помолчав, она, словно между прочим, добавила: — Адам Дэлглиш, вы — ублюдок.

Дэлглиш старался подавить гнев, хотя не сомневался, что она его чувствует. Для нее это было как удар кнута.

— Возможно, но я предпочел бы услышать это лично от Эммы. Она самостоятельный человек и не нуждается в няньках.

— До свидания, командер Дэлглиш. Я дам Эмме знать. Клара положила трубку.

К его разочарованию прибавился еще и гнев — на себя, не на Клару. Он не справился с разговором, был груб с женщиной, и эта женщина — подруга Эммы. Адам решил перезвонить, но не сразу. Это даст и ему, и им время подумать.

Трубку опять взяла Клара.

— Эмма решила вернуться в Кембридж. Пять минут назад уехала. Я передала ей ваше сообщение.

На этом разговор закончился. Направляясь к шкафу, забирая «сумку для убийств», он слышал Кларин голос: «Чей-нибудь вонючий труп ждет не дождется вашего внимания».

Однако сначала он должен написать Эмме. Они звонили друг другу как можно реже, и Дэлглиш понимал, что это он невольно завел такой порядок. Ему было и тяжело, и беспокойно слышать ее голос, не видя при этом ее лица. Дэлглиш всегда переживал, вовремя ли он позвонил, не скатывается ли он к банальностям. Написанные слова долговечнее, и все несуразности будут помниться дольше, но он по крайней мере был в состоянии контролировать свою письменную речь. Эта записка получилась короткой: «Сожалею... Огорчен...» Он предоставил Эмме решать, хочет ли она еще с ним встречаться и если хочет, то когда. Можно и в Кембридже, если ей так удобнее. И внизу подпись: «Адам». До сих пор они встречались только в Лондоне. Приезжала всегда Эмма, и теперь Дэлглиш решил, что в Лондоне она чувствовала себя скованно, что ей комфортнее будет встретиться с ним на территории, которую она считала своей. Адам тщательно написал адрес, приклеил дорожную марку и положил конверт в карман. Он опустит его в почтовом отделении напротив Нью-Скотленд-Ярда. Дэлглиш уже подсчитывал, когда ждать ответа.

3

Без четверти шесть инспектор Кейт Мискин и инспектор Пирс Тарент сидели в пабе на набережной, между Саутуоркским и Лондонским мостами. Саутуоркский собор располагался неподалеку. Эта часть набережной, как и всегда в конце рабочего дня, не пустовала. Полноразмерная модель «Голден Хинд» Дрейка, пришвартованная между собором и пивной, была давно закрыта для посещения, но одна небольшая группка зевак все еще медленно прогуливались вдоль ее черных дубовых бортов. Они смотрели, задирая голову, на носовой кубрик, словно дивясь, как когда-то сама Кейт, что такое маленькое судно выдержало кругосветное путешествие и проплыло через столько беспокойных морей.

И у Кейт, и у Пирса день выдался тяжелый и бестолковый. Если Специальный отдел временно не действовал, их распределяли по другим отделениям. Оба чувствовали себя там чужими, ощущая молчаливое противостояние со стороны коллег, считавших, что Специальный отдел командера Дэлглиша по расследованию убийств пользуется уникальными привилегиями, и находивших когда незаметные, а когда и вполне агрессивные способы дать им почувствовать себя отверженными. К половине седьмого в пабе стало слишком шумно, так что полицейские быстро доели рыбу с жареной картошкой и, кивнув друг другу, прихватили бокалы и вышли на пустынную террасу. Они часто стояли тут вместе, однако сегодня в этом молчаливом выходе из переполненного бара в тихую осеннюю ночь Кейт почувствовала что-то прощальное. Шум голосов позади них стал глуше. Сильный запах реки унес пивные пары, и они стояли, уставившись на Темзу, на ее подрагивающую, мерцающую, переливающуюся мириадами огней кожу. Был отлив, вода стояла низко, по прибрежной гальке растеклась тонкой каймой грязная пена. К северо-западу от башен Кэнон-стрит над городом висел, словно мираж, купол собора Святого Павла. По гальке важ-

но разгуливали чайки; вдруг три из них, бешено замахав крыльями, поднялись, пролетели над головой Кейт и, с криком устремившись вниз, уселись на деревянные перила террасы, выделяясь на фоне темной реки белыми грудками.

Окажется ли эта их совместная выпивка последней? Пирсу осталось здесь служить три недели, после чего должно выясниться, утвержден ли его перевод в Специальную службу. Он этого хотел, он так планировал, и все же Кейт знала, что будет скучать по Пирсу. Когда он только появился, пять лет назад, она считала его самым привлекательным офицером из всех, с кем доводилось работать. Кейт сама была удивлена; открытие ее не радовало. Она вовсе не считала его симпатичным. Пирс был ниже ее на полдюйма, с обезьяньими руками, а в его широких плечах и мужественном лице читалась уверенность человека, выросшего на улице. Чувственный, хорошо вылепленный рот казался всегда готовым изогнуться в усмешке, в шутке, понятной лишь своим. В остальном это слегка полноватое лицо с приподнятыми бровями производило скорее комедийное впечатление. Кейт уважала Пирса и как коллегу, и как мужчину. Перспектива привыкать к кому-то другому не казалась ей заманчивой. Сексуальность Пирса перестала ее беспокоить. Она дорожила своей работой, местом в отделе и не собиралась рисковать всем этим из-за тайной интрижки. В столичной полиции ничто не сохранялось в секрете надолго; слишком многие карьеры и жизни пошли кувырком из-за секса. Людей соблазняла именно доступность. А любая связь, в основе которой лежат похоть, скука или поиск приключений, обречена. Впрочем, сохранять дистанцию во всем, кроме профессиональных вопросов, было несложно.

Пирс охранял свои чувства и независимость так же тщательно, как и Кейт. Проработав с ним пять лет, она знала о его жизни вне работы ненамного больше, чем при его появлении. Он жил в квартире над магазином, на одной из узких улочек в Сити, и его страстью было исследование Квадрат-

ной мили*: неведомые переулки, теснящиеся одна к другой церкви, таинственная, насыщенная историей река. Он ни разу не приглашал ее в свою квартиру, как и она его. Кейт жила к северу по реке, в полумиле от того места, где они сейчас стояли. Когда сталкиваешься с худшим, что могут делать друг другу мужчины и женщины, когда твоя одежда порой кажется пропитанной запахом смерти, должно быть место, в котором можно закрыть дверь и отгородиться ото всего, кроме себя самой. Кейт подозревала, что Эй-Ди в своей квартире над рекой, рядом с Куинхит, чувствовал то же самое. Она не знала, завидовать или жалеть ту женщину, которая считает, будто сможет войти в это пространство.

Через три недели Пирс, возможно, уйдет. Сержант Робинз уже ушел: его наконец-то повысили до инспектора. Кейт казалось, что их дружная команда, в которой удерживалось хрупкое равновесие личностей и разделенных обязанностей, распадается.

— Я скучаю без Робинза, — сказала она.

— А я нет. Меня утомляла его правильность. Никогда не мог забыть о его проповедях в церкви. Все время чувствовал себя под наблюдением. Робинз слишком хорош для того, чтобы быть настоящим.

— Да ладно, городская полиция не особенно страдает от избытка нравственности.

— Брось, Кейт! Много ли ты знаешь негодяев среди офицеров? Мы с ними работаем. Странно требовать от полиции, чтобы она была порядочнее самого общества, которое поставляет для нее кадры.

Возникла пауза. Потом Кейт спросила:

— Почему Специальная служба? Вряд ли им будет просто с тобой, учитывая твою степень. Может, тебе стоило попытаться попасть в MI5? Разве не здесь лучше шансы угодить в круг всяких там денди из платных школ и перестать иметь дело с одними работягами?

* Квадратная миля — разговорное название Сити, площадь которого примерно равна одной квадратной миле.

— Я офицер полиции. Если я это и брошу, то не ради М15. Мной могли бы заинтересоваться в М16... — Помолчав, он сказал: — На самом деле я пробовал туда поступить. Когда ушел из Оксфорда. Мой руководитель полагал, что у меня получится, и договорился насчет обычных собеседований. Только их отдел кадров рассудил иначе.

Услышать такое от Пирса было удивительно, и Кейт чувствовала по его голосу, чего ему стоило это признание. Не глядя на собеседника, она сказала:

— Тем хуже для них, тем лучше для полиции. Теперь у нас работает Фрэнсис Бентон-Смит. Ты его знаешь?

— Едва-едва. Зато ты ему рада. Очень уж хорош собой. Папа-англичанин, мама-индианка — отсюда такой шик. Мама работает педиатром, папа преподает в средней школе. Он амбициозен. Умен, но слишком хочет всем понравиться. Будет называть тебя «мэм» при каждом удобном случае. Я таких знаю. Они идут на службу, считая свое образование избыточным, и предполагают, что будут сиять среди простых тружеников. Знаешь такую теорию — выбирай работу, где будешь с самого начала умнее других, и, если повезет, ты пойдешь по их головам.

— Так нечестно, — сказала Кейт. — Откуда ты знаешь? Как бы там ни было, ты описал себя. Может, поэтому ты так на него взъелся? У тебя тоже избыточное образование. Как насчет оксфордской степени по теологии?

— Я уже объяснял. Так было проще всего попасть во все эти Оксфорды с Кембриджами. В наши дни я бы перешел в затрапезную государственную школу, и при достаточном везении государство заставило бы их меня взять. В любом случае долго мучиться тебе с Бентоном не придется. Продвижение Робинза не случайность. Ходят слухи, что тебе дадут старшего инспектора в ближайшие месяцы.

Такие слухи доходили и до самой Кейт. Не об этом ли она мечтала, не ради ли этого работала? Не эти ли амбиции подняли ее из захлавленной квартиры на седьмом этаже многоквартирного дома в нынешнее жилище, казавшееся ей когда-то высшим достижением? Сегодняшняя полиция совсем не та, в

которую она когда-то поступила на службу. Она изменилась, как и сама Англия и мир вокруг. И она, Кейт, тоже изменилась. После доклада Макферсона в ней поубавилось идеализма, она стала циничнее относиться ко всяким политическим махинациям, стала внимательнее следить за собственной речью. Молодой констебль Мискин была наивна и чиста, да только теперь она потеряла нечто более ценное, чем чистота. Тем не менее Кейт по-прежнему лояльна к полиции и по-прежнему хранит страстную верность Адаму Дэлглишу. Кейт говорила себе, что ничто не может оставаться прежним. Похоже, от изначального состава их отдела скоро останутся только они двое. И как долго там пробудет Дэлглиш?

— С Эй-Ди что-то не так.

— Что ты имеешь в виду под «не так»?

— Только то, что в последние месяцы, как мне кажется, ему достается больше, чем обычно.

— Ты так думаешь? Он при комиссаре вроде как адъютант. В каждой бочке затычка. Борьба с терроризмом, комитет по подготовке детективов, непрестанная критика городской полиции со всеми ее недостатками, дело Барела, отношения с MI5, бесконечные встречи с великими мира сего... Все это ты называешь «ему достается»? Нам всем достается. Эй-Ди привык. Не исключено, что ему это нужно.

— Интересно, страдает ли он из-за этой женщины? Ну, этой, из Кембриджа. Девушки, которую мы встретили на вызове в церковь Святого Ансельма.

Кейт старалась говорить как ни в чем не бывало, глядя на реку, однако она могла вообразить долгий, любопытный взгляд Пирса. Он понимал, что ей тяжело произносить это имя — хотя почему? — что она все отлично помнит.

— Наша прекрасная Эмма? Что ты понимаешь под «страдает»?

— Пирс, не старайся быть умнее, чем ты есть! Ты хорошо знаешь, что я под чем понимаю.

— Нет, не знаю. Ты можешь иметь в виду все, что угодно, — от критики его поэзии до отказа пойти с ним в постель.

— Ты думаешь, они... спят вместе?

— Господи, Кейт! Откуда я знаю? А тебе не приходило в голову, что ты начала не с того конца? Почему она должна «страдать» из-за Эй-Ди? Не знаю насчет постели, но обедать с ним она не отказывается — если для тебя это представляет какой-то интерес. Я видел их пару недель назад в «Айви».

— Как это ты умудрился попасть в «Айви»?

— Не столько я, сколько девушка, с которой я туда ходил. Я вышел за пределы своего круга и, к сожалению, за пределы своего бюджета. Так или иначе, они сидели за угловым столиком.

— Странное совпадение.

— Не особенно. Это ж Лондон. Раньше или позже ты перестраечаешься со всеми знакомыми. Что затрудняет личную жизнь.

— Они тебя заметили?

— Эй-Ди заметил, но я слишком тактичен и слишком хорошо воспитан, чтобы лезть без приглашения, которого я так и не получил. Эмма смотрела на Эй-Ди во все глаза. Если тебе от этого легче, я бы сказал, что по крайней мере один из них влюблен.

Легче не стало, но прежде чем Кейт успела ответить, зазвонил ее мобильный телефон. Около полуминуты она внимательно слушала, потом сказала: «Да, сэр. Пирс здесь, со мной. Я понимаю. Мы выезжаем», — и сунула телефон обратно в карман.

— Насколько я понимаю, это наш босс?

— Подозрительное убийство на Спаньердз-роуд. В музее Дюпейна в собственной машине сгорел мужчина. Эй-Ди сейчас в Ярде. Нас он будет ждать около музея. «Сумки для убийств» он прихватит.

— Слава Богу, хоть поели. А почему мы? Что в этом убийстве специального?

— Эй-Ди не сказал. На твоей машине или на моей?

— Моя быстрее, зато твоя здесь. Все равно с лондонским движением, которое в основном стоит, и этими бесконеч-

ными светофорами мы быстрее всего бы добрались на велосипедах.

Кейт подождала, пока Пирс отнесет пустые стаканы в паб. Как странно. Умер один-единственный человек, и отдел потратит дни, недели, а то и больше, чтобы выяснить: как, почему и кто? Убийство — уникальное преступление. С затратами на расследование здесь не считаются. Даже если они никого не арестуют, дело не будет закрыто. А в любую минуту террористы могут погубить тысячи людей. Она не стала говорить это вернувшемуся Пирсу. Кейт знала, что он ответит. «Террористы — не наша работа. Вот наша работа». Она в последний раз взглянула на реку и пошла следом за напарником к машине.

4

Теперь все было совсем не так, как во время его первого посещения. «Ягуар» свернул на дорожку, и даже здесь окружающее казалось незнакомым и сбивающим с толку. Грязный свет фонарей будто сгущал тьму, группы кустов казалось гуще и выше, сходясь над дорожкой теснее, чем ему тогда запомнилось. За их непроницаемой тьмой тоненькие деревца тянули свои полуобнаженные ветви в темно-синее ночное небо. Дэлглиш повернул в последний раз, и перед ним, словно мираж, возник дом. Входная дверь оказалась заперта, чернели прямоугольники окон; свет горел лишь на первом этаже, в комнате по левой стороне. Дальше дорога была перегорожена, и стоял полицейский в униформе. Дэлглиша явно ждали: офицер мельком взглянул на протянутое в окно удостоверение, отдал честь и освободил проезд.

Где был пожар, Дэлглиш увидел и без указаний. Хотя в темноте ничто не мерцало, слева от дома поднимались ма-

ленькие облачка ядовитого дыма и слышался резкий запах горелого металла, который ни с чем нельзя спутать. Он перешибал даже осенние запахи горящего дерева. Дэлглиш свернул направо и въехал на скрытую лавровыми кустами стоянку. Путь до Хэмпстеда оказался долгим и нудным, поэтому Адам не удивился, когда обнаружил, что Кейт, Пирс и Бентон-Смит уже здесь. Он увидел и другие машины: «БМВ», «Мерседес-190», «ровер» и «форд-фиеста». Похоже, приехали все Дюпейны и как минимум один из служащих.

Пока Дэлглиш доставал «сумки для убийств» и четыре комплекта защитной одежды, Кейт докладывала:

— Мы приехали около пяти минут назад, сэр. Здесь уже был офицер из отдела по расследованию пожаров, он на месте преступления. При нашем прибытии фотографии уже уезжали.

— А семья?

— Мистер Маркус Дюпейн и его сестра, мисс Кэролайн Дюпейн, находятся в музее. Пожар обнаружила экономка, Таллула Клаттон. Она в своем коттедже позади дома, и с ней мисс Мюрел Годбай, секретарша. Мы с ними еще не беседовали. Сказали только, что вы в пути.

Дэлглиш повернулся к Пирсу:

— Будьте добры, сообщите им, что я приду, как только смогу. Сначала к миссис Клаттон, потом к Дюпейнам. А пока что осмотрите с Бентоном-Смитом прилегающую территорию. Возможно, толку от этого будет немного, и тщательно все исследовать мы сможем только утром, но лучше это сделать. Затем присоединяйтесь ко мне. Я на месте преступления.

Он и Кейт пошли к пожарищу. Сдвоенные прожекторы озаряли то, что осталось от гаража, и, приблизившись, Дэлглиш увидел сцену, освещенную до последней детали. Все выглядело так, будто здесь снимался фильм. Впрочем, место убийства обычно представало перед ним именно так, в свете прожекторов. Все казалось очень странным, словно убийца, губя свою жертву, лишает заодно самые обыкновенные пред-

меты, находящиеся рядом, малейших признаков естественности. Пожарные со своей техникой уехали, оставив в траве глубокие следы. Газоны были примяты тяжелыми кольцами шлангов.

Офицер услышал, как подошли полицейские. Ростом больше шести футов, с бледным рубленным лицом, с копной рыжих волос, он был одет в синий комбинезон и сапоги; маска свободно висела на шее. Офицер на мгновение замер в сиянии собственных волос, которое даже прожекторы не могли затмить. В сочетании с волевым выражением костистого лица он оставлял ощущение чего-то неколебимо жреческого, походя на мифического стража, охраняющего врата в ад. Для полноты образа не хватало лишь сияющего меча. Впечатление поблекло, как только офицер, в несколько энергичных шагов оказавшись рядом, сжал руку Дэлглиша.

— Коммандер Дэлглиш? Дуглас Андерсон, офицер отдела по расследованию пожаров. Мне помогает Сэм Робертс.

Сэм оказался стройной девушкой, с детской пытливостью глядевшей из-под шапки темных волос.

Чуть в стороне стояли три фигуры: в сапогах и белых комбинезонах с опущенными капюшонами. Андерсон сказал:

— Полагаю, что с Брайаном Кларком и остальными экспертами вы знакомы.

Кларк помахал рукой, но с места не сдвинулся. Дэлглиш не мог припомнить случая, чтобы тот пожал руку, даже когда это было вполне уместно. Кларк словно боялся, что любое человеческое прикосновение оставит лишний след. Не рискуют ли его гости увидеть на своих кофейных чашках бирки с номером вещественного доказательства или метки для снятия отпечатков? Кларк знал: место преступления должно оставаться нетронутым до приезда офицера, расследующего убийство, однако скрывать нетерпение даже не пытался, желая как можно скорее приняться за работу. Двое его коллег были не столь напряжены, стояли немного позади и казались одетыми в облачения служителями, которые ждут своей очереди, чтобы начать некий эзотерический ритуал.

Надев белые плащи и перчатки, Дэлглиш и Кейт двинулись в сторону гаража. От его остатков до стены музея было около двадцати ярдов. Крыша сгорела почти полностью, однако три стены сохранились. Открытых ворот огонь не коснулся вообще. Раньше позади гаража росли молодые деревца; от них теперь остались лишь обгоревшие прутья. В восьми ярдах далее располагался сарай. Как ни странно, огонь его лишь коснулся.

Кейт молча стояла рядом с Дэлглишем, пока тот медленно обводил глазами «поле битвы». Тень отсутствовала, предметы были резко очерчены, цвета поблекли в мощном свете прожекторов; только капот машины оказался не тронут огнем и сверкал ярко-красным, будто его недавно выкрасили. Языки пламени рвались вверх, к пластиковой крыше, которая в результате пошла волнами. Теперь сквозь почерневшие от дыма края Дэлглиш мог видеть ночное небо и мерцающие звезды. Слева от него, где-то в четырех футах от водительского сиденья «ягуара», находилось почерневшее, треснувшее окно. Гараж — маленький, явно переделанный из деревянного сарая, с низкой крышей; от бортов машины до стен — не более четырех футов и от переда машины до сдвоенных дверей — около фута. Дверь справа от Дэлглиша была широко распахнута, левую словно начали закрывать. В ней сверху и снизу виднелись засовы. В правую был врезан замок. Ключ торчал в скважине. Слева имелся выключатель, и Дэлглиш заметил, что из патрона вывернута лампочка. Между полужакрытой дверью и стеной лежала на боку не тронутая пламенем пятилитровая канистра. Заворачивающейся крышки видно не было.

Дуглас Андерсон стоял позади приоткрытой дверцы машины, внимательный и молчаливый, словно шофер, приглашающий их занять свои места. Дэлглиш с Кейт подошли к телу. Убитый сидел, откинувшись на спинку, слегка развернувшись вправо, левая рука прижата, правая выкинута вбок, в немой пародии на протест. Сквозь полуоткрытую дверь Адам видел локтевую кость и несколько обгоревших фраг-

ментов одежды, которые прилипли к мышечным волокнам. Все, что могло сгореть на голове, сгорело. Дальше коленей огонь не распространился. Почерневшее лицо, черты которого были полностью уничтожены, смотрело на детектива; голова выглядела маленькой, будто обгоревшая спичка. Рот раскрыт в гримасе, словно мертвец высмеивал собственную гротескность. О человеческом происхождении тела говорили лишь белеющие зубы да видневшийся участок треснувшего черепа. От машины шел запах горелой плоти, обуглившейся одежды и запах бензина, который ни с чем нельзя было спутать.

Дэлглиш глянул на Кейт. На ее зеленоватом от света прожекторов лице застыло решительное выражение. Она как-то призналась, что боится огня. Когда и почему, Адам не помнил, но сам факт отпечатался в уме, как и остальные ее редкие признания. Сочувствие, которое он испытывал к Кейт, корнями уходило как в его собственную непростую натуру, так и в их совместный жизненный опыт. Здесь смешались уважение к ней как к офицеру полиции, к ее отваге, благодаря которой она оставалась на месте, присутствовало и отцовское чувство, заставлявшее беспокоиться о ее безопасности и успешности, привлекала она его и как женщина. Это чувство не было откровенно сексуальным. Дэлглиш не отличался влюбчивостью и имел крайнее предубеждение против интимных отношений с коллегами — как, по его предположениям, и она. Взглянув на ее решительное лицо, он испытал чувство привязанности и желание защитить. Секунду он раздумывал, не найти ли какой-нибудь повод, не послать ли ее за Пирсом, но промолчал: не хотелось ее унижать, особенно в присутствии коллеги-мужчины. Дэлглиш инстинктивно приблизился к Кейт, так что ее плечо коснулось его руки. Он почувствовал, как женщина напряжена. Ладно, с ней все будет в порядке.

— Когда прибыли пожарные? — спросил Дэлглиш.

— Они приехали в шесть сорок пять. Обнаружив в машине тело, они позвонили специалисту по киллерам. Может

быть, вы его знаете — это Чарли Ансуот. Он раньше работал экспертом в городской полиции. Ансуот провел предварительный осмотр и почти сразу сделал вывод, что это подозрительное убийство, после чего позвонил в наш отдел и в столичную полицию. Как вам известно, наш телефон включен круглые сутки, так что в семь тридцать восемь я был здесь. Мы решили начать расследование незамедлительно. Как только вы закончите, люди из похоронного бюро заберут тело. Я уже предупредил морг. Мы сделали предварительный осмотр машины, однако придется направить ее в Ламбет. На ней могут найтись отпечатки.

Дэлглиш вернулся мыслями к своему последнему делу, к церкви Святого Ансельма. Отец Себастьян, стой он здесь вместо него, перекрестился бы. Его собственный отец, обыкновенный священник англиканской церкви, склонил бы голову в молитве, и прозвучали бы освященные веками слова. Оба обладали счастливой способностью правильно отреагировать, оставив за этими обгоревшими останками право быть, хотя бы в прошлом, человеческим существом. Необходимо почтительное отношение к смерти, нужно подтверждение, что эти останки, будущие улики, которые кто-то потом отметит, перешлет, препарирует и оценит, что они все еще важны — даже среди этого покоренного металла, под голыми ветками мертвых деревьев.

Впрочем, пока Дэлглиш оставил разговоры на долю Андерсона. Они повстречались впервые, но Адам знал, что у того более двадцати лет опыта работы с такими случаями. Здесь экспертом был он, а не Дэлглиш.

— Что вы можете нам сообщить? — спросил он.

— Первыми загорелись голова и верхняя часть туловища, это не вызывает никаких сомнений. Как видите, горела в основном средняя часть машины. Пламя переметнулось на мягкий верх, который был поднят, а затем подожгло пластмассовую крышу гаража. Окно треснуло, скорее всего от жара, который поддерживался прибывающим воздухом и вырывающимся наружу огнем. Вот почему пламя перешло на деревья.

Если бы не это, огонь мог бы потухнуть до того, как его кто-нибудь заметит, — я имею в виду кто-нибудь в Хите или на Спаньердз-роуд. Конечно же, миссис Клаттон сразу стало ясно по возвращении — горит или не горит.

— А причина пожара?

— Наверняка бензин. Это скоро будет проверено. Возьмем фрагменты одежды и водительского сиденья и посмотрим, что покажет газоанализатор: есть углеводород или нет. Впрочем, газоанализатор даст лишь приблизительный результат. Все подтвердит газовая хроматография, а на нее, как вам известно, требуется около недели. Однако вряд ли в этом есть необходимость. Войдя в гараж, я сразу почувствовал запах бензина, который идет от брюк убитого и от сиденья.

— А вот, наверное, та самая канистра. Но где крышка?

— Здесь, сэр. Мы ее не трогали.

Андерсон провел следователей в глубь гаража. В дальнем углу лежала крышка. Дэлглиш спросил:

— Несчастный случай, суицид или убийство? У вас было время выработать предварительную версию?

— Это не несчастный случай, его вы можете сразу исключить. Не думаю, что это суицид. В моей практике не встречалось самоубийц, отбрасывающих канистру далеко в сторону. Обычно канистра лежит самое большее в футах от машины. Если он облил себя и выкинул канистру, то почему крышка не возле нее или не на полу около автомобиля? Мне представляется, что крышка была отвернута кем-то стоящим в дальнем левом углу гаража. Она не могла укатиться туда сама. Бетон довольно гладкий, и все же наклон идет от задней стены к дверям. По моим оценкам, разница в уровне не более четырех дюймов, однако крышка, если она вообще катилась, должна была остаться рядом с канистрой.

— И убийца, видимо, стоял в темноте, — сказала Кейт. — Лампочка отсутствует.

— Да, если бы лампочка перегорела, она скорее всего осталась бы на месте, — продолжил Андерсон. — Кто-то ее вернул. Конечно, это могли сделать без злого умысла — та

же миссис Клаттон или сам Дюпейн. Хотя, если лампочка перегорает, вы оставляете ее в патроне до тех пор, пока не принесете взамен новую. И еще ремень безопасности. Сам ремень сгорел, но пряжка вставлена. Он пристегнулся. С таким при суицидах я не сталкивался.

— Если он опасался, что в последний момент передумает, то мог специально пристегнуться, — предположила Кейт.

— Маловероятно. С головой, облитой бензином, и с зажженной спичкой в руке — разве у него был шанс передумать?

— В общем, картина, насколько мы можем судить в данный момент, такова, — начал Дэлглиш. — Убийца выворачивает лампочку и, оставшись в темном гараже, откручивает крышку канистры. Спички он или держит в руке, или наготове в кармане. Чтобы управиться сразу и с канистрой, и со спичками, он, возможно, решает, что крышку удобнее выбросить. Он точно не стал бы рисковать, кладя ее в карман. Убийца отдает себе отчет, что все произойдет очень быстро и ему надо успеть выбраться до того, как огонь разгорится сильно. Жертва — предположительно Невил Дюпейн — отпирает двери гаража. Он знает, где находится выключатель. Он или видит, или чувствует, что лампочка перегорела. Правда, свет ему не нужен, потому что до машины всего несколько шагов. Жертва садится в автомобиль и пристегивается. Что немного странно. Ему предстояло вывести машину и сразу опять вылезти, чтобы закрыть двери гаража. Хотя он мог пристегнуться машинально. Затем из темноты появляется злоумышленник. Я думаю, что это был кто-то, кого Дюпейн знал и поэтому не боялся. Он открывает дверь, чтобы поговорить, и его тут же обдают бензином. Спички у злоумышленника в руке, он чиркает одной из них, бросает ее в Дюпейна и поспешно выбирается наружу. Преступник предпочел не обегать вокруг машины: скорость в его ситуации решала все. Поэтому-то ему и удалось уйти невредимым. Убийца толкает дверцу машины, прикрыв ее и тем самым освободив себе проход. Не исключено, что мы найдем отпечатки, но вряд

ли. Этот убийца — если он существовал — был в перчатках. Левая дверь гаража осталась полуоткрытой. Можно предположить, что убийца в спешке хотел закрыть обе двери, но решил не терять времени. Ему было пора убираться.

— На вид двери тяжелые, — заметила Кейт. — Женщине могло оказаться не под силу закрыть их даже наполовину, если это надо сделать быстро.

— Миссис Клаттон была здесь одна, когда обнаружила пожар? — спросил Дэлглиш.

— Да, сэр. Она возвращалась с вечерних занятий. Я не знаю в точности, чем она здесь занимается. Насколько я понимаю, приглядывает за экспонатами, стирает с них пыль и тому подобное. Миссис Клаттон живет в коттедже к югу от музея, со стороны Хита. Оттуда она сразу позвонила пожарным, а потом Маркусу Дюпейну и его сестре, Кэролайн Дюпейн. Также она позвонила секретарше, работающей с посетителями, Мюрел Годбай, которая живет неподалеку и приехала первой. Следующей прибыла мисс Дюпейн, а после — ее брат. Мы держали их всех подальше от гаража. Дюпейны с нетерпением ждут встречи с вами, и они не намерены уезжать отсюда, пока не будет увезено тело их брата. Похоже, что это все-таки его тело.

— Есть что-либо указывающее на обратное?

— Нет. В кармане брюк мы обнаружили ключи. В багажнике найдена сумка, приготовленная для выходных. Ничего удостоверяющего личность не обнаружено. Есть, конечно, брюки. Колени не обгорели. Но я себе с трудом...

— Конечно, нет. Окончательное подтверждение даст вскрытие, хотя для сомнений серьезных оснований нет.

Из темноты за прожекторами выступили Пирс и Бентон-Смит. Пирс сообщил:

— На территории никого. Бесхозных средств передвижения не обнаружено. В садовом сарае находятся газонокосилка, велосипед и обычные садовые принадлежности. Канистры с бензином нет. Пять минут назад появлялись Дюпейны. Они начинают терять терпение.

«Их можно понять. В конце концов, Невил Дюпейн был их братом». Вслух Дэлглиш сказал:

— Объясните им, что сначала мне надо повидаться с миссис Клаттон. Я приду к ним, как только смогу. Затем возвращайтесь с Бентоном-Смитом сюда и будьте на связи. Мы с Кейт идем в коттедж.

5

Едва пожарные приехали, офицер дал Талли совет подождать в коттедже — хотя это больше походило на приказ. Талли понимала: они хотят, чтобы у них не путались под ногами. Она и сама не горела желанием подходить к гаражу. Но усидеть в четырех стенах оказалось невозможно; вместо этого женщина наматывала круги позади дома, вдоль парковки, выбираясь время от времени на дорожку. Талли ходила взад и вперед и вслушивалась, не приехал ли кто.

Первой появилась Мюрел. Дорога у нее заняла больше времени, чем рассчитывала Талли. Когда Годбай припарковала «фиесту», обеспокоенная Талли вывалила на нее свою историю. Молча все выслушав, Мюрел твердо сказала:

— Ждать снаружи совершенно бессмысленно, Талли. Пожарным мы только мешаем. Мистер Маркус и мисс Кэролайн и так спешат изо всех сил. Подождем-ка лучше в коттедже.

— Именно это и сказал офицер, и все-таки мне было необходимо выйти наружу.

Мюрел внимательно поглядела на нее при свете фонарей.

— Я здесь. В коттедже нам будет лучше. Мистер Маркус и мисс Кэролайн поймут, где нас искать.

И они вместе вернулись в коттедж. Талли уселась в свое кресло, Мюрел — напротив. Они сидели молча, так как обе нуждались в тишине. Талли не представляла, сколько это

продлилось. Наконец они услышали, что по садовой дорожке кто-то идет. Мюрел оказалась проворнее и первой очутилась у двери. Талли разобрала голоса, а вслед за тем вернулась Мюрел и с ней мистер Маркус. Талли разглядывала его несколько секунд и не верила собственным глазам. «Он превратился в старика!» — подумала она. Лицо Маркуса посерело, звездочки от лопнувших сосудов выступили на скулах, будто царапины. Над воротником — напряженный рот; Дюпейна словно бы разбил паралич. Когда он заговорил, Талли удивилась, сколь мало изменился его голос. Он отмахнулся от предложения сесть и, пока она повторяла свой рассказ, стоял совершенно неподвижно и молчал до самого конца. Желая хоть как-нибудь выразить сочувствие, Талли предложила ему кофе. Маркус отказался так резко, что она засомневалась, расслышал ли он.

— Насколько я понял, офицер из Нью-Скотленд-Ярда уже в пути. Буду ждать его в музее. Моя сестра уже там. Она навестит вас позже.

Уже стоя у двери, Маркус обернулся и спросил:

— Как вы, Талли?

— Спасибо, мистер Маркус, у меня все хорошо. — Тут ее голос дрогнул, и она сказала: — Я вам сочувствую! Я так вам сочувствую!

Он кивнул, хотел было что-то сказать, но затем просто вышел. Через несколько минут после его ухода зазвонил дверной колокольчик. Мюрел и на этот раз не замешкалась. Вернувшись, она сообщила: заходил офицер полиции, чтобы проверить, все ли у них в порядке, и сказать, что командер Дэлглиш придет, как только сможет.

Оставшись наедине с Мюрел, Талли опять села в кресло у камина. Обе входные двери были закрыты, и в холле осталась лишь еле заметная гарь. Сидя у огня, Талли почти поверила, будто снаружи все по-прежнему. Шторы, покрытые узором в виде зеленых листьев, отгораживали ее от ночи. Мюрел включила газ посильнее, и даже Кот, как ни удивительно, вернулся и растянулся на коврик. Талли понимала,

что снаружи шумят мужские голоса, топчут сырую траву сапоги, сверкают прожекторы, но здесь, в глубине дома, было совершенно тихо. Она обнаружила, что благодарна Мюрел за присутствие, за властное спокойствие, за молчание, в котором сквозила не суровость, а почти дружеское чувство.

— Ни вы, ни я не ужинали, — сказала Мюрел, поднимаясь. — Нам нужно поесть. Вы сидите, я сама разберусь. У вас есть яйца?

— В холодильнике лежит новая упаковка. Только я не уверена, что они экологически чистые.

— Сойдут любые. Нет-нет, сидите. Думаю, я найду все необходимое.

Как странно чувствовать облегчение — в такой-то момент! — от того, что кухня убрана, что утром она повесила чистое полотенце, что яйца свежие. Ее охватила апатия, от усталости она ничего не могла делать. Лежа в кресле, она машинально, одними глазами исследовала комнату, отмечая каждый предмет, словно успокаивая себя: все по-прежнему, мир пока еще знакомое ей место. От легкого шума, доносившегося с кухни, становилось уютно, он доставлял почти осязаемое удовольствие. Талли закрыла глаза и стала слушать. Казалось, Мюрел ушла очень давно. Потом она появилась с подносом в руках, и гостиную наполнил запах омлета и поджаренного хлеба. Женщины сели к столу, друг напротив друга. Омлет был безупречным: нежным, теплым, слегка поперченным. На каждой тарелке лежало по веточке петрушки. Талли удивилась — откуда? — но потом вспомнила, что только позавчера поставила в кружку пучок зелени.

Мюрел заварила чай. Она сказала:

— Мне думается, к омлету чай подходит лучше, чем кофе. Однако я могу сделать и кофе, если вы предпочитаете.

— Спасибо, не надо, Мюрел! Очень вкусно. Вы так добры ко мне.

И вправду! Талли и не предполагала, насколько она голодна, пока не начала есть. Омлет и чай вернули ее к жизни. Ей стало уютно от мысли, что она — часть музея, а не просто

экономка, дело которой чистить, следить и быть благодарной за коттедж. Она входит в группу посвященных, для которых Дюпейн стал частью общей жизни. Как же мало Талли о них знала! Могло ли ей прийти в голову, что компания Мюрел будет ей приятна?! Талли считала ее эффективным, спокойным работником, однако такая любезность ее удивила. Насколько она помнила, Мюрел, как только приехала, первым делом пожаловалась, что сарай, где стоит бензин, нужно запирать, что она не единожды говорила это Райану. Впрочем, тут же прекратив ворчать, Годбай полностью переклочилась на рассказ Талли и на наведение порядка.

— Сегодня вечером вы, наверное, не захотите оставаться в одиночестве. У вас есть родственники или друзья, к которым вы могли бы поехать?

До сих пор Талли не думала о том, что, когда все уедут, она останется одна. Сейчас ее охватило беспокойство. Если она позвонит в Бейсингсток, Дженнифер и Роджер обязательно приедут за ней в Лондон. В конце концов, это не будет обычный визит. Присутствие Талли — во всяком случае, на этот раз — взбудоражит оба «полумесяца» и станет поводом для всеобщих догадок и пересудов. Она, конечно, им позвонит, но попозже. Талли не станет дожидаться, пока дочь и зять прочтут об этой смерти в газетах. Звонок родственникам можно отложить до завтрашнего дня. Она слишком устала для их вопросов и их заботы. Талли была уверена в одном: она не хочет уезжать из коттеджа. У нее было что-то вроде суеверия — стоит однажды покинуть дом, как ее не пустят обратно.

— Я останусь здесь, Мюрел. Все будет хорошо. Здесь я всегда чувствовала себя в безопасности.

— Не сомневаюсь. И тем не менее сегодняшний вечер — особая статья. Вы испытали жестокое потрясение. Мисс Кэролайн и слышать не захочет о том, чтобы вы здесь оставались одна. Возможно, она предложит поехать с ней в колледж.

Туда Талли не хотелось почти так же сильно, как и в Бейсингсток. В ее голове закрубились возражения. Ночная ру-

башка и халат были чистыми и приличными, но старыми. Как они будут смотреться в квартире мисс Кэролайн в Суот-линге? А завтрак? Они будут завтракать в квартире мисс Кэролайн или в школьной столовой? Первое смущало. О чем им говорить? К тому же Талли и подумать не могла о шумном любопытстве столовой, полной подростков. На фоне тех ужасов, что творились снаружи, ее страхи казались детскими, ничтожными, однако она не могла через них перешагнуть.

Повисла пауза. Затем Мюрел сказала:

— Если хотите, я могу остаться на ночь. Поездка домой за ночными принадлежностями и зубной щеткой займет немного времени. Я бы пригласила вас к себе, но вы же хотите остаться здесь.

Чувства Талли обострились. «Ты сама предпочла бы остаться здесь, чем пускать меня в свой дом». За этим предложением скрывалось как желание произвести впечатление на мисс Кэролайн, так и стремление помочь. И все равно Талли была ей благодарна.

— Если вас это не слишком затруднит, Мюрел, я была бы рада вашей компании. Только на эту ночь.

«Слава Богу, запасная кровать всегда застелена свежим бельем, хоть я никого и не жду. Пока Мюрел будет ездить, я положу туда бутылку с горячей водой, поставлю фиалки, оставлю на ночном столике несколько книг. Я смогу все сделать очень уютно. А завтра тело увезут. И все будет хорошо».

Они продолжили трапезу в молчании. Потом Мюрел опять заговорила:

— Мы должны сберечь силы до прихода полиции. Приготовиться к их вопросам. Думаю, нам нужно соблюдать осторожность при разговоре с полисменами. Нам не нужно, чтобы у них возникло неправильное впечатление.

— Что вы понимаете под осторожностью, Мюрел? Мы просто скажем им правду.

— Конечно, мы скажем им правду. Только мы не должны говорить о том, что нас не касается: о семье, о нашем с

вами разговоре, состоявшемся после собрания, например. Не стоит говорить о желании доктора Невила закрыть музей. При необходимости об этом может рассказать мистер Маркус. Нас данный вопрос и в самом деле не касается.

— Я не собиралась им рассказывать, — в замешательстве сказала Талли.

— Как и я. Важно, чтобы у них не возникло никаких заблуждений.

Талли окаменела.

— Но, Мюрел! Это же несчастный случай, по-другому и быть не может. Неужели вы ведете к тому, что полиция заподозрит семью? Как им может такое прийти в голову! Это нелепо! Это отвратительно!

— Все верно, и тем не менее такие мысли могут их посетить. Я лишь напоминаю, что нам следует быть осторожными. И они зададут вам вопрос о водителе. В качестве доказательства вы сможете предъявить им поврежденный велосипед.

— Доказательства чего, Мюрел? Они, по-вашему, могут подумать, что я лгу, что ничего этого не было?

— До такого может и не дойти, и все же какие-то основания им нужны. Полиция не верит ни во что. Их учат так думать. Талли, вы совершенно уверены, что не знакомы с тем мужчиной?

Талли смутилась. Ей не хотелось обсуждать это происшествие; во всяком случае, не сейчас и не с Мюрел.

— Я не узнала его. Правда, сейчас, когда я об этом думаю, у меня возникает чувство, что видела его раньше. Я не могу вспомнить, где и когда, но точно не в музее. Ходи он сюда регулярно, я бы его запомнила. Возможно, я где-то видела его портрет — в газетах, по телевизору. Или он похож на кого-то известного. Это только ощущение, не больше. Толку от него никакого.

— Ладно, не знаете — так не знаете. Они попытаются на него выйти. Жаль, вы не запомнили номер машины.

— Все произошло очень быстро, Мюрел. Я поднялась на ноги, и он почти сразу уехал. О номере я и не думала, да и не

должна была, разве не так? Случилась незначительное происшествие, я осталась цела. Тогда я еще не знала о докторе Невиле.

Послышался стук в дверь. Не успела Талли встать, как Мюрел уже двинулась открывать. Когда она вернулась, за ней шли двое: высокий темноволосый мужчина и женщина-офицер, с которой они разговаривали раньше.

— Это командер Дэлглиш и с ним инспектор Мискин, — сказала Мюрел. Затем, повернувшись к командеру, спросила: — Не угодно ли вам и инспектору выпить кофе? Или чаю, если хотите? Это не займет много времени.

И начала собирать тарелки и чашки.

— Кофе я выпил бы с удовольствием, — ответил командер Дэлглиш.

Молча кивнув, Годбай вынесла наполненный поднос.

«Мюрел жалеет о своем предложении. Она предпочла бы остаться здесь и послушать, что я скажу». Не потому ли командер принял предложение, что хотел поговорить с Талли наедине? Он сел к столу, в кресло напротив, а мисс Мискин — около камина. К удивлению Талли, Кот неожиданно прыгнул и устроился у женщины-полицейского на коленях. Так он делал редко, и еще неизменно именно с теми, кто не любит кошек. Мисс Мискин не потерпела такой вольности: осторожно, но решительно она смахнула Кота на коврик.

Талли искоса взглянула на командера. Она делила лица на вылепленные и резные. Его лицо было резным: привлекательное, властное, с темными глазами, доброжелательно смотрящими в ее. Тут она вспомнила слова Мюрел. «Полиция не верит ни во что. Их учат так думать».

— Это было для вас ужасным потрясением, миссис Клаттон, — начал Дэлглиш. — Вы сейчас в состоянии ответить на несколько вопросов? Чем раньше начать собирать факты, тем лучше, хотя, если вы предпочитаете подождать, мы вернемся завтра рано утром.

— Спасибо. Я лучше поговорю сейчас. Со мной все хорошо. Не хочу ждать всю ночь.

— Будьте добры, расскажите, что в точности происходило после закрытия музея и до нынешнего момента. Не торопитесь. Постарайтесь не упустить ни одной детали, даже если она кажется маловажной.

Талли повторила свой рассказ. Под взглядом командера ей казалось, что она говорит хорошо, ясно. У нее возникло нелепое желание добиться его расположения. Достав блокнот, мисс Мискин начала незаметно делать пометки, однако, взглянув на нее, Талли обнаружила, что глаза инспектора неотрывно смотрят ей в лицо. Никто из полисменов ее не прерывал, пока она не закончила. В конце командер Дэлглиш спросил:

— Этот убегающий водитель, который вас сбил... Вы сказали, что его лицо показалось вам смутно знакомым. Как предполагаете, сможете вспомнить, кто он и где вы его видели?

— Не думаю. Если я и в самом деле его встречала, то вспомнила бы сразу. Может, не имя, но наверняка место, где я его видела. Ничего такого не было. Все куда неопределеннее. Только впечатление, что он вполне известный человек, фотографию которого я где-то могла видеть. Хотя, конечно, может выясниться, что он просто похож на какого-то снимающегося на телевидении актера, спортсмена, писателя — на кого-нибудь в этом роде. Мне жаль, что от меня оказалось так мало толку.

— Вы нам очень помогли, миссис Клаттон, очень. Мы попросим вас прийти завтра в Ярд — в удобное для вас время, — посмотреть несколько фотографий и, может быть, поговорить с кем-нибудь из наших художников. Не исключено, что вместе вы сумеете создать похожий портрет. Нам, несомненно, нужно найти этого водителя.

Тут вошла Мюрел с кофе. Она только что его намолочила, и аромат распространился по всему коттеджу. Мисс Мискин подошла к столу. Затем по просьбе командера Дэлглиша свою историю рассказала Мюрел.

Она ушла из музея в пять пятнадцать. Музей закрывается в пять, и обычно она заканчивает работу в половине шестого, за

исключением пятницы, когда старается уйти пораньше. Вместе с миссис Клаттон они убедились, что все посетители ушли. Затем Мюрел подвезла миссис Стрикленд, работающую здесь добровольно, до метро и поехала домой, в Саут-Финчли, где была в пять сорок пять. Она не отследила в точности, во сколько Талли позвонила ей на мобильный, но думает, что где-то без двадцати семь. Ей сразу пришлось ехать обратно в музей.

Тут вмешалась инспектор Мискин:

— Похоже, что пожар возник в результате возгорания бензина. Хранился ли где-нибудь на территории бензин? И если хранился, то где?

Взглянув на Талли, Мюрел ответила:

— Бензин держали для газонокосилки. Сад не входит в мои обязанности, но я знала, что там есть бензин. Думаю, об этом знали все. И я говорила Райану Арчеру — мальчику, который помогает с работами по саду, что сарай следует запирасть. Садовое оборудование и инструмент стоят недешево.

— То есть хотя и вы, и все остальные были в курсе, сарай все равно никогда не запирали?

— Нет, — сказала Талли. — В двери сарая нет замка.

— Помнит ли кто-нибудь из вас, когда в последний раз видел канистру?

Сотрудницы музея опять переглянулись.

— Какое-то время я не заходила в сарай, — сказала Мюрел. — Не помню, когда была там в последний раз.

— Но вы говорили садовнику, что сарай нужно запирасть? Когда это было?

— Вскоре после того, как появился бензин. Его принесла мисс Фарадей, которая работает в саду. Кажется, в середине сентября, точную дату вам сможет назвать она.

— Благодарю вас. Мне понадобятся имена и адреса всех, кто работает в музее, в том числе и добровольцев. Это ведь по вашей части, мисс Годбай?

— Несомненно, — чуть порозовев, ответила Мюрел. — Я могу предоставить вам список имен сегодня же вечером. Если вы собираетесь в музей, чтобы поговорить с мистером и мисс Дюпейнами, я могу пойти с вами.

— В этом нет необходимости, — сказал командер. — Имена я возьму у мистера Дюпейна. Известно ли вам, в каком гараже обслуживался «ягуар» доктора Невила?

— У мистера Стена Картера из гаража Дункана, в Хайгейте, — сказала Талли. — Я иногда встречала доктора Невила, когда он оттуда возвращался, и мы болтали.

Этот вопрос оказался последним. Оба офицера встали. Дэлглиш пожал Талли руку.

— Спасибо, миссис Клаттон, вы нам очень помогли, — сказал он. — Один из моих сотрудников завтра с вами свяжется. Вы останетесь здесь? Вряд ли вам будет приятно провести эту ночь в коттедже.

— Мы договорились, что на эту ночь я останусь с миссис Клаттон, — сухо сказала Мюрел. — Мисс Дюпейн, естественно, не позволила бы ей остаться здесь одной. Я буду на работе в понедельник, в девять утра, как обычно. Хотя я не исключаю, что мистер и мисс Дюпейны захотят закрыть музей как минимум до похорон. В любом случае, если завтра возникнет необходимость, я обязательно приду.

— Не думаю, что это понадобится, — сказал Дэлглиш. — Мы потребуем закрыть музей и прилегающую территорию как минимум на три-четыре дня. До тех пор пока не вывезут тело и машину, место преступления будут охранять констебли. Я надеялся, что это произойдет сегодня вечером, но, похоже, раньше завтрашнего дня ничего не выйдет. Этот автомобилист, которого встретила миссис Клаттон... Не наводит ли его описание на какие-нибудь воспоминания вас?

— Нет, — ответила Мюрел. — Похоже на обычного посетителя музея, и все-таки никто на ум не приходит. Очень жаль, что Талли не запомнила номер машины. Он сказал странную вещь. Не знаю, заходили ли вы в Комнату убийств, командер, когда были здесь с мистером Акройдом, но один из выставленных там экспонатов посвящен смерти, случившейся при пожаре.

— Да, я знаю о деле Рауза и помню, что Рауз сказал.

Казалось, он ждет от них дальнейших комментариев. Талли перевела взгляд на инспектора Мискин. Все молчали. В результате Талли взорвалась.

— Это другое! Так не может быть! Это несчастный случай!

Все продолжали молчать. Затем Мюрел сказала:

— Дело Рауза — не несчастный случай, верно?

Никто не ответил. Мюрел, с красным лицом, смотрела то на Дэлглиша, то на Мискин, будто ища утешения.

— Говорить о причине смерти доктора Невила слишком рано, — сказал спокойно Дэлглиш. — Все, что нам на сегодня известно, — это как он умер. Миссис Клаттон, я вижу, у вас есть кодовый замок на двери и засовы на окнах. Вряд ли вам что-то угрожает, и тем не менее будет разумнее, если вы перед тем, как лечь, проверите, все ли заперто. И никому не открывайте, пока не рассветет.

— Я никогда так не делаю. Никто из тех, кого я знаю, не придет после закрытия музея, предварительно не позвонив. Я никогда ничего здесь не боялась. Уже завтра все будет в порядке.

Минуту спустя, еще раз поблагодарив за кофе, полицейские поднялись. Перед уходом инспектор Мискин протянула каждой из женщин карточку с телефонным номером. Если любой из них что-то придет в голову, они должны сразу позвонить. Ничего не упускающая Мюрел проводила полицейских до двери.

Сидя за столом одна, Талли уставилась на две пустые кофейные кружки, будто эти повседневные предметы обладали силой, способной успокоить, заверив: ее мир цел.

6

На беседу с двумя Дюпейнами Дэлглиш взял Пирса, оставив Кейт и Бентона-Смита в помощь офицеру из пожарного отдела и, если понадобится, для окончания разговора с Талли Клаттон и Мюрел Годбай. Приблизившись к двери, Адам с удивлением обнаружил, что она приоткрыта.

Из холла выбивалась полоска света, и тонкий луч освещал клумбу с кустами, придавая ей что-то весеннее. Кусочки гравия на дорожке мерцали, как драгоценности. Перед тем как они с Пирсом перешагнули порог, Дэлглиш нажал звонок. Полуоткрытой дверь могла быть оставлена в качестве осторожного приглашения, но командер не сомневался: на такого рода предположения полагаться не стоит. Они вошли в просторный холл. Там было пусто и стояла полнейшая тишина, так что холл был похож на некую новомодную сцену для современной драмы. Дэлглиш почти видел персонажей, которые вот-вот войдут цепочкой через двери первого этажа и поднимутся по центральной лестнице, чтобы уверенно, привычно занять свои места.

Как только шаги полисменов застучали по мрамору пола, в дверях картинной галереи появились Маркус и Кэролайн Дюпейны. В течение тех нескольких секунд, что длились взаимные приветствия, Дэлглиш почувствовал: они с Пирсом не в меньшей степени под наблюдением, чем сами Дюпейны. Впечатление, которое произвела на Дэлглиша Кэролайн Дюпейн, было мгновенным и сильным. Такая же высокая, как и ее брат — оба чуть выше шести футов, — с широкими плечами и длинными руками и ногами. На ней были брюки и пиджак из тонкого твида, а также джемпер с высоким воротником. Слова «хорошенькая» или «красивая» здесь не годились, но общее строение, в котором и заключается красота, проявилось в высоких скулах и четкой, изящной линии подбородка. Ее темные волосы, в которых там и тут мелькало серебро, были коротко острижены и зачесаны назад несколькими сильными волнами; такой стиль оставлял впечатление небрежности, хотя Дэлглиш подозревал, что прическа обошлась в немалые деньги. Ее темные глаза встретились с его и удерживали их секунд пять; в этом взгляде вызов сочетался с попыткой прощупать. Он не был откровенно враждебным, но Дэлглиш понимал: здесь возможен конфликт.

Сходство брата с сестрой ограничивалось темными волосами (только у брата седина мелькала чаще) и выступаю-

щими скулами. Лицо Маркуса было приятным, темные глаза казались сосредоточенными на чем-то внутри его, как у человека, чьи действия управляются исключительно мозгом и тщательно контролируются. Его ошибки должны быть ошибками в суждениях; необдуманность и небрежность здесь исключены. У такого человека для всего в жизни определен порядок действий, в том числе и для смерти. Говоря образно, даже теперь ему требуется найти нужную папку, найти прецедент, решить для себя, какой ответ будет правильным. В отличие от сестры Маркус Дюпейн не выказывал склонности к противостоянию, однако в его глазах, сидящих глубже, чем у нее, сквозила настороженность. Также в них читалось затруднение. Кто знает, не возникла ли в результате всего этого непредвиденная ситуация — беспрецедентная? Почти сорок лет Маркус охранял покой министра. Кого теперь ему охранять?

Дэлглиш заметил, что до его прихода брат с сестрой сидели в двух креслах с прямыми спинками, стоящих по сторонам камина в глубине комнаты. Между креслами располагался низенький столик и на нем поднос с агрегатом для приготовления кофе, кувшином молока и двумя кружками. Также там были два стаканчика, два винных бокала, бутылка вина и виски. Воспользовались Дюпейны только винными бокалами. Единственное сиденье помимо кресел — обитая кожей мягкая скамеечка в середине комнаты. Для целой серии вопросов и ответов она подходила мало, поэтому в ее сторону никто не направился.

Маркус Дюпейн оглядел галерею, будто только что заметил — в ней чего-то не хватает.

— В офисе есть несколько складных стульев, — сказал он. — Я за ними схожу. — И, повернувшись к Пирсу: — Не могли бы вы мне помочь? — Это прозвучало скорее приказом, нежели просьбой.

Они ждали молча. Кэролайн Дюпейн подошла к полотну Нэша и якобы погрузилась в его изучение. Не прошло и нескольких секунд, как появились ее брат и Пирс со стульями.

Маркус взял ситуацию под свой контроль, аккуратно поставив их напротив кресел, в которые они с сестрой снова сели. Контраст между обволакивающим уютом кожаных кресел и бескомпромиссной жесткостью складных стульев говорил сам за себя.

— Вы в музее не впервые, не так ли? — спросил Маркус Дюпейн. — Не приходили ли вы сюда около недели назад? Джеймс Калдер-Хейл об этом упоминал.

— Да, я был здесь в прошлую пятницу с Конрадом Акройдом, — ответил Дэлглиш.

— Первый визит оказался удачнее второго. Извините за это неуместное предисловие к тому, что для вас является официальным визитом. Как, впрочем, и для нас.

Дэлглиш высказал полагающиеся в таких случаях слова поддержки. Сколь аккуратно ни составлял Адам фразы, для его уха они всегда звучали банально и даже как-то непочтительно, словно он претендовал на сопереживание. Кэролайн Дюпейн нахмурилась. Не исключено, что предварительные формальности вызвали у нее неприятие как неискренние и приводящие лишь к потере времени. Дэлглишу не в чем было ее винить.

— Я не сомневаюсь, что вас ждут дела; мы, в свою очередь, прождали целый час, — сказала она.

— Боюсь, что это только первое в череде грядущих неудобств. Мне пришлось переговорить с миссис Клаттон. Пожар первой увидела она. Чувствуете ли вы оба, что в силах ответить на вопросы сейчас? Если нет, мы могли бы вернуться сюда завтра.

— Не сомневаюсь, что вы в любом случае завтра вернетесь, поэтому, ради Бога, давайте закончим, — ответила Кэролайн. — Полагаю, вы были в коттедже. Как дела у Талли Клаттон?

— Потрясена и угнетена, как мы и ожидали, но держится. С ней мисс Годбай.

— И можно не сомневаться, заваривает чай. Чисто английский подход к любым несчастьям. А мы, как видите, ба-

луемся кое-чем покрепче. Вам я ничего не предлагаю, командер. Мы правила знаем. Судя по всему, можно не сомневаться, что в машине тело моего брата?

— Понадобится, конечно, формальное подтверждение, а при необходимости — данные дантиста и анализ ДНК. Однако я не думаю, что есть основания для сомнений. Я вам сочувствую. — Помолчав, Дэлглиш добавил: — Есть ли у него ближайшие родственники помимо вас?

Ответил Маркус Дюпейн. Его голос звучал совершенно ровно, как если бы он обращался к секретарше.

— У него есть незамужняя дочь. Сара. Она живет в Килберне. Точный адрес я не знаю, но у моей жены он записан в рождественском поздравительном списке. Приехав сюда, я позвонил жене. Она сейчас едет в Килберн с новостями. После того как найдет Сару, она должна позвонить.

— Мне понадобится полное имя мисс Дюпейн и ее адрес. Мы, конечно, не будем беспокоить ее сегодня вечером. Надеюсь, ваша жена поддержит ее.

По лицу Маркуса Дюпейна пробежало что-то вроде тени недовольства.

— Хотя мы никогда и не были близки, сделаем все возможное. Моя жена, наверное, останется там на ночь или увезет Сару к нам. В любом случае моя сестра и я увидимся с ней завтра утром.

Нетерпеливо дернувшись, Кэролайн резко сказала:

— Что мы можем ей сообщить? Мы сами толком ничего не знаем. Сара захочет узнать, как погиб ее отец. А мы сами ждем, пока нам кто-нибудь об этом расскажет.

Быстрый взгляд, брошенный Маркусом Дюпейном на сестру, мог означать предупреждение. Затем старший брат сказал:

— Полагаю, что для окончательных выводов время не пришло, и все-таки какая-то информация у вас есть? Отчего, например, возник пожар? Это был несчастный случай?

— Пожар возник в машине. На голову ее хозяина вылили бензин и подожгли его. Несчастный случай полностью исключен.

На четверть минуты воцарилось молчание, потом Кэрролайн Дюпейн сказала:

— То есть мы можем не сомневаться: пожар возник не случайно.

— Да, мы считаем эту смерть подозрительной.

Все опять замолчали. «Убийство» — казалось, будто это громоздкое, бескомпромиссное слово дрожало в неподвижном воздухе. Пора было задавать следующий вопрос, который в лучшем случае вызовет неудовольствие, а в худшем — боль. Некоторые офицеры, ведя расследование, предпочитают откладывать все расспросы до следующего дня. Дэлглиш придерживался другого подхода. Первые часы после подозрительной смерти часто бывают решающими. При этом сказанные им чуть раньше слова — «В состоянии ли вы ответить на несколько вопросов?» — не были дежурной фразой. Теперь беседой управляли Дюпейны, и Адам находил этот факт интересным.

— У меня к вам вопрос, задавать который нелегко; как, впрочем, и отвечать на него. Было ли в жизни вашего брата нечто способное вызвать желание покончить с собой?

Вопрос не должен застать их врасплох; в конце концов, они провели вместе целый час. Несмотря на это, их реакция удивила Дэлглиша. Опять установилось молчание, слишком продолжительное, чтобы быть естественным, и он почувствовал сдерживаемое беспокойство, словно Дюпейны боялись встретиться друг с другом взглядом. У него возникло подозрение — они не договорились ни о том, что говорить, ни об очередности. Первым ответил Маркус:

— Мой брат был не из тех, кто делится собственными проблемами с окружающими — во всяком случае, с членами семьи. Однако он ни разу не дал мне повода подумать, что может покончить с собой. Спроси вы меня об этом неделю назад, я бы ответил с большей уверенностью: ваше предположение чепепо. Теперь я не могу быть ни в чем уверенным. Во время нашей последней встречи, на собрании доверенных лиц, Невил казался более напряженным, чем обычно. У

него, как и у всех нас, вызывало беспокойство будущее музея. Невила не удалось убедить, что мы в силах сохранить музей и добиться успеха; он был твердо уверен в обратном. При этом он казался неспособным к восприятию аргументов, к полноценному участию в обсуждениях. Во время заседания ему позвонили из больницы и сообщили, что жена одного из его пациентов покончила с собой. Невил был явно потрясен и вскоре ушел. Таким я его не видел никогда, и все же я не допускаю возможности суицида: эта мысль по-прежнему кажется мне бредовой. Я только утверждаю, что Невилу было не по себе. Похоже, у него были какие-то поводы для беспокойства, о которых нам ничего не известно.

Дэлглиш поглядел на Кэролайн Дюпейн. Та сказала:

— До заседания мы с ним несколько недель не виделись. Вне всякого сомнения, он был не в своей тарелке и его что-то беспокоило, но я сомневаюсь, что это имело отношение к музею. Музей никогда его не интересовал, да мы с Маркусом и не ждали от него иного поведения. То заседание было первым, и мы лишь начали обсуждать предварительные вопросы. В завещании отсутствует двусмысленность, однако оно достаточно сложное, и для принятия окончательного решения требовалось проделать большую работу. Я не сомневаюсь, что Невил со временем пришел бы в себя. Он разделял это чувство: гордость за собственную семью. Если он и был чем-то сильно удручен, — а я думаю, так оно и было, — вы можете отнести это на счет его работы. Невил слишком серьезно к ней относился, слишком глубоко переживал. Он годами переутомлялся. О его жизни мне известно немного, и тем не менее это я знаю точно. Мы оба знаем. — Не дав Маркусу вставить слово, Кэролайн быстро добавила: — Не могли бы мы вернуться к этому в какое-нибудь другое время? Мы оба потрясены, устали и плохо соображаем. Мы ждали, пока увезут тело Невила, но, насколько я могу судить, сегодняя вечером его уже не заберут.

— Это произойдет завтра утром, как можно раньше, — ответил Дэлглиш. — Боюсь, что сегодня ничего не получится.

Кэролайн Дюпейн словно забыла о своем желании свернуть беседу.

— Если это убийство, у вас уже есть главный подозреваемый. Талли Клаттон, конечно, рассказала вам о водителе, который ехал так быстро, что сбил ее. Уверена: искать его — задача куда более насущная, нежели эти вопросы к нам.

— Его постараются найти, — ответил Дэлглиш. — У миссис Клаттон есть ощущение, что она водителя видела раньше, но она не может вспомнить, когда и где. Полагаю, она рассказывала вам, как много успела заметить: высокий светловолосый мужчина, симпатичный, у него на редкость приятный голос. Он управлял большой черной машиной. Вам никто не приходит на ум?

— По моим ощущениям, под это описание подходит несколько сотен тысяч мужчин, живущих по всей Великобритании. Вы всерьез полагаете, что мы можем назвать его имя?

Дэлглиш сдержался.

— Я считал, что вы, может быть, знаете кого-нибудь похожего — друга или постоянного посетителя музея.

Кэролайн Дюпейн не ответила. Ее брат сказал:

— Если у вас возникло ощущение, что сестра не хочет вам помочь, извините ее. Мы оба стремимся к сотрудничеству: таково наше желание, такова наша обязанность. Наш брат умер ужасной смертью, и мы хотим, чтобы его убийца — если он существует — предстал перед судом. Может быть, дальнейшие вопросы потерпят до завтра? Тем временем я подумаю об этом загадочном автомобилисте, хотя вряд ли смогу чем-то помочь. Он может оказаться постоянным посетителем музея, да только я не могу его опознать. Не выглядит ли более вероятным, что он незаконно припарковал здесь машину и убежал, едва увидев пожар?

— Весьма вероятно, что дело объясняется именно этим, — сказал Дэлглиш. — И мы, конечно, можем дальнейшее обсуждение отложить до завтра. Однако есть одна вещь, которую я хотел бы выяснить сразу. Когда вы видели своего брата в последний раз?

Брат и сестра поглядели друг на друга. Заговорил Маркус:

— Я видел его этим вечером. Хотел обсудить с ним будущее музея. Собрание, состоявшееся в среду, получилось крайне неудачным, и ни к какому решению мы тогда не пришли. Я чувствовал: если двоим из нас удастся спокойно все обсудить, из этого выйдет какая-нибудь польза. По пятницам Невил всегда приезжает к шести часам в музей, чтобы забрать машину и уехать, так что я был у его квартиры в пять. Это в Кенсингтоне, на Хай-стрит. Припарковаться там невозможно, поэтому я нашел свободное место в Холланд-Парке и, оставив там машину, отправился пешком. Время для визита оказалось не самое подходящее. Все еще подавленный и сердитый, Невил не был готов к обсуждению музейных дел. Убедившись, что ничего не добыю, я пробыл у него десять минут и ушел. Я чувствовал необходимость пройтись, развеяться после своей неудачи, но опасался, что стоянку закроют на ночь. Так что я вернулся к машине через Кенсингтон-Черч-стрит и Холланд-Парк-авеню. На авеню оказалось полно машин: как-никак вечер пятницы. Когда Талли Клаттон позвонила мне домой и сообщила о пожаре, моя жена не смогла связаться со мной по мобильному телефону, поэтому я узнал обо всем уже дома. Со времени звонка Талли прошло только несколько минут, и я немедленно приехал сюда. Моя сестра была здесь.

— То есть вы последний из известных нам людей, кто видел вашего брата живым. Когда вы от него уходили, не возникло ли у вас в связи с его подавленным состоянием каких-то опасений?

— Нет. Возникни у меня такие опасения, я бы его, конечно, не оставил.

Дэлглиш повернулся к Кэролайн Дюпейн.

— В последний раз я видела Невила в среду, на собрании. С тех пор я с ним не пересекалась — ни ради обсуждения будущего музея, ни по какому другому поводу. По правде говоря, я и не считала, что смогу чего-то добиться. На мой взгляд, во время собрания Невил повел себя странно, и было правильнее оставить его на время одного. Догадываюсь, вам

интересно знать, что я поделывала в этот вечер. Я ушла из музея в начале пятого и поехала на Оксфорд-стрит. Закупать еду на выходные я обычно езжу в «Маркс-энд-Спенсер» и «Селфриджиз», вне зависимости от того, где я провожу уик-энд — в Суотлинге или здесь. Найти место для парковки оказалось непросто, но мне посчастливилось встать у счетчика. На время покупок я всегда отключаю мобильный и включаю его уже только в машине. По моим оценкам, было шесть с небольшим, так как я пропустила лишь самое начало новостей по радио. Талли позвонила спустя где-то полчаса, я была еще на Найтсбридж. Я тут же вернулась.

Пора было заканчивать. Дэлглиш спокойно сносил неприязнь Кэролайн, которую та едва скрывала, и все же он не мог не видеть, что и она, и ее брат устали. Особенно Маркус, который выглядел совершенно изможденным. Адам задержал их еще на несколько минут. Оба подтвердили, что знали о привычке своего брата забирать «ягуар» по пятницам, в шесть вечера, но понятия не имели, куда Невил отправлялся. Кэролайн дала понять, что считает вопрос неуместным. Она не ждала от Невила вопросов о собственных выходных — с какой стати ей самой задавать ему такие вопросы? Если у брата была еще какая-то жизнь, то она рада за него. Кэролайн с готовностью подтвердила, что знала о находящейся в сарае канистре с бензином, так как была в музее, когда мисс Годбай расплачивалась за нее с миссис Фарадей. Маркус сказал, что до недавних пор редко бывал здесь. Хотя он помнил о газонокосилке — значит, должен был заранее подумать о месте для бензина. Оба были твердо уверены, что не знают, кто мог желать зла их брату. Дюпейны тут же согласились, что территорию музея и, следовательно, само здание нужно закрыть для посетителей на время расследования, проводящегося на самом месте преступления. Маркус добавил, что они решили закрыть музей на неделю или до тех пор, пока не будет кремирован их брат.

Брат с сестрой проводили Дэлглиша и Пирса до входной двери с такой любезностью, будто сами пригласили их в гости. Полицейские ступили в темноту. К востоку от дома Дэлглиш мог разглядеть сияние от прожекторов там, где место

преступления охранялось двумя констеблями; оно было огорожено поручнями, закрывающими подходы к гаражу. Ни Кейт, ни Бентона-Смита видно не было; возможно, они уже ждали на стоянке. Ветер стих, но стоило чуть-чуть помолчать, как становилось слышно мягкое шуршание, будто последний вздох шевелил кусты и перебирал редкие листья молодых деревьев. Ночное небо напоминало детский рисунок: неровно размазанный синий с непомерно грязными пятнами облаков. А какое небо над Кембриджем? Эмма должна быть уже дома. Выглянет ли она на Тринити-Грейт-Корт, или, как сделал бы он сам, будет нетерпеливо расхаживать в смятенных чувствах и нерешительности? Или все куда хуже? Не убедила ли ее эта часовая поездка в Лондон, что хватит, она больше не будет делать попыток с ним встретиться?

Заставив себя вернуться к насущным делам, Дэлглиш сказал:

— Кэролайн Дюпейн не хочет сбрасывать со счетов версию самоубийства; ее брат следует той же линии с некоторыми оговорками. Дюпейнов вполне можно понять, если встать на их место. Но с какой стати Невилу Дюпейну убивать себя? Он хотел закрыть музей. Теперь, когда он мертв, двое оставшихся доверенных лиц оставят музей работать, как и раньше.

Вдруг Адам почувствовал необходимость побыть в одиночестве.

— Я хочу в последний раз взглянуть на место преступления. Кейт вас отвезет. Передайте ей и Бентону, что мы через час встречаемся в моем кабинете.

7

В половине двенадцатого Дэлглиш и его команда встретились у него в офисе, чтобы обсудить, чего удалось добиться. Присев к длинному столу, Пирс выбрал стул у окна. Он был благодарен Эй-Ди, что тот не стал проводить собра-

ние в кабинете самого Пирса, в котором порядок едва просматривался. У него всегда получалось мгновенно найти любую папку, но остальные, видевшие комнату, в это не верили. Впрочем, Пирс знал: Эй-Ди не отпускал комментариев по его поводу. Сам шеф придерживался строгого порядка, однако от подчиненных требовал лишь честности, полной самоотдачи и результативности. Если у них получалось соответствовать этим требованиям среди полного бедлама, он не считал нужным вмешиваться. И все же Пирс радовался, что темные внимательные глаза Бентона-Смита не будут шарить по куче бумаг на его столе. Кстати, в противоположность здешнему беспорядку свою городскую квартиру инспектор содержал в безупречном состоянии. Даже слишком безупречном, словно это был еще один способ отделить служебную жизнь от частной.

Они собирались выпить кофе без кофеина. Кейт после семи кофеин был противопоказан, иначе она рисковала провести ночь без сна, а делать сразу два напитка было бессмысленно, да и время поджимало. Секретарша Дэлглиша давно ушла домой, и кофе пошел делать Бентон-Смит. Пирс ждал его без особой радости. Кофе без кофеина — в этом слышалась терминологическая путаница, зато приготовление и дальнейшее мытье кружек поставит по крайней мере Смита на место. Непонятно, почему этот человек вызывал у него такое раздражение. Неприязнь? Нет, это слишком. Дело не во внешних данных Бентона-Смита, подкрепленных самооценкой; Пирса никогда особенно не беспокоило, если коллега более привлекателен, чем он сам, — только если речь не шла об интеллектуальных способностях и успехе. Слегка озадаченный собственной реакцией, он подумал: «Это потому, что он, как и я, амбициозен и его амбициозность сродни моей. По большому счету мы не могли бы различаться больше. Правда же заключается вот в чем: мы слишком похожи, и поэтому я его не переносу».

Дэлглиш и Кейт, заняв свои места, сидели молча. Взгляд Пирса, только что неотрывно прикованный к панораме огней, раскинувшейся перед окном пятого этажа, теперь пере-

ходил с одного предмета на другой. Все здесь было ему знакомо, но у него возникло сбивающее с толку ощущение, будто он видит кабинет впервые. Он развлекался, мысленно определяя характер хозяина по нескольким попавшимся на глаза уликам. На неискушенный взгляд это был типичный офис старшего офицера, обставленный в соответствии с правилами: мебелью, приличествующей чину командера. В отличие от некоторых из своих коллег Эй-Ди не украшал стены грамотами в рамках, фотографиями и гербами зарубежных полицейских служб. На столе фотографий тоже не было. Пирс удивился бы, обнаружь он такое свидетельство частной жизни. Необычными оказались лишь два момента. Одну из стен полностью закрывали книжные полки, которые, как ему было известно, мало что говорили о пристрастиях Эй-Ди. Там стояла лишь профессиональная литература: принятые парламентом законы, официальные отчеты, законопроекты, справочники, книги по истории, Арчболд, тома по криминологии, судебная медицина, история полиции и криминальная статистика за последние пять лет. Вторым необычным моментом были литографии Лондона. Пирс предполагал, что шефу не нравилась совершенно голая стена, и поэтому подбор картин отдавал некоторой обезличенностью. Впрочем, Эй-Ди не выбрал масляную живопись, смотрящуюся здесь неуместно и претенциозно. У его коллег, если они и замечали картины, литографии вызвали, наверное, уважение — как свидетельство своеобразного, но не оскорбительного для окружающих вкуса. Они никого не могли задеть, разве что заинтриговать тех, кто имеет хоть какое-нибудь понятие об их цене.

Вернулся Бентон-Смит с кофе. Иногда во время столь поздних встреч Дэлглиш шел к шкафу и доставал бутылку красного вина и бокалы. Конечно, не сегодня. Решив отказаться от кофе, Пирс придвинул к себе кувшин с водой и наполнил стакан.

— Как назовем предполагаемого убийцу? — спросил Дэлглиш.

Дать команде обсудить случай до того, как вмешиваться самому, вошло у него в обычай. Только все равно сначала

нужно было придумать имя для их невидимой и пока еще неизвестной жертвы. Дэлглишу не нравились принятые в полиции клички. Заговорил Бентон-Смит.

— Как насчет Вулкана, бога огня? — спросил он.

«Дал ему влезть первым», — подумал Пирс и сказал:

— Ладно. Это по крайней мере короче, чем Прометей.

Перед ними лежали открытые блокноты. Дэлглиш сказал:

— Ну что, Кейт, начнем с вас?

Кейт отпила кофе, который явно оказался слишком горячим, и чуть-чуть отодвинула кружку. Дэлглиш не всегда начинал со старшего по званию, но сегодня он сделал именно так. Кейт, наверное, успела обдумать, как представить свои соображения наилучшим образом.

— Мы с ходу решили рассматривать смерть доктора Дюпейна как убийство, и то, что нам удалось выяснить, подтверждает такую точку зрения. Несчастный случай исключен. Дюпейна облили бензином, и, что бы там ни происходило, это было сделано намеренно. Против самоубийства говорит пристегнутый ремень безопасности, вывернутая лампочка, странное расположение канистры и заворачивающейся крышки. Крышка была обнаружена в дальнем углу, а сама канистра — в семи футах от дверцы машины. Время смерти сомнений не вызывает. Нам известно, что доктор Дюпейн держал «ягуар» в музее и забирал его каждую пятницу в шесть вечера. Также у нас есть свидетельство миссис Клаттон, которая подтверждает, что смерть произошла в шесть или немного позже. Так что нас интересуют те, кто знал о передвижениях доктора Дюпейна, имел ключ от гаража и знал о канистре с бензином, стоявшей в незапертом сарае. Следует добавить, что убийца должен был еще знать и о том, что миссис Клаттон каждую пятницу посещает вечерние занятия. Однако я не уверена, что это относится к делу. Вулкан мог провести предварительную рекогносцировку. Он мог знать, в какое время закрывается музей и что миссис Клаттон вернется в коттедж уже в темноте. Убийство произошло быстро. Можно не сомневаться — когда миссис Клаттон могла ус-

лышать или хотя бы почувствовать дым, Вулкана на месте уже не было.

Кейт замолчала.

— Есть какие-нибудь комментарии? — спросил Дэлглиш.

Первым решил высказаться Пирс.

— Непредумышленное убийство исключено. Оно было продумано. Вопрос о человеке со стороны ставить бессмысленно. Поэтому под подозрением находятся семья Дюпейнов и персонал музея. Все они обладали необходимой информацией, у всех был мотив. Дюпейны хотели сохранить музей, как и, можно предположить, Мюрел Годбай и Таллула Клаттон. Годбай теряла хорошую работу, Клаттон — хорошую работу и жилье.

— Ты не убьешь человека столь ужасным способом ради сохранения работы, — ответила Кейт. — Мюрел Годбай — умелая, опытная секретарша, это очевидно. Без работы она осталась бы ненадолго. То же относится и к миссис Клаттон. Хорошей экономке не пришлось бы сидеть без места. Даже если она не сможет найти работу быстро — есть же у нее семья? Я не могу всерьез считать их подозреваемыми.

— Разговоры о мотивах лучше отложить до тех пор, пока нам не станет известно больше, — заметил Дэлглиш. — Нам ничего не известно о личной жизни Невила Дюпейна, о людях, с которыми он работал, о том, куда он отправлялся каждую пятницу, после того как забирал «ягуар». А еще остается вопрос с загадочным автомобилистом, сбившим миссис Клаттон.

— Если он существует, — сказал Пирс. — Мы знаем только о ее раненой руке и помятом велосипедном колесе. Она могла симитировать падение и ввести следствие в заблуждение. На то, чтобы согнуть колесо, много силы не требуется. Она могла помять его о стену.

— Мне не верится, что она проделала нечто подобное, — заговорил молчавший до сих пор Бентон-Смит. — В коттедже я был недолго, однако мне она показалась честным свидетелем. Миссис Клаттон мне понравилась.

Пирс откинулся на стуле и начал медленно водить пальцем по краю стакана. Он старался говорить спокойно:

— Какого черта нам это нужно? Все покажет следствие. Нравится, не нравится — это из другой оперы.

— А по мне — так из этой, — ответил Бентон-Смит. — Впечатление, которое производит свидетель, — часть расследования. Это верно для присяжных, почему же для полиции это не так? Я не могу представить миссис Клаттон совершающей это убийство; впрочем, как и любое другое.

— Мне кажется, вам стоит сделать именно Мюрел Годбай, а не кого-то из Дюпейнов, главной подозреваемой: она ведь не так привлекательна, как Кэролайн Дюпейн. Навряд ли подходит на эту роль и Маркус — сомнительно, чтобы высокопоставленный чиновник совершил убийство.

— Нет, — спокойно промолвил Бентон-Смит. — Я сделал бы ее главной подозреваемой на том основании, что данное убийство — если это убийство — совершено кем-то умным, хоть и не таким умным, каким он сам себя считает. К Мюрел Годбай это относится в большей степени, чем к любому из Дюпейнов.

— «Умные, но не такие умные, какими они сами себя считают»? Вы сами-то сможете распознать такой феномен?

Кейт взглянула на Дэлглиша. Тот понимал, что соперничество придает расследованию необходимую остроту; Адам никогда не желал оказаться среди обожающих друг друга конформистов. И все же Пирс зашел слишком далеко. Правда, в любом случае Дэлглиш не станет делать ему замечание в присутствии младшего по званию.

Он и не стал. Вместо этого Дэлглиш, не обращая внимания на Пирса, повернулся к Бентону-Смиту:

— В ваших рассуждениях есть здоровое зерно, но увлекаться не стоит. Это опасно. Даже при наличии незаурядного ума убийца может иметь пробелы в знаниях и опыте. Вулкан мог рассчитывать на взрыв машины, в результате которого и труп, и гараж, и машина были бы полностью уничтожены, а главное, он не ожидал столь раннего возвращения миссис Клаттон. При отсутствии помех огонь уничтожил бы большую часть улики. Впрочем, давайте пока оставим составление пси-

хологических портретов и сосредоточимся на том, что делать дальше.

— Вы поверили в историю миссис Клаттон, сэр? — повернулась к Дэлглишу Кейт. — Происшествие, торопящийся автомобилист?

— Да, поверил. Мы разместим наш обычный, исполненный оптимизма призыв к нему и попросим выйти с нами на связь. Хотя, если он этого не сделает, найти парня будет не просто. В нашем распоряжении есть лишь воспоминания миссис Клаттон. Ясными их назвать нельзя, не правда ли? На склонившемся к ней лице смешались, по ее словам, ужас и сочувствие. Похоже это на нашего убийцу? На человека, намеренно облившего свою жертву бензином, сжегшего человека заживо? Он предпочел бы как можно скорее убраться. Стал бы такой человек останавливаться, сбив ехавшую на велосипеде пожилую женщину? А остановись он, следовало ли ждать от него такой заботливости?

— Его слова о праздничном костре перекликаются с делом Рауза, — сказала Кейт. — И на миссис Клаттон, и на мисс Годбай это произвело большое впечатление. Ни одна из них не показалась мне ни суеверной, ни излишне эмоциональной, но я заметила — они обеспокоены. Перед нами совершенно точно не убийство «под копирку». Единственное, что есть общего у этих двух убийств, — мертвый человек в горящей машине.

— Не исключено, что это просто совпадение, — заметил Пирс. — Замечание, которое в таких обстоятельствах мог бросить на ходу кто угодно. Водитель просто пытался дать понять, что пожар не имеет к нему никакого отношения. Как до этого Рауз.

— Женщины забеспокоились оттого, что у двух убийств может оказаться куда больше общего, чем эти несколько слов, — продолжил Дэлглиш. — Они могли тогда впервые задуматься о том, что Дюпейна могли убить. Здесь возможны осложнения. Если он не будет найден, а мы представим суду другого обвиняемого, то показания миссис Клаттон окажутся настоящим

подарком для защиты. Еще комментарии по поводу сказанного Кейт?

Бентон-Смит до сих пор сидел очень тихо и молчал. Сейчас он сказал:

— Думаю, не надо сбрасывать со счетов самоубийство.

— Давайте попробуйте, — раздраженно ответил Пирс.

— Я не говорю, что имело место самоубийство; я говорю, что версия с убийством не так сильна, как нам кажется. Дюпейны рассказали нам, что жена одного из его пациентов покончила с собой. Возможно, нам стоит выяснить причину. Невила Дюпейна эта смерть могла поразить сильнее, чем показалось его брату и сестре. — Он развернулся к Кейт: — Я принял к сведению вашу точку зрения, мэм. Дюпейн был пристегнут ремнем безопасности. Не исключено, что он хотел быть уверенным, что находится в ловушке и обездвижен. Разве не существует такой опасности — уже охваченный огнем, он передумает, вырвется, попытается добраться до высокой травы и покататься в ней, чтобы сбить пламя? Он хотел умереть, и умереть в «ягуаре». Теперь что касается канистры и крышки. С какой стати ему было оставлять канистру непременно рядом с машиной? Не более ли естественно сначала отбросить крышку, а затем саму канистру? С какой стати он должен беспокоиться, где именно они упадут?

— А отсутствующая лампочка? — спросил Пирс.

— Мы не знаем, как долго она отсутствовала. Пока что нам не удалось связаться с Райаном Арчером. Вывернуть ее мог он или кто угодно еще — хоть сам Дюпейн. Вы не можете строить доказательство, основываясь лишь на отсутствующей лампочке.

— Мы не обнаружили посмертной записки, — сказала Кейт. — Люди, лишая себя жизни, обычно хотят объяснить, почему они это делают. А сам способ уйти из жизни... Что за странный выбор! Я к тому, что данный человек был врачом и имел доступ к лекарствам. Он мог прихватить их с собой в машину и тоже умереть в этом «ягуаре», если таково было его желание. Зачем ему было поджигать себя и погибать в мучениях?

— Возможно, все произошло очень быстро, — возразил Бентон-Смит.

— Чертовски быстро! — потерял терпение Пирс. — Быстро, да не очень! Ваша теория не вызывает у меня доверия, Бентон. Дальше вы, наверное, скажете, что он сам вывернул лампочку и положил канистру так, чтобы его самоубийство приняли за убийство. Милый прощальный подарочек семье! Так может действовать испорченный ребенок или безумец!

— А почему бы и нет? — мягко сказал Бентон-Смит.

— Да, случиться может что угодно! — разозлился Пирс. — А скорее всего это дело рук миссис Клаттон, с которой Дюпейн крутил роман, а потом бросил ее ради мисс Годбай! Ради Бога, давайте спустимся на землю!

— Существует один факт, говорящий в пользу самоубийства, — вступил в разговор Дэлглиш. — Вылить на голову Дюпейна бензин из канистры Вулкану оказалось бы непросто. Слишком медленно он оттуда бы лился. Если бы Вулкан не мог обездвижить свою жертву, пусть даже на несколько секунд, ему бы пришлось перелить бензин во что-то вроде ведра. Или сначала оглушить Дюпейна. Мы продолжим поиски, как только рассветет. Хотя даже если ведро и было, мы вряд ли его найдем.

— В садовом сарае ведра не было, — сказал Пирс. — Но Вулкан мог прихватить его с собой и перелить бензин не в сарае, а в гараже, до того, как вывернуть лампочку. А потом отбросить канистру ногой. Он старался как можно меньше до нее дотрагиваться, даже в перчатках. И ему было важно оставить канистру в гараже — если он хотел, чтобы все походило на несчастный случай или самоубийство.

— А потом Вулкан мог запихнуть в это ведро свою одежду, — перебила, стараясь не выказывать возбуждения, Кейт. — Тогда в дальнейшем ему ничего не стоило избавиться от улики. Возможно, ведро было самое обыкновенное, пластмассовое. Он мог его потом смять и бросить в мусорный контейнер, урну или в канаву.

— На данный момент это всего лишь догадки, — заключил Дэлглиш. — Мы рискуем увлечься теоретизированием,

не располагая достаточным количеством фактов. Ну что ж, продолжим? Нам нужно распределить задания на завтра. У меня на десять назначена встреча с Сарой Дюпейн, к которой я пойду вместе с Кейт. Возможно, нам удастся что-нибудь узнать о том, как проводил выходные ее отец. У него могла быть другая жизнь, и, если это так, нам потребуется выяснить, как это происходило, с кем он встречался. А пока мы сошлись на том, что убийца пробрался в музей первым, подготовился и стал ждать, притаившись в темноте гаража. Однако не исключено, что Дюпейн приехал не один. Он мог привезти Вулкана с собой или встретиться с ним там по уговору. Пирс, вы и Бентон-Смит — поговорите-ка с этим механиком из гаража Дункана, Стэнли Картером. Дюпейн мог ему доверять. В любом случае он расскажет о километраже. Нам нужно еще раз встретиться с Маркусом и Кэролайн Дюпейнами и, конечно, с миссис Клаттон и Мюрел Годбай. После ночного сна они могут вспомнить что-то новое. Потом добровольные работники: миссис Фарадей, занимающаяся садом, и миссис Стрикленд, каллиграф. Я встречался с миссис Стрикленд двадцать пятого октября, когда впервые оказался в музее. И конечно, Райан Арчер. Странно, что этот майор, у которого он предположительно останавливается, не отвечает на телефонные звонки. Райан должен прийти на работу в понедельник, в десять часов, но нам нужно поговорить с парнем до этого. И мы можем рассчитывать на проверку еще одного факта. Миссис Клаттон сказала, будто пыталась звонить Мюрел Годбай на городской номер, однако он был занят. Поэтому она перезвонила на мобильный. Из рассказа Годбай нам известно, что у нее плохо лежала трубка. Надо выяснить, была ли она дома в момент звонка. Вы по этой части эксперт, не так ли, сержант?

— Не эксперт, сэр, хотя некоторый опыт имею, — ответил Бентон-Смит. — При звонке на мобильный станцией-передатчиком фиксируется начало и конец каждого звонка, вне зависимости от того, входящий он или исходящий, в том числе звонки на автоответчик. Система также фиксирует станцию-пере-

датчик звонившего, если он пользуется той же сетью. Данные сохраняются в течение нескольких месяцев. Если того требует закон, к ним обеспечивается доступ. Я сталкивался с такими случаями, и нам удавалось получить такие сведения. Правда, не всегда из этого выходил толк. Обычно в городах вам не удастся определить местоположение с большей точностью, чем пара сотен метров. Может, чуть меньше. На эту услугу очень большой спрос, и, возможно, нам придется ждать.

— Мы должны заполучить эту информацию. Кроме того, нам следует встретиться с женой Маркуса Дюпейна. Она, возможно, подтвердит его намерение заехать к брату в тот вечер.

— Будучи его женой, она может подтвердить, — сказал Пирс. — У них было достаточно времени для согласования. Но из этого вовсе не следует, что все остальное правда. Он мог легко дойти до машины, поехать в музей, убить брата и затем вернуться домой. Мы должны более тщательно проверить хронометраж. Думаю, это возможно.

Зазвонил телефон Пирса. Он поднял трубку и стал слушать. Затем произнес:

— Я лучше передам трубку командеру Дэлглишу, — и протянул Адаму телефон.

Дэлглиш взял трубку.

— Спасибо, сержант, — ответил он говорившему. — У нас подозрительная смерть в музее Дюпейна, и Арчер может оказаться ценным свидетелем. Нам нужно его разыскать. Я пошлю двух офицеров навестить майора Аркрайта, когда тот почувствует себя лучше и вернется домой. — Возвращая телефон Пирсу, он сказал: — Это звонил сержант Мейсон со станции «Педдингтон». Он только что вернулся в квартиру майора Аркрайта на Майда-вейл; до этого он навещал его в госпитале Святой Марии. Когда майор пришел сегодня вечером домой, Райан Арчер кинулся на него с кочергой. Это произошло около семи часов вечера. Женщина из квартиры этажом ниже услышала шум и вызвала «скорую помощь» и полицию. Обошлось без серьезных повреждений. Голова задета по касательной. Однако врачи решили оставить майора на ночь. Он дал сержанту Мейсону ключи, чтобы полиция имела возможность вернуться в квар-

тиру и проверить окна. Райана Арчера там нет. После нападения он сбежал, и с тех пор о нем ничего не слышно. Наверное, не стоит рассчитывать на его появление в понедельник. Парень объявлен в розыск; мы оставим его поиск на долю тех, кто располагает достаточным количеством людей. Теперь, — продолжил Дэлглиш, — первоочередные дела на завтра. Кейт и я с утра встречаемся с Сарой Дюпейн, а потом идем на квартиру Невилла Дюпейна. Пирс, после гаража вы должны условиться о встрече с майором Аркрайтом и пойти туда вместе с Кейт. В дальнейшем нам нужно переговорить с миссис Фарадей и миссис Стрикленд. Я звонил Джеймсу Калдер-Хейлу. Он выслушал новости с тем спокойствием, которого я от него и ждал, и снизошел до встречи с нами. В воскресенье в десять часов, когда будет занят в музее какими-то частными делами. Завтра в девять нам должны сообщить, где и когда будет производиться вскрытие. Кейт, я хочу, чтобы вы с Бентоном там присутствовали. А вы, Бентон, устройте для миссис Клаттон визит в наш фотоархив. Врядли она кого-то опознает, но изображение, сделанное по ее рассказу художником, может оказаться полезным. Кое-что из этого может перейти на воскресенье или понедельник. К счастью, все случилось именно сейчас, и поэтому мы не попадем на первую полосу газет. Кейт, займетесь контактами с общественностью. Договоритесь о комнате. Не стоит беспокоить их в Хэмпстеде, у них и так мало места. Еще вопросы? Будьте завтра на связи: мне может понадобится внести изменения в расписание.

8

В половине двенадцатого Талли, подпоясав шерстяной халат, сняла с крючка ключ и отперла окно в спальне. На укреплении коттеджа настояла мисс Кэролайн. Она озаботилась этим, как только управление музеем перешло от

отца к ней. Однако Талли никогда не любила спать с закрытым окном. Она широко его отворила, и холодный воздух омыл ее всю; в комнату вошли молчание и покой ночи. Этот момент, которым оканчивался каждый день, был ей особенно дорог. Талли понимала, что раскинувшийся перед ней покой иллюзорен. Там, в темноте, хищники настигали своих жертв, не прекращалась бесконечная война за выживание, воздух кипел миллионами крошечных драк и погонь, неслышных уху. А сегодняшним вечером перед ней стоял и другой образ: белый оскал зубов, мерцающих на фоне почерневшей головы. Она понимала, что никогда не сможет избавиться от этого полностью. Силу этого воспоминания можно было ослабить, только приняв его как чудовищную действительность и существуя дальше — как вынуждены уживаться со своими ужасами миллионы других людей в этом раздираемом войнами мире. Наконец-то перестало нести гарью, и она всматривалась в молчаливые просторы, где среди тьмы, не похожей ни на землю, ни на небо, были брошены, словно шка тулка с драгоценностями, лондонские огни.

Мюрел находилась в соседней маленькой комнате для гостей. Спит ли? Она вернулась позже, чем рассчитывала Талли: принимала душ, который она явно предпочитала ванне. Мюрел прихватила с собой пинту молока, хлопья для завтрака и банку «Хорликс». Она разогрела молоко и сделала напиток для них обеих. Потом женщины вместе уселись перед телевизором; изображение, мелькающее перед их ничего не видящими глазами, придавало хоть какую-то естественность происходящему. Как только передача закончилась, они пожелали друг другу спокойной ночи. С одной стороны, Талли была благодарна Мюрел за компанию, с другой — радовалась, что завтра той здесь не будет. К мисс Кэролайн она также испытывала благодарность. После того как командер Дэлглиш и его люди наконец ушли, сестра с братом зашли в коттедж. Мисс Кэролайн говорила от лица обоих:

— Мы очень за вас переживаем, Талли. Вы прошли через весь этот ужас. Мы хотим поблагодарить вас за выдержку и предприимчивость. Никто не смог бы справиться лучше.

К великому облегчению Талли, обошлось без вопросов. Дюпейны не стали задерживаться. А ей понадобилась эта трагедия, чтобы осознать свое расположение к мисс Кэролайн. Странно. Она была из тех женщин, которые или очень нравятся, или не нравятся вообще. Мисс Кэролайн обладала властью, и Талли признавала, что ее симпатия в основе своей предсудительна. Просто Кэролайн могла сделать ее жизнь в Дюпейне весьма непростой, но предпочла поступить иначе.

Коттедж, как и всегда, оберегал Талли. После долгих, убийственно долгих лет изнуряющего труда и самоотречения она впервые раскрыла объятия навстречу жизни — навстречу этому месту, — как в тот далекий момент, когда огромные и нежные руки извлекли ее из-под обломков и подняли к свету.

Талли вглядывалась в темноту и не чувствовала страха. Когда она только появилась в Дюпейне, старый садовник, теперь вышедший на покой, находил удовольствие в рассказах о некоем убийстве, случившемся в Викторианскую эпоху. Все произошло в этом, тогда еще частном, доме. Описывая мертвую молодую служанку, старик смаковал подробности. Тело девушки, с перерезанным горлом, с широко раскинутыми руками, лежало у подножия одного дуба на окраине Хита. Служанка была беременна, и ходили слухи, что в ее смерти был виноват кто-то из семьи — то ли сам хозяин, то ли один из двух его сыновей. Находились и такие, кто утверждал, будто по ночам ее не знающий покоя призрак разгуливает по Хиту. Приведение ни разу не появилось перед самой Талли, чьи страхи и переживания обычно принимали более конкретные очертания. Лишь однажды она почувствовала трепет, в котором преобладало скорее любопытство, нежели страх: Талли заметила под дубом какое-то шевеление; на фоне непроницаемой тьмы возникли две фигуры; они сблизились, поговорили и разошлись в разные стороны. В одной из них она узнала Калдер-Хейла. Талли не впервые видела его прогуливающимся по ночам в чьей-то компании. Она никогда не рассказывала об этих наблюдениях — ни ему, ни кому-либо еще. Привлекательность ночных прогулок была ей понятна. Все остальное ее не касалось.

Чуть прикрыв окно, она наконец легла. Но сон не шел. Лежа в темноте, Талли чувствовала, как события сегодняшнего дня толпятся в ее воображении, с каждым следующим мгновением приобретая все большую ясность, становясь отчетливее, чем были на самом деле. Она чувствовала еще что-то, существующее помимо памяти, неуловимое, невысказанное и все равно лежащее где-то в глубине ее существа, — оно вселяло в нее смутное, беспричинное беспокойство. Это неудобство могло идти просто от чувства вины: она сделала не все, что могла; ответственность некоторым образом лежит и на ней тоже; не уйди Талли на свои вечерние занятия, доктор Невил мог бы остаться жить. Она понимала абсурдность этого, старалась быть твердой и гнала такие мысли прочь. Вдруг, глядя на бледный просвет полуоткрытого окна, Талли вспомнила, как ребенком сидела в суровой викторианской церкви, в пригороде Лидса, и слушала вечерню. Она не слышала эту молитву почти шестьдесят лет. Сейчас ее слова возникли в сознании, и от них повеяло такой свежестью, словно она слышала их впервые.

Господи, разгони эту тьму вокруг нас, мы взываем к тебе; защити нас своей великой милостью от всех опасностей и испытаний этой ночи — во имя любви твоего единственного Сына, спасителя нашего Иисуса Христа.

Она задержала в сознании образ обгоревшей головы и прочитала молитву вслух. К ней вернулся покой.

9

Сара Дюпейн проживала на третьем этаже дома, стоящего на ничем не примечательной улице ленточной застройки на окраине Килберна, который местные агенты наверняка называли западным Хэмпстедом. Клочок травы, которую никто не подранивал, и неказистые кусты, торчав-

шие напротив дома номер шестнадцать, можно было бы назвать словом «парк», который, правда, больше напоминал оазис в пустыне. Два полуразобранных дома рядом превратились в строительную площадку, и на их месте, судя по всему, сооружалось жилье для одного владельца. К оградам многих садилов были приделаны доски для объявлений агентов; имелась такая и у дома шестнадцать. При взгляде на некоторые из домов, на их сверкающие входные двери, переложенную кирпичную кладку, становилось понятно, что класс процветающих молодых профессионалов уже начал колонизацию улицы. И все же, несмотря на близость метро и привлекательность Хэмпстеда, у нее все еще был неустроенный, слегка заброшенный вид места, где живут только временно. Для субботнего утра было необычно тихо, и за задернутыми занавесками не чувствовалось никакой жизни.

Справа от двери полицейские увидели три звонка. Дэлглиш нажал на тот, рядом с которым висела табличка «Дюпейн». Имя под фамилией было густо заштриховано, став совершенно нечитательным. Ответил женский голос, и Дэлглиш назвал свое имя. Голос сказал: «Впустить вас нажатием кнопки не получится. Эта хреновина сломана. Я спущусь».

Не прошло и минуты, как входная дверь открылась. Детективы увидели женщину крепкого сложения, с волевым лицом и тяжелыми темными волосами, зачесанными от широкого лба и туго стянутые лентой на затылке. Распущенные волосы должны были бы придавать дочери Невилы Дюпейна что-то цыганское, беспутное, но сейчас ее лицо без косметики — только губы слегка подведены — было лишено следов жизненной радости и выглядело открытым и незащищенным. Дэлглиш решил, что ей где-то под сорок, однако небольшие разрушения, учиненные временем, уже начали проявляться: линии на лбу, маленькие морщинки разочарований в углах большого рта. На женщине были черные брюки и бесцветный топ с низким вырезом, а поверх — свободная мужская кофта из пурпурной шерсти. Дочь Дюпейна не пользовалась бюстгалтером, и ее тяжелые груди раскачивались при ходьбе.

Отступив, давая им дорогу, она сказала:

— Меня зовут Сара Дюпейн. Лифта, к сожалению, нет. Подниметесь?

Ее дыхание отдавало запахом виски.

Когда Сара, твердо ступая, пошла вверх по лестнице, Дэлглиш подумал, что она моложе, чем показалась на первый взгляд. Это напряжение последних двенадцати часов отняло у нее остатки молодости. Он удивился тому, что Сара одна. В такой момент кто-нибудь мог бы с ней и побыть.

Квартира окнами выходила на зеленый оазис и была залита светом. В комнате было два окна; слева детективы заметили открытую дверь, которая, судя по всему, вела на кухню. Комната была неустроенной. У Дэлглиша сложилось впечатление, что когда-то мебель для нее выбирали вдумчиво и не скупясь, но потом потерявшие интерес жильцы покинули ее — душой, если не телом. На крашенных стенах остались следы от снятых картин; каминную полку над викторианской решеткой украшала единственная ваза с двумя ветками белых хризантем. Цветы засохли. Доминирующую роль играл современный кожаный диван. Единственной крупной мебелью, помимо него, были книжные полки, закрывающие одну из стен. Они наполовину пустовали; книги лежали кучами, в беспорядке.

Сара Дюпейн предложила полицейским сесть, а сама устроилась на квадратном кожаном пуфе у камина.

— Хотите кофе? — спросила она. — Вряд ли вы будете что-нибудь пить, правда же? Думаю, молока в холодильнике достаточно. Сама-то я выпила, как вы, наверное, заметили. Но слегка. Я вполне в состоянии отвечать на вопросы, если именно это вас волнует. Не возражаете, если я закурю?

Не дожидаясь ответа, она порылась в кармане кофты и вытащила пачку сигарет с зажигалкой. Детективы подождали, пока Сара закурила и принялась так глотать дым, будто никотин сохранял ей жизнь.

— Мне неудобно беспокоить вас вопросами; вы только что пережили такое потрясение, — сказал Дэлглиш. — Од-

нако когда мы имеем дело с подозрительной смертью, первые дни в расследовании особенно важны. Нам необходимо получить важную информацию как можно быстрее.

— Подозрительная смерть? Вы уверены? То есть убийство? Мисс Кэролайн считает, что это мог быть и суицид.

— Она как-нибудь это обосновала?

— Не совсем. Сказала только, будто вы решили, что это не несчастный случай. Мне кажется, она считает самоубийство единственной приемлемой версией. Все, что угодно, лишь бы не убийство. Да и в самом деле, кому могло понадобиться убивать моего отца? Он был психиатром. Наркотиками не торговал, ничем таким не занимался. Насколько мне известно, врагов у него не было.

— Были — по крайней мере один.

— Ладно, я о нем ничего не знаю.

— Не рассказывал ли он вам о ком-нибудь, кто мог бы плохо к нему относиться? — спросила Кейт.

— «Плохо относиться»? Так принято говорить в полиции? Вылить ему на голову бензин и сжечь заживо — это и в самом деле нехорошо! Господи, вы можете спросить меня еще раз! Я не знаю никого, кто бы «плохо к нему относился».

Она исходила сарказмом, выделяла каждое слово.

— Его отношения с братом и сестрой были хорошими? — продолжала Кейт. — Они ладили?

— Вы не очень-то церемонитесь. Нет, я думаю, что время от времени они просто не переносили друг друга. В семьях такое случается, вы не замечали? Дюпейны не были близки, хотя в этом нет ничего необычного. Я к тому, что семья может толком и не быть, но из этого не следует, что ее члены готовы сжигать друг друга заживо!

— Как он относился к подписанию нового договора? — спросил Дэлглиш.

— Отец сказал, что не станет этого делать. Я приходила к нему во вторник, накануне собрания доверенных лиц. Я сказала, что, по моему мнению, ему следует тянуть до последнего и не подписывать. Честно говоря, я хотела получить свою долю. И у него имелись какие-то другие соображения.

— Сколько приходится на долю каждого наследника?

— Вам придется выяснить это у дяди. Думаю, около двадцати пяти тысяч. По сегодняшним временам, конечно, не состояние, но мне на год-два хватило бы. Папа исходил из более высоких принципов. Он считал, что мы слишком печемся о прошлом, страдаем чем-то вроде всенародной ностальгии и в результате не справляемся с проблемами в настоящем.

— Эти отъезды по выходным... Кажется, ваш отец забирал машину каждую пятницу. Вам известно, куда он отправлялся?

— Нет. Он никогда мне не рассказывал, а я не спрашивала. Я знала, что выходные отец проводит не в Лондоне, хотя про каждую пятницу ничего не слышала. Похоже, он так поздно работал с понедельника по четверг, чтобы освободить субботу и воскресенье. Может быть, у него была еще какая-то жизнь. Надеюсь, что была. Мне хотелось бы думать, что перед тем, как умереть, он получил свой кусочек счастья.

— И он никогда не упоминал, куда едет? — продолжала настаивать Кейт. — Встречался ли он с кем-то? Не разговаривали вы с ним об этом?

— Мы не разговаривали. Нет, не в том смысле, что у нас испортились отношения. Он был моим отцом. Я любила его. Просто мы мало общались. Папа много работал, я много работала; мы жили в разных мирах. О чем нам разговаривать? К концу дня, он, возможно, был в том же состоянии, что и я: чуть живой, готовый сыграть в ящик. Все равно, большую часть вечеров папа работал. С какой стати ему ехать в Килберн? Чтобы рассказать мне, какой дерьмовый у него выдался день? Впрочем, у него была женщина. Попробуйте ее спросить.

— Вы знаете, кто она?

— Нет, но вы ее, конечно, найдете. Это же ваша работа, не правда ли — отслеживать людей?

— Откуда вам известно, что у него была женщина?

— Однажды, в выходные, я попросила у него ключи от квартиры; я тогда переезжала из Балама. Он вел себя очень

осторожно, но мне все стало понятно. Я немного порылась в квартире; женщины всегда так делают. Не буду вам рассказывать, чтоб вы не краснели. Как бы там ни было, меня это не касалось. Его дело. Знаете, я звала его папой, а на мое четырнадцатилетие он предложил мне называть его Невилом. Наверное, он считал, что мне понравится, когда он станет в большей степени другом, а не отцом. Это модно. Ладно, он заблуждался. Что мне хотелось — так это называть его папочкой и сидеть у него на коленях. Странно, правда? И еще я могу сказать одну вещь. Что бы вам ни говорили остальные родственники, отец не стал бы кончать с собой. Он бы никогда так со мной не поступил.

Кейт видела, что Сара готова заплакать. Она перестала затягиваться, затем бросила выкуренную только наполовину сигарету в пустой камин. Ее руки дрожали.

— Не самое подходящее время для одиночества, — сказал Дэлглиш. — У вас есть близкий человек, который мог бы с вами побыть?

— В голову никто не приходит. И я не хочу, чтобы дядя Маркус изливался тут в банальностях и подбадриваниях или чтобы тетя Кэролайн критически меня разглядывала и подуживала проявить хоть какое-нибудь чувство, желая, чтобы и я стала ханжой.

Дэлглиш заметил:

— Мы можем зайти потом, если вы предпочитаете сейчас прерваться.

— Со мной все в порядке. Продолжайте. И вряд ли вы задержитесь надолго. Я к тому, что рассказывать мне особенно нечего.

— Кто наследник вашего отца? Вы когда-нибудь обсуждали завещание?

— Нет. Наверное, наследница я. Кто ж еще? У меня нет ни братьев, ни сестер, а моя мать в прошлом году умерла. И она бы все равно ничего не получила; они развелись, когда мне было десять. Она жила в Испании, и я ее совсем не видела. Мать не вышла замуж, поскольку не хотела лишиться

алиментов, но они отца не разоряли. И вряд ли он что-то оставил Маркусу или Кэролайн. Я съезжу сегодня в Кенсингтон и выясню имя его юриста. Сама квартира, конечно, тоже чего-то стоит. Отец думал, когда ее покупал. Вы, наверное, тоже захотите там побывать.

— Да, нам понадобится увидеть его бумаги, — сказал Дэлглиш. — Может, мы сходим вместе? У вас есть ключи?

— Нет, он не хотел, чтобы я запросто входила в его жизнь и выходила обратно. Обычно я приносила с собой проблемы, и отец, наверное, предпочитал знать о них заранее. А вы разве не нашли ключи на его... у него в кармане?

— Да, у нас есть связка. И тем не менее я предпочел бы попросить их у вас.

— Наверное, папины приобщены к делу. Вас пустит швейцар. Идите, когда вам хочется; я хотела бы побыть там одна. Я планирую провести год за границей, как только все будет улажено. Мне ждать конца расследования? В смысле, могу я уехать после дознания и похорон?

— Вы хотели бы? — мягко спросил Дэлглиш.

— Наверное, нет. Папа предупреждал меня: ты не можешь сбежать. Ты всегда берешь с собой себя. Банально, но верно. Теперь в моем багаже прибавится черт знает сколько всякого-разного, не правда ли?

Дэлглиш и Кейт встали. Адам протянул руку:

— Да. Я вам сочувствую.

Детективы молча вышли и направились к машине.

— Она заинтересована в деньгах... — задумчиво промолвила Кейт. — Они важны для нее.

— Настолько важны, что она убила отца? Она ждала закрытия музея и могла не сомневаться, что рано или поздно получит свои двадцать пять тысяч.

— Возможно, хотела получить их поскорее. Она чувствует за собой какую-то вину.

— Она не любила его или любила недостаточно, — сказал Дэлглиш. — Горе и чувство вины неразделимы. Однако у нее на душе не только убийство отца, сколь бы ужасным оно

ни было. Нам нужно выяснить, чем Дюпейн занимался в выходные. Пирс и Бентон-Смит могут что-то выведать у механика, но я думаю, что главный наш шанс — секретарша Дюпейна. Немногое в жизни начальника остается скрытым от его секретарши. Будьте добры, выясните, кто она, и договоритесь о встрече — по возможности на сегодня. Дюпейн работал старшим психиатром в больнице Святого Освальда. Я бы начал оттуда.

Порывшись в справочнике, Кейт позвонила в больницу. На соединение с нужным дополнительным номером ушло несколько минут. Разговор длился не больше минуты, и Кейт в основном слушала. Не выпуская трубки, он сказала Дэлглишу:

— Секретарша мистера Дюпейна — миссис Анжела Фарадей. По субботам она работает с утра, клиника закрывается в четверть второго. С этого времени и до двух она занимается своими делами и находится в офисе одна. Она готова с вами встретиться. Обеденного перерыва у нее нет, за исключением бутербродов прямо в офисе.

— Спасибо, Кейт. Скажите, что я буду в половине первого. Встреча была назначена, и Кейт выключила телефон.

— Интересное совпадение: у нее та же фамилия, что и у женщины, занимающейся садом в музее. Если это и в самом деле совпадение. Фарадей — редкая фамилия.

— Если это не совпадение и они родственники, перед нами открывается несколько интересных возможностей. А пока посмотрим, что нам расскажет квартира в Кенсингтоне.

Уже через полчаса они были у двери. У каждой кнопки стоял номер без имени, и только напротив номера тринадцатого имелась табличка «Швейцар». Кейт нажала кнопку, и через полминуты служитель появился, натягивая на ходу китель. Полицейские увидели кряжистого мужчину с печальным взглядом и большими усами, который напомнил Кейт моржа. Он назвал; фамилия оказалась длинной и запутанной, в ней слышалось что-то польское. Он был немногосло-

вен, отвечал на их вопросы хоть и медленно, но с готовностью. Швейцар не мог не слышать о смерти Невила Дюпейна, однако не упоминал о ней; обходил это молчанием и Дэлглиш. Кейт пришло в голову, что осторожное умалчивание делало разговор несколько сюрреалистичным. Отвечая на вопросы, швейцар сообщил, что доктор Дюпейн был очень скромным джентльменом. Они редко встречались, и он не может припомнить, когда они в последний раз разговаривали. Если у доктора Дюпейна и бывали посетители, швейцар их ни разу не видел. У него хранится по два ключа от каждой квартиры. В ответ на просьбу он тут же протянул ключи от номера одиннадцать, попросив лишь расписку.

Осмотр не дал ничего. Квартира, окнами выходящая на Кенсингтон Хай-стрит, находилась в безупречном порядке, лишаящем всякой индивидуальности — будто ее готовили для показа следующим жильцам. Воздух слегка застоялся; даже живя на такой высоте, перед тем, как уехать на выходные, Дюпейн не поленился закрыть все окна. Совершая предварительный обход гостиной и двух спален, Дэлглиш думал о том, что никогда еще дом жертвы не говорил ему так мало о личной жизни человека. На окнах висели стандартные деревянные жалюзи, будто хозяин опасался выдать личную склонность даже выбором штор. На выкрашенных в белый цвет стенах не было картин. В книжном шкафу стояла дюжина медицинских книг, в остальном же круг чтения Дюпейна сводился к биографиям, автобиографиям и историческим трудам. Главным его увлечением была, судя по всему, музыка. Аппаратура была современной. Невил Дюпейн предпочитал классику и новоорлеанский джаз.

Оставив изучение спален Кейт, Дэлглиш сел за стол. Здесь, как он и ожидал, все бумаги лежали в безупречном порядке. Он увидел, что текущие счета оплачивались по мере поступления — самый простой и безболезненный подход. Счета из гаража приходили раз в квартал и оплачивались в течение нескольких дней. Принадлежавшие Дюпейну ценные бумаги стоили чуть больше 200 000 фунтов. Капитал был

размещен самым разумным образом. Сложенные в кожаную папку банковские счета не говорили ни о крупных вложениях, ни о крупных тратах. Доктор Дюпейн регулярно и щедро тратился на благотворительность, в основном на проекты, связанные с психиатрией. Интерес представляли только чеки от операций с кредитной картой, через которую Дюпейн каждую неделю оплачивал проживание в провинциальном отеле. Места были различные, а суммы — незначительные. Конечно, ничего не стоило выяснить, останавливался он там один или вдвоем с кем-то, но Дэлглиш не собирался спешить. Все еще оставалась вероятность, что правда откроется другим путем.

Вернулась из спальни Кейт.

— Кровать в комнате для гостей застелена, и нет ничего, что указывало бы на недавнее присутствие других людей. Хотя, думаю, Сара Дюпейн была права, сэр. Он встречался с женщиной в этой квартире. В нижнем ящике я обнаружила сложенный банный халат и три пары трусов. Они выстираны, но не отглажены. В ванной комнате есть дезодорант — таким пользуются в основном женщины — и стакан с запасной зубной щеткой.

— Они могут принадлежать его дочери, — заметил Дэлглиш.

Кейт работала с ним слишком давно, чтобы легко смущаться, и все же сейчас она покраснела. Смущение послышалось и в ее голосе.

— Я сомневаюсь, что это трусы его дочери. Почему трусы, а не ночная рубашка или тапочки? Если к Дюпейну приходила любовница и ей нравилось, чтобы он ее раздевал, то она, возможно, брала чистые трусы с собой. Халат в нижнем ящике слишком маленький для мужчины, и к тому же еще один висит на двери ванной.

— Если эта любовница уезжала с ним каждую пятницу, то где они встречались? Он заезжал за ней, или она приезжала к Дюпейну и ждала его здесь? Не похоже. Была опасность, что кто-то задержится на работе и увидит ее. Ладно, на тепе-

решный момент все это домыслы. Посмотрим, что скажет нам его секретарша. Я отправлю вас в музей, Кейт. Хочу встретиться с Анжелой Фарадей один на один.

10

Пирс понимал, почему разговаривать со Стэнли Картером Дэлглиш отправил его и Бентона-Смита. Подход Дэлглиша к машине был такой: это средство передвижения сконструировано для того, чтобы перевезти его из одного места в другое. Он требовал от нее надежности, скорости, комфортабельности и чтобы она радовала глаз. Его «ягуар» отвечал всем этим требованиям. Адам не видел смысла в обсуждении характеристик или размышлениях о том, какие новые модели следует попробовать. Разговоры о машинах его утомляли. Пирс, редко пользующийся машиной в городе и любивший ходить от своей квартиры в Сити до Нью-Скотленд-Ярда пешком, разделял взгляды начальника, но у него они сочетались с живым интересом к моделям и характеристикам. Если болтовня о машинах поможет разговорить Стэнли Картера, то Пирс готов в ней участвовать.

Гараж Дункана занимал угол на второстепенной улице, где Хайгейт переходит в Инслингтон. Высокая стена из серого лондонского кирпича, с грязными пятнами в тех местах, где были предприняты попытки избавиться от граффити — большей частью безуспешные. В стене имелись ворота, на которых висел замок. Обе створки были открыты. Внутри, по правую руку, виднелся маленький офис. Там за компьютером сидела молодая женщина с невероятно желтыми волосами, заколотыми большой пластмассовой заколкой в виде петушиного гребня. Над ней склонился крепкий мужчина в черном кожаном пиджаке. Когда Пирс, постучав, открыл дверь, тот выпрямился.

Раскрыв удостоверение, Пирс сказал:

— Полиция. Вы менеджер?

— Так меня называет босс.

— Мы хотели бы поговорить с мистером Стэнли Картером. Он здесь?

Не удосужившись взглянуть на удостоверение, мужчина кивнул в сторону гаража.

— Там, в глубине. Работает.

— И мы работаем. Мы не задержим его надолго.

Прикрыв дверь, менеджер вернулся к монитору. Пирс и Бентон-Смит обошли «БМВ» и «гольф», принадлежащие, судя по свежести моделей, персоналу. За ними открылась большая мастерская с выкрашенными в белый цвет кирпичными стенами и высокой наклонной крышей. В глубине была сделана деревянная платформа с лестницей по правой стороне. Переднюю часть платформы украшал ряд блестящих радиаторов — будто захваченные в битве трофеи. Вдоль стены висели железные полки, и везде — иногда на крючках с надписями, а чаще там и сям, создавая впечатление рукотворного хаоса, — лежали рабочие инструменты. Этот вид был знаком Пирсу по многим похожим мастерским, где каждый предмет клался так, чтобы в дальнейшем его легко было снова взять. Картер, вне всякого сомнения, мог здесь добраться до чего угодно, просто вытянув руку. На полу, выстроенные в ряд, стояли баллоны с ацетиленокислородом, банки с краской, банки с растворителем, помятые канистры из-под бензина, тяжелый пресс, а над всем этим железом висели пружины, провода для прикуривания, приводные ремни, маски для газосварки и ряды пульверизаторов. Гараж освещался двумя длинными флуоресцентными лампами. Холодный воздух пахнул краской и немного машинным маслом. Было тихо и пусто, лишь из под серого «элвиса» сороковых годов раздавался низкий звон молотка. Пирс присел на корточки и позвал:

— Мистер Картер?

Стук прекратился. Показались две ноги, затем туловище, одетое в грязный комбинезон и толстый свитер с высо-

ким воротником. Стэн Картер поднялся на ноги, вынул из нагрудного кармана ветошь и начал неспешно вытирать руки, уделяя внимание каждому пальцу и рассматривая тем временем офицеров — внимательно и спокойно. Удовлетворенный результатом, он крепко пожал руку Пирсу, затем Бентону-Смиту и обтер ладони о штаны, будто опасаясь инфекции. Перед полицейскими стоял невысокий жилистый мужчина с густыми седыми волосами, которые были коротко острижены и открывали высокий лоб. Нос — длинный и тонкий, на лице — бледность, свойственная людям, работающим большей частью в помещении. Его можно было бы принять за монаха, однако в его живых, внимательных глазах не было ничего созерцательного. Несмотря на малый рост, Картер держался очень прямо. «Бывший военный», — подумал Пирс. Представившись, он сказал:

— Мы пришли задать вам несколько вопросов о Невиле Дюпейне. Вы знаете, что он мертв?

— Знаю. Убит, наверное. Иначе бы вас здесь не было.

— Нам известно, что вы обслуживали его «ягуар». Не расскажете ли, как давно вы им занимаетесь, как вообще все происходило?

— В апреле будет двенадцать лет. Доктор на нем ездит, а я присматриваю. Каждый раз повторялось одно и то же. В пятницу вечером он забирал его из гаража при музее и возвращался в воскресенье или в полвосьмого утра в понедельник.

— И оставлял его здесь?

— Обычно он ехал прямо в музей, насколько мне известно. Почти каждую неделю я забирал его в понедельник или вторник и брал сюда. Мыл, полировал, проверял масло и охлаждающую жидкость, заливал бензин — делал все необходимое. Он любил, чтобы машина блестела.

— Что происходило, когда он приезжал на нем прямо сюда?

— Ничего не происходило. Он просто оставлял здесь автомобиль. Доктор знал, что в полвосьмого я уже здесь, и если

хотел что-то сказать насчет машины, ехал сначала сюда, а дальше брал такси.

— Если доктор Дюпейн возвращался сюда, говорили ли вы о его выходных? Куда он ездил, например?

— Он был не из тех, кто говорит о чем-то, кроме машины. Мог разве что бросить слово-другое о погоде.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросил Бентон-Смит.

— Две недели назад, в понедельник. Он приехал сюда чуть позже половины восьмого.

— Как он выглядел? Казался подавленным?

— Не подавленнее любого другого в дождливое утро понедельника.

— Он ездил быстро, не так ли? — продолжал Бентон-Смит.

— Меня там не было. Я думаю, достаточно быстро. Что толку садиться за руль «ягуара», если хочешь тащиться еле-еле.

— Меня интересует, как далеко он в этом заходил. Опираясь на это, мы могли бы заключить, куда доктор ездил. Он не рассказывал, насколько я понял?

— Нет. Меня не касается, куда он ездил. Вы уже меня спрашивали.

— Но вы должны были отмечать километраж, — заметил Пирс.

— Мог бы. Машина нуждалась в полном осмотре каждые три тысячи миль. Обычно дел было немного. Регулировка карбюраторов требовала кое-какого времени, и все же это была хорошая машина. В те годы, что я ее обслуживал, она ~~вела~~ себя замечательно.

— Начала выпускаться в 1961 году, не так ли? Вряд ли фирме доводилось делать машины прекраснее...

— Она была небезупречна, — ответил Картер. — Некоторые считают ее слишком тяжелой, не каждому нравится корпус, но к доктору Дюпейну это не относилось. Он просто обожал эту машину. Стой доктор перед порогом смерти, он был бы рад уйти вместе со своим «ягуаром».

Оставив без внимания эту неожиданную вспышку, Пирс спросил:

— Так как насчет километража?

— Как правило, не меньше сотни миль за выходные. Чаще он переваливал за сто пятьдесят и доходил до двухсот. Иногда и побольше. Так бывало, когда он возвращался в понедельник.

— Он ездил один? — спросил Пирс.

— Откуда я знаю? Я никогда не видел, чтобы с ним кто-то был.

Бентон-Смит потерял терпение.

— Да будет вам, мистер Картер! Должны же вы иметь представление, был ли с ним кто-то еще. Неделю за неделей вы обслуживали машину, мыли ее. Раньше или позже появляются какие-то признаки. Тот же незнакомый запах.

Картер упрямо покачал головой.

— Какого рода запах? Чипсы? Обычно он ездил с опущенной крышей — в любую погоду, кроме дождя. — И мрачно добавил: — Я ни разу никого не видел и не почуял ничего необычного. Какое мне дело, с кем он ездит?

— А ключи? — спросил Пирс. — Если вы забирали машину из музея каждый понедельник или вторник — значит, у вас должны быть ключи и от «ягуара», и от гаража.

— Верно. Они в офисе, в шкафу с ключами.

— Этот шкаф запирается?

— Как правило. Ключ лежит в ящике стола. Его запирают, если в офисе нет ни Шарон, ни мистера Моргана.

— Получается, до них могут добраться посторонние люди? — спросил Бентон-Смит.

— Не вижу, как у них это может получиться. Здесь всегда кто-то есть, а в семь ворота уже запираются. Если мне нужно работать после этого, я попадаю сюда через дверь за углом, от которой у меня есть собственные ключи. Есть звонок. Доктор Дюпейн знал, где меня искать. Да и вообще — ключи от машин не именованы. Мы знаем, какой от чего, и я не понимаю, как это может узнать кто-то другой.

Мистер Картер обернулся и взглянул на «элвис», ясно давая понять, что он человек занятой и уже сообщил все необходимое. Пирс поблагодарил его, дал свою карточку и просил звонить, если тот вспомнит что-либо имеющее отношение к делу.

Уже в офисе Билл Морган подтвердил информацию о ключах, и его услужливость превзошла ожидания Пирса: он показал им сам шкаф и, вынув ключ из правого ящика стола, запер и отпер его несколько раз, будто показывая, как все хорошо отлажено. Они увидели обычный ряд ключей и ни одной бирки.

По дороге к машине, которая волшебным образом не была украшена счетом за стоянку, Бентон-Смит сказал:

— Немногого мы от него добились.

— Не исключено, что он сообщил нам все, что мог. И какой был смысл спрашивать его о подавленности Дюпена? Они не виделись две недели. В любом случае нам известно, что это не самоубийство. И вам не следовало быть с ним столь резким, расспрашивая о пассажире. Люди такого типа не склонны поддаваться давлению.

— Я не считаю, что давил на него, сэр, — сухо сказал Бентон-Смит.

— Не давили, однако были близки к этому. Отойдите, сержант. Поведу я.

11

В больнице Святого Освальда Дэлглиш был не впервые. Он припоминал, что дважды приходил сюда еще сержантом для беседы с жертвами неудавшихся убийств. Госпиталь находился на северо-востоке Лондона; подъехав к железным воротам, Дэлглиш увидел — внешне мало что изменилось. Здание, выстроенное в девятнадцатом веке из охря-

но-красного кирпича, смотрелось основательно: квадратные башни, огромные круглые арки, узкие заостренные окна. Все вместе походило на викторианское учебное заведение или нагромождение церквей, но не на госпиталь.

Адам без труда нашел место для «ягуара» на стоянке для посетителей и, поднявшись на внушительное крыльцо, прошел сквозь автоматически открывающиеся двери. Внутри были заметны изменения. Теперь здесь стоял большой современный стол, а справа от входа через открытую дверь виднелась комната ожидания, в которой стояли кожаные кресла и низенький столик с журналами.

Дэлглиш не стал обращаться к людям за столом, по опыту зная, что человека, уверенно идущего мимо, останавливают редко. Среди множества указателей он нашел стрелку, указывающую путь к амбулаторному отделению, и пошел по коридору. Запомнившаяся ему обтрепанность осталась в прошлом. На свежеевыкрашенных стенах рядами висели коричневые фотографии, иллюстрирующие историю госпиталя. 1870 год, детское отделение: кровати с перильцами, дети с забинтованными головами и худыми неулыбчивыми лицами, викторианские дамы-посетительницы, с турнюрами и в колоссальных шляпах, сестры милосердия в одинаковых платьях до щиколоток и в высоких накрахмаленных головных уборах. Были фотографии госпиталя, разбомбленного во время налета «Фау-2», фотографии больничных теннисных и футбольных команд, фотографии, сделанные в день открытых дверей или во время нечастых визитов королевских особ.

Амбулаторное отделение располагалось в полуподвале; Дэлглиш спустился по лестнице и оказался в приемном покое. Здесь стоял еще один стол, за которым сидела миловидная восточная девушка и работала на компьютере. Адам сообщил, что у него назначена встреча с миссис Фарадей, и медсестра, улыбнувшись, показала ему на дальнюю дверь, уточнив: «Кабинет миссис Фарадей по левой стороне». Дэлглиш постучал; откликнулись немедленно. Этот голос он уже слышал по телефону.

Комната была маленькая, заставленная шкафами с папками. Места едва хватило для стола, стула и кресла. Окно смотрело на стену все из того же охряного кирпича. Под ним была разбита узкая клумба с большой гортензией: листья облетели, стебель засох. Остались бледные соцветия с тонкими, словно бумага, лепестками. В песчаном грунте рос неухоженный розовый куст с потемневшими и сморщившимися листьями и единственным чахлым цветком.

Женщине, которая протянула Дэлглишу руку для приветствия, было, судя по всему, чуть больше тридцати. Он увидел бледное, с тонкими чертами, умное лицо. Рот небольшой, губы полные. Темные волосы прядями падали на высокий лоб и щеки. Глаза под изогнутыми бровями были огромными, и Дэлглиш подумал, что ни в чьих глазах он не видел такой боли. Ее тоненькая фигурка держалась так прямо, будто она только усилием воли удерживала в себе свое горе, готовая в любой момент разрыдаться.

— Может, вы присядете? — спросила она и показала на кресло с прямой спинкой, стоящее у стола.

Дэлглиш на мгновение замешкался, подумав, что это кресло, возможно, принадлежало Невилу Дюпейну, но другого он не видел; потом Адам сказал себе, что непреднамеренная поддержка выглядит глупо.

Она предоставила начать разговор ему.

— Вы поступили великодушно, встретившись со мной. Смерть доктора Дюпейна была ужасным потрясением для всех, кто знал его и работал с ним. Когда вы об этом услышали?

— По новостям местного радио, сегодня рано утром. Они не вдавались в подробности, просто сказали, что в музее Дюпейна в машине сгорел человек. Я сразу поняла, что это Невил. — Миссис Фарадей не глядела на Дэлглиша, но ее лежащие на коленях руки сжимались и разжимались. — Пожалуйста, скажите, мне нужно знать. Его убили?

— Сейчас мы не можем сказать наверняка. Похоже, что так. В любом случае нам приходится считать его смерть подо-

зрительной. Если все указывает на имевшее место убийство, нам необходимо как можно больше узнать о жертве. Поэтому я здесь. Его дочь рассказала нам, что вы проработали с ее отцом десять лет. За десять лет о человеке можно узнать многое. Я надеюсь, вы поможете мне узнать его лучше.

Она посмотрела на детектива; их глаза встретились. Ее взгляд обладал неимоверной силой. Дэлглиш чувствовал, что о нем составляют мнение. Тут же было и кое-что еще: мольба о некоем молчаливом подтверждении, что она может говорить свободно и ее поймут. Адам ждал.

— Я любила его, — сказала она просто. — Мы встречались шесть лет. Три месяца назад это прекратилось. Секс прекратился, любовь осталась. Я думаю, что Невил почувствовал облегчение. Его утомляла постоянная необходимость скрываться, осторожничать. И одновременно он не мог поступать по-иному. Когда я вернулась к Сельвину, одной заботой у него стало меньше. Впрочем, я никогда не уходила от мужа по-настоящему. Наверное, одна из причин моего брака с Сельвином в том, что сердцем я понимала: Невил никогда не захочет соединиться со мной навсегда.

— Отношения прекратили вы или он? — мягко спросил Дэлглиш.

— Мы оба, но главным образом я. Мой муж — хороший, приятный человек, и я его люблю. Иначе, наверное, чем Невила, и все же мы были счастливы. Мы и сейчас счастливы. А еще существует мать Сельвина. Вы, наверное, с ней еще по-встречаетесь. Она работает у Дюпейнов. Миссис Фарадей — женщина непростая, однако обожает сына, всегда была к нам добра, купила нам и дом, и машину; она живет ради Сельвина. Ко мне пришло осознание того, как я заставляю страдать других. Сельвин из тех людей, кто отдается любви целиком. Он не очень умен, но знает, что такое любовь. У него не возникало никаких подозрений; он даже представить себе не мог, что я ему изменяю. Я почувствовала, что мы с Невилом ведем себя неправильно. Вряд ли он ощущал что-то подобное: жены, чтобы о ней беспокоиться, у него не было, с до-

черью он общался мало. Невил не был по-настоящему угнетен, когда наши отношения прекратились. Как видите, всегда больше любила я его, а не он меня. В жизни Невила было столько забот и стрессов, что, возможно, для него оказалось облегчением избавиться хотя бы от одного беспокойства — беспокойства о моем счастье, о том, что все откроется.

— И это случилось? О вас узнали?

— Насколько я знаю, нет. В больнице слухи распространяются быстро, как, наверное, и в любом учреждении, но мы были очень осторожны. Вряд ли кто-нибудь в курсе. А теперь, когда он умер, мне не с кем о Невиле поговорить. Когда я с вами о нем разговариваю, мне становится легче. Странно, правда? Невил был хорошим человеком, командер, и хорошим психиатром, хотя сам он так не считал. У него никогда не получалось оставаться достаточно отстраненным — так, чтобы сохранять душевное спокойствие. Он слишком много переживал; его ужасно беспокоило общее состояние психиатрической службы. Вот мы — одна из богатейших стран в мире — не можем обеспечить уход за старыми, душевнобольными, за теми, кто провел жизнь в работе, самоотдаче, борьбе с жестокостью и нищетой. А теперь, когда они постарели, выжили из ума и нуждаются в любви и заботе, мы не можем им предложить ничего, даже эту малость. Он переживал и о больных шизофренией, о тех, кого нам нечем лечить. Невил считал, что должны существовать приюты: места, где они могут находиться до тех пор, пока не минует кризис, куда можно приходить даже по доброй воле. А еще — страдающие болезнью Альцгеймера. Ухаживающие за ними время от времени сталкиваются с неразрешимыми проблемами. Невил не мог отстраниться от их страданий.

— Судя по тому, как много было у него работы, наверное, не стоит удивляться, что он не хотел посвящать музею времени больше, чем посвящал.

— Он вообще не посвящал ему времени. Он ходил на ежеквартальные собрания опекунов: был обязан делать это. В иной ситуации Невил отошел бы в сторону и предоставил бы дела сестре.

— Ему было неинтересно?

— Все куда серьезнее. Он ненавидел это место. Говорил, что уже достаточно им ограблен за свою жизнь.

— Он объяснял, что под этим понимает?

— Невил имел в виду свое детство. Он мало об этом рассказывал, но оно не было счастливым. Ему не хватало любви. Его отец все силы отдавал музею. И деньги. Хотя на их образование он кое-что потратил. Частные школы, государственные школы, университеты. Иногда Невил говорил о своей матери; у меня сложилось впечатление, что она не была сильной женщиной — ни душевно, ни физически. Она слишком боялась его отца, чтобы защищать детей.

«Ему не хватало любви — и была ли она вообще? Защищать от чего? От насилия, соращения, пренебрежения?»

— Невил считал, что мы слишком заняты прошлым: историей, традициями, вещами, которые мы собираем, — продолжала она. — Он говорил, что мы загромождаем свою жизнь мертвыми жизнями, мертвыми идеями, вместо того чтобы решать проблемы настоящего. Однако сам он был погружен в свое прошлое. Вы ведь не можете это стереть, так ведь? Не важно, о страхе мы говорим или о человеке. Оно было. Оно сделало нас такими, какие мы есть, и нам придется его понять.

«Невил Дюпейн был психиатром. Он должен был понимать лучше, чем кто-либо другой, как сильные щупальца прошлого могут опутать душу».

Адам видел, что теперь, начав говорить, миссис Фарадей не может остановиться.

— Я не слишком хорошо все это объясняю. Я говорю только о том, что чувствую. Мы не часто разговаривали о его детстве, неудачном браке, музее. Просто времени не было. Если нам удавалось провести вечер вдвоем, все, что он хотел — это поесть, позаниматься любовью и поспать. Невил не хотел вспоминать, он хотел расслабиться. И это я могла ему дать. Иногда, когда все уже было сделано, я думала, что любящая другая женщина могла сделать для него то же самое. Лежа там, я чувствовала себя от него дальше, чем в клинике, когда

он что-то диктовал или обсуждал со мной расписание на неделю. Когда кого-то любишь, ты стремишься дать любимому все, в чем он нуждается, но ты не можешь, правда? Никто не может. Дать можно только то, что другой готов взять. Извините, я не знаю, зачем все это вам рассказываю.

«Разве не повторяется каждый раз одно и то же? Люди мне что-то рассказывают. Мне не нужно выяснять, спрашивать. Они просто рассказывают». Все началось, когда Дэлглиш был молодым сержантом; тогда его это удивило и заинтриговало. Это дало пищу его поэтическому дару, и с некоторым стыдом он осознал полезность своего дара. Дело было в жалости. Он с детства знал, как жизнь разбивает сердца, и это тоже питало его поэзию. «Я выслушиваю людские исповеди и использую их, чтобы стянуть наручники на их запястья».

— Не кажется ли вам, что давление на работе, чужие несчастья, которые он разделял, — это отбило у него охоту жить дальше? — спросил Дэлглиш.

— Убить себя? Совершить самоубийство? Никогда! — Ее голос зазвенел. — Никогда, никогда! О самоубийстве мы время от времени разговаривали. Он был против этого. Я не о тех, кто очень стар или безнадежно болен, — мы можем их понять. Я о молодых. Невил говорил, что нередко самоубийство — проявление агрессии, что оно оставляет на семье и друзьях неподъемную вину. Он не оставил бы своей дочери такое наследство.

— Спасибо вам, — сказал Дэлглиш. — Вы очень мне помогли. Осталась одна вещь. Вы знаете, что доктор Дюпейн держал «ягуар» в гараже при музее, уезжал на нем вскоре после шести вечера каждую пятницу и возвращался поздно вечером в воскресенье или рано утром в понедельник. Нам, конечно, необходимо выяснить, куда он уезжал на выходные, был ли кто-то, кого он регулярно навещал.

— Вы о том, была ли у него другая жизнь? Тайная, не имевшая отношения ко мне?

— Не исключено, что эти выходные как-то связаны с его смертью. Его дочь не имеет понятия о том, куда он ездил и, похоже, никогда не пыталась это выяснить.

Миссис Фарадей неожиданно вскочила и начала ходить вдоль окна. Какое-то время стояла тишина, потом она сказала:

— Да, не пыталась. Наверное, никто из семьи не спрашивал и не беспокоился. Они жили изолированно друг от друга, почти как королевская семья. Я часто задумывалась: не в отце ли тут дело? Невил иногда о нем заговаривал. Я не понимаю, зачем Дюпейн-старший завел детей, которые доставляют столько беспокойства. Его страстью был музей, поиск экспонатов, ему нравилось тратить на это деньги. Невил любил дочь и чувствовал себя виноватым перед ней. Видите ли, его пугало, что он ведет себя в точности как отец, отдавая работе внимание и заботу — когда следовало отдавать их Саре. Я думаю, он хотел закрыть музей именно поэтому. И возможно, ему были нужны деньги.

— Для себя?

— Нет, для нее.

Она вернулась к столу.

— А он когда-нибудь рассказывал вам, куда ездит в выходные?

— Нет, не говорил ни куда ездит, ни что делает. Выходные были его освобождением. Он любил эту машину. Невил не был механиком, не умел ее ни ремонтировать, ни обслуживать — он любил ее водить. Каждую пятницу он уезжал за город и гулял. Невил мог гулять субботу и воскресенье. Останавливался в маленьких харчевнях, провинциальных гостиницах, иногда только на ночевку и завтрак. Он любил хорошую еду и уют, поэтому выбирал место ночлега осторожно. При этом Невил не навещался в одно и то же место регулярно. Он не хотел, чтобы им интересовались и задавали ему вопросы. Невил мог отправиться к Уай-Вэлли, в Дорсет, иногда к морю — в Норфолк или Суффолк. Это были одинокие прогулки. Вдали от людей, вдали от телефона, вдали от города. Они позволяли ему оставаться в своем уме.

Она сидела, опустил глаза; ее сцепленные руки лежали на столе. Теперь миссис Фарадей смотрела на детектива, и

Дэлглиш опять увидел — охваченный жалостью — темные колодцы непереносимой боли. Она почти кричала:

— Невил уезжал один, всегда один! Он в этом нуждался, и от этого мне больно. Он просто меня не хотел. После моего замужества выбираться стало непросто, но мне удавалось. Мы так мало бывали вместе; только эти часы в квартире, урывками. А в выходные — никогда! Долгие часы вместе — гуляя, болтая, проводя в одной постели всю ночь — никогда! Никогда, никогда!

— Вы не спрашивали его почему? — осторожно произнес Дэлглиш.

— Нет. Я слишком боялась услышать правду: что одиночество ему в большей степени необходимо, чем я. — Помолчав, она заговорила опять: — Кое-что я и в самом деле предприняла. Я освободила следующие выходные. Мне пришлось солгать мужу и свекрови, и все же я сделала это. Я собиралась попросить Невила взять меня с собой. Хотя бы раз. Только раз, я бы ему обещала. Получись у меня провести с ним эти единственные выходные, тогда, думаю, я смогла бы уйти окончательно.

Они сидели и молчали. Вне стен офиса больница жила своей жизнью, там рождались и умирали, страдали и надеялись, обыкновенные люди делали необыкновенное дело; все это существовало помимо них. Дэлглишу было тяжело видеть страдания женщины и не найти слов утешения. Только он не находил тех слов, которые мог бы ей сказать. Он ведь должен лишь раскрыть убийство ее любовника. Он не имел права вводить ее в заблуждение, изображая друга. Дэлглиш подождал, пока миссис Фарадей успокоится, и сказал:

— Последний вопрос. Были у него враги? Какие-то бывшие пациенты, которые хотели бы ему навредить?

— Если бы кто-то ненавидел Невила так, что готов был убить, я бы об этом знала. Никто не испытывал к нему великой любви, для этого он был слишком независимым, однако он нравился, его уважали. Конечно, опасность есть всегда, разве не так? Психиатры смиряются с этим, и вряд ли их риск

превышает тот, с которым приходится сталкиваться персоналу чрезвычайных служб. Особенно в субботний вечер, когда половина пациентов напились или под кайфом. Медсестра или врач в такой службе — опасная профессия. Таким мы сделали этот мир. Конечно, есть пациенты, склонные к агрессии, но они не могут спланировать убийство. В конце концов, откуда им знать о музее, о машине, о том, что Невил забирал машину каждую пятницу?

— Пациентам будет его не хватать.

— Некоторым из них, и только на время. Большая их часть думает только о себе. «Кто теперь мной занимается? Кого я увижу в следующую среду в клинике?» А мне придется и дальше рассматривать его записи в картах пациентов. Не знаю, сколько пройдет времени, пока я забуду сам его голос. — До сих пор она держала себя в руках, но тут ее голос изменился. — Я должна скрывать свое страдание — вот что ужасно. Нет никого, с кем я могла бы поговорить о Невиле. Здесь люди сплетничают о его смерти, строят домыслы. Они, конечно, потрясены, их огорчение кажется искренним. Но они испытывают возбуждение. Насильственная смерть ужасна. И в то же время загадочна. Им интересно. Я вижу это. Убийство развращает, не правда ли? Оно забирает куда больше, чем одну жизнь.

— Да, это заразное преступление.

Вдруг миссис Фарадей заплакала. Дэлглиш подошел, и она прижалась к нему, вцепилась в его пиджак. Он заметил ключ в двери и, почти пронеся ее через комнату, повернул его. Она успевала вставлять: «Извините! Извините!» — но плач не прекращался. Адам заметил еще одну дверь; бережно посадив миссис Фарадей в кресло, он осторожно выглянул. К своему облегчению, Дэлглиш увидел то, что и ожидал. Дверь вела в маленький коридор; справа был туалет. Вернувшись к миссис Фарадей, которая теперь подуспокоилась, он помог ей дойти до двери и прикрыл ее. Послышался шум воды. Никто не стучал, ручка первой двери оставалась неподвижной. Миссис Фарадей отсутствовала недолго. Через

три минуты она вернулась совершенно спокойная, с приведенными в порядок волосами; от недавних горьких рыданий не осталось и следа — только опухшие глаза.

— Извините. Я поставила вас в неловкое положение.

— Не нужно извиняться. Я лишь сожалею, что немного могу предложить вам в утешение.

— Если вам понадобится выяснить что-то еще, какая-то моя помощь, звоните не задумываясь, — продолжила она так, словно между ними ничего не было, лишь короткая официальная встреча. — Если хотите, я вам дам свой домашний телефон.

— Это бы очень помогло, — ответил Дэлглиш, и она черкнула номер в записной книжке, вырвала листок и протянула детективу.

— Я буду очень вам признателен, если вы просмотрите записи в картах пациентов, нет ли там чего-то имеющего отношение к расследованию. Обиженный пациент, пациент, пытавшийся привлечь к ответственности, недовольный родственник — все, что может указывать на наличие у мистера Дюпейна врагов среди тех, кого он лечил.

— Я не верю, что такое возможно. Я бы знала. В любом случае записи в картах пациентов не подлежат разглашению. Больница не позволит сделать что-либо известным без соответствующего распоряжения.

— Я знаю. Все необходимое будет предоставлено.

— Станный вы полицейский. И все-таки — полицейский. Мне не следует об этом забывать.

Миссис Фарадей протянула руку, и Дэлглиш коротко ее пожал. Рука была холодной.

Идя по коридору, он неожиданно захотел кофе. Одновременно Адам увидел указатель к кафетерии. Здесь на заре своей карьеры, когда он бывал в этой больнице, Адам что-нибудь перехватывал или выпивал чашечку чаю. Дэлглиш гадал, все ли там по-прежнему. Место то же: комната двадцать футов на десять, с окнами, выходящими в маленький сад с дорожками. Серый кирпич в сочетании с высокими арочны-

ми окнами усиливал впечатление, что командер находится в храме. Прежние столы со скатертями в красную клетку сменили более современные, с пластиковым верхом. Стойка по левую сторону от двери, с шипящими кофейниками и полками с бокалами, вроде осталась прежней. Меню также изменилось мало: жареная картошка с различными добавками, бутерброды с яичницей и фасолью, рулет с беконом, томатный и овощной суп, множество пирожных и печений. Было затишье, люди уже пообедали, на боковом столе стопкой стояли грязные тарелки; надпись над столиком просила не забывать убирать за собой. Кроме Дэлглиша, там были двое здоровенных рабочих в комбинезонах, а у дальнего стола сидела молодая женщина с ребенком в сидячей коляске. Она, казалось, забыла о малышке, которая раскачивалась, с пальцем во рту, держась за ножку стула, что-то распевая. Потом девочка замерла и одарила Дэлглиша взглядом больших любопытных глаз. Перед сидящей мамой стояла чашка с чаем; женщина уставилась в сад, а левой рукой постоянно качала коляску. Было непонятно, чем вызвано это трагическое неведение — усталостью или каким-то горем. Дэлглиш размышлял о больнице. Это удивительный мир, в котором человеческие существа ненадолго сталкиваются друг с другом, неся свой груз надежды, гнева или отчаяния; и все же парадоксальным образом этот мир казался знакомым, привычным, а также пугающим и успокаивающим.

Кофе, поданный пожилой женщиной, стоящей за стойкой, оказался дешевым, но хорошим; детектив быстро его выпил и неожиданно почувствовал необходимость уйти. Эта легкая передышка была баловством в такой тяжелый день. Грядущий разговор со старшей миссис Фарадей обещал стать исключительно интересным и важным. Знает ли она о неверности собственной невестки? И если знает, сильно ли это ее беспокоит?

Вернувшись в коридор, Дэлглиш увидел Анжелу Фарадей и задержался возле одной из фотографий, чтобы дать ей время пройти мимо. Как только она дошла до комнаты ожи-

дания, тут же появился молодой человек, словно услышавший звук ее шагов. Дэлглиш увидел лицо исключительной красоты и чувственности, с тонкими чертами и широко раскрытыми блестящими глазами. Молодой человек не замечал полицейского. Его глаза неотрывно смотрели на жену; он схватил ее руку, прижал — и его лицо неожиданно осветила уверенность и почти детская радость.

Дэлглиш подождал, пока они выйдут из больницы. Адам не знал почему, однако он предпочел бы не видеть этой встречи.

12

Майор Аркрайт жил в квартире, располагавшейся на первом этаже перестроенного дома. Здание было огорожено аккуратными железными перилами, которые, судя по всему, недавно красили. На медной дощечке, отполированной до серебряного блеска, красовались имена всех четырех жильцов, а по сторонам от двери стояли две кадки с лавровыми кустами. Пирс позвонил, и вскоре отозвался мужской голос. Лифта не было.

Наверху застеленной ковром лестницы, у открытой двери, детективов ждал майор Аркрайт. Перед ними стоял аккуратный человечек, одетый в хорошо сшитый костюм с жилеткой; майор также носил бабочку. Его усы, вытянувшиеся тонкой карандашной линией, контрастировали с седеющими кустистыми бровями, бывшими когда-то рыжими. Волос почти не было видно: необычно маленькая голова практически целиком была закрыта плотно сидящей шапочкой из муслина; у левого уха виднелся кусок марли. Пирсу пришло в голову, что кепка делала майора похожим на постаревшего, вышедшего на пенсию Пьеро. Ярко-синие глаза рассматривали Пирса и Кейт любопытно и внимательно, но без враждебности. Онглянул на удостоверения без особого интереса — просто кивком

пригласил полицейских войти, словно одобряя их пунктуальность.

Сразу стало понятно, что майор коллекционирует старину, особенно стаффордширские памятные фигурки. В узком холле было так тесно, что Кейт и Пирс, войдя, почувствовали себя как в переполненном антикварном магазине. На узкой полке, тянувшейся вдоль стены, выстроилась в ряд внушительная коллекция: герцог Кларенса, несчастный сын Эдуарда VII, и его невеста, принцесса Мэй; королева Виктория в праздничных одеяниях; Гарибальди верхом; Шекспир, прислонившийся к некоему пьедесталу с книгами наверху и опершийся головой на правую руку; знаменитые викторианские проповедники, обличающие порок с кафедр. На противоположной стене располагалась пестрая коллекция, посвященная в основном Викторианской эпохе: силуэты в овальных рамках; вышивка, опять же в рамке, помеченная 1852 годом; небольшие масляные пасторали, на которых можно было увидеть сельских работников и их семьи, выглядящих на удивление откормленными и чистыми, — они или радостно скачут, или мирно сидят возле своих сказочных коттеджей. Наметанным глазом Пирс сразу ухватил эти детали и слегка удивился, что не видит ничего имеющего отношение к военной карьере майора.

Детективов провели через гостиную, уютную, хотя загроможденную стендами все с теми же стаффордширскими фигурками; затем, пройдя короткий коридор, они попали в оранжею, выходящую прямо в сад. Там стояли четыре плетеных кресла и стол со стеклянной столешницей. Полки вдоль основания стены были загромождены растениями, большей частью вечнозелеными, и все они цвели.

Майор сел сам и указал Пирсу и Кейт на другие кресла. Он казался таким дружелюбным и безмятежным, словно они были старыми друзьями. Не успели Пирс и Кейт открыть рот, как Аркрайт отрывисто спросил:

— Мальчика нашли?

— Пока нет, сэр.

— Найдете. Сомневаюсь, что он утопится. Не из тех. Он появится, как только поймет, что я не умер. Вам не стоит

беспокоиться по поводу наших с ним склок — да вы и не беспокоитесь, верно? Есть заботы поважнее. Я не стал бы вызывать «скорую» и полицию. Это миссис Перифилд — она живет подо мной — услышала, как я упал, и поднялась ко мне. Добропорядочная женщина, но имеет склонность совать нос не в свое дело. Райан врезался в нее, когда выбегал из дома. Парень оставил дверь открытой. Она вызвала «неотложку» и полицию; я не успел ей помешать. У меня немного кружилась голова. Ладно, я и в самом деле потерял сознание. Удивительно, что она не вызвала пожарных, военных и еще кого-нибудь. В общем, я не собираюсь ни с кого ничего взыскивать за причиненный урон.

Пирсу же не терпелось поскорее получить ответ на один жизненно важный вопрос.

— Мы не по этому поводу, не в первую очередь по этому. Можете ли вы нам сообщить, в какое время Райан Арчер вернулся вчера домой?

— Боюсь, что нет. Я был в Саут-Кене на распродаже стафффордширской керамики. Я кое-что там приглядел. Я ведь без ума от таких штучек. Обычно мне удавалось заполучить памятную фигурку фунтов за тридцать. Увы, не в этот раз.

— И вы вернулись?..

— Около семи, более или менее точно. Возле аукциона встретил друга, и мы пошли в местный паб немного выпить. Когда я пришел домой, Райан был здесь.

— ...и занимался чем, сэр?

— Смотрел телевизор в моей комнате. Я взял напрокат второй телевизор. Мальчик смотрит много такого, чего я не смотрю, а мне нравится вечером побыть одному. Обычно это удавалось.

— Как он выглядел, когда вы вошли? — спросила Кейт.

— Вы о чем?

— Был ли он возбужден, подавлен, не похож сам на себя?

— Минут пятнадцать мы разговаривали, не видя друг друга. Не могу вспомнить, о чем. Я громко спрашивал, а он оттуда отвечал. Затем Райан вышел, и началась ссора. На самом деле, это моя вина.

— Вы можете рассказать, что именно произошло?

— Все началось, когда я заговорил о Рождестве. Я собирался взять его с собой в Рим. Снял номер в отеле, заказал авиационные билеты. Он сказал, что передумал, что его пригласили провести Рождество где-то еще, с какой-то женщиной.

— Вас это огорчило? — осторожно подбирала слова Кейт. — Вы чувствовали разочарование, ревность?

— Не ревность — бешенство. Ведь я уже купил билеты.

— Вы ему поверили?

— Не совсем. Не в том, что касается женщины.

— А в чем же тогда?

— Было совершенно ясно, что он не хочет в Рим. Я полагал, что он мог бы сообщить об этом до того, как я снял номер. А еще я пытался разузнать о дальнейшем образовании Райана. Мальчик вполне способный, но совершенно дремучий. Большей частью валяет дурака. Я оставил ему брошюры, чтобы он их просмотрел, а потом мы бы обсудили возможности. Он не сделал ничего. Из-за этого и разгорелся весь сыр-бор. Я думал, ему интересно, но, как выяснилось, нет. Мальчик сказал, что его тошнит от моих попыток вмешиваться, что-то вроде этого. Не вините его. Как я уже сказал, все произошло по моей вине. Я выбрал не те слова.

— А именно?

— Я сказал: «Ты ничего не добьешься в жизни...» И собирался продолжить: «...если не получишь какое-нибудь образование или ремесло». Договорить мне было не суждено. Райан разозлился. Наверное, что-то вроде этого ему говорил отчим. Ладно, не отчим, а сожитель его матери. Обычная история — вы, наверное, сто раз о таком слышали. Отец уходит в мир иной, у матери любовники, и один из них в конце концов остается жить с ней. Сын и любовник друг друга не переносят, и кому-то приходится уйти. Ясно, кому именно. Тот мужик — настоящий скот. Странно, но некоторым женщинам такое нравится. Как бы там ни было, но он Райана более или менее выпроводил. Удивительно, как это Райан не врезал ему кочергой.

— Он рассказывал экономке в музее, что с детства жил в приюте, — сказала Кейт.

— Брехня! Он до пятнадцати лет жил дома. Отец умер за полтора года до этого. Райан намекал, что случилось нечто совершенно трагическое, но никогда не приводил подробностей. Возможно, очередные выдумки. Нет, он никогда не жил в приюте. Мальчик запущенный и все же не такой запущенный, каким бы он был, займись им соответствующие органы.

— Когда-либо прежде он вел себя с вами агрессивно?

— Никогда. Он не злой мальчик. Как я говорил, это моя вина. Неподходящие слова в неподходящее время.

— И он ничего не рассказывал о своем дне: чем занимался на работе, когда оттуда ушел, когда пришел домой?

— Ничего. Да и когда? До того как он взбеленился, взял кочергу и двинулся ко мне, мы успели сказать друг другу совсем немного. Двинул мне по правому плечу. Сбил с ног, и я треснулся головой о край телевизора. Вот такая получилась бредятина.

— Не могли бы вы рассказать о его жизни здесь, как долго вы пробыли вместе, как познакомились?

— Девять месяцев назад я подобрал его на Лестер-сквер. Может, десять месяцев. Трудно указать точное время. В конце января или начале февраля. Он отличался от остальных мальчиков. Райан заговорил первым, и я понял, что он может попасть в беду. Их жизнь ужасна. Там проституция... Стоит пойти по этой дорожке, и не успеешь оглянуться, как окажешься на том свете. Он не пробовал, но, я думаю, мог. Райан скатывался в пропасть, так что я забрал его сюда.

— ...и жили с ним. Я имею в виду, вы стали любовниками, — без обиняков сказала Кейт.

— Он, конечно, гей, однако домой я его взял не поэтому. У меня кое-кто есть, и не первый год. Мой друг на полгода уехал на Дальний Восток, в командировку. Возвращается в январе. Хотелось бы надеяться, что к тому времени Райан будет устроен. Для троих эта квартира слишком мала. Райан

пришел ко мне в первую же ночь, считая, судя по всему, что обязан платить за постой. Я быстро вправил ему мозги. Никогда не смешивал секс и дела. Ни раньше, ни теперь. И меня не привлекают молодые. Слышать такое несколько странно, и тем не менее это так. Мальчик мне понравился, я его пожалел, вот и все. Он, как вам известно, приходил и уходил. Когда предупреждал, когда нет. Обычно он возвращался через неделю-другую, нуждаясь в ванне, чистой одежде, удобной постели. Райан побывал в целом ряде сквотов, но нигде не задерживался надолго.

— Вам было известно, что при музее Дюпейна он работает в саду?

— Я давал ему рекомендацию. Он рассказывал, что работает там по понедельникам, средам и пятницам. Обычно в эти дни он уходил рано и возвращался около шести. Из чего я заключаю, что он был там, где и говорил: в музее Дюпейна.

— Как он туда добирался? — спросила Кейт.

— На метро и пешком. У него был старый велосипед, который затем исчез.

— Работать зимой до пяти — не слишком ли поздно? Фонари зажигают гораздо раньше.

— Он говорил, что всегда помогал не только в саду, но и по дому. Я не расспрашивал. Это было бы в духе его отчима. Мальчик не переносил, когда вмешивались в его жизнь. Не вините его. Я не виню. Да! Может, хотите чего-нибудь выпить? Чай, кофе? Забыл спросить.

Поблагодарив, Кейт объяснила, что им пора. Майор кивнул и сказал:

— Надеюсь, вы его найдете. Скажите ему тогда, что со мной все в порядке. Если он захочет вернуться, постель его ждет. Во всяком случае, на данный момент. И он не убивал того врача. Как его зовут? Дюпейн?

— Доктор Невил Дюпейн.

— Вы можете выкинуть это из головы. Этот мальчик не убийца.

— Ударь он вас посильнее и в другое место, он мог бы им стать.

— Ну ведь он не ударил, правда же? Там лейка — осторожнее, когда будете выходить. Извините, что от меня оказалось так мало толку. Дадите знать, когда его найдете?

К их удивлению, на выходе майор протянул руку. Он сжал ладонь Кейт с такой силой, что она почти поморщилась.

— Да, сэр, не беспокойтесь, — сказала инспектор. — Мы обязательно дадим вам знать. — Когда дверь закрылась, Кейт добавила: — Можно попробовать зайти к миссис Перифилд. Она может знать, когда Райан вернулся. Похоже, она из тех женщин, что приглядывают за всем, происходящим у соседей.

На первом этаже они позвонили. Им открыла статная пожилая женщина, слегка перестаравшаяся с косметикой и завитая. Она была в покрытом узорами костюме, в пиджаке с четырьмя карманами, который украшали большие медные пуговицы. На двери осталась цепочка; сквозь щель женщины подозрительно разглядывала полицейских. Как только Кейт показала ей удостоверение и объяснила, что они по поводу Райана Арчера, та сразу сняла цепочку и пригласила их войти. Кейт, подозревая, что выбраться будет непросто, предупредила, что они не хотят надолго отвлекать миссис Перифилд от ее дел. Не могла бы она сказать, во сколько Райан вернулся вчера домой?

Миссис Перифилд рассыпалась в пространных заверениях, что очень хотела бы им помочь, но, к сожалению, это не в ее силах. По пятницам она играет в бридж. Вчера миссис Перифилд играла с друзьями в южном Кенсингтоне и осталась после чая выпить хересу. Она вернулась домой за каких-нибудь пятнадцать минут до этого чудовищного нападения. Пирсу и Кейт пришлось выслушать во всех подробностях, как миссис Перифилд удалось, действуя без промедления, сохранить жизнь майору. Чудом. Она надеется, что теперь он осознает: людям не надо слишком доверять, слишком сочувствовать. Райан не тот жилец, которого пускают в порядочный дом. Миссис Перифилд еще раз повторила, как ей жаль, что она не может помочь, и Кейт ей поверила. Она не сомневалась: миссис Перифилд была бы счастлива сообщить,

что когда Райан вернулся, от него несло бензином — с пылу, с жару, прямо с места преступления.

По дороге к машине Кейт сказала:

— Выходит, у Райана нет алиби. По крайней мере насколько нам известно. Правда, я с трудом верю...

— Ради Бога, Кейт, и ты туда же! — взорвался Пирс. — Ни один из них не похож на убийцу. Он подозреваемый, как и все остальные. И чем дольше он будет скрываться, тем хуже для него.

13

Дом миссис Фарадей был по счету восьмым в этом квартале, выстроенном в середине девятнадцатого века. Изначально жилье предназначалось, без сомнения, для привилегированной части рабочего класса. Оно помнило все: растущую ренту, запустение, военный урон и житье несколькими семьями в каждом доме; однако нынче им на смену пришли те представители среднего класса, которые ценят близость Сити, хороших ресторанов, театров, а также с удовольствием заявляют, что живут в интересном, общественно и этнически разнородном обществе. Судя по количеству оконных решеток и систем сигнализации, местные жители постарались обезопасить себя от нежелательных проявлений такого разнообразия. Сам квартал подкупал единством архитектурных решений. Одинаковые фасады цвета кофе с молоком, балконы с черными железными перильцами... Отличия сводились к ярко выкрашенным разноцветным дверям и медным дверным молоточкам всех родов. Весной цветение огороженных вишневых деревьев оживило бы это архитектурное благолепие — теперь же лишь осеннее солнце освещало тянущиеся вдоль улицы голые ветки, а на стволах оставляло золотой отблеск. То одну, то другую оконную раму украшал плющ или какие-то желтые цветы.

Кейт нажала звонок на медной дощечке, и вскоре с той стороны откликнулись. Детективы были церемонно встречены пожилым мужчиной с непроницаемым лицом и седыми волосами, аккуратно зачесанными назад. В его одежде чувствовалась некая двусмысленность: черные брюки на помочах, полосатая коричневая куртка, казавшаяся недавно выглаженной, и галстук-бабочка в крапинку.

— Коммандер Дэлглиш и инспектор Мискин? — спросил он. — Миссис Фарадей вас ждет. Она в саду. Будьте добры, пройдите прямо туда. Моя фамилия Перкинс, — добавил мужчина, словно это каким-то образом объясняло его присутствие.

Для Кейт оказались неожиданными и сам дом, и то, как их встретили. Домов, в которых дверь открывает дворецкий, нынче осталось мало, да и шедший впереди человек не был похож на обычного дворецкого. Манерами и самоуверенностью он смахивал на старого слугу. А может быть, он родственник, который решил сыграть такую роль и получает от этого какое-то извращенное удовольствие?

Благодаря высоким напольным часам, стоящим справа от двери, узкий холл стал еще уже. Стены закрывали акварели, висевшие так тесно, что узора темных зеленых обоев почти не было видно. Через дверь слева Кейт мельком заметила книжные полки от пола до потолка, изящный камин и над ним портрет маслом. Это был не тот дом, в котором можно обнаружить репродукцию с дикими лошадьми в галопе, скачущими к берегу, или с восточной женщиной. Наверх вела колоссальная, изящно изогнутая лестница. Перкинс открыл белую дверь, которой оканчивался коридор; она вела на террасу, тянущуюся по всей ширине дома. Возникло очень домашнее ощущение: на плетеных стульях валялась одежда, по плетеным столам были разбросаны журналы, прозрачная зелень растений, закрывающая окна, делала воздух зеленоватым, словно полицейские оказались под водой. В сад можно было попасть, спустившись по коротенькой лестнице. Выложенная йоркским камнем дорожка вела к теплице. Сквозь

стекло они видели женскую фигуру, в чьих ритмичных, повторяющихся наклонах угадывался какой-то старинный танец. Движение не прекратилось, даже когда Дэлглиш и Кейт встали у двери: женщина мыла и дезинфицировала цветочные горшки. На скамейке стоял таз с мыльной водой; миссис Фарадей брала один за другим отдраенные горшки, окунала их в дезинфицирующий раствор и расставляла на высокой полке, упорядочивая по размеру. Через несколько секунд она решила обратить внимание на посетителей и открыла дверь. Их обдало сильным запахом раствора.

Высокая, ростом почти шесть футов, миссис Фарадей была одета в заляпанные вельветовые брюки, темно-синий свитер, резиновые сапоги и красные резиновые перчатки. Седые волосы были убраны с высокого лба назад; их скрывала лихо заломленная фетровая шляпа. У нее было умное, с крупными чертами лицо. Хотя кожа на носу и на скулах слегка огрубела, на лице почти не было морщин. Когда миссис Фарадей сняла перчатки, Кейт поняла по синим венам и морщинистым рукам, что та старше, чем показалась сначала: к моменту рождения сына ей исполнилось как минимум сорок. Кейт взглянула на Дэлглиша. Понять что-либо по его лицу было нельзя, но она знала, что он думает о том же: стоящая перед ними женщина внушает трепет.

— Миссис Фарадей? — спросил он.

— Конечно, кто же еще? — Она говорила властно и четко. — Это мой дом, мой сад, моя теплица, и человек, который вас сюда привел, тоже мой.

Кейт почувствовала, что миссис Фарадей намеренно придает своему тону непринужденность, дабы лишить свои слова любого намека на недоброжелательность.

— А вы, конечно, командер Дэлглиш. Не беспокойтесь, не надо показывать удостоверение или что вы там должны с собой носить. Я, естественно, ждала вашего прихода, хотя, сама не знаю почему, думала, что вы будете один. В конце концов, едва ли этот визит можно назвать светским.

Нельзя сказать, что миссис Фарадей поглядела на Кейт враждебно; ее взгляд был просто внимательным, как если бы

она оценивала деловые качества новой служанки. Дэлглиш представил свою напарницу. Миссис Фарадей — даже удивительно! — пожала им руки и снова надела перчатки.

— Прошу меня извинить, но я продолжу. Это не самое мое любимое занятие, и, уж коли я начала, хотелось бы закончить. Плетеный стул вполне чистый, мисс Мискин, а вам, мистер Дэлглиш, я могу предложить лишь перевернутый ящик. Полагаю, он достаточно прочный для вас.

Через секунду Кейт села; Дэлглиш остался стоять. Не успел он заговорить, как миссис Фарадей продолжила:

— Вы, конечно, пришли в связи со смертью доктора Дюпейна. Раз вы здесь, понятно, что вы не считаете ее несчастным случаем.

— Ни несчастным случаем, ни самоубийством. — Дэлглиш решил говорить прямо. — Боюсь, что мы расследуем убийство, миссис Фарадей.

— Так я и думала. Только не слишком ли много чести? Извините, неужели смерть доктора Дюпейна, сколь бы прискорбным ни было это событие, заслуживает внимания командера и инспектора? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Пожалуйста, задавайте ваши вопросы. Если я могу чем-нибудь помочь, обязательно постараюсь это сделать. Конечно, мне известны некоторые подробности. Такие новости быстро распространяются. Ужасная смерть.

И она вернулась к своему занятию. Глядя, как чистые горшки вынимают из раствора, вытирают и ставят на полку, Дэлглиш ясно вспомнил собственное детство: приходский сад, сарай с горшками. Помогать садовнику с ежегодным мытьем цветочных горшков было одной из детских обязанностей. Теплый деревянный дух сарая, рассказы старого Семпсона о своих подвигах во время Первой мировой... В дальнейшем Дэлглиш понял, что большей частью эти рассказы были выдуманными, но в то время они заставляли его, десятилетнего, трепетать, и обязанность превращалась в долгожданную награду. Старик оказался редкостным фантазером. Дэлглишу пришлось в голову, что ложь этой женщины — захоти она солгать — будет звучать даже убедительнее.

— Не могли бы вы рассказать о собственном участии в жизни музея? — спросил он. — Насколько мы понимаем, вы работаете там добровольно. Давно ли вы там и чем именно занимаетесь? Я понимаю, что это кажется не имеющим отношения к делу, однако на данный момент нам нужно узнать как можно больше о жизни доктора Дюпейна — как профессиональной, так и связанной с музеем.

— Тогда вам предстоит встретиться с членами его семьи и с людьми, которые работали с доктором Дюпейном в больнице. Одна из них, как вам, наверное, уже известно, моя невестка. Сама я участвую в жизни этой семьи уже двенадцать лет. Мой муж дружил с Максом Дюпейном, основавшим музей, и мы всегда его в этом поддерживали. При жизни Макса у них работал старый и не очень умелый садовник. Макс спросил меня, не окажу ли я ему услугу, приходя раз в неделю или по крайней мере с какой-то регулярностью, чтобы помочь советом. Сейчас, как вам, наверное, уже известно, в саду работает Райан Арчер, который частично занят на уборке помещений и выполняет еще кое-какие задания. Мальчик он несведущий, зато работающий, и мои визиты продолжаются. После смерти Макса Дюпейна Джеймс Калдер-Хейл, архивариус, попросил меня не уходить. Работа по проверке добровольцев перешла к нему.

— Они нуждаются в проверке? — спросила Кейт.

— Хороший вопрос. Мистер Калдер-Хейл решил, что их слишком много и от большинства больше вреда, чем пользы. Музеям свойственно привлекать энтузиастов. Он урезал их количество до трех — остались я, мисс Бабингтон, помогавшая Мюрел Годбай, и миссис Стрикленд, которая работает в библиотеке. Мисс Бабингтон пришлось уйти: артрит. Теперь нас осталось двое. Мы были бы не прочь взять кого-нибудь еще.

— Миссис Клаттон сообщила нам, что канистру с бензином для газонокосилки принесли вы, — сказал Дэлглиш. — Когда это произошло?

— Где-то в сентябре, когда пришло время подравнивать траву в последний раз. У Райана кончился бензин, и я сказа-

ла, что принесу канистру, чтобы не тратиться на доставку. Ею так и не воспользовались. К тому времени газонокосилка уже некоторое время не действовала, а мальчик совершенно не умел с ней обращаться и все ее ремонтировал. Я пришла к выводу, что ее придется заменить. А Райан тем временем обходился ручной газонокосилкой. Канистра с бензином осталась в сарае.

— Кому было известно, что она там?

— Само собой, Райану. Миссис Клаттон, которая держит в сарае свой велосипед, и, возможно, мисс Годбай. Я совершенно точно говорила ей, что газонокосилку придется заменить. Ее беспокоила цена, но особой спешки не было: траву в следующий раз нужно подравнивать только весной. Сейчас я понимаю, что не могла не сказать о бензине, поскольку она оплатила мне его стоимость и я расписалась в ведомости. Могли знать Дюпейны, мог знать мистер Калдер-Хейл. Вам придется спросить у них.

— Вам не приходило в голову, что, раз в бензине больше нет необходимости, вы могли бы забрать канистру домой? — спросила Кейт.

— Нет, не приходило. — Взгляд миссис Фарадей выражал уверенность, что вопрос едва ли делает честь уму того, кто его задал. — А разве должно было? Мне же за него заплатили.

— Вы ходите в музей уже двенадцать лет. — Кейт решила не сдаваться и зашла с другой стороны. — Вы могли бы назвать это место счастливым? Я имею в виду работающих там людей.

Миссис Фарадей взяла очередной горшок, критически его осмотрела, опустила в раствор и, перевернув, поставила на скамейку.

— Я в самом деле не понимаю, откуда мне это может быть известно. Никто из персонала не жаловался мне, что он несчастен. А сделай он это, я не стала бы слушать. — Желая смягчить впечатление, она продолжила: — Со смертью Макса Дюпейна кое-что стало уходить из-под контроля. Вообще-

то за все отвечала Кэролайн Дюпейн, но на ней лежали обязанности по школе. Как я говорила, мистер Калдер-Хейл взял на себя работу с добровольцами, а мальчик занимается садом — или по крайней мере пытается содержать его в порядке. С приходом Мюрел Годбай дела пошли лучше. Она на своем месте и не боится ответственности.

Дэлглиш прикидывал, как бы ему заговорить о тех непростых отношениях, которые связывали ее невестку и Невила Дюпейна. Ему требовалось выяснить, осталась ли их связь ото всех скрытой, как о том говорила Анжела Фарадей; особенно детектива интересовало, о чем миссис Фарадей смогла догадаться и что ей было рассказано.

— Мы уже говорили с вашей невесткой, — начал Дэлглиш. — Мы встречались с ней как с личной секретаршей доктора Дюпейна. Выяснилось, что она отвечала за его надомные визиты. Она, очевидно, тот человек, чье мнение о душевном состоянии убитого в пятницу особенно важно.

— И какое отношение его душевное состояние имеет к тому факту, что его убили? Насколько я поняла, вы уже отбросили возможность самоубийства.

— Что имеет отношение, а что нет, оставьте решать мне, миссис Фарадей, — сказал Дэлглиш.

— И связь моей невестки и Невила Дюпейна имела к этому отношение. Она вам, конечно, рассказала? Естественно, а как же? Любовь, удовлетворение от того, что ты желанна, — в этом всегда есть какой-то триумф. Мало кто откажется признаться, что был желанен. Сегодня ценятся такого рода достижения, и супружеская неверность не вызывает осуждения.

— Я думаю, что ей эта связь приносила больше огорчений, нежели радости: необходимость скрываться, беспокойство за вашего сына, который может обо всем узнать и страдать.

— Да уж, — сказала она с горечью. — Анжела не такая уж бессовестная.

Следующий вопрос задала Кейт:

— Так он об этом узнал?

Установилось молчание. Миссис Фарадей была слишком умна, чтобы не понять истинное значение вопроса. Она должна была ждать этого, подумала Кейт. Похоже, миссис Фарадей сама спровоцировала вопрос. Первой о связи своей невестки упомянула она. Может быть, она пришла к выводу, что правда может неожиданно выйти на поверхность и тогда молчание придется как-то оправдывать. Она повертела очередной горшок в руках, внимательно его изучила и, наклонив, погрузила в дезинфицирующий раствор. Дэлглиш и Кейт ждали. Это продолжалось до тех пор, пока миссис Фарадей не выпрямилась.

— Нет, он не знает, и моя задача состоит в том, чтобы он и не узнал. Я надеюсь, что могу рассчитывать на ваше содействие, командер. Я полагаю, что никто из вас не хочет намеренно причинять боль.

Дэлглиш услышал, как Кейт быстро вздохнула, будто взяв себя в руки.

— Моя задача — расследовать это убийство, миссис Фарадей, — сказал он. — Единственное, что я могу гарантировать, — факты, не имеющие отношения к делу, не будут оглашаться без необходимости. Боюсь, что расследование убийства всегда вызывает боль. Я был бы рад, если бы это относилось только к виновному. — Помолчав, Дэлглиш спросил: — Как вы об этом узнали?

— Увидев их вместе. Это произошло три месяца назад, когда один из членов королевской семьи пришел в больницу на открытие нового театрального комплекса. Невилу Дюпейну и Анжеле не полагалось быть вместе по протоколу. Он был в списке консультантов, представленных к награде. Она помогала в организационных вопросах: распределяла посетителей, сопровождала важных персон и тому подобное. И все же они случайно встретились и около двух минут стояли рядом. Я видела ее лицо, их руки; они быстро переплели пальцы и так же быстро разъединились. Этого было достаточно. Вы не можете скрыть любовь — во всяком случае, если вас застали врасплох.

— Если заметили вы, почему не замечали остальные? — спросила Кейт.

— Не исключено, что люди, работавшие рядом, замечали. Однако Анжела и Невил Дюпейн жили отдельно. Вряд ли кто-нибудь решился бы поставить в известность меня или моего сына, даже если бы догадывался. Слухи среди больничного персонала ходить могли, но оснований вмешиваться или специально делать гадости не было. Я подловила их. Хотя не сомневаюсь: они умели скрываться.

— Ваша невестка сказала мне, что они прекратили отношения, — сказал Дэлглиш. — Их заставила это сделать мысль о возможных последствиях.

— И вы ей поверили?

— Почему нет?

— Понятно. Она лжет. Они договорились в следующие выходные уехать вдвоем. Мне позвонил сын и предложил провести выходные вместе, так как Анжела собралась в Норидж, проведать старую школьную подругу. Она никогда не рассказывала ни о школе, ни о подругах. Анжела впервые собиралась ехать с ним.

— Вы не можете знать наверняка, миссис Фарадей, — сказала Кейт.

— Я могу знать наверняка.

Опять воцарилось молчание. Миссис Фарадей вернулась к своему занятию. Кейт спросила:

— Вы радовались женитьбе своего сына?

— Очень. Я вынуждена была признать, что ему непросто найти жену. Многие женщины охотно бы переспали с ним, но вместе провести остаток жизни — нет. Привязанность к нему Анжелы казалась искренней. Я думаю, это и сейчас так. Они случайно встретились в музее. Три года назад. В тот день Сельвин был не занят и пришел помочь мне в саду. Тогда же, после обеда, состоялось собрание доверенных лиц, а Невил забыл свое расписание и бумаги. Он позвонил в госпиталь, и Анжела привезла их ему. После она вышла посмотреть, что растет в саду, и мы немного поболтали. Так они и познакомились с Сельви-

ном. Я радовалась и чувствовала облегчение, видя, что они начали встречаться. В какой-то момент они обручились. Она казалась именно той женой, что и была нужна моему сыну: милой, умной и зрелой. Их совместный доход невелик, однако я смогла купить им небольшой дом и дала машину. Я видела, как много Анжела для него значила — и значит до сих пор.

— Я видел вашего сына, — сказал Дэлглиш. — В больнице Святого Освальда. Я уходил после встречи с вашей невесткой, а он был в комнате ожидания.

— И каковы ваши впечатления, командер?

— Я заметил, какое у него необычное лицо. Вашего сына можно назвать красивым.

— Таким был и мой муж. Но вы все же преувеличиваете. «Симпатичный» — такое описание более точно.

Казалось, она на мгновение задумалась, затем лицо миссис Фарадей раскололось в преображающей ее улыбке, которая была обращена в прошлое.

— Очень симпатичный. «Красивый» — странное слово в применении к мужчине.

— Оно кажется уместным.

Последний горшок был осмотрен и опущен в жидкость. Теперь они выстроились аккуратными рядами, по размеру. Миссис Фарадей поглядывала на них с тем удовлетворением, которое дает хорошо выполненная работа.

— Думаю, будет лучше, если я вам объясню, как обстоят дела с Сельвином. Он не отличается умом. Я могла бы сказать, что у него всегда были трудности с обучением, да только эта фраза ничего не объясняет. Сельвин в состоянии выжить в нашем безжалостном обществе, но он не может бороться. Он получал образование вместе с так называемыми нормальными детьми, не сдав при этом ни одного экзамена; даже не делал попыток, за исключением двух второстепенных предметов. Об университете не было и речи, даже о самом захудалом, где такие недоборы, что туда готовы брать людей, едва умеющих читать и писать. Даже такое учебное заведение не приняло бы Сельвина. Его отец был очень ум-

ным человеком, и Сельвин — наш единственный ребенок. Естественно, его особенности, когда они проявились, вызвали у отца разочарование. Даже слово «горе» не будет здесь слишком сильным. И все же он любил своего сына, как и я. Мы оба желали, чтобы Сельвин был счастливым и нашел такую работу, которая была бы по силам, приносила бы пользу окружающим и удовлетворение ему. Со счастьем проблем не было. Умение радоваться оказалось у него врожденным. Он работает швейцаром в госпитале Святой Агаты. Работа ему нравится, и он с ней хорошо справляется. Кое-кому из старших швейцаров с ним интересно, так что Сельвин не одинок. И у него есть жена, которую он любит. Я намерена сделать так, чтобы у него и в дальнейшем была любимая жена.

— Что вы делали вчера, миссис Фарадей, между половиной пятого и половиной шестого? — спокойно спросил Дэлглиш.

Вопрос был жестоким, но она не могла не ждать его. Почти без усилий со стороны детектива миссис Фарадей выдала ему мотив. Предоставит ли она теперь алиби?

— Когда я услышала о смерти Невила Дюпейна, то поняла, что вы заинтересуетесь его личной жизнью, что раньше или позже о его связи с моей невесткой вам станет известно. Сослуживцы не стали бы делиться своими подозрениями со мной или ее мужем. С какой стати? Когда дело дойдет до убийства, отношение к этому будет у всех разное. Само собой, я поняла, что могу оказаться среди подозреваемых. Вчера я собиралась поехать в музей и к приходу Невила Дюпейна быть там. Я знала, что каждую пятницу он забирает свой «ягуар». Думаю, в музее об этом знают все. Лучшей возможности встретиться с ним один на один я не видела. Договариваться о встрече в больнице было бы глупо. Он всегда смог бы найти повод избежать разговора, ссылаясь на нехватку времени. Дополнительную сложность представляла Анжела, находящаяся там же. Я хотела застать Невила Дюпейна одного и попытаться убедить его прекратить эту связь.

— Вы представляли, как можете это сделать? — спросила Кейт. — Я имею в виду аргументы, помимо соображений о том уроне, который он может нанести вашему сыну.

— Нет. У меня не было ничего, чем я могла бы ему угрожать — если вы об этом. Сельвин не являлся его пациентом, так что вряд ли Главный медицинский совет заинтересовался бы случившимся. Моим единственным оружием — если это можно назвать оружием — был призыв к его порядочности. В конце концов, он мог сам сожалеть об этой связи, стремиться вырваться из этих отношений. Я вышла из дома ровно в пять и рассчитывала оказаться в музее в половине шестого или чуть позже — на тот случай, если он уже там. Музей закрывается в пять, и все уходят. Меня могла заметить миссис Клаттон, но вряд ли: ее коттедж находится позади дома. В любом случае я имела право там находиться.

— И вы встретились с доктором Дюпейном?

— Нет, я отказалась от попытки. Машин, как и всегда по пятницам, оказалось полно, и я постоянно застревала на светофорах. У меня было время подумать. Меня осенило, насколько плохо я все спланировала. Невилу Дюпейну в ожидании выходных не терпелось бы уехать. Худшего времени для беседы с ним и быть не могло. А другого шанса у меня не было. Пропусти я его, мне бы уже ничто не помогло. Я сказала себе, что лучше начать с Анжелы. Мы с ней ни разу об этом не говорили. Она понятия не имела о том, что мне все известно. Штука в том, что я и в самом деле могла полностью изменить ее жизнь. Анжела привязана к моему сыну. Она не безжалостная хищница. Возможно, с ней мне удалось бы добиться большего, чем с Дюпейном. Мой сын может захотеть ребенка. Я советовалась с медиками, и они не видели оснований, почему бы его детям не быть нормальными. Полагаю, что моя невестка тоже не против. Вряд ли она рассчитывала родить от Невила Дюпейна. Конечно, им надо было бы помогать деньгами. Доехав до Хэмпстедского пруда, я решила вернуться домой. Я не заметила время. Зачем? Толь-

ко могу сказать вам, что была здесь в восемнадцать двадцать, Перкинс это подтвердит.

— Вас никто не видел? Кто-либо, способный опознать вас или вашу машину.

— Насколько я знаю, нет. А теперь, если у вас больше нет вопросов, я думаю вернуться в дом. И вот еще что, командер. Я буду очень благодарна, если вы воздержитесь от прямого разговора с моим сыном. Он дежурил в госпитале Святой Агаты, когда Дюпейн был убит. В больнице могут это подтвердить, поэтому необходимости разговаривать с самим Сельвином нет.

Беседа была окончена. И они, подумала Кейт, добились большего, чем рассчитывали.

Миссис Фарадей не пошла их провожать до выхода, предоставив это Перкинсу, в ожидании полицейских околавшемуся на веранде. У двери Дэлглиш повернулся к нему и спросил:

— Извините, не могли бы вы нам сообщить, во сколько миссис Фарадей вернулась вчера домой?

— В шесть двадцать две, командер. Я случайно глянул на часы.

Перкинс стоял, широко раскрыв дверь. Это больше смахивало не на предложение уйти, а на приказ.

По пути к машине оба детектива молчали. Уже пристегнувшись, Кейт дала волю своему гневу:

— Слава Богу, она не моя свекровь! Ее драгоценный сынок — единственный, о ком она печется. Готова поспорить, он бы не женился на Анжеле, не заручившись одобрением собственной мамочки! Мамочка покупает дом, дает машину. И он еще хочет завести ребенка, так ведь? Она и это ему купит! А если Анжеле придется бросить работу, мамочка будет содержать их семью. Ей и в голову не приходит, что у Анжелы может быть собственная точка зрения, что она не обязательно хочет ребенка — или пока не хочет, — что ей, возможно, нравится ее работа в больнице, что она ценит свою независимость. Эта женщина совершенно безжалостна.

Кейт сама удивилась силе собственного гнева: на миссис Фарадей, с ее высокомерием, с ее превосходством, дающим-

ся без всяких усилий, и на саму себя — за то, что не сдержалась, выказав тем самым собственный непрофессионализм. Гнев на месте преступления выглядел естественно и побуждал к действию. Детективу, очерстневшему настолько, что он, видя боль и бессмысленность убийства, не испытывает ни жалости, ни гнева, следует поискать другую работу. Но злиться на подозреваемого — баловство, ведущее к опасным искажениям в суждениях. Ее гнев, который она старалась обуздать, смешался с еще одним, столь же недостойным чувством. Посмотрев на вещи прямо и честно, Кейт с некоторым стыдом была вынуждена признать, что это классовая неприязнь.

Она всегда считала классовую войну уделом неудачников, слабаков и завистников — Кейт не из таких. Тогда почему же ее чувства столь сильны? У нее ушло немало лет и сил на то, чтобы прошлое осталось позади. Она, незаконно-рожденная, никогда не узнает имени своего отца и смирилась с этим. Кейт жила в многоквартирном доме со своей вечно раздраженной бабкой, среди соответствующих запахов, шума и всеобщего чувства безнадёги. Но, сбежав к своей работе, вытащившей ее из этого квартала, не оставила ли она какую-то часть себя там, ту часть, которая заставляла ее сочувствовать бедным и обездоленным? Кейт сменила стиль жизни, друзей; сменила ценой невероятных усилий манеру говорить. Она вошла в средний класс. А теперь, когда перегородки рухнули, не оказалась ли она на стороне своих полузабытых соседей? Не эта ли миссис Фарадей, процветающая, образованная, либеральная — настоящий средний класс, — не она ли в конечном счете контролирует их жизнь? «Они ставят нам в вину нашу нелиберальность, которую им никогда не было нужды испытывать на себе! — думала Кейт. — Им не приходилось жить в муниципальной многоквартирной башне — с ее непотребным лифтом и непрекращающимся бессмысленным насилием. Они не посылают своих детей в школы, в которых классная комната — поле битвы и восемьдесят процентов детей не могут говорить по-английски. Если их детки ведут себя агрессивно, они посылают их к психиатру,

а не в суд для несовершеннолетних. Если требуется немедленное вмешательство медиков, они всегда могут себе позволить частный визит. Чему ж тут удивляться? Конечно, эти гады могут себе позволить быть либеральными!»

Кейт сидела и молчала, глядя на длинные пальцы Эй-Ди на рулевом колесе. Он сказал:

— Все не так просто, Кейт.

«Конечно, конечно! Однако для меня все достаточно просто».

Вдруг Кейт сказала:

— Как вы думаете, она говорила правду? Ну, что эти отношения все еще продолжаются? Мы располагаем лишь ее словами. Вы считаете, что Анжела лгала в разговоре с вами?

— Нет, я считаю, что большая часть сказанного тогда — правда. А теперь, со смертью Дюпейна, она убедила себя, что связь и в самом деле была разорвана, что эти единственные выходные поставили бы точку. Горе может очень странно повлиять на способность человека воспринимать правду. Хотя если миссис Фарадей уверена в своих предположениях, то уже не важно, планировали любовники провести эти выходные вдвоем или нет. Если она верит, что да, они собирались, то мотив — вот он.

— Она располагала всем необходимым, и обстоятельства ей благоприятствовали, — подхватила Кейт. — Она знала про бензин: сама его туда и принесла. Знала, что Невил Дюпейн будет в гараже к шести, а работники музея к тому времени разойдутся. Она выложила это нам, не так ли? Все сразу.

— Миссис Фарадей была исключительно откровенна, даже удивительно. Однако о любовной связи она рассказала лишь то, что мы могли выяснить и сами. Я не могу себе представить ее просящей своего слугу, чтобы тот солгал. Если же миссис Фарадей и в самом деле планировала убийство Дюпейна, она бы позаботилась о том, чтобы ее сын не оказался под подозрением. Мы проверим алиби Сельвина Фарадея. Впрочем, если его мать сообщила, что он дежурил в больнице, думаю, что так оно и окажется.

— А связь? Должен ли он о ней узнать?

— Нет, если только не будет предъявлено обвинение его матери. Это было бы жестоко, — добавил командер.

Кейт не ответила. Дэлглиш, конечно же, не считал мисс Фарадей женщиной, не способной на такое убийство. Однако происхождение у них общее. Эй-Ди чувствовал себя там, в ее компании, своим. Этот мир был ему понятен. Странно. Никогда нельзя предсказать, на что окажутся способны человеческие существа. Дэлглиш знал это даже лучше, чем она. Перед поглощающей страстью рушится все: этические и юридические ограничения, привилегированное положение, образование, религиозные воззрения. Убийство способно удивить самого убийцу. Ей приходилось видеть на лицах и мужчин, и женщин замешательство: что они такое наделали!

— Всегда проще, если тебе не приходится видеть саму смерть, — говорил Дэлглиш. — Наслаждаться жестокостью может только садист. Большинство убийц старается убедить себя, что они не делали этого, не приносили больших страданий, что смерть была быстрой, легкой и не такой уж нежеланной для их жертвы.

— Правда, к данному убийству это не относится, — сказала Кейт.

— Да, — ответил Дэлглиш. — Не относится.

14

Офис Джеймса Калдер-Хейла располагался на втором этаже, в глубине дома, между Комнатой убийств и галереей, посвященной производству и занятости. Во время своего первого посещения Дэлглиш заметил слева от двери бронзовую табличку с обескураживающей надписью: «Комната хранителя. Посторонним вход категорически запрещен». Но сейчас его ждали. Он постучал, и Калдер-Хейл сразу открыл дверь.

Дэлглиша удивил размер комнаты. У Дюпейнов проблема дефицита места стояла не столь остро, как в более знаменитых музеях, так как их амбиции ограничивались лишь годами между мировыми войнами. Пусть так, но комната Калдер-Хейла была гораздо больше офиса на первом этаже.

Хранитель музея устроился со всеми удобствами. Большой затейливый стол стоял под таким углом к единственному окну, что была видна высокая живая изгородь, достигшая высшей точки золотого осеннего великолепия, а за ней — крыша коттеджа миссис Клаттон и деревья Хита. Отделка викторианского камина была не столь великолепна, как у тех, что в галереях. Встроенное в него газовое оборудование было сделано в виде тлеющих углей. Рвущиеся синие и красные языки горящего газа придавали комнате домашний вид; впечатление усиливали два кресла с высокими спинками, стоящие по сторонам. Над ним висела единственная картина: акварель деревенской улицы, видимо, кисти Эдуарда Бодена. Уставленные книжные полки закрывали стены целиком, за исключением камина и пространства слева от двери. Здесь стоял покрашенный белой краской кухонный шкаф с покрытой винилом столешницей, на которой расположились микроволновая печь, электрический чайник и машина для приготовления кофе. Рядом высился холодильник, а над ним еще один шкаф с посудой. По правой стороне комнаты виднелась полуоткрытая дверь; при беглом взгляде становилось ясно, что это ванная. Дэлглиш смог увидеть край душевой кабинки и раковину. Про себя он подумал, что при желании Калдер-Хейл мог бы вообще отсюда не вылезать.

Бумага была везде: пластиковые скоросшиватели с вырезками из прессы, некоторые из которых потемнели от времени; на нижних полках выстроились толстые офисные папки; кучи исписанных листов еле помещались на столе; пачки связанных лентой машинописных листов громоздились на полу. Конечно, эти завалы могли оказаться накопившимися за десятилетия административными материалами, однако рукописи большей частью производили впечатление

свежих. Вряд ли должность смотрителя в Дюпейне предполагала такой объем работы с бумагами. Судя по всему, Калдер-Хейл или сам затеял некую серьезную работу, или был одним из тех дилетантов, которые находят счастье в самом процессе научной работы; они не хотят — а может быть, и не могут — ее закончить. Калдер-Хейл не походил на представителя этой разновидности, и можно было подозревать в его деятельности нечто загадочное и сложное. Хотя сколь бы ценными ни были его деяния, он все равно оставался подозреваемым, непосредственно участвующим в жизни музея Дюпейна. Как и у остальных, у него были и средства, и шанс. А наличие мотива — это и предстоит выяснить. Вероятно, Калдер-Хейл в большей степени, чем все остальные, обладал необходимой безжалостностью.

В кофейнике оставалось дюйма на два кофе.

— Как насчет кофе? — спросил Калдер-Хейл, протягивая руку к машине. — Сделать свежую порцию ничего не стоит.

После того как Дэлглиш и Пирс отказались, хранитель уселся во вращающееся кресло у своего стола.

— Устраивайтесь поудобнее в тех креслах, — предложил он. — Однако я рассчитываю, что это не слишком надолго.

Дэлглиша подмывало сказать, что это будет продолжаться столько, сколько понадобится. В комнате стояла ужасная жара: помимо газа, имелось и центральное отопление. Дэлглиш попросил сделать огонь поменьше. Калдер-Хейл не спеша подошел и выключил его вообще. Дэлглиша впервые осенило, что этот человек выглядит больным. В их первую встречу он был красным от негодования, настоящего или мнимого, и показался человеком железного здоровья. Теперь Дэлглиш заметил и мешки под глазами, и туго обтянутые кожей скулы, и мгновенную дрожь в руках, когда хранитель заворачивал вентиль.

Перед тем как сесть, Калдер-Хейл подошел к окну и, дернув шнур, опустил деревянные жалюзи. Они обрушились вниз, чуть не задев горшок с фиалками.

— Ненавижу сумерки. Ну их.

Затем он переставил растение на стол и, будто требовались извинения или пояснения, сказал:

— Третьего октября мне дала это Талли Клаттон. Кто-то рассказал ей, что мне исполнилось пятьдесят пять. Это один из моих наименее любимых цветов, и его нежелание умирать прямо-таки раздражает.

Калдер-Хейл опять уселся в кресло и развернулся в сторону полицейских. Он все равно оставался в доминирующей позиции.

— Смерть доктора Дюпейна расследуется нами как убийство, — сказал Дэлглиш. — О несчастном случае нет и речи, и есть ряд моментов, исключающих самоубийство. Мы рассчитываем на ваше содействие. Если вы располагаете чем-либо, что, по-вашему, может — или могло бы — помочь, нам нужно узнать об этом немедленно.

Калдер-Хейл взял карандаш и принялся выводить каракули на промокательной бумаге.

— «Расскажи вы нам побольше, было бы легче», — сказал он. — Все, что мне известно — что всем нам известно, — мы узнали друг от друга. В гараже кто-то выплеснул на Невила бензин и поджег его. Вы уверены, что это не самоубийство?

— Материальные свидетельства указывают на противоположное.

— А как насчет психологического свидетельства? Когда я видел Невила в последнюю пятницу, когда здесь были вы и Конрад Акرويد, я заметил, что его нечто мучает. Я ничего не знаю о его проблемах, за исключением слишком большого объема работы, — будем считать это доказанным. Впрочем, он занимался не своим делом. Если хочешь справиться с самыми загадочными человеческими заболеваниями, не плохо бы убедиться, что сам обладаешь устойчивой психикой и необходимой сопротивляемостью. Самоубийство объяснимо — убийство непонятно. И такое чудовищное убийство! Насколько я знаю, у него не было врагов, хотя откуда мне знать? Мы и встречались-то редко. С тех пор как умер его отец, он держал в местном гараже машину. Невил приезжал

за ней каждую пятницу в шесть часов и тут же отбывал. Бывало, что в момент его приезда я уходил. Он никогда не объяснял, куда собирается, а я не спрашивал. Я работаю здесь хранителем уже четыре года и сомневаюсь, что пересекался с Невилом Дюпейном больше дюжины раз.

— Зачем он приходил в ту пятницу?

Казалось, Калдер-Хейлу надоели его каракули. Теперь он пытался удержать карандаш в равновесии.

— Он хотел выяснить мои взгляды на будущее музея. Возможно, Дюпейны вам уже говорили, что новый договор должен быть подписан пятнадцатого числа сего месяца. Судя по всему, у Невила Дюпейна имелись некоторые сомнения в том, стоит ли сохранять музей. Я дал ему понять, что нет смысла искать моей поддержки: я не доверенное лицо, меня не будет на собрании. Как бы там ни было, мое мнение было ему известно. Музеи отдают должное прошлому в наши времена, когда люди молятся на современность почти с той же силой, что и на деньги и славу. Так что удивляться трудностям, с которыми сталкиваются музеи, не приходится. Заккрытие музея оказалось бы потерей — но только для тех, кто его ценит. Ценят ли его сами Дюпейны? Если у них нет желания сохранить это место, этого желания нет ни у кого.

— Похоже, теперь оно в безопасности, — сказал Дэлглиш. — Что потеряли бы вы, не окажись договор подписанным?

— Это было бы некстати как для меня, так и для определенных людей, заинтересованных в моих здешних занятиях. Сами видите, за последние несколько лет я здесь как следует обустроился. У меня есть, конечно, собственная квартира и не связанная с этим местом жизнь. Да только я сомневаюсь, что в критический момент Невил устоял бы. Все-таки он Дюпейн. Я думаю, он принял бы точку зрения брата и сестры.

Тут впервые заговорил Пирс.

— Мистер Калдер-Хейл, где вы были в пятницу — скажем, между пятью и семью часами вечера? — жестко спросил он.

— Алиби? Не слишком ли вы с этим затянули? Конечно, интересующее вас время — шесть часов. Но давайте не упускать ничего. Без четверти пять я вышел из своей квартиры на Бедфорд-сквер, сел на мотоцикл и поехал на Уэймаут-стрит, к дантисту. Нужно было кое-что доделать с коронкой. Обычно я оставляю мотоцикл на Мерилбон-стрит, однако там все было занято, и я стирался на Мерилбон-лейн и припарковался там. Я вышел с Уэймаут-стрит около двадцати пяти минут шестого. Наверное, медсестра и секретарша смогут подтвердить время. Я обнаружил, что мой мотоцикл угнали. Я пошел домой пешком, срезая путь через улицы к северу от Оксфорд-стрит. Я не торопился; полагаю, я был там около шести. Позвонил в местный полицейский участок. Они наверняка записали мой звонок. Мое заявление их явно не обеспокоило, и с тех пор я от них ничего не слышал. С нынешним уровнем бандитизма и терроризма украденный мотоцикл вряд ли окажется приоритетной задачей. Я пару дней подождал и потребовал страховку. Думаю, мотоцикл скоро окажется брошенным в какой-нибудь канаве. Это «нортон», такие теперь не делают. Я был к нему привязан — хотя и не так страстно, как бедный Невил к своему «ягуару».

Пирс записал время.

— У вас больше ничего, что вы могли бы нам сообщить? — спросил Дэлглиш.

— Ничего. Мне жаль, что я не могу ничем больше помочь. Правда, как я уже говорил, я едва знал Невила.

— Миссис Клаттон рассказывала вам о своей встрече с загадочным автомобилистом?

— Полагаю, я слышал о смерти Невила не меньше вас. Маркус и Кэролайн рассказали мне о вашей с ними беседе, и я разговаривал с Талли Клаттон. В любом случае она честная женщина. Вы можете полагаться на ее слова.

На вопрос, не вызвало ли у него описание миссис Клаттон сбившего ее человека какие-то ассоциации, Калдер-Хейл ответил:

— Похоже на среднестатистического посетителя Дюпейна. Сомневаюсь, что он стоит вашего внимания. Безжалостный убийца, сжигающий жертву живьем, вряд ли стал бы останавливаться, чтобы помочь пожилой леди. И потом, она могла запомнить его номер — зачем ему было рисковать?

— Мы объявили его в розыск, — сказал Пирс. — Возможно, он проявится сам.

— Я бы на это не рассчитывал. Он может оказаться одной из тех чувствительных особ, которые не считают невиновность достаточной защитой от неких более изощренных козней со стороны полиции.

— Мистер Калдер-Хейл, — сказал Дэлглиш, — я полагаю, что вы можете знать причину смерти Дюпейна. Если я прав, расскажите об этом прямо сейчас, тогда и вы, и я сэкономим время и избежим некоторой неловкости.

— Не знаю. Хотел бы знать. Я бы вам сказал. Да, я могу допустить, что вдруг возникнет необходимость в убийстве — однако не в этом убийстве и не таким методом. У меня могут быть собственные подозрения. Я мог бы назвать вам четыре имени в порядке убывания вероятности, но мне представляется, что вы располагаете тем же списком, в том же порядке.

Было похоже, что на этот раз больше ничего выяснить не удастся. Дэлглиш уже собирался встать, когда Калдер-Хейл спросил:

— Вы уже встречались с миссис Стрикленд?

— Неофициально. У нас случилась короткая встреча неделю назад, в прошлую пятницу, когда я приходил в музей. Она работала в библиотеке.

— Забавная женщина. Вы ее проверяли?

— А что, стоит?

— Я гадал, интересовались ли вы ее прошлым? Во время войны она была одной из женщин-агентов, которую сбросили на парашюте на территорию Франции накануне дня «Д». Цель операции заключалась в восстановлении сети в северной оккупированной зоне, разрушенной в результате чудовищного предательства, случившегося за год до этого.

Ее группу постигла та же участь. В группе работал предатель, бывший, по слухам, любовником Стрикленд. Они попали в окружение, их пытали, а затем убили — всех, кроме этих двоих.

— Откуда вам это известно? — спросил Дэлглиш.

— Мой отец работал с Моррисом Бакмастером. Ответственность за этот провал лежала и на нем. Его и Бакмастера предупреждали, однако они отказывались верить, что получаемые ими сообщения приходят от гестапо. Конечно, тогда меня еще не было на свете, и все же до того, как умереть, отец кое-что успел мне рассказать. В последние несколько недель — перед тем как принять морфий — он словно пытался наверстать те двадцать пять лет, что со мной не общался. Большая часть из того, что отец мне рассказывал, не является секретом. По мере того как снимается секретность с официальных документов, все это становится доступным широкой общественности.

— Вы и миссис Стрикленд когда-нибудь разговаривали об этом?

— Вряд ли она подозревает о моей информированности. Она знает, что я сын Генри Калдер-Хейла — или по крайней мере родственник, — да только это еще не повод собраться и поболтать о том о сем. Не о таком прошлом и не с человеком, носящим мою фамилию. Находясь рядом с Мери Стрикленд, я всегда чувствую себя неуютно, хотя не до такой степени, чтобы желать ее ухода отсюда. Такая смелость находится за гранью моего понимания: я чувствую собственную никчемность. Участие в бою — одно дело, но риск провала, пытки, одинокой смерти — это совсем другое. В молодости она, наверное, была незаурядной женщиной: эдакое сочетание хрупкой английской красоты и безжалостности. Во время одной из предыдущих миссий ее уже как-то ловили, и все же она выпуталась. Похоже, немцы не могли допустить, что внешность столь обманчива. А теперь она сидит в библиотеке час за часом; эта старая женщина, чьи руки поражены артритом, а глаза поблекли, выводит изящные надписи; их

могла бы с тем же результатом набирать на компьютере Мюрел Годбай.

Они сидели молча. Казалось, что последнее едкое замечание истощило силы хранителя. Калдер-Хейл покосился на кучу бумаг на столе, однако не с нетерпением, а скорее обреченно. На данный момент они узнали все, что могли, — пришло время уходить.

По пути к машине о миссис Стрикленд не заговорил никто.

— Слабоватое алиби, не так ли? — сказал Пирс. — Мотоцикл был припаркован на оживленной улице. Кому знать, когда его оставили, а когда украли? Мотоциклист был в шлеме — лучшей маскировки не найти. Если шлем куда и закинули, то в кусты Хэмпстед-Хита.

— Мы знаем время его ухода от дантиста, — ответил Дэлглиш. — Это можно проверить. В регистратуре отмечают время назначенных визитов. Если он и в самом деле вышел оттуда в двадцать пять минут шестого, мог ли он быть в Дюпейне до шести? Судя по всему, мог, если ему повезло с дорогой и светофорами. Тогда у него было некоторое время в запасе. Пусть Бентон-Смит съездит для определения времени пробега, желательно на «нортоне». Гараж, возможно, окажет содействие.

— Нам понадобятся два «нортонa». Мне самому не терпится погонять.

— Хватит и одного. На дорогах и так полно лихачащих дураков. Пусть Бентон-Смит проделает путешествие несколько раз. Калдер-Хейл мог предпринять несколько тренировочных заездов. И Бентону не стоит сходить с ума: Калдер-Хейл не стал бы рисковать, проезжая на красный.

— Вы считаете, мне не нужно присутствовать на вскрытии, сэр?

— Нет. Кейт может взять Бентона. Это будет для него новым опытом. Причина смерти сомнений никогда не вызывала, но важно узнать об общем состоянии Дюпейна на момент смерти и о проценте алкоголя в крови.

— Вы не исключаете, что он был пьян, сэр?

— Не до положения риз. Однако если Дюпейн как следует поддал, это будет работать на версию о самоубийстве.

— Я считал, что мы отбросили возможность самоубийства.

— Верно. Я думаю о защите. Присяжные могут счесть ее доводы небезосновательными. Семья с нетерпением ждет выдачи тела и кремации. Они, кажется, договорились на четверг.

— Быстро, — сказал Пирс. — Дюпейны сделали заказ вскоре после смерти брата. Немного бесчувственно с их стороны. Выглядит так, будто они спешат закончить работу, начатую кем-то еще.

Дэлглиш не ответил; в «ягуаре» полицейские молча пристегнулись.

15

Маркус Дюпейн назначил встречу с персоналом на четвертое ноября, понедельник, десять часов. Записка была составлена в таком официальном стиле, как если бы он собирал целый отдел чиновников, а не четырех человек.

Талли пришла в музей выполнять обычные утренние обязанности. Музей был закрыт, так что вряд ли имелась большая необходимость в привычном протирании пыли. Но рутина ее успокаивала.

В коттедже она сняла рабочий халат, умылась, надела после некоторых раздумий чистую блузку и без чего-то десять вернулась в музей. Служащие должны были встретиться в библиотеке. Мюрел была уже там и расставляла кофейные чашки. Талли увидела, что мисс Годбай, как обычно, испекла печенье, на этот раз обычное овсяное. Талли подумала, что в данных обстоятельствах Мюрел могла найти флорентийское печенье неуместно праздничным.

Брат и сестра Дюпейны прибыли вовремя, а через несколько минут широкими шагами вошел Калдер-Хейл. Не-

сколько минут они провели за кофе, сидя у маленького стола, напротив северного окна, словно желая отделить это незначительное занятие от предстоящего серьезного дела. Затем все заняли свои места у стоящего посередине стола.

— Я попросил вас прийти по трем причинам, — начал Маркус Дюпейн. — Во-первых, я хочу поблагодарить вас — Джеймса, Мюрел и Талли — за сочувствие нам в связи со смертью нашего брата. В такое время горе неотделимо от потрясения, потрясение — от ужаса. У нас будет время — хотя, возможно, этого времени будет слишком мало — поговорить о Невиле и осознать, что потеряли мы, что потеряли его пациенты... Во-вторых, мы хотим сообщить вам, что мы с сестрой решили насчет будущего музея Дюпейна. Третье: мы должны обсудить наше отношение к действиям полиции в связи с убийством — они уже решили, что это убийство — и как нам вести себя с общественностью, которая, разумеется, уже в курсе. Чувствуя, что в выходные мы еще будем переживать, я отложил эту встречу до сегодняшнего утра.

— Я правильно понял, что новый договор будет подписан и музей Дюпейна продолжит существование? — спросил Джеймс Калдер-Хейл.

— Договор уже подписан Кэролайн и мной сегодня утром, в половине девятого.

— Все было подготовлено, — холодно сказала Кэролайн. — Требовались лишь подписи двух оставшихся опекунов. И собирать вас, не будучи уверенными в дальнейшей судьбе музея, было бы преждевременно.

— А вам не показалось уместным несколько дней подождать?

— Зачем? — Маркус остался неподвижным. — Или в вас пробуждается восприимчивость к общественному мнению? Или имеются какие-то запреты — этические или теологические, — которые я не заметил?

Лицо Джеймса искажила легкая сухая улыбка, наполовину гримаса, но он ничего не ответил.

— Если вовремя будет выдано тело, кремация состоится в четверг. Мой брат не был религиозным, поэтому процеду-

ра будет светской и только для близких родственников. Насколько нам известно, позже в часовне больницы состоится поминальная служба, и мы, конечно, там будем. Полагаю, что если кто-то захочет присутствовать, ему будут рады. Правда, пока у меня был лишь короткий телефонный разговор с администрацией. Еще ничего не определено.

Теперь о будущем музея. Общее управление перейдет в мои руки, а Кэролайн останется на неполном рабочем дне и будет отвечать за «фасад», если можно так выразиться: билеты, администрирование, финансы, хозяйство. Вы, Мюрел, останетесь в ее подчинении. Я знаю о вашей договоренности насчет присмотра за ее квартирой; она остается в силе. Джеймс, нам хотелось бы, чтобы вы продолжили работать хранителем и по-прежнему отвечали за покупку экспонатов, их хранение и показ, общались с исследователями и набирали добровольцев. У вас, Талли, все останется по-прежнему. Вы будете заниматься уборкой; это тоже находится в ведении моей сестры, а если Мюрел понадобится помощь, вы будете на это время поступать в ее распоряжение. Я собираюсь написать двум нашим добровольным работницам, миссис Фарадей и миссис Стрикленд, и попрошу их продолжить работу — если у них есть такое желание. Если музей будет расширяться, на что я рассчитываю, нам может понадобится дополнительный персонал и мы, конечно, привлечем большее количество добровольцев. Джеймс, как и прежде, будет проверять их благонадежность. Этот мальчик, Райан, может остаться, если только он соблаговолит появиться.

— Я беспокоюсь за Райана, — сказала до сих пор молчавшая Талли.

— Не думаю, что полиция собирается внести Райана в список подозреваемых, — отмахнулся Маркус. — Какой у него мог быть мотив, даже если бы ему хватило соображения спланировать это убийство?

— Талли, вам не стоит беспокоиться, — мягко сказал Джеймс. — Коммандер Дэлглиш рассказал нам, что там произошло. Мальчик напал на майора Аркрайта; возможно, он

считает, что убил его, и поэтому скрывается. Он появится, как только поймет, что это не так. Полиция, во всяком случае, ищет Райана. Мы не можем здесь ничего поделать.

— Им необходимо с ним поговорить, — сказал Маркус. — Мы не можем рассчитывать на его благоразумие при разговоре с полицейскими.

— А что он может им рассказать? — спросила Кэролайн. Всеобщее молчание нарушил Маркус:

— Наверное, пришло время обсудить ход расследования. Что меня удивляет, так это степень заинтересованности полиции. Почему командер Дэлглиш? Я считал, что его отдел создан для расследования особенно сложных или деликатных случаев. Я не вижу того, что заставило их поставить смерть Невила в этот ряд.

Джеймс опасно отклонился назад на своем стуле.

— Я могу сделать несколько предположений. Невил был психиатром. Не исключено, что он лечил кого-то столь могущественного, что обычных мер по защите репутации оказалось недостаточно. Если выяснится, например, что министр финансов — клептоман, епископ — серийный убийца, а поп-звезда имеет склонность к несовершеннолетним девочкам, получится нехорошо. Кроме того, полиция может подозревать, что музей используется в криминальных целях: например, сюда свозится краденое и прячется среди экспонатов или международные террористы организовали здесь свою шпионскую сеть.

— В данный момент я нахожу ваши шутки неуместными, Джеймс, — нахмурился Маркус. — Что же касается работы Невила, то там действительно есть что искать. Он наверняка знал некоторое количество опасных секретов. По долгу службы ему приходилось контактировать с самыми разными людьми, в основном психологически неблагополучными. Нам ничего не известно о его частной жизни. Мы не знаем, куда Невил уезжал по пятницам, с кем встречался. Не знаем, привозил ли он кого-либо с собой, встречался ли с кем-то здесь. Дубликат ключей к гаражу делал он. Нам неоткуда узнать, сколько их было сдела-

но, кто имел к ним доступ. Тот запасной ключ в шкафчике внизу, возможно, не единственный.

— Инспектор Мискин меня об этом спрашивала, когда они с сержантом заходили к нам с Талли в последний раз, уже после ухода командера Дэлглиша, — сказала Мюрел. — Они высказали предположение, что кто-то взял ключи от гаража, подложил вместо них другие, а потом вернул на место. Я дала понять, что не заметила бы разницы. Ключи от подвесных замков очень похожи — если только не рассматривать их вблизи.

— И потом есть еще таинственный автомобилист, — добавила Кэролайн. — Он, несомненно, главный подозреваемый на данный момент. Будем надеяться, что полиция сможет его выследить.

Джеймс был занят созданием рисунка исключительной сложности. Продолжая над ним работать, он сказал:

— Если не сможет, им будет сложно повесить это преступление на кого-то еще. Кое-кто может лелеять надежду на неуловимость автомобилиста не только в прямом смысле этого слова.

— А еще эти более чем странные слова, которые он сказал Талли, — вмешалась Мюрел. — «Кажется, кто-то разложил праздничный костер!» То же самое, точь-в-точь, прокричал Рауз. Может, это убийство «под копирку»?

— Думаю, нам не стоит увлекаться и фантазировать, — продолжал хмуриться Маркус. — Возможно совпадение. Этого водителя еще только предстоит найти, а мы тем временем должны оказать полиции максимальное содействие. Правда, отсюда не следует, что мы должны добровольно предоставлять им информацию, о которой они нас не спрашивают. С нашей стороны будет крайне неразумно, если мы будем вести досужие разговоры — между собой или с другими людьми, не важно. Полагаю, нам не следует общаться с прессой. В случае особой настойчивости отправляйте их в отдел по связям с общественностью лондонской полиции или к командеру Дэлглишу. Вы увидите, что теперь на дороге стоит шлагбаум. Для каждого из вас приготовлены ключи, они у

меня. Естественно, только для тех, у кого есть машина. Думаю, что вы, Талли, можете провести велосипед или по траве, или под шлагбаумом. Эту неделю музей будет закрыт, однако я надеюсь возобновить его работу в следующий понедельник. Хотя существует единственное исключение. Конрад Акройд устроил визит группы канадских ученых, и я дал ему знать, что для этого визита мы специально откроемся. В связи с убийством нам нужно быть готовыми к приему новых посетителей; возможно, поначалу будет непросто. Я буду проводить в музее как можно больше времени и надеюсь взять на себя сопровождение посетителей, однако в среду я не смогу. У меня переговоры в банке. Какие есть вопросы?

Маркус оглядел сидящих за столом, но все молчали. Затем Мюрел сказала:

— Музей Дюпейна продолжит существование, и всем нам, наверное, приятно выразить свою радость по этому поводу. Мы постараемся сделать все возможное для его процветания, вы и мисс Кэролайн можете в этом на нас положиться.

Не раздалось даже шепота одобрения. Вероятно, Талли подумала, и Калдер-Хейл разделял ее точку зрения, что и слова, и момент выбраны неудачно.

Раздался телефонный звонок. В библиотеке стоял дополнительный аппарат, и Мюрел торопливо подняла трубку. Выслушав, она повернулась и сообщила:

— Это командер Дэлглиш. Он пытается выяснить личность одного из посетителей и рассчитывает на мою помощь.

— В таком случае вам лучше взять трубку в офисе, — коротко сказала Кэролайн. — Брату и мне эта комната сейчас понадобится.

Мюрел сняла руку с микрофона.

— Пожалуйста, не вешайте трубку, командер. Я только спущусь в офис.

Талли пошла вслед за ней и вышла через парадную дверь. Мюрел подняла трубку.

— В позапрошлую пятницу, когда я пришел к вам вместе с Конрадом Акройдом, в галерее находился некий молодой

человек. Его интересовал Нэш. У него худое лицо, на нем были синие джинсы, протертые на коленях, сине-белые кроссовки, теплая куртка, низко надетая шерстяная шапка, скрывающая уши. Он был один. По его словам, он приходил в музей и прежде. Не знаю, но вдруг вы его вспомните.

— Да, вспомню. Он отличается от наших обычных посетителей, поэтому я обратила на него особое внимание. В первый раз парень пришел не один. С ним была молодая женщина. Она несла ребенка в такой штучке — знаете, сам ребенок прижат к груди, а ножки болтаются в воздухе. Я помню, подумала тогда, что младенец напоминает маленькую обезьянку, вцепившуюся в свою мать. Они побыли здесь недолго. Полагаю, побывали только в картинной галерее.

— Их кто-нибудь сопровождал?

— В этом не было необходимости. Помню, молодая женщина несла сумку из цветастой ткани, со шнурком. Наверное, в ней лежали подгузники и бутылочка. Все равно она сдала ее. Не представляю, какие ценности они могли бы украть. В библиотеке сидела миссис Стрикленд, так что они не имели возможности прихватить какую-либо книгу.

— У вас были основания так о них думать?

— Нет, однако среди наших книг много первых изданий, которые стоят больших денег. В нашем случае осторожность не бывает излишней. Но, как я уже говорила, там была миссис Стрикленд. Она работает у нас добровольно, надписывает экспонаты. Если они заходили в библиотеку, она могла их запомнить.

— У вас исключительно цепкая память, мисс Годбай.

— Ну, командер... Я же говорила: они были необычными посетителями.

— А каков ваш обычный посетитель?

— Ну, в основном это люди среднего возраста. Бывают очень старые — те, которые сами помнят годы между войнами. А также ученые, писатели, историки. К мистеру Калдер-Хейлу обычно приходят серьезно интересующиеся предметом студенты. По моим предположениям, некоторым из них

он устраивает индивидуальные экскурсии в нерабочие часы. Эти, естественно, не расписываются.

— А вы, случайно, не уловили, как зовут того молодого человека? Он расписывался?

— Нет. Расписываются только друзья музея, проходящие бесплатно. — Тут ее голос изменился. В нем послышалось удовлетворение. — Вспомнила! Похоже, я смогу вам помочь, командер. Три месяца назад — если нужна точная дата, я могу вам ее назвать — мы планировали лекцию по издательскому делу в двадцатые годы, с показом слайдов. Ее должен был читать в картинной галерее близкий друг Конрада Акройда. Вход стоил десять фунтов. Мы надеялись, что эта лекция будет первой в ряду подобных. Программа еще не составлена. Некоторые лекторы уже дали свои обещания, однако мне было трудно подобрать даты, удобные всем. Я приготовила тетрадку и попросила заинтересовавшихся посетителей оставить их имена и адреса.

— И он оставил?

— Его жена. Это было в тот раз, когда они пришли вместе. Во всяком случае, мне показалось, что она его жена: я заметила на руке обручальное кольцо. Посетитель, уходивший прямо перед ними, записался, и казалось вполне естественным предложить то же самое этой паре. В конце концов, их никто не заставлял. И она записалась. Они отошли от стола и направились к двери; он что-то ей говорил. Кажется, он сердился, говорил, что не следовало этого делать. Естественно, ни один из них на лекцию не пришел. Учитывая плату в десять фунтов, я их и не ждала.

— Не могли бы вы посмотреть запись? Я подожду у телефона.

Стало тихо. Не прошло и минуты, как Мюрел заговорила опять:

— Кажется, я нашла интересующего вас молодого человека. Девушка вписала их как женатую пару. Мистер Дэвид Уилкинс и миссис Мишель Уилкинс, Голдторп-роуд, 15А, Ледброук-грав.

С возвращением Мюрел Маркус завершил собрание. Было без четверти одиннадцать.

Как только Талли вошла в коттедж, зазвонил телефон.

— Мама, это ты? — Она услышала голос Дженнифер. — Слушай, я звоню с работы и не могу долго говорить. Я пыталась до тебя добраться сегодня рано утром. С тобой все в порядке?

— Все в полном порядке, Дженнифер. Спасибо. Не беспокойся.

— Ты уверена, что не хочешь пожить какое-то время у нас? Ты уверена в своей безопасности? Роджер мог бы приехать и забрать тебя.

Талли чувствовала, что теперь, когда новости об убийстве попали в газеты, подружки Дженнифер принялись судачить. Возможно, они намекнули, что Талли должна быть спасена и, пока не найден убийца, ей следует оставаться в Бейсингстоке. Талли охватило чувство вины. Не исключено, что все проще: Дженнифер и в самом деле беспокоится; она позвонила в тот же день, как только узнала. Но Роджера надо как-то остановить. Талли пустила в ход аргумент, который, как она знала, может сработать.

— Пожалуйста, не беспокойся, дорогая. В этом действительно нет необходимости. Я не хочу оставлять коттедж. Не хочу рисковать: Дюпейны могут поселить кого-то другого, пусть и временно. У меня запираются все двери и окна, и я чувствую себя в полной безопасности. Я дам тебе знать, если начну нервничать, хоть и уверена — этого не произойдет.

— Так что же случилось? — Талли услышала почти облегчение в голосе Дженнифер. — Что делает полиция? Они не донимают тебя? А пресса?

— Полицейские ведут себя очень вежливо. Конечно, нас всех уже опрашивали, и я предполагаю, что это еще повторится.

— Они же не думают, что...

— Нет, нет. — Талли тут же оборвала дочь. — Уверена, никого из работников музея они не подозревают. Они стараются как можно больше узнать о докторе Невиле. Пресса нас не беспокоит. На въезде стоит шлагбаум, так что на машине сюда попасть нельзя. Полиция очень нам помогла. Музей пока закрыт, но мы надеемся, что на следующей неделе его откроют опять. Похороны доктора Невила назначены на четверг.

— Насколько я понимаю, ты будешь там присутствовать, мама?

Уж не собираются ли ей дать совет насчет одежды?

— Нет-нет, — торопливо сказала Талли. — Предполагается, что церемония будет для очень узкого круга — только близкие родственники.

— Ну, если все действительно в порядке...

— Все в полном порядке, Дженнифер. Спасибо. Ты хорошо сделала, что позвонила. Передавай привет Роджеру и детям.

Она повесила трубку несколько поспешнее, чем того требовали приличия. Почти сразу телефон зазвонил опять. Подняв трубку, Талли услышала голос Райана. На фоне окружающего шума он говорил еле слышно:

— Миссис Талли, это Райан.

Талли облегченно вздохнула и перехватила трубку, прижав ее к левому уху, которое лучше слышало.

— О, Райан! Я рада, что ты позвонил. Мы о тебе беспокоились. С тобой все в порядке? Где ты находишься?

— Станция «Оксфорд-серкус». Миссис Талли, у меня кончились деньги. Вы могли бы мне перезвонить?

Парень был в отчаянии. Талли старалась говорить спокойно:

— Да, конечно. Давай номер. И говори четко, Райан. Я тебя едва слышу.

Слава Богу, она всегда держит под рукой блокнот и карандаш. Талли записала цифры и заставила его повторить номер.

— Стой где стоишь, — сказала она. — Я сейчас перезвоню.

Он тут же схватил трубку.

— Я убил его, майора, да? Он умер!

— Нет, он не умер, Райан. И не был серьезно ранен. И он не требует компенсации. Но полицейским обязательно надо с тобой поговорить. Ты знаешь, что убили доктора Невила?

— Из газет. Они считают, что это тоже сделал я! — В его голосе звучало скорее недовольство, нежели испуг.

— Конечно, они так не думают, Райан. Постарайся быть разумным, поразмысли сам. Худшее, что ты можешь сделать, — это сбежать. Где ты ночевал?

— Я нашел одно место неподалеку от Кинг-кросс: какой-то заколоченный дом. А с рассвета хожу по городу. Мне не хотелось идти в сквот: понятно же, что полиция искала меня именно там. Вы уверены, что с майором все в порядке? Вы не стали бы мне врать, миссис Талли, правда ведь?

— Нет, я не вру, Райан. Если бы ты его убил, об этом писали бы в газетах. Теперь же ты должен вернуться. Ты вообще без денег?

— Вообще. И я не могу пользоваться мобильным. Там тоже кончились деньги.

— Я за тобой приеду.

Она стала быстро соображать. Найти его на «Оксфорд-серкус» будет непросто, и на дорогу тоже уйдет некоторое время. Полиция Райана ищет и может схватить в любой момент. Важно было добраться до него первой.

— Райан, там есть церковь Всех святых, на Маргарет-стрит. Это неподалеку от того места, где ты находишься. Иди по Грейт-Портленд-стрит в сторону Би-би-си, и Маргарет-стрит будет по правой стороне. До моего прихода ты можешь спокойно посидеть в церкви. Там тебя никто не побеспокоит, никто не будет вмешиваться. Если к тебе кто-то обратится — значит, он думает, что тебе нужна помощь. Скажи, что ждешь друга. Или встань на колени. Тогда с тобой никто не заговорит.

— Будто я молюсь? Господь меня испепелит!

— Нет, не испепелит, Райан. Он не делает ничего подобного.

— Делает! Терри — последний мамин хахаль — он мне рассказывал. Об этом есть в Библии.

— Хорошо, он так больше не делает.

«О Господи, — подумала она, — у меня это прозвучало так, будто Бог исправился. Как мы умудрились влезть в эту нелепую теологическую дискуссию?»

— Все будет хорошо, — сказала Талли твердо. — Иди в церковь, как я тебе сказала. Я приеду как можно быстрее. Ты запомнил дорогу?

— К Би-би-си, а потом направо по Маргарет-стрит, — ответил Райан немного сварливо. — Вы сказали так.

— Отлично. Я там буду.

Она положила трубку. Эта увеселительная поездка обойдется недешево и займет больше времени, чем хотелось бы. Талли не привыкла заказывать такси и полезла за номером в телефонный справочник. Она подчеркнула, что заказ срочный, и девушка-диспетчер обещала, что они постараются доставить такси в течение пятнадцати минут. Талли рассчитывала на более быстрый приезд. Ее утренние дела были сделаны, однако она колебалась, сообщать ли Мюрел, что ее не будет в течение ближайшего часа или около того. Мистер Маркус и мисс Кэролайн еще не ушли. Она могла понадобиться любому из них, и тогда ее отсутствие вызовет вопросы. После недолгих раздумий Талли села к столу и написала следующую записку: «Мюрел, мне понадобилось съездить в Уэст-Энд, на час или около того, но я должна вернуться до тринадцати ноль ноль. Это на тот случай, если вы меня хватитесь. Ничего не случилось. Талли».

Она решила перед уходом сунуть записку под музейную дверь. Мюрел могла найти такой способ общения несколько странным, зато можно избежать вопросов. А полиция? Им следует немедленно обо всем сообщить, чтобы они отменили розыск. Но если полиция окажется там первой, Райан

может расценить это как предательство. Этого не произойдет, если она не сообщит им, где мальчик. Надев шляпу и пальто, удостоверившись, что в кошельке есть сумма, достаточная для поездки в обе стороны, Талли набрала номер, который ей оставила инспектор Мискин. Ей ответил мужской голос.

— Это Талли Клаттон. Мне только что звонил Райан Арчер. С ним все в полном порядке, я сейчас за ним еду. Я привезу его сюда, в музей.

И немедленно положила трубку. Не успела Талли выйти, как телефон зазвонил опять, однако она быстро ушла, заперев за собой дверь. Засунув записку в музейный почтовый ящик, Талли отправилась к шлагбауму, чтобы ждать такси с той стороны. Минуты тянулись бесконечно, и она не могла заставить себя не смотреть все время на часы. Такси не было почти двадцать минут.

— Церковь Всех святых, Маргарет-стрит. Пожалуйста, пожалуйста, как можно быстрее!

Пожилой водитель не ответил. Возможно, ему надоели пассажиры, понукающие его ехать быстро, когда сделать это нет никакой возможности. Светофоры как сговорились, и еще в Хэмпстеде они пристроились в конец длинной вереницы машин, направляющихся к Бейкер-стрит и к Уэст-Энду. Талли сидела совершенно прямо, вцепившись в сумочку, убеждая себя успокоиться и набраться терпения, ведь от волнения все равно не было никакого толку. Водитель делал все, что мог.

Когда они доехали до Мерилбон-стрит, она наклонилась вперед и сказала:

— Добраться до церкви непросто, там одностороннее движение, вы можете высадить меня в начале Маргарет-стрит.

— Я довезу вас до церкви в лучшем виде, — ответил шофер.

Через пять минут водитель выполнил свое обещание.

— Мне только надо кое-кого забрать, — сказала Талли. — Вы подождете чуть-чуть, или мне заплатить сразу?

— Все в порядке, — ответил он. — Я подожду.

Сумма на счетчике ее ужаснула. Если обратная дорога обойдется во столько же, завтра придется идти в банк.

Талли прошла через маленький невзрачный дворик и толкнула дверь. Впервые во Всех святых она побывала год назад. Тогда Дженнифер прислала ей рождественский талон, и она купила «Тысячу самых красивых церквей Англии» Саймона Дженкинса. Талли решила посетить все лондонские церкви, но из-за расстояний дело продвигалось медленно. Однако это исследование открыло перед ней новое измерение лондонской жизни, а также архитектурное и историческое наследие, с которым она не была знакома.

Даже сейчас, когда ее переполняло беспокойство — и по поводу суммы за такси, и о Райане, который должен ждать ее, — великолепие росписи заставило на мгновение застыть. Росписью было покрыто все — от пола до потолка. Мозаика, фрески и величественная запрестольная перегородка — это заставляло устремлять взгляд к высокому алтарю. В первое посещение ее отклик на эти излишества оказался не столь отчетливым. Тогда она ждала развлечений, теперь — благоговела. Только придя сюда во второй раз, Талли почувствовала себя дома. Она привыкла ходить в церковь во время торжественной мессы, когда облаченные в одеяния священники величественно двигаются перед алтарем, голоса поющих поднимаются ввысь вместе с волнами ладана... Дверь закрылась за ее спиной; застывший воздух, ряды пустых стульев. Это волшебство тоньше. Наверное, где-то должен быть смотритель. Талли никого не видела. В переднем ряду, напротив статуи Богородицы, сидели две монахини; несколько свечей продолжали ровно гореть, хотя она только что закрыла дверь.

Райана Талли заметила почти сразу. Он сидел ближе к выходу и немедленно подошел к женщине.

— Нас ждет такси, — сказала она. — Мы поедем прямо домой.

— Я голоден, миссис Талли. Я еле стою на ногах. Может, купим гамбургеров?

Это говорил ребенок.

«О Господи, — подумала Талли, — опять эти жуткие гамбургеры!» Райан иногда приносил их с собой на обед и подогревал на гриле, после чего долго не выветривался смачный луковый дух. Однако парень и в самом деле выглядел чуть живым, и омлет, который она собиралась для него приготовить, мог оказаться не тем, что ему нужно.

Услышав о скорой еде, Райан немедленно воспрянул духом. Открывая перед Талли дверцу такси, он крикнул водителю на специфическом уличном наречии:

— Чеши к ближайшей закусочной, приятель. Мы торопимся.

Через несколько минут они были на месте, и Талли расплатилась, дав на чай лишний фунт. Она протянула Райану пятифунтовую банкноту, чтобы тот встал в очередь и взял ей кофе, а себе — что захочет. Он вернулся с двойным чизбургером и большим молочным коктейлем, а потом сходил за кофе. Они выбрали место как можно дальше от окна. Райан вцепился в гамбургер и принялся запихивать его себе в рот.

— В церкви все прошло благополучно? — спросила Талли. — Тебе понравилось?

— Все было о'кей, — пожал он плечами. — Странно так. У них есть такие же ароматические палочки, какими мы пользовались в сквоте.

— Ты о ладане?

— Одна из девчонок, Мэми, зажигала ароматические палочки, и мы сидели в темноте, а она общалась с умершими.

— Она не могла этого делать, Райан. Мы не можем разговаривать с умершими.

— А она могла! Она разговаривала с моим папой. Она рассказывала такие вещи, которые ей мог бы сообщить только мой папаша.

— Но вы вместе живете в сквоте, Райан. Она могла что-то узнать и о тебе, и о твоей семье. Кое-что она могла угадать.

— Нет, — ответил Райан. — Она говорила с моим папой. Можно мне сходить за еще одним коктейлем?

Такси они поймали легко. И только теперь Райан спросил об убийстве. Талли ограничилась фактами и старалась говорить как можно проще, не заостряя внимание на испытанном ею тогда ужасе и выпуская подробности.

— У нас работает группа из Нью-Скотленд-Ярда. Коммандер Дэлглиш с тремя помощниками. Они захотят с тобой поговорить, Райан. Само собой, ты должен отвечать на их вопросы честно. Нам всем нужно, чтобы эта ужасная загадка была раскрыта.

— А майор? Вы говорили, с ним все о'кей?

— Да. У него все прекрасно. Его рана на голове сильно кровоточила, но она не была серьезной. Только это никуда не годится, Райан. С какой стати ты так вышел из себя?

— Он меня достал, понятно?

Райан отвернулся и упрямо уставился в окно. Талли решила, что правильнее будет ограничиться этим. Ее удивило, что смерть доктора Невила не пробудила в парне почти никакого любопытства. А газетные репортажи были короткими и весьма двусмысленными. Возможно, он был слишком занят мыслями о собственном нападении на майора.

Она расплатилась, ужаснулась общей сумме и опять дала фунт чаевых. Водитель выглядел очень довольным. Они с Райаном пролезли под шлагбаумом и молча пошли к дому.

Из музея выходили инспектор Тарент и сержант Бентон-Смит.

— Итак, вы нашли Райана, миссис Клаттон, — сказал инспектор. — Это радует. У нас к вам есть несколько вопросов, молодой человек. Мы с сержантом едем в отделение. Вам лучше отправиться вместе с нами. Это ненадолго.

— Вы не могли бы поговорить с Райаном в коттедже? — быстро спросила Талли. — Я могу оставить вас наедине, в гостиной.

Сдурю она чуть не посулила ему кофе.

Райан перевел взгляд на инспектора:

— Вы меня арестуете?

— Нет, просто возьмем в отделение, чтобы поболтать. Нам нужно прояснить несколько моментов. Можешь назвать это помощью следствию.

— Да ну? — Райан немного пришел в себя. — Я знаю, о чем вы. Я хочу позвонить своему адвокату!

— Ты несовершеннолетний, так?

Голос инспектора неожиданно стал резче. Талли догадалась, что иметь дело с несовершеннолетними дольше и хлопотнее. Такая перспектива полицейских не радовала.

— Нет, мне восемнадцать.

— Уже легче. Можешь посоветоваться, если хочешь. У нас есть свои. Можешь позвонить другу.

— Отлично. Я позвоню майору.

— Тому забывчивому парню? Ладно, позвонишь ему из отделения.

Райан отправился с ними вполне охотно, даже с некоторой бравадой. Талли подозревала, что он приготовился насладиться своей долей дурной славы. Она могла понять, почему полицейские не захотели говорить с ним в коттедже. Даже если бы она оставила их одних, то все равно была бы слишком близко, чтобы прийти на помощь. Загадка касалась и ее тоже; возможно, она даже входила в число подозреваемых. Детективы хотели поговорить с Райаном так, чтобы им никто не мешал. С замирающим сердцем Талли подумала, что своего они обязательно от него добьются.

17

Кейт не удивляло, что к Дэвиду Уилкинсу ей придется идти вместе с Дэлглишем. В этом была необходимость: узнать его мог только Эй-Ди. Уилкинс побывал в музее за неделю до убийства и признался, что обижен и что это как-то связано с музеем. Как ни мало он походил на подозреваем-

мого, с ним надо было встретиться. Да и невозможно предугадать, в какой части следствия Эй-Ди вздумает принять личное участие. В конце концов, он поэт, и ему интересен уклад жизни другого человека. Его поэзия была для Кейт загадкой. Человек, выпустивший «Повод для ответа и другие стихи», не имел отношения к детективу, под чьим началом она работала с такой самоотдачей. Кейт умела различать некоторые из его настроений, боялась его редкой и немногословной критики, была членом его команды, где ее ценили, и это заставляло ее ликовать, и все же Адама Дэлглиша она не знала. Кейт долго училась держать себя в руках, а затем и вовсе оставила всякую надежду на ответное чувство с его стороны. Она говорила себе, что, улыбнись ему удача, полюби он, Кейт за него порадует, и поэтому ее удивила и слегка обеспокоила неистовая злоба, которую у нее вызывала Эмма Лавенан. Эта женщина, она что, ничего не видит?!

Оставшиеся пятьдесят ярдов полицейские шли пешком. Моросил дождь. Вдоль Голдторп-роуд стояли одинаковые оштукатуренные дома, построенные на закате Викторианской эпохи. Они тянулись от северного края Ледброук-гроу. Можно не сомневаться, что эти прочные монументы, олицетворяющие семейные устремления своего века, однажды будут приобретены, модернизированы, переделаны в дорогие квартиры и выставлены по ценам, доступным от силы двум высокооплачиваемым интеллектуалам, привлеченным удобством расположения улицы. Но пока что дома пребывали именно в том состоянии, в какое их привели десятилетия нерадивого обращения. Потрескавшиеся стены с въевшейся в них лондонской грязью; портики, с которых целыми кусками отваливается штукатурка, а из-под нее проступает кирпичная кладка; облезлые входные двери. И без россыпи звонков было ясно, что в каждом доме живет по несколько семей, однако стояла странная, даже зловещая тишина, будто жители узнали о какой-то грядущей чуме и ночью тихо ушли.

Квартира Уилкинсов, 15А, располагалась в полуподвале. Единственное окно закрывали тонкие провисшие занавес-

ки. Засов на железных воротах был сломан, его заменяла согнутая в петлю проволоочная вешалка. Дэлглиш ее снял, и они начали спускаться по каменным ступеням, ведущим к площадке перед домом. Здесь, конечно, подметали, но влажная куча мусора, принесенного ветром, никуда не делась. Она состояла из сигаретных пачек, обрывков газет, скомканных коричневых пакетов и грязного носового платка. Дверь оказалась слева, на повороте дорожки, огибающей площадку, так что с улицы вход виден не был. Номер 15А намалевали белой краской на стене. Кейт увидела, что на двери два замка: обычный, с защелкой, а под ним второй, кодовый. За дверью стоял зеленый пластмассовый горшок с геранью. На деревообразном стебле сохранились немногочисленные листочки, сухие и потемневшие, а единственный розовый цветок на чахоточной ножке был крошечным, словно маргаритка. «Интересно, — думала Кейт, — кому могло прийти в голову, что он будет цвести без света?»

Их прибытие не осталось незамеченным. Глянув вправо, она увидела, как дрогнул край занавески. Кейт позвонила, и они стали ждать. Она бросила взгляд на Дэлглиша: тот смотрел вверх, на прутья ограды, и его лицо не выражало ничего. Свет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь блещущие струи воды, выхватывал напряженную линию подбородка и лица. «Господи, — подумала Кейт, — он же до смерти устал».

Никто не выходил, и, спустя минуту, она позвонила опять. На этот раз дверь осторожно открыли, и Кейт встретилась взглядом с чьими-то испуганными глазами, глядевшими на нее поверх цепочки.

— Мистер Дэвид Уилкинс дома? — спросила инспектор. — Он нам нужен на пару слов. Мы из полиции.

Она старалась никого не испугать, хотя и понимала, что ее усилия тщетны. Приход гостей из полиции редко является хорошей новостью, а на этой улице он мог оказаться предвестием беды. Цепочку не снимали.

— Вы по поводу ренты? — спросил девичий голос. — Дэйви за этим следит. Его сейчас нет, он пошел в аптеку, ему врач выписал рецепт.

— Это не имеет никакого отношения к ренте, — сказала Кейт. — Мы расследуем одно дело, и нам представляется, что мистер Уилкинс располагает кое-какой информацией и может помочь нам.

И это едва ли обнадеживало. Каждый знает, что значит помогать полиции в ее расследованиях. Зазор между дверью и стеной увеличился, насколько позволяла цепочка. Дэлглиш повернулся и спросил:

— Вы миссис Мишель Уилкинс? — Та в ответ кивнула. — Мы к вашему мужу ненадолго. Мы даже не уверены, что он может нам помочь, но попытаться должны. Если он скоро должен прийти, мы могли бы подождать.

Конечно, они могли бы подождать, размышляла Кейт. В доме или на улице — они могли бы подождать. Только зачем эти обиняки?

Теперь цепочку сняли. Они наконец смогли рассмотреть тоненькую молодую женщину, которая выглядела самое большее лет на шестнадцать. Ее узкое лицо обрамляли русые пряди, глаза глядели на Кейт с немой мольбой. На женщине были неизбежные джинсы, грязные кроссовки и мужской свитер. Миссис Уилкинс молчала, и полицейские последовали за ней по узкому коридору, пробираясь мимо складной детской коляски. Впереди, через открытую дверь ванной комнаты, виднелся старинный унитаз, с высоко расположенным бачком и висящей цепочкой. Под раковиной, у стены, были свалены в кучу полотенца и постельное белье.

Мишель жестом пригласила детективов зайти в дверь справа от них. Узкая комната тянулась во всю ширину дома. Две двери в дальней стене комнаты были открыты настежь. Одна вела в загроможденную кухню, другая — конечно же, в спальню. Детская кроватка с перильцами и двуспальная кровать занимали почти все пространство перед единственным окном. Постель была неубрана, подушки смяты, пуховое одеяло соскользнуло, открывая сбитую простыню.

Квадратный стол, четыре деревянных стула с прямыми спинками, потрепанный диван, накрытый индийским хлопча-

тобумажным покрывалом, сосновый комод и большой телевизор рядом с газовым камином — вот и вся обстановка гостиной. За годы работы в полиции Кейт бывала в комнатах и погрязнее, и поунее. Они редко вызывали у нее беспокойство, но теперешнее чувство возникало у нее не часто. Это был мгновенный дискомфорт, даже смущение. Что она почувствовала бы, приди к ней из полиции? Не предупреждая о своем визите, прося, а то и требуя пустить их? Квартира идеально убрана. Как же иначе? Там нет никого, кто мог бы устроить беспорядок, кроме нее самой. Да, это так, однако происходящее было бы невыносимо. Ее и Дэлглиша сюда привела необходимость, и все равно: они совершали вторжение.

Мишель Уилкинс закрыла дверь в спальню и произвела жест в направлении дивана, который мог означать приглашение сесть. Дэлглиш сел, но Кейт направилась к столу, посерединке которого стояла плетеная кровать с лежащим в ней пухлым младенцем. Кейт подумала, что это наверняка девочка. На нее было надето коротенькое розовое платье с оборочками, слюнявчик с вышитыми на нем маргаритками и белая вязаная кофточка. Все, что имело отношение к девочке, было совершенно чистым, и это вступало в контраст с остальной комнатой. Поросшая молочно-белым пухом голова младенца покоилась на безупречной подушке, на отброшенном в сторону одеяле — ни пятнышка, а платье, кажется, только что гладили. Поразительно, что столь хрупкая женщина родила такого здоровенного ребенка. Сильные ножки, разделенные подгузником, энергично молотили воздух. Потом девочка затихла и выставила похожие на морские звезды ладошки, будто стараясь осознать, что они принадлежат ей. После нескольких неудачных попыток малышке удалось засунуть в рот большой палец, и она умиротворенно начала сосать.

Мишель Уилкинс подошла к столу, и они вместе посмотрели на ребенка.

— Сколько ей? — спросила Кейт.

— Четыре месяца. Ее зовут Ребекка, а мы с мужем называем ее Бекки.

— О детях я знаю мало, но она выглядит очень развитой для своего возраста.

— О, вы правы, вы правы! Она так здорово выгибает спинку и может сидеть. Если ее поднимет Дэйви или я, вы сможете увидеть, как она пытается стоять.

Мысли и чувства Кейт пришли в легкий беспорядок. Что она должна ощущать? Чувствовать горечь от осознания того, что течение времени неумолимо, что у нее все меньше шансов стать матерью? Это свойственно тем, кому за тридцать. Не эта ли дилемма встает перед всеми женщинами, ощущающими себя профессионалами? Почему же она ничего такого не испытывает? Или это пройдет? Почувствует ли она когда-нибудь необходимость — душевную или телесную — зачать ребенка, оставить что-то после себя? Желание станет неодолимым, охватит ее всю, и тогда она прибегнет к одной из унижительных уловок. Ужасная мысль! Конечно, нет. Ее, незаконнорожденную, поставила на ноги бабушка; она не знала собственной матери. «Я не знаю, как начать, — подумала Кейт. — Безнадежно. Нельзя дать то, чего у тебя никогда не было». И как можно сравнить ее профессиональные обязанности, даже самые значимые, вот с этим: принести в наш мир еще одну человеческую жизнь, отвечать за нее первые восемнадцать лет и не знать ни покоя, ни отдыха до самой своей смерти? Молодая женщина рядом с ней справлялась и была счастлива. «Есть сторона жизни, о которой я не знаю ничего». Кейт почувствовала себя униженной — это было неожиданно и грустно.

— Ваш муж частенько ходил в галерею Дюпейна, не так ли? — спросил Дэлглиш. — Десять дней назад я его там встретил. Мы вместе разглядывали одну картину. Вы часто составляли ему компанию?

Молодая женщина тут же склонилась над колыбелькой и принялась суетливо поправлять одеяло. Прямые волосы упали и скрыли ее лицо. Казалось, она даже не слышит. Потом Мишель сказала:

— Один раз я действительно сходила. Около трех месяцев назад. Дэйви тогда был без работы и мог пройти бесплатно, но женщина-служительница сказала, что мне придется заплатить, так как я не получаю пособие по безработице. Плату в пять фунтов мы не могли себе позволить. Я сказала Дэйви, чтобы шел один, и он отказался. Потом пришел какой-то человек и подошел к столу — выяснить, в чем дело. Та женщина называла его «доктор Дюпейн», так что он имел какое-то отношение к музею. Он сказал, что меня нужно пропустить. «Что, по-вашему, делать этой посетительнице? — спросил он. — Выйти с ребенком под дождь и там ждать?» Потом он попросил меня оставить коляску вместе с висящими пальто, а Бекки взять с собой.

— Думаю, та женщина была не в восторге, — заметила Кейт.

Мишель вспыхнула.

— Да. Она покраснела и очень свирепо посмотрела на доктора Дюпейна. Мы были рады убраться и отправились смотреть картины.

— Одну конкретную картину, — уточнил Дэлглиш.

— Да. Принадлежавшую когда-то дедушке Дэйви. Поэтому Дэйви любит туда ходить и смотреть на нее.

Они услышали скрип калитки и топот ног по ступенькам. Мишель Уилкинс молча скользнула в дверь. Из коридора до них долетали глухие голоса. Дэвид Уилкинс вошел и нерешительно встал в дверях — будто это он был гостем. К нему подошла его жена, и Кейт увидела, как их руки сначала соприкоснулись, а потом переплелись.

— Я командер Дэлглиш, — встав, сказал Адам. — А это инспектор Мискин. Мы из городской полиции. Извините, что пришли без предупреждения. Мы не задержим вас надолго. И не лучше ли всем нам сесть?

Не расцепляя рук, муж и жена направились к дивану. Дэлглиш и Кейт присели к столу. Девочка, до сих пор тихонько что-то напевавшая, вдруг закричала. Мишель кинулась к кровати и взяла ее на руки. Держа младенца у плеча, она вернулась к дивану. Теперь муж и жена интересовались лишь ребенком.

— Она хочет есть? — спросил парень.

— Передай бутылочку, Дэйви.

Кейт видела, что, пока Ребекку не покормят, сделать ничего нельзя. Бутылочка появилась с головокружительной скоростью. Мишель нежно обнимала девочку, та вцепилась в соску и начала охотно чмокать. Эти звуки были единственными. В комнате вдруг стало очень спокойно, по-домашнему.

— Вы, возможно, догадываетесь, что мы хотим поговорить о музее Дюпейна, — сказал Дэлглиш. — Как вам, наверное, известно, доктор Дюпейн убит.

Парень молча кивнул. Он прижался к жене, и они оба не отрываясь смотрели на ребенка.

— Мы разговариваем как можно с большим количеством людей, работавших с ним или регулярно с ним встречавшихся, — продолжал Дэлглиш. — Не сомневаюсь, вы понимаете почему. Первым делом мне придется спросить вас, где вы были и что делали в прошлую пятницу — скажем, между пятью и семью часами вечера.

Мишель подняла глаза:

— Ты был у врача, Дэйви. — Она повернулась к Дэлглишу: — Вечерний прием начинается в четверть шестого, а Дэйви было назначено на без пятнадцати шесть. Нет, его не приняли точно в это время, но ему обычно не приходится долго ждать. Так ведь, Дэйви?

— Во сколько вас приняли? — спросила Кейт.

— Где-то в двадцать минут седьмого, — ответил он. — Мне не пришлось долго ждать.

— Приемная далеко отсюда?

— На Сент-Чарльз-сквер. Не очень далеко.

— У тебя есть карточка, верно, Дэйви? — подбодрила его жена. — Покажи им карточку.

Дэвид полез в карман, извлек карточку и протянул ее Кейт. Она была мятая, с длинным списком визитов. Не было никаких сомнений, что в прошлую пятницу парень был у врача. Удостовериться можно за несколько минут. Кейт написала сведения и отдала карточку обратно.

— У Дэйви тяжелая астма и не совсем здоровое сердце, — объяснила Мишель. — Поэтому он и не может работать постоянно. Иногда он на больничном, иногда — на пособии по безработице. В понедельник Дэйви пошел на новую работу. Правда, Дэйви? Так что теперь наши дела должны поправиться.

— Расскажите мне об этой картине, — попросил Дэлглиш. — Вы сказали, что она принадлежала вашему деду. Как она попала в музей Дюпейна?

Кейт не понимала, зачем Дэлглиш продолжает разговор. Они уже получили необходимое. Она не сомневалась, что Дэвид Уилкинс не годится в подозреваемые, не сомневался в этом и Дэлглиш. Так почему же им не уйти теперь же? Однако парня вопрос ни в коей мере не ожесточил. Он с готовностью начал рассказывать:

— Картина принадлежала моему деду. Он держал деревенский магазин в Чедингтоне — это в Суффолке, неподалеку от Хейлуорта. И все у него шло хорошо, пока не появились супермаркеты и его бизнес не захирел. Но еще раньше он купил этого Нэша. Была распродажа в доме неподалеку, и они с бабушкой зашли туда за парой обычных стульев. Дед включился в торги за эту картину и купил ее. Местные не особенно ею интересовались, считая очень уж мрачной, а других картин на распродаже не было, да и вряд ли люди понимали, что к чему. Только Макс Дюпейн понимал, да вот добрался он туда слишком поздно. Он попытался убедить деда продать картину, но дед не согласился. «Если когда-нибудь захотите ее продать, имейте меня в виду, только цена может оказаться другой. Ценности эта картина не представляет, зато она мне нравится». Правда, и деду она тоже нравилась. Видите ли, его отец — то бишь мой прадед — был убит в Первую мировую под Пашиндейлом, и я думаю, он хотел хранить полотно как память о нем. Она висела у них в гостиной, пока магазин не разорился и они не переехали в Лоустофт. Дела шли плохо. Так или иначе, Дюпейн не мог упустить их из виду. Однажды он приехал узнать о картине и

вновь сказал, что хочет купить ее. Дед к тому времени залез в долги, и ему пришлось согласиться.

— Вам известно, сколько он заплатил? — спросил Дэлглиш.

— Дюпейн сказал, что даст за нее столько же, сколько заплатил в свое время дед, а это чуть больше трехсот фунтов. Конечно, когда дед покупал картину, для него это были огромные деньги. Думаю, они с бабушкой тогда из-за этого поругались. А вот теперь ему пришлось ее отдать.

— Ему не приходило в голову выйти на кого-нибудь, имеющего отношение к аукционам, чтобы оценить картину? В Лондоне или на периферии? «Сотбис», «Кристи», что-нибудь в этом роде? — спросила Кейт.

— Нет, не думаю. Дед мало что в этом понимал. По его словам, мистер Дюпейн объяснил, что он никогда не получит столько же через аукцион, и что там берут большие коммиссионные, и что им заинтересуется налоговая полиция. Какие-то там выплаты по налогу на прирост капитала.

— Ну, — сказала Кейт, — это вряд ли. Никакого прироста капитала не было, так ведь?

— Я понимаю, однако мистер Дюпейн, похоже, его запутал, и дед наконец продал картину. Папа рассказал мне об этом уже после его смерти. Когда я выяснил, где она, то пошел на нее посмотреть.

— Вы надеялись как-нибудь заполучить ее обратно? — спросил Дэлглиш.

Все молчали. Дэвид на несколько минут забыл, что говорит с офицером полиции. Теперь он взглянул на жену. Она пересаживала ребенка на колени и сказала:

— Лучше расскажи им, Дэвид. Расскажи о человеке в маске. Ты не делал ничего плохого.

Дэлглиш ждал. Он всегда умел ждать, подумала Кейт. Через минуту парень заговорил:

— Ладно, я и в самом деле думал, что могу ее украсть. Я понимал: выкупить ее у меня не получится. Я читал о кражах из галерей, когда картину вырезают из рамы, сворачивают и

делают ноги. Ничего такого не было, просто я любил об этом думать. Конечно, там должна быть какая-то сигнализация, но я думал, что смогу попасть туда, взломав окно, и успею схватить картину до прибытия кого бы то ни было. По моим расчетам, полиция не могла оказаться там раньше чем через десять минут, если бы им и в самом деле кто-нибудь позвонил. Да и не было поблизости никого, кто мог услышать сработавшую сигнализацию. Идиотизм, конечно, да только я лелеял эту мысль, обдумывал, как бы это проверить.

— Но ты ведь не сделал этого, Дэйви. Лишь обдумывал. Сам же сказал, что ничего такого не было. Тебя не могут привлечь за намерение. Таков закон.

«Ну, не совсем так, — подумала Кейт. — Однако в отличие от тех преступников Уилкинс не готовил взрыв».

— И в конце концов вы отказались от попытки? — спросил Дэлглиш.

— Однажды ночью я отправился к музею, думая, что смогу. А туда кто-то приехал. Дело было четырнадцатого февраля. Велосипед я спрятал в кустах, у дороги. Я взял с собой полиэтиленовый пакет, большой такой, для мусора, чтобы завернуть в него картину. Не знаю, попытался бы я и в самом деле ограбить. Уже там до меня дошло, что мне нечем взломать окно на первом этаже и что это окно расположено гораздо выше, чем я ожидал. Я не продумал все как следует. А потом я услышал шум автомобиля. Спрятался в кустах и смотрел. Машина была мощной. Водитель заехал на парковку за лавровыми кустами. Я видел, как он вышел из машины, а потом я уполз. Мне было страшно. Велосипед я припрятал дальше по дороге и добрался до него через кусты. Уверен, он меня не видел.

— Зато вы его видели, — вставила Кейт.

— Не так, чтобы узнать при встрече. Я не видел его лица. Он был в маске.

— И что за маска? — спросил Дэлглиш.

— Не такая, как в криминальных сводках по телевизору. Не чулок, натянутый на голову. Эта закрывала только волосы и глаза. Вроде тех, что надевают на карнавалах.

— И вы поехали домой, выкинув из головы мысль о краже? — продолжал Дэлглиш.

— Не думаю, чтобы это было всерьез. Конечно, тогда я относился к этому серьезно, но большей частью все происходило в моем воображении. В жизни дело было бы сложнее.

— Предположим, вы смогли взять картину, — сказала Кейт, — но у вас не получилось бы ее продать. Когда ее покупал ваш дед, она, быть может, и не представляла ценности, а вот теперь все могло оказаться иначе.

— Я не хотел ее продавать. Я хотел ее повесить на стену, здесь, в комнате. Дед любил эту картину, и она напоминала ему о моем прадеде. И поэтому я хотел, чтобы она у меня была. И еще потому, что это прошлое.

Внезапно его лицо сморщилось, и Кейт заметила две скатившиеся по щеке слезы. Он стер их кулаком, как ребенок. В утешение жена протянула ему младенца. Он начал баюкать девочку, зарывшись губами в ее волосы.

— Вы не совершили ничего противоправного, и мы благодарны вам за помощь, — сказал Дэлглиш. — Не исключено, что мы с вами еще встретимся — когда вы придете посмотреть на картину. Она многим приносит радость. Мне уж точно. Если бы не ваш дед, она не оказалась бы в музее Дюпейна и, возможно, мы бы никогда ее не увидели.

— Хотите чаю? — спросила Мишель Уилкинс, будто, в свою очередь, забыв, что перед ней офицеры полиции, а не просто гости. — Извините, что не подумала об этом раньше. Еще есть «Нескафе».

— Вы очень любезны, — ответил Дэлглиш, — да только мы, наверное, не будем задерживаться. Еще раз благодарим вас за содействие, мистер Уилкинс, а если что-то вспомните — мы в Скотленд-Ярде, вот визитка с телефоном.

Провожала их Мишель. У двери она спросила:

— Ему ничего не грозит, правда ведь? Он не сделал ничего плохого. Он бы не стал красть.

— Нет, — ответил Дэлглиш. — Ему ничего не грозит. И он не сделал ничего плохого.

Дэлглиш и Кейт уселись в машину. Оба молчали. Кейт чувствовала себя подавленной и злой одновременно. «Господи, это что-то! — думала она. — Они — двое детей, будто ждущие, пока ими воспользуется любой, кому не лень ими заняться. Малышка, правда, очаровательна. И как они только умудряются расплачиваться за этот сарай? И само наличие жилья помешает им встать на очередь. Да и вообще, прежде чем Уилкинсы получают квартиру, они успеют выйти на пенсию. Лучше бы они спали на улице — тогда бы у них было преимущество. Хотя не обязательно их ждало бы отдельное жилье. Они вполне могли бы окончить свои дни в комнате. Господи, это ужасная страна — для тех, кто по-настоящему беден! Если ты, конечно, честный человек. Хапуги и жулики в полном порядке, но попробуй быть независимым — увидишь, какую помощь тебе окажут».

— Толку от этого визита не особенно много, не так ли? — заметила она. — Уилкинс видел человека в маске. Это было в феврале, за восемь месяцев до убийства. Я не верю в виновность Уилкинса или его жены. Возможно, он затаил обиду на семью Дюпейнов, но почему тогда он выбрал Невилу?

— Мы проверим его алиби, хотя скорее всего он говорил правду. В пятницу вечером он был на приеме у врача. Дэвид Уилкинс всего лишь пытался выйти на связь.

— На связь, сэр?

— Со своими отцом и дедом. С прошлым. С жизнью.

Кейт молчала. Через пару минут Дэлглиш сказал:

— Пожалуйста, позвоните в музей, Кейт. Выясните, есть ли там кто-нибудь. Интересно, что скажут Дюпейны об этом посетителе в маске.

Трубку взяла Мюрел Годбай. Она попросила Кейт подождать у телефона, но через несколько секунд вернулась. Она сказала, что Кэролайн Дюпейн и мистер Калдер-Хейл здесь, в музее. Мисс Кэролайн собиралась уходить, однако теперь подождет командера Дэлглиша.

Когда они вошли в офис, Кэролайн Дюпейн и мисс Годбай, стоя у стола, изучали какое-то письмо. Кэролайн сразу провела их в офис. Ее присутствие в музее заинтересовало Дэлглиша: понедельник, а она не в школе. Надолго ли Кэролайн может отлучаться? Может быть, в ожидании многочисленных гостей из полиции семья чувствовала, что за ними должен присматривать кто-нибудь из Дюпейнов. Он находил это разумным. Перед лицом неясной угрозы нет ничего глупее бездействия.

— Некий молодой человек, — сказал Дэлглиш, — оказавшийся около музея вечером четырнадцатого февраля, видел, как на машине подъехал мужчина. На нем была маска. Кто бы это мог быть? Есть у вас какие-нибудь соображения?

— Никаких. — Как показалось Дэлглишу, Кэролайн встретила вопрос с осторожным, едва заметным интересом. — Станный вопрос, командер. Ах, извините, вы вообразили, что он приходил ко мне. Это же четырнадцатое, День святого Валентина. Нет, я старовата для таких шалостей. По правде говоря, я и в двадцать лет для этого не годилась. Хотя он-то мог здесь развлекаться. Мы время от времени сталкиваемся с этой проблемой. В Хэмпстеде совершенно негде парковаться, и если человек знает об этом месте, у него есть соблазн свернуть сюда и оставить здесь машину. К счастью, теперь это случается реже, но нельзя знать наверняка. Место не очень-то удобно расположено, а идти ночью по Спаньердз-роуд — темно. Здесь, конечно, живет Талли, но я наказала ей не выходить из коттеджа в темное время суток, если вдруг услышит шум. В случае чего она может мне позвонить. Музей стоит на отшибе, а мир, в котором мы живем, полон опасностей. Не мне вам рассказывать, командер.

— Вам не приходило в голову поставить ворота? — спросил Дэлглиш.

— Мы думали об этом, да только непонятно, как это осуществить на практике. Например, кто их будет открывать? — Помолчав, она добавила: — Мой брат убит — не знаю, как с этим быть.

— И мы пока не знаем. Еще один повод убедиться, как легко потерять человека из виду.

— Ничего нового. Убийца именно это и сделал. Но мне интересно, кто тот молодой человек, увидевший загадочного посетителя в маске? Что ему здесь было нужно? Пытался незаконно воспользоваться стоянкой?

— У него нет машины. Им двигало любопытство, и только. Он не нанес никакого ущерба и не пытался проникнуть в музей.

— А посетитель в маске?

— Похоже, он оставил машину и тоже ушел. Молодой человек не стал ждать, боясь встречи с ним.

— Да, возможно. Я имею в виду, есть чего бояться. Ночью это место наводит страх, и здесь уже совершалось убийство. Вы знали?

— Впервые слышу. Давно?

— В 1897-м, через два года после постройки этого дома. Горничную, Айви Гримшоу, нашли на окраине Хэмпстеда; ее зарезали. Она была беременна. Под подозрением оказались владелец дома и двое его сыновей, однако их причастность доказать не удалось. Конечно, они пользовались среди местного населения авторитетом, были уважаемыми, успешными людьми. А главное — владели фабрикой по производству пуговиц, и от этого зависело благополучие окрестных семей. Полиция во избежание проблем согласилась поверить в существование любовника Айви, который, опять же во избежание проблем, избавился и от нее, и от ребенка одним ударом ножа.

— Что-нибудь указывало на существование любовника со стороны?

— Выяснить ничего не удалось. Повариха дала показания о доверительных беседах с Айви. Она не хотела ока-

заться на улице и вполне могла навредить семье. Правда, в дальнейшем повариха отказалась от своих слов. Она уехала к южному побережью, где ее ждала другая работа, получив, я думаю, на прощание ценный подарок от благодарного работодателя. Версия стороннего любовника, судя по всему, победила, и дело было закрыто. Жаль, что это случилось не в тридцатые. Подходящий экспонат для нашей Комнаты убийств.

Исключено, подумал Дэлглиш. Даже в тридцатые дело не могло закончиться вот так: жестокое убийство молодой женщины, одинокой и беспутной, остается безнаказанным, зато местная элита сохраняет рабочие места. Акройд, быть может, склонен к упрощениям, субъективен в подборе случаев, но зерно истины в его рассуждениях есть. Убийство часто находится в тесной связи с эпохой.

Они поднялись в офис к Калдер-Хейлу. Тот неохотно оторвался от своей писанины.

— Четырнадцатого февраля? Возможно, он приехал на вечеринку в честь Дня святого Валентина. Хотя парень был один... Странно. Обычно люди отмечают этот день вдвоем.

— Еще более странно, что он надел маску уже здесь. Наверное, стоило сначала прибыть на место.

— Ну, здесь ничего не было. Разве что Кэролайн праздновала.

— Она сказала, что не праздновала.

— Да, это на нее не похоже. Скорее всего парню было удобно оставить здесь машину. Пару месяцев назад я прогнал отсюда шумную компанию. Я попытался испугать их звонком в полицию. В любом случае они спокойно уехали и даже извинились. Видно, испугались за свой «мерседес», — предположил он. — А этот молодой человек? Как он объяснил свое присутствие?

— Так, невольный наблюдатель. Поспешил убраться, едва появился человек в маске.

— Он был на машине?

— Нет.

— Странно. — Хранитель вернулся к своим бумагам. — Ваш посетитель в маске, если он и существовал, не имел ко мне никакого отношения. Я могу играть в свои маленькие игры, но маски — это слишком уж театрально.

Беседа явно подошла к концу. «Похоже на признание, хотя почему бы человеку и не заниматься какими-то своими делами? Он не рассказал ничего нового. Мы играем в одну игру и, хочется верить, на одной стороне. Его занятия, кажущиеся приятным времяпрепровождением, на самом деле часть чего-то большего. Это важно для него, и ему необходима страховка. Страховка от всего, да только не от обвинения в убийстве».

Можно поговорить и с Маркусом Дюпейном, но Дэлглиш не сомневался, что объяснение будет прежним: местный житель знал о бесплатной парковке и на несколько часов ею воспользовался. Вполне разумно. И все же детективу не давал покоя один момент: узнав о двух загадочных посетителях, и Кэролайн Дюпейн, и Джеймс Калдер-Хейл больше интересовались загадочным молодым человеком, нежели водителем в маске. Почему? Любопытно.

Адам не сбрасывал Калдер-Хейла со счетов. Тем более что тем вечером Бентон-Смит замерил время, необходимое для мотоциклетной поездки от Мерилбона до Дюпейна. Его вторая попытка оказалась удачнее первой: он выиграл четыре минуты. Бентон-Смит уточнил:

— Мне повезло со светфорами. Покажи Калдер-Хейл мой лучший результат, на убийство у него осталось бы три с половиной минуты. Он мог его совершить, хотя лишь при таком везении.

— С другой стороны, он мог решить, что игра стоит свеч, — сказал Пирс. — Запись к дантисту обеспечивала хоть какое-то алиби. Если хранитель был заинтересован в сохранении музея, времени на раздумья у него было немного. Не возьму только в толк, какого черта он беспокоится, открыт этот музей или закрыт? Он нашел себе уютное местечко, но если у него есть ра-

бота, о которой он не хочет распространяться, так в Лондоне полно других офисов.

«Только эти офисы не так удачно расположены», — подумал Дэлглиш. Ведь не стоит забывать о работе Калдер-Хейла на MI5.

19

Когда Кейт позвонила миссис Стрикленд, чтобы договориться о встрече, та попросила о разговоре лично с командером Дэлглишем. Странная просьба. Они видели друг друга один-единственный раз, в библиотеке, во время его первого визита в музей, и это вряд ли можно назвать знакомством. Однако Дэлглиш с радостью согласился. В настоящее время миссис Стрикленд занимала в списке подозреваемых далеко не первое место, и, пока это так — и поскольку это так, — глупо ради полицейского протокола жертвовать полезной информацией, которой она вполне могла обладать.

В адресе, который Адаму дала Кэролайн Дюпейн, значился Барбикан. Похоже, это квартира. На седьмом этаже. Да уж, Дэлглиш ожидал увидеть совсем другой адрес. Этот жутковатый квартал (сплошь стекло и бетон, однообразные ряды окон, одинаковые дорожки) подходил молодому финансисту из Сити, а не пожилой вдове. Но когда миссис Стрикленд открыла дверь и пригласила его в гостиную, командер понял ее выбор. Окнами квартира смотрела на широкий внутренний двор, на озеро и на церковь за озером. Внизу передвигались крошечные фигурки. Они медленно стекались сюда, парами и небольшими группами, для исполнения вечерних обрядов, образуя изменчивый пестрый узор. Шум города к концу рабочего дня всегда становился глуше, переходил в ритмичный гул и скорее успокаивал, чем отвле-

кал. Миссис Стрикленд, поселившись в Сити, в этой мирной цитадели с видом на переменчивые небеса и непрекращающуюся людскую суету, могла чувствовать себя его частью. Буйство заработков и трат оставалось внизу. И все же она была реалисткой: на входной двери детектив заметил два кодовых замка.

Интерьер удивил его не меньше. Хозяйка такой квартиры представлялась Дэлглишу обеспеченной молодой женщиной, на которой не лежат мертвым грузом прожитые годы, накопленное семей имущество, милые сердцу сувениры, все те вещи, которые будят воспоминания и, связывая далекое прошлое с настоящим, создают иллюзию непрерывности. Так обставил бы квартиру домовладелец, стараясь угодить состоятельному квартиросъемщику. В гостиной находилась изящная современная мебель, изготовленная из светлой древесины. Справа от окна, которое тянулось почти во всю стену, стоял стол, на нем яркая лампа на подвижной ноге, рядом вращающийся стул. Время от времени она берет работу домой, это очевидно. Напротив окна еще один стол, круглый, с двумя серыми кожаными креслами. Единственная картина. Абстрактная композиция, масло; кажется, Бен Николсон. Она может себе позволить иметь такую картину — похоже, это единственный мотив покупки. Женщина, избавившаяся от своего прошлого столь безжалостно, работает в музее. Станный выбор. Всю правую стену заняли встроенные книжные полки. Они были единственным предметом обстановки, смягчающим безликость и функциональность этого места. Их заполняли тома в кожаном переплете, которые стояли так тесно, что казались слипшимися. Она решила их сохранить. Это, конечно, личная библиотека. Интересно, чья.

Миссис Стрикленд жестом пригласила командера сесть в одно из кресел. Она сказала:

— Обычно в это время я выпиваю бокал вина. Не составите мне компанию? Какое вы предпочитаете, красное или белое? Есть кларет, есть рислинг.

Дэлглиш выбрал кларет. Миссис Стрикленд вышла из комнаты и через несколько минут вернулась, открыв дверь спиной. Дэлглиш тут же встал, забрал у нее поднос и поставил на стол. Двигалась она с некоторым усилием. На подносе — бутылка, штопор и два стакана. Они сели лицом друг к другу. Миссис Стрикленд предоставила детективу откупоривать бутылку и разливать вино по бокалам, наблюдая за ним, как показалось Дэлглишу, с ласковым снисхождением. Даже со скидкой на изменения в общественном мнении по этому вопросу — где тот неминуемый рубеж, когда поздний средний возраст соскальзывает в пожилой? — она была стара. По его прикидкам, ей исполнилось около восьмидесяти пяти. Не меньше, если исходить из того, что она сама о себе рассказывала. В молодости, подумал Дэлглиш, она наверняка обладала той белокурой и синеглазой английской красотой, очарование которой так обманчиво. Фотографий и кинохроник военного времени, где женщины могли носить как форму, так и гражданскую одежду, Дэлглиш пересмотрел достаточно, и он знал, что их мягкая женственность могла идти рука об руку с силой и целеустремленностью, а порой и безжалостностью. Ее красота была уязвимой, чувствительной к воздействию времени: ноздреватую кожу избороздили морщины, губы казались почти бескровными. Однако в волосах, утерявших былую густоту, зачесанных назад и заплетенных в косу, блестели еще золотые нити. Большие глаза под изящно изогнутыми бровями выпцвели, стали молочно-голубыми, но, встречаясь с глазами Дэлглиша, смотрели живо и вопросительно. Она сжала бокал своими изуродованными артритом пальцами, и Адам недоумевал, как же она умудряется писать таким аккуратным почерком.

Будто угадав его мысли, миссис Стрикленд взглянула на свои пальцы и сказала:

— Я пока могу писать, хоть и не знаю, насколько меня хватит. Странно, иногда мои пальцы трясутся, но не во время работы. Я не училась этому специально. Просто мне это всегда нравилось.

Вино оказалось замечательным, не перегретым и не переохлажденным. Дэлглиш спросил:

— Как вы оказались в музее Дюпейна?

— Через мужа. Он был профессором истории в Лондонском университете и знал Макса Дюпейна. После смерти Кристофера Макс попросил меня помочь с надписями под экспонатами. Затем дела перешли к Кэролайн Дюпейн, но я продолжала этим заниматься. Джеймс Калдер-Хейл взял помощников под свой контроль и существенно уменьшил их количество; некоторые считали его чрезмерно жестким. «В музее слишком много людей, — говорил он, — которые мечутся, будто кролики, и в основном сами по себе». Нам всем пришлось заняться чем-нибудь полезным, чтобы не вылететь. По идее несколько дополнительных работников нам бы теперь не помешали, но мистер Калдер-Хейл не спешит их нанимать. Мюрел Годбай не отказалась бы от помощи — при условии, что удалось бы отыскать подходящего человека. Пока что я ее иногда подменяю.

— Кажется, она хорошо знает свое дело, — сказал Дэлглиш.

— Вы правы. За те два года, что она здесь, ей удалось многое изменить. Кэролайн Дюпейн не принимала особого участия в повседневной жизни музея. Ее школьные обязанности не оставляли такой возможности. К радости аудитора, мисс Годбай взяла на себя бухгалтерию, и теперь дела пошли лучше. Правда, вы пришли не для того, чтобы выслушивать скучные деловые подробности, не так ли? Вы хотите поговорить о смерти Невила.

— Вы его хорошо знали?

Миссис Стрикленд не сразу ответила. Пригубив вино, она поставила бокал и сказала:

— Думаю, я знала его лучше, чем кто-либо другой в музее. Он был не из тех, с кем легко познакомиться, и музей он посещал редко, но в последний год, по пятницам, Невил иногда приходил чуть загодя и сидел в библиотеке. Это слу-

чалось не часто, где-то раз в три недели. Он никак не объяснял свои визиты. Бывало, бродил из угла в угол, а потом усаживался со старым номером «Блэквуд мэгэзин». Или просил отпереть шкаф и брал какую-нибудь книгу. В основном сидел молча. И лишь иногда говорил.

— На ваш взгляд, он был счастливым человеком?

— Нет, я бы так не сказала. Непросто судить о чужом счастье, правда? Он слишком много работал, беспокоился, что подводит своих пациентов, не уделяя им должного внимания, его злило общее положение дел в психиатрических службах. Он считал, что и правительство, и общество в целом мало заботятся о психически больных.

Дэлглиша заинтересовало, не рассказывал ли ей Дюпейн, где проводил выходные, или в это была посвящена только Анжела Фарадей? Она ответила:

— Нет. Он не распространялся о своих занятиях. Невил заговорил о личной жизни один-единственный раз. Его умиротворяла моя работа, поэтому он и приходил. Я думала об этом, и такое объяснение кажется мне наиболее вероятным. Я никогда не прерывала свои занятия, и ему нравилось смотреть, как вырисовываются буквы. Наверное, его это успокаивало.

— Мы полагаем, что его убили, — сказал Дэлглиш. — Вероятность самоубийства крайне мала. А вы бы сильно удивились, узнав о его желании покончить с собой?

— Я была бы поражена. — Ее голос окреп. — Он не совершил бы самоубийства. Можете не рассматривать эту версию. Кому-нибудь из членов семьи она может показаться удобной, да только выкиньте ее из головы. Невил себя не убивал.

— Вы и в самом деле в этом не сомневаетесь?

— И в самом деле. Мою правоту подтверждает, в частности, один наш разговор, случившийся за две недели до его смерти. Наверное, это было в пятницу, за неделю до вашего первого посещения. Он сказал, что его машина не совсем готова. Механик — кажется, его зовут Стэнли Картер — обе-

щал пригнать автомобиль к четверти седьмого. Я осталась после закрытия, и в нашем распоряжении оказался целый час. Мы обсуждали будущее библиотеки, и Невил заметил, что роль прошлого в нашей жизни чрезмерна. Он имел в виду как наше собственное прошлое, так и нашу историю. Я почувствовала, что могу ему доверять. Мне это нелегко, командер. Исповеди не по моей части. Использовать Невила в качестве собственного бесплатного психиатра было бы, по моему мнению, бесцеремонно и как-то унижительно, но получилось, наверное, что-то вроде этого. Впрочем, и он меня использовал. Мы оба друг другом пользовались. Я сказала, что в старости стряхнуть прошлое не так-то просто. Возвращаются отяжелевшие со временем прежние грехи. И в ночных кошмарах являются лица умерших, особенно тех, кому умирать не следовало, и они смотрят на тебя не с любовью, а с упреком. Для некоторых из нас маленькая повседневная смерть может стать еженощным погружением в свой маленький ад. Мы говорили об искуплении и всепрощении. Я была единственным ребенком набожной француженки-католички и ее атеиста-мужа. Почти все детство я провела во Франции. Я сказала, что верующие могут изжить чувство вины через покаяние, но где искать покой тем из нас, у кого веры нет? Я вспомнила слова, которые вычитала у одного философа; думаю, это был Роджер Скрутон: «Утешение, которое мы находим в нашем воображении, не есть воображаемое утешение». Я призналась Невилу, что иногда жаждала хотя бы воображаемого утешения. «Необходимо самим учиться отпускать свои грехи, — ответил он. — Прошлое нельзя изменить, нам остается смело, не оправдываясь, всмотреться в него, а затем отложить в сторону; всепоглощающее чувство вины является разрушительным потаканием себе. Быть человеком означает испытывать вину: я виноват — следовательно, я существую».

Она помолчала, но Дэлглиш ничего не говорил. Он ждал, желая узнать причину ее уверенности в том, что Невил не совершал самоубийства. Миссис Стрикленд должна была

прийти к этому сама, в свое время. Дэлглиш видел, сочувствуя, что пересказ по памяти того разговора вызывает боль. Она протянула руку за кларетом, и ее пальцы тряслись. Он взял бутылку и наполнил доверху оба бокала. Через минуту она вновь заговорила:

— В старости хочется вспоминать только о счастье. А так получается лишь у некоторых везунчиков. Как может вернуться детский паралич, так возвращаются прежние ошибки, неудачи, грехи. Он сказал, что понимает. А еще сказал: «Моя самая большая неудача возвращается ко мне в языках пламени».

Пауза на этот раз оказалась длиннее. И Дэлглиш спросил:

— Он объяснил?..

— Нет. А я не переспросила. Это было невозможно. И кое-что Невил все же добавил. Может быть, ему пришло в голову, что я вообразила, будто это как-то связано с музеем. Как бы там ни было, он сказал — к музею это не имеет никакого отношения.

— Вы в этом совершенно уверены, миссис Стрикленд? В этих его словах? Что неудача, возвращающаяся в языках пламени, никак не связана с музеем?

— Уверена. Это его слова.

— А самоубийство? Вы сказали — он ни в коем случае не наложил бы на себя руки.

— Мы и об этом беседовали. По-моему, я сказала, что в очень пожилом возрасте хочется быть уверенной: терпеть осталось недолго. Я продолжила, что была согласна ждать и поэтому даже в очень тяжелые времена не думала о самостоятельном выходе из игры. На это он ответил, что самоубийство непростительно, за исключением тех, кто очень стар или кто страдает от постоянной боли без надежды на облегчение. Слишком тяжким бременем ложится оно на близких. В отличие от естественной смерти остается чувство вины и затаившийся ужас — не наследственная ли это тяга к саморазрушению? Я говорила ему, что он, по моему мнению, слишком

строг к людям, которые сочли свою жизнь невыносимой, что их предсмертное отчаяние должно будить жалость, а не порицание. В конце концов, он психиатр, представитель современного духовенства. Понимать и прощать — не это ли его работа? Невил не обиделся на мои слова. Признал, что он, наверное, излишне эмоционален. Хотя в одном он не сомневался: если человек, находясь в здравом уме, кончает жизнь самоубийством, ему следует оставить объяснение. Близкие и друзья, которых он покидает, имеют право знать, за что они так страдают. Невил Дюпейн не стал бы накладывать на себя руки, командер. Или, скажем так, он не стал бы лишать себя жизни, не оставив записки с объяснением своего поступка. — Она заглянула Дэлглишу в глаза. — По имеющейся у меня информации, он не оставил ни записки, ни объяснения.

— Ничего обнаружено не было.

— Это не одно и то же.

На этот раз миссис Стрикленд сама взяла бутылку и предложила ему. Дэлглиш покачал головой, и тогда она наполнила свой бокал. Он посмотрел на миссис Стрикленд, и тут его озарило. Мысль настолько изумила детектива, что он непроизвольно, почти не думая, ее высказал:

— Невил был усыновлен?

Их глаза встретились.

— Почему вы об этом спрашиваете, мистер Дэлглиш?

— Не знаю. Вопрос возник у меня сам собой. Извините.

Тут она улыбнулась, и на мгновение перед ним мелькнуло былое очарование. Оно было столь великолепно, что могло смутить и гестапо.

— Извинить вас? За что? — спросила она. — Вы совершенно правы — он был усыновлен. Невил — мой сын. Мой и Макса Дюпейна. Я уехала из Лондона за пять месяцев до родов. В течение нескольких дней его переправили Макс и Маделин, и позже они его усыновили. Тогда с этим было гораздо проще.

— Окружающим об этом известно? — спросил Дэлглиш. — Знают ли Кэролайн и Маркус Дюпейны, что Невил их сводный брат?

— Они знают о его усыновлении. Маркусу тогда было три года, а Кэролайн, конечно, еще не появилась на свет. Им не рассказывали только о том, что родители Невила — я и Макс. О его усыновлении детям, всем троим, говорили с раннего детства. Они выросли с мыслью об усыновлении как о более или менее обыкновенном жизненном явлении.

— В разговоре со мной ни один из них об этом не упомянул, — сказал Дэлглиш.

— Это несколько меня не удивляет. С какой стати? Кому охота исповедоваться во внутрисемейных делах, а факт усыновления Невила к его смерти отношения не имеет.

— И он ни разу не воспользовался своим законным правом, чтобы выяснить собственное происхождение?

— Ни разу, насколько мне известно. Я не собиралась обсуждать с вами этот вопрос. Я могу положиться на ваше благоразумие, я знаю, вы не станете ни с кем делиться тем, что я вам рассказала. Даже с членами вашей команды.

Дэлглиш помолчал. Затем ответил:

— Если факт усыновления не станет существенным для следствия, я ничего не скажу.

А теперь наконец пора было идти. Миссис Стрикленд довела командера до двери и протянула руку. Пожимая ее, он не сомневался, что это больше чем неожиданная формальность: это подтверждение данного им обещания. Она сказала:

— У вас талант вызывать доверие, мистер Дэлглиш. Полезное качество для детектива. Люди рассказывают вам вещи, которые потом вы можете использовать против них. Полагаю, вы скажете, что делаете это во имя правосудия.

— Не думаю, чтобы я воспользовался таким громким словом. Я мог бы сказать — во имя истины.

— Неужели это слово такое тихое? Понтий Пилат так не думал. Но я чувствую, что не сказала вам ничего, о чем буду жалеть. Невил был хорошим человеком, и мне будет его не хватать. Я очень к нему привязалась, хоть это и нельзя называть материнской любовью. Откуда? И какое право у меня,

бросившей Невила так легко, называть его своим сыном? Я слишком стара, чтоб горевать, но я в состоянии испытывать гнев. Вы отыщете убийцу, и его посадят на десять лет. Я бы предпочла увидеть его мертвым.

На пути к машине ум Дэлглиша был занят только что услышанным. Миссис Стрикленд попросила о встрече один на один, желая сказать две вещи. Она уверена, что Невил Дюпейн не стал бы накладывать на себя руки. И это загадочное упоминание о неудаче, являющейся в языках пламени. Миссис Стрикленд не собиралась открывать тайну происхождения Невила, и она, возможно, искренне не видела, какое это имеет отношение к смерти ее сына. У Дэлглиша не было такой уверенности. Он размышлял о клубке человеческих взаимоотношений, сосредоточившихся вокруг этого музея: изменник, предавший своих товарищей, Генри Калдер-Хейл, чья неопытность способствовала этому предательству, тайная любовь и тайные роды, жизни, которым угроза страданий и смерти придавала особое напряжение. Агония позади, мертвый не станет возвращаться, разве что в снах. Трудно решить, какая часть этой истории укажет на мотив убийства. Но он мог думать о соображениях, которыми руководствовались Дюпейны, решившие не рассказывать об усыновлении Невила. Тяжело, если кровный брат встает у вас на пути к желанной цели. Сводного брата простить еще тяжелее, а обдумывать необходимые меры против него, наверное, проще.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВТОРАЯ ЖЕРТВА

СРЕДА, 6 НОЯБРЯ — ЧЕТВЕРГ, 7 НОЯБРЯ

1



Наступила среда, шестое ноября. Раннее утро. День никак не мог начаться; первые лучи сочились сквозь пелену утреннего неба, шерстяным одеялом раскинувшегося над городом и рекой. Сделав утренний чай, Кейт, как и всегда, вышла со стаканом на балкон, но обычной свежести не ощутила. Под ней тяжело, будто патока, ворочалась Темза; казалось, река поглощает пляшущий по ней свет, а не отражает его. Величественно, не возмущив воды, проплыли первые баржи. В это время Кейт обычно чувствовала глубокое удовлетворение, а иногда еще и радость телесного благополучия, ожидания нового дня. Речная панорама и квартира с двумя спальнями за спиной показывали, чего ей удалось достичь; Кейт каждый раз заново испытывала удовольствие и взбадривалась. Она хотела такую работу, такую квартиру, эта часть Лондона тоже выбрана ею. Ее ждет повышение — говорят, скорое. Она работает с людьми, которые ей нравятся и которых она уважает. Быть одинокой женщиной с собственным домом, надежной работой и достаточным количеством денег — значит обладать свободой, недоступной редко какому человеку на зем-

ле. Так Кейт говорила себе этим утром. Так она говорила себе почти каждый день.

И все же на этот раз тоскливость дня передалась и ей. Нынешнее дело было пока еще совсем свежим, однако теперь оно входило в зону штиля, в до оскомины знакомую стадию расследования, при которой изначальный энтузиазм начинает тонуть в рутине и вероятность быстрого завершения уменьшается с каждым днем. Специальный отдел не привык к неудачам; его участие считалось гарантией успеха. В интересах следствия у всех, кто мог по праву дотрагиваться до канистры или входить в гараж, были взяты отпечатки пальцев, и тем не менее необъяснимых следов обнаружено не было. Никто не признался, что выворачивал лампочку. Выходило, что Вулкан благодаря уму, удаче или и тому, и другому не оставил ничего обличающего. Беспокоиться об исходе столь свежего дела было нелепо и преждевременно, но Кейт никак не могла стряхнуть отчасти суеверный страх, что им, возможно, не удастся набрать доказательств в количестве, достаточном для ареста. А если и удастся, допустят ли дело до суда, пока не установлена личность того таинственного водителя, что сбил Талли Клаттон? И существовал ли он вообще? Правда, у велосипеда было погнуто колесо, а Талли поранила руку. Только и то, и другое можно было симитировать: упасть намеренно, а велосипед стукнуть о дерево. Женщина казалась честной, и вообразить ее безжалостной убийцей было трудно, особенно в случае с таким убийством. Вот сообщницей — еще куда ни шло. В конце концов, ей за шестьдесят, она явно дорожит и работой, и коттеджем. Сохранение музея могло представляться ей не менее важной задачей, чем двум Дюпейнам. Полиции ничего не известно о ее жизни, страхах, душевных потребностях, о том, какими ресурсами она располагает на случай катастрофы. А если загадочный автомобилист и существовал, то почему он не объявляется? Или Кейт слишком наивна? Зачем ему это делать? Зачем подвергать себя допросам, давать вмешиваться в свою жизнь, вытаскивать на свет возможные тайны, когда

можно спокойно отсидеться, оставшись неизвестным? Даже если на нем нет вины, он понимает, что полиция рассматривает его в качестве подозреваемого — возможно, главного подозреваемого. Правда, если дело не будет завершено, он может на всю жизнь остаться предполагаемым убийцей.

Этим утром музей должен открыться в десять часов: приходят четверо канадских гостей, направленных Конрадом Акройдом. Дэлглиш распорядился, чтобы они с Бентоном-Смитом там присутствовали. Он никак это не пояснил, но Кейт помнила слова, сказанные им во время предыдущего расследования: «Когда имеешь дело с убийством, стой как можно ближе к подозреваемым и месту преступления». Даже если это так, все равно непонятно, чего Адам хочет добиться. Дюпейн умер не в музее, а Вулкану, прибывшему туда в прошлую пятницу, в дом заходить было незачем. Да и как, собственно, он мог это проделать без ключей? И мисс Годбай, и мисс Клаттон настаивают, что заперли дверь. Вулкан мог спрятаться за деревьями, или в сарае, или — что наиболее вероятно — в углу темного гаража, с канистрой в руке, ожидая. Вот заскрипела, открываясь, дверь, следом появилась темная фигура его жертвы, к выключателю протянулась рука... Самого дома этот кошмар не коснулся, но Кейт не хотелось возвращаться в музей. Провал своим кислым запахом заразил уже и это место тоже.

К тому времени как она собралась выходить, дневной свет едва брезжил. Дождя не было — за исключением нескольких тяжелых капель, упавших на тротуар. Дороги жирно блестели, значит, рано утром дождь шел, однако воздух свежее не стал. Даже достигнув самой высокой точки Хэмпстеда и опустив стекла, инспектор не почувствовала особого облегчения. Воздух был грязным: Кейт находилась в основании удушливого облака смога. Вдоль дорожки, ведущей к музею, все еще горели фонари. Сделав последний поворот, она увидела, что окна музея освещены, будто в честь какого-то праздника. Кейт глянула на часы: без пяти десять. Группа должна быть уже здесь.

Припарковавшись за лавровыми кустами, Кейт в очередной раз обратила внимание, насколько удобна эта площадка для любого, кто хочет незаконно ею воспользоваться. Там уже стоял аккуратный ряд машин. Она узнала «фиесту» Мюрел Годбай и «мерседес» Кэролайн Дюпейн. Еще там стоял мини-вэн. Должно быть, канадцев. Они могли взять его на прокат, на время своей поездки по Англии. Бентон-Смит еще не приехал.

Несмотря на зажженный повсюду свет, дверь оказалась заперта. Кейт позвонила. Ей открыла Мюрел Годбай, которая приветствовала инспектора формально, без улыбки, словно показывая, что хоть ей и не особенно рады, она все равно заслуживает уважения.

— Мистер Акройд и его спутники уже прибыли и пьют кофе в офисе Калдер-Хейла, — сказала она. — Если хотите, есть чашечка и для вас, инспектор.

— Отлично, я поднимусь. Вскоре должен прибыть сержант Бентон-Смит. Будьте добры, попросите его пройти к нам.

Дверь в офис Калдер-Хейла была закрыта; Кейт слышала приглушенные голоса. Постучав, она вошла и увидела две семейные пары и Акройда, сидящих на разномастных стульях, явно принесенных из других комнат. Сам Калдер-Хейл прислонился к столу, а в его вращающемся кресле сидела Кэролайн Дюпейн. У всех в руках были кофейные чашки. При входе Кейт мужчины встали.

Акройд представил канадцев: профессор Балантайн и миссис Балантайн, профессор Макинтайр и доктор Макинтайр. Все четверо работали в университетах Торонто, и особенно интересовались английской историей двадцатых—тридцатых годов. Обращаясь непосредственно к Кейт, Акройд добавил:

— Я рассказал им о трагической гибели доктора Дюпейна и о том, что музей закрыт для посетителей на время следствия. Что ж, начнем? Ах да! Может быть, вы хотите кофе, инспектор?

За будничным упоминанием об убийстве не последовало никаких комментариев. Кейт сказала, что не хочет: вряд ли от нее ждали согласия. Четыре гостя, кажется, решили смириться с ее присутствием. Они, конечно, могли недоумевать, почему их, новичков в этом музее, должен сопровождать старший офицер полиции. Впрочем, если канадцы и были удивлены, слишком хорошее воспитание не позволило им высказывать собственные соображения по этому поводу. Миссис Балантайн, приятная пожилая дама, вообще не поняла, что Кейт — офицер полиции: она спросила, не является ли та постоянной посетительницей этого музея.

— Предлагаю начать с первого этажа, где находятся исторический зал, а также галереи, посвященные спорту и развлечениям. Потом мы поднимемся в картинную галерею и Комнату убийств. Библиотеку оставим напоследок. Про экспонаты в Комнате убийств вам расскажет Конрад. Это скорее по его части, а не по моей.

Их отвлек звук бегущих по лестнице ног; появился Бентон-Смит. Кейт небрежно его представила, и их маленькая группа приступила к осмотру. Инспектор была раздражена опозданием сержанта. Хотя затем, глянув на часы, Кейт поняла, что повода для претензий у нее нет. На самом деле он пришел вовремя, точь-в-точь.

Они спустились в исторический зал. Вдоль одной из стен выстроились стенды и полки, посвященные главным событиям британской истории с ноября 1918-го по июль 1939-го. На противоположной стене было показано с помощью такой же подборки, что тогда происходило в окружающем мире. Фотографии были отменного качества, и некоторые из них, как догадывалась Кейт, стоили немалых денег. Группа медленно переходила от одного экспоната к другому: вот прибытие глав государств на мирную конференцию, вот подписание Версальского договора, вот голод и нищета в Германии, а вот — празднование победы в странах Антанты. Перед ними прошла вереница свергнутых самодержцев. Богато отделанные мундиры и странные головные уборы делали их

ничем не примечательные лица иногда значительными, а иногда нелепыми. Новые люди действия предпочитали более практичную, пролетарскую, униформу. Ходить по крови — вот для чего предназначались их сапоги. Многие фотографии, посвященные политическим событиям, мало что значили для Кейт. Она заметила, что Бентон-Смит ввязался в страстный спор с одним из канадских профессоров о том значении, которое сыграла в организованном рабочем движении всеобщая забастовка 1926 года. Кейт вспомнила рассказ Пирса о степени по истории у Бентона-Смита. Да, точно, есть у него степень. Иногда Кейт с некоторой иронией говорила себе, что скоро среди тех, кому не исполнилось тридцати пяти, она останется единственной «неостепененной». Возможно, со временем в этом появится свой престиж. Получалось, что они с Бентоном-Смитом заинтересовались экскурсией не меньше гостей и имели такое же право на выражение собственного мнения. Канадцы сочли это само собой разумеющимся. Следуя за ними, она подумала, что расследование убийства выливается во что-то вроде общественного мероприятия.

Они прошли в галерею «Спорт и развлечения». Здесь были теннисистки с обвязанными вокруг головы лентами, в длинных, стесняющих движение юбках; теннисисты в глаженных фланелевых костюмах; открытки, на которых походники — с рюкзаками и в шортах — широко шагали по идеализированной английской глубинке; женская «Лига красоты и здоровья» в черных атласных панталонах и белых блузках представляла массовые занятия ритмикой. Имелись подлинные железнодорожные открытки с голубыми холмами и желтым песком, с коротко стриженными детьми с ведерками и совочками; их родители в закрытых купальных костюмах — до них, похоже, не доносился далекий грохот готовящейся к войне Германии. Присутствовал здесь и всегдашний разрыв между богатыми и бедными, привилегированными и не совсем привилегированными, который подчеркивался умело подобранными фотографиями: родители и друзья на крикетном матче Итон-Харроу и бледные, лишенные выражения лица недокормленных де-

тей, сфотографированных во время ежегодного воскресного праздника на свежем воздухе.

Теперь посетители поднимались в Комнату убийств. Горел свет, но день стал еще темнее: воздух был каким-то спертым. Кэролайн Дюпейн, до сих пор молчавшая, сказала:

— Здесь душно. Не откроете ли окно, Джеймс? Впустите немного свежего воздуха.

Калдер-Хейл пошел к окну и, немного повозившись, отворил его, отведя его верхний край дюймов на шесть.

Теперь за дело взялся Акройд. Что за необыкновенный человек! Плотненький, одетый по фигуре, не знающий покоя, увлеченный, на лице — невинное детское возбуждение. И эта нелепая бабочка в крапинку! Эй-Ди рассказывал о своем первом визите в Дюпейн. Вечно занятой, Адам потратил драгоценное время на то, чтобы подвезти Акройда! Кейт в очередной раз подивилась странностям мужской дружбы: в ее основе не личное сходство, не общность взглядов; часто достаточно какого-нибудь случайного интереса или совместного жизненного опыта. Они принимают друг друга на веру, они сдержанны и не требовательны. Ну что есть общего у Эй-Ди и Конрада Акройда?

Акройд явно был от себя в восторге. Его познания были и вправду выдающимися, он не пользовался никакими записями. Некоторое время он посвятил делу Уоллеса, и гости послушно рассмотрели записку из центрального шахматного клуба, из которой следовало, что в вечер убийства Уоллес должен был там играть, а затем они в почтительном молчании усталились на лежащие под стеклом шахматы подозреваемого.

— Железный прут, который вы видите на стенде, не является орудием убийства, — продолжал Акройд. — Само орудие так и не нашли. Однако такой же штукой выгребали угли из камина. Ее в доме не обнаружили. Эти две пожелтевшие фотографии тела, сделанные полицейскими с разницей в несколько минут, представляют интерес. На первой виден смятый плащ Уоллеса — весь в пятнах крови, — брошенный на правое плечо жертвы. На второй фотографии он отсутствует.

Миссис Балантайн вглядывалась в фотографии с отвращением и жалостью. Ее муж и профессор Макинтайр заинтересовались мебелью и картинами, загромождившими гостиную, — эта святая святых для представителей верхушки рабочего класса. Профессора изучали историю общественных отношений, и это явно привлекало их сильнее, чем кровь и разможенный череп.

— Этот случай уникален в трех отношениях, — начал подводить итог Акройд. — Во-первых, апелляционный суд отменил решение суда присяжных как предвзятое; другими словами, дал понять, что присяжные ошиблись. Это не могло не взбесить лорда — главного судью Хьюорта, присутствовавшего на том заседании; в основе его философии лежала убежденность в непогрешимости британской судебной системы. Во-вторых, апелляцию финансировала корпорация, в которой работал Уоллес, — но только после того, как устроила собственный маленький процесс. В-третьих, это единственный случай, когда церковью Англии была прочитана специальная молитва, долженствовавшая привести апелляционный суд к правильному решению. Весьма незаурядная молитва. В те времена церковь умела писать литургии. Ее распечатка в том виде, в каком она звучала во время службы, перед вами. Особенно мне нравится последняя фраза: «Так помолимся же о наших ученых мужах, дабы не отступились они от заветов апостола Павла. Что есть судья перед лицом Всевышнего! Лишь Ему дано открыть доселе скрытое и заставить нас прислушаться к голосу нашего сердца». Обвинитель, Эдвард Хеммерд, был вне себя. В еще большее негодование он пришел, когда молитва показала свою действенность.

Профессор Балантайн, старший из двух гостей-мужчин, повторил: «...голосу нашего сердца». Он достал блокнот, и группа терпеливо ждала, пока профессор запишет, сверяясь с распечаткой службы, это последнее предложение.

О деле Рауза Акройд рассказал несколько короче, сосредоточившись на технической стороне расследования — в

частности, на возможной причине возгорания. Однако о фразе Рауза насчет праздничного костра умолчал. Интересно, это дальновидность или деликатность? Он умело избежал каких бы то ни было упоминаний о схожести двух убийств. Кейт знала, что никому — за исключением тех, кто имел непосредственное отношение к делу, — не было известно ни о таинственном автомобилисте, ни о неприятном совпадении между тем, что он сказал Талли Клаттон, и словами Рауза. Вслушиваясь в осторожное повествование Акройда, Кейт взглянула на Кэролайн Дюпейн и Джеймса Калдер-Хейла: оба ничем не выдали своей заинтересованности.

Они перешли к «Брайтонскому сундуку». Это дело было Акройду не так интересно, поскольку назвать его типичным для своего времени сложнее. Он ограничился самым чемоданом.

— Именно такими чемоданами пользовались небогатые люди в своих поездках. В нем помещалось практически все имущество Вайолет Кэй, убитой проститутки. Этот же чемодан стал и ее гробом. Ее любовника, Тони Манчини, в декабре 1934 года судил выездной суд, и в результате блестящей работы защиты, которую представлял мистер Норман Беркет, он был оправдан. Это один из немногих случаев, в которых сэр Бернард Спилсбери, патологоанатом, столкнулся с достойным противником. На данном примере видно, что является важным в такого рода процессах: качество и репутация представителя защиты. Норман Беркет, в дальнейшем лорд Беркет Алверстонский, обладал голосом исключительной красоты и убедительности, а это — главное оружие. Манчини был обязан жизнью Беркету, и у нас нет оснований сомневаться в его благодарности. Перед смертью Манчини признался, что Вайолет Кэй убил именно он. Было ли это намеренное убийство — другой вопрос.

Группка осмотрела чемодан. Кейт показалось, что ими двигала вежливость, а не искренний интерес. Воздух становился все тяжелее. Ей хотелось идти дальше. Комната убийств, да и музей в целом, подавляла Кейт с самого начала. Столь тщательная реконструкция прошлого была чужда инспектору. На по-

пытки отделаться от собственной истории у Кейт ушли годы; она сопротивлялась и отчасти боялась этой ясности и неизбежности, этому постепенному, месяц за месяцем, возвращению. Прошлое умерло, и делать тут нечего; его не вернуть. Те потери не поддаются никакой компенсации, а уж что-то понять и давно нельзя. В этих коричневых фотографиях было не больше жизни, чем в бумаге, на которой они были напечатаны. Эти давно умершие мужчины и женщины страдали сами и причиняли страдания другим. Они ушли. Что за неведомая сила заставила основателя этого музея показывать их с такой старательностью? Связь с прошлым у них была не более сильная, чем у фотографий старинных машин, одежды, кухонь и прочих артефактов тех лет. Некоторые из этих людей похоронены в гашеной извести, другие — в церковных двориках, но и их можно свалить в одну общую могилу: таково их значение сегодня. «Как я могу чувствовать себя уверенной в любой момент, кроме настоящего? — думала Кейт. — Даже он, как только я пытаюсь его измерить, уже становится прошлым». Неуютное осознание, посетившее ее по выходе от миссис Фарадей, вернулось. У нее не получалось противостоять тем годам. Свести влияние своего прошлого к нулю, предав его, она тоже не смогла.

Они уже собирались сдвинуться с места, когда открылась дверь и появилась Мюрел Годбай. Кэролайн Дюпейн стояла около чемодана, и Мюрел, немного покраснев, подошла к ней. Акройд, готовый перейти к следующему случаю, остановился. Возникло принужденное молчание. Все лица повернулись к Мюрел.

— Вам позвонила леди Суотлинг, мисс Дюпейн, — сказала она. — Она ждет у телефона. Я сказала, что вы заняты.

— Тогда скажите ей, что я еще не освободилась. Я перезвоню через полчаса.

— Она сказала, что это срочно, мисс Дюпейн.

— Что ж, прекрасно. Я подойду.

Кэролайн направилась к выходу, и с ней Мюрел Годбай; внимание группы вернулось к Конраду Акройду. В этот момент все и произошло. Зазвонил мобильный телефон; пугающий и

зловещий, словно сработавшая пожарная сигнализация, звук разрывал тишину. Местонахождение телефона не вызывало никаких сомнений. Все взгляды обратились на чемодан. Для Кейт эти несколько секунд превратились в минуты, время растянулось. Окружающие застыли живой картиной. В своей неподвижности они походили на кукол. Дребезжащий сигнал повторялся вновь и вновь.

— Кажется, кто-то решил пошутить, — сказал наконец Калдер-Хейл тихим голосом. — Ребячество, но эффект налицо.

Мюрел Годбай взяла дело в свои руки. Ее лицо перекошилось, и она взорвалась: «Идиотство, идиотство!» Затем Мюрел бросилась к чемодану, встала перед ним на колени и подняла крышку.

Комнату заполнила невообразимая вонь. Кейт, стоявшая сзади, мельком увидела согнутое тело и рассыпавшиеся желтые волосы. Руки Мюрел соскочили с крышки, которая тут же с грохотом упала. Ноги мисс Годбай дрожали, ступни скребли по полу, будто она пыталась подняться, а силы ее покинули. Она легла на чемодан — вздыхая, рыча, поскуливая, словно щенок. Сигналы прекратились. Кейт слышала ее бормотание: «Нет, нет!» На несколько секунд она сама приросла к полу. Затем тихонько выступила вперед. Ее ждала работа.

Кейт повернулась к группе и невозмутимо сказала:

— Пожалуйста, отойдите.

Подойдя к чемодану, она схватила Мюрел и попыталась ее поднять. Кейт не отличалась хрупкостью, но мисс Годбай была женщиной крупной и жутко тяжелой. И все-таки вместе с Бентоном-Смитом Кейт поставила Мюрел на ноги и помогла ей дойти, почти неся ее, до ближайшего кресла.

— Миссис Клаттон в коттедже? — спросила Кейт, повернувшись к Кэролайн.

— Наверное. Может быть. По правде говоря, я не знаю.

— Тогда отведите мисс Годбай в офис на первом этаже и побудьте там с ней, хорошо? К вам придут, как только смогут. Возьмите у мисс Дюпейн ключи и проверьте, заперта ли

входная дверь, — обратилась Кейт к Бентону-Смиту. — Следите, чтобы она и оставалась запертой. Пока что никого не выпускать. Затем позвоните командеру Дэлглишу и возвращайтесь сюда.

Калдер-Хейл молчал. Он стоял немного в стороне и внимательно следил за происходящим.

— Не могли бы вы с мистером Акройдом увести гостей обратно в свой кабинет? Нам понадобятся их имена и адреса проживания в этой стране, после чего они смогут уйти.

Группка гостей стояла в совершеннейшем замешательстве. Пробежавшись взглядом по их лицам, Кейт решила, что только один из них, а именно пожилой профессор Балантайн, находившийся вместе со своей женой ближе всех к чемодану, заметил тело. Его кожа посерела и стала похожа на пергамент. Выпростав руку, он прижал жену к себе.

— Что это? — нервно спросила миссис Балантайн. — Там что, оказалось запертым какое-то животное? Там мертвая кошка?

— Пойдем, дорогая, — ответил ее муж, и они присоединились к остальным, уже идущим к двери.

Мюрел Годбай успокоилась. Встав на ноги, она с некоторым смущением сказала:

— Извините, извините... Я была потрясена! Такой ужас! Глупость, конечно, но на секунду мне показалось, что там Вайолет Кэй.

Она жалобно посмотрела на Кэролайн.

— Простите меня, простите! Я была потрясена!

Кэролайн Дюпейн не обратила на нее внимания. Постояв в нерешительности, она все же направилась к чемодану, однако Кейт встала у нее на пути.

— Пожалуйста, отведите мисс Годбай в офис, — сказала она еще раз, и теперь ее голос звучал жестче. — Думаю, вам стоит приготовить что-нибудь горячее: чай или кофе. Мы позвоним командеру Дэлглишу, и он придет, как только сможет. На это может уйти некоторое время.

На несколько секунд воцарилось молчание; Кейт казалось, что Кэролайн начнет возражать. Однако та лишь кивнула и сказала, обращаясь к Бентону-Смиту:

— Ключи от входной двери в шкафчике с остальными ключами. Если вы спуститесь вместе с нами, я вам их дам.

Кейт осталась одна. Стояла непроницаемая тишина. Она была в куртке и теперь полезла в карман за перчатками; потом вспомнила, что они в машине, в бардачке. Правда, у нее имелся большой чистый носовой платок... Спешить было некуда. Эй-Ди скоро будет здесь и с ним их «сумки для убийств». Однако ей нужно хотя бы открыть этот чемодан. Нет, не сейчас. Наличие свидетеля может оказаться важным — лучше она подождет возвращения Бентона-Смита. Кейт стояла неподвижно и смотрела на чемодан. Бентон-Смит отсутствовал самое большее минуты две. Они тянулись бесконечно. Ничто в комнате не было реальным — за исключением этого потрепанного вместилища ужаса.

— Мисс Дюпейн была не в восторге, услышав инструкции. — Наконец Бентон-Смит стоял рядом с Кейт. — Входная дверь была заперта, ключи у меня. Что делать с гостями, мэм? Имеет смысл их держать?

— Нет. Чем раньше они покинут территорию, тем лучше. Будьте добры, пойдите в офис Калдер-Хейла, запишите имена, адреса и, если сможете что-нибудь придумать, успокойте их. Не признавайтесь, что обнаружено тело, хотя вряд ли у них есть в этом хоть какие-нибудь сомнения.

— Следует ли мне убедиться, что им нечего нам сообщить, что они ничего не заметили?

— Маловероятно. Жертва умерла некоторое время назад, а они пробыли в музее лишь час. Избавьтесь от них с максимальным тактом и минимальной суетой. Калдер-Хейлу мы зададим вопросы позже. Мистеру Акройду следует уйти с кандаками, но я сомневаюсь, что вам удастся сдвинуть с места Калдер-Хейла. Как только убедитесь, что они ушли, сразу возвращайтесь.

На этот раз ждать пришлось дольше. Хоть чемодан был закрыт, Кейт все равно казалось, что с каждой минутой за-

пах становится сильнее. Он заставлял вспомнить о других случаях, других трупах — и оставался при этом неуловимо своеобразным, будто тело и после смерти претендовало на собственную уникальность. Кейт слышала неясный говор. Бентон закрыл за собой дверь Комнаты убийств, приглушив все голоса, кроме одного, самого высокого — наверное, Акройда; затем раздался топот по ступеням. И опять она ждала и не отводила глаз от чемодана. Тот ли это самый, в котором лежало тело Вайолет Кэй? До сих пор его подлинность не особенно ее интересовала. Однако теперь он стоял перед ней, черный, немного помятый, дразнящий своими секретами. С фотографии в глаза Кейт уперся взгляд Тони Манчини. Нестовое лицо. Глаза потемнели от ярости, большой рот окружен щетиной. Впрочем, перед фотографом и не стояла задача придать преступнику извиняющийся вид. Тони Манчини умер в собственной кровати, потому что его защищал Норман Беркет, а вот Альфреда Рауза повесили, потому что Норман Беркет участвовал в другом процессе.

Вернулся Бентон-Смит.

— Приятные люди. С ними не возникло никаких проблем. Они сказали лишь, что «почувствовали запах тухлятины». Бог знает, что они будут рассказывать в Торонто. Мистер Акرويد ушел очень неохотно. Его одолевает любопытство. По-моему, рассчитывать на его молчание не стоит. Избавиться от мистера Калдер-Хейла у меня не получилось. Он утверждал, что у него еще есть в офисе дела. Мистер Дэлглиш был на совещании, но сейчас выезжает. Должен быть здесь через двадцать минут или около того. Хотите подождать, мэм?

— Нет, — сказала Кейт. — Не хочу ждать.

Почему ей так важно было открыть этот сундук самой? Кейт присела на корточки и обмотала правую ладонь носовым платком. Медленно подняв крышку, она чуть ее не бросила. Отяжелевшая рука поднималась так медленно, будто Кейт снимала покрывало с новой статуи. От смрада у инспектора перехватило дыхание. Чувства, как и всегда, пришли в смятение. Кейт могла различить лишь потрясение; гнев и

грусть — от осознания собственной смертности. Их сменила решительность. Это было ее работой. Этому ее учили.

Девушку запихнули в чемодан, сложив в позе зародыша: согнутые колени подтянуты к груди и почти касаются склоненной головы, руки сложены. Возникло впечатление аккуратной упаковки. Лицо осталось скрытым, но по плечам и ногам лежали пряди ярко-желтых волос, тонкие, словно шелк. Мертвая была одета в кремовый брючный костюм и низкие ботинки из тонкой черной кожи. Согнутая правая рука лежала поверх левой. Несмотря на длинные, выкрашенные в ярко-красный цвет ногти и тяжелое золотое кольцо на среднем пальце, рука казалась маленькой и по-детски хрупкой.

— Сумочки нет, и мобильного телефона я не вижу, — сказал Бентон-Смит. — Он может лежать в одном из карманов пиджака. По нему мы сможем по крайней мере узнать, кто она такая.

— Мы не будем ничего трогать, — сказала Кейт. — Подождем мистера Дэлглиша.

Бентон-Смит склонился ниже.

— Как называются эти увядшие цветы, что разбросаны по ее волосам, мэм?

Маленькие фиолетовые соцветия не до конца потемнели, и Кейт разглядела пару лепестков.

— Это фиалки. Были фиалки.

2

Дэлглиш почувствовал облегчение, когда выяснилось, что Майлс Кинестон готов немедленно поступить в его распоряжение. В момент звонка тот начинал лекцию в учебной больнице и был способен легко ее перенести. Как один из самых востребованных патологоанатомов в мире, он запросто мог оказаться занятым с каким-нибудь «вонючим

трупом» в далеком поле или его могли вызвать на материк. Другие служащие при министерстве патологоанатомы были доступны и отменно компетентны, однако Дэлглиш предпочитал Майлса Кинестона. Два человека, которые почти ничего не знают о личной жизни друг друга, не имеют никаких общих интересов, кроме работы, редко видятся так, чтобы рядом не лежало мертвое и нередко смердящее тело, они при каждой встрече чувствовали взаимное уважение и уверенность, что поймут друг друга без слов. Слава и известность некоторых случаев, особенно широко освещавшихся в прессе, не превратили Кинестона в примадонну. Когда его звали, он приходил сразу и обходился без этих замогильных шуточек, присущих некоторым патологоанатомам и детективам: противоядия от ужаса и отвращения. Отчеты Кинестона о вскрытии выглядели образцом ясности и хорошей прозы, а выступая в качестве свидетеля, он всегда заставлял к себе прислушиваться. Майлсу и в самом деле грозила опасность оказаться в глазах окружающих непогрешимым. Память о великом Бернарде Спилсбери еще была свежа. Если свидетелю-эксперту достаточно лишь появиться, чтобы ему сразу поверили, для судопроизводства это нездоровая ситуация.

Ходил слух, что Кинестон мечтал выучиться на терапевта, но потом сменил специализацию, не желая видеть ничьих страданий. Как патологоанатом, он мог не сомневаться, что избежит этого. Ему не приходилось стучаться в чужие двери, чтобы рассказать находящемуся в ожидании родителю или влюбленному страшную новость. И все же Дэлглиш считал слух безосновательным: неспособность к наблюдению боли не могла не проявиться еще до поступления в медицинское учебное заведение. Возможно, на Кинестона повлияла своеобразная одержимость смертью. Ее причины, ее проявления, ее всеохватность и неизбежность, ее таинственность — вот его страсть. Будучи, насколько знал Дэлглиш, неверующим, Майлс обращался с каждым трупом так, словно мертвые нервы могли чувствовать, невидящие глаза — с надеждой ждать его заключения. Глядя на

его короткие, толстые, скрытые перчатками пальцы, Дэлглиш иногда ловил себя на нелепой мысли, что Кинестон производит соборование, только на свой лад.

Майлс годами не менялся, однако со времени их последней встречи заметно постарел — будто перешел на уровень ниже. Он отяжелел, линия волос над высоким крапчатым лбом отступила назад. Но в глазах — та же живость, та же твердость в руках.

Было три минуты первого. Опущенные шторы отгораживали криминалистов и от времени, и от мрачного полусвета позднего утра. Комната убийств показалась Дэлглишу полной людей, хотя, помимо Кинестона, его самого и Кейт, там находилось лишь шесть человек. Два фотографа уже закончили работу и потихоньку начали собираться; осталась единственная высокая лампа, освещающая тело. Два специалиста по отпечаткам пальцев работали с чемоданом; Нобби Кларк с еще одним офицером уголовного розыска методично исследовали пол, хотя найти какие-либо улики надежды было мало. Поглощенные каждый своим занятием, они двигались спокойно и уверенно, в их тихих голосах не было нарочитой невнятности. Они словно принимали участие в некоем непонятном окружающим эзотерическом действе. По стенам молчаливыми свидетелями выстроились фотографии, заражая комнату былыми трагедиями и несчастьями: Рауз, с приглаженными волосами, с уверенной улыбкой совратителя; Уоллес, в высоком воротничке, за стеклами очков — спокойные глаза; Эдит Томпсон, в широкополой шляпе, смеющаяся, рядом с ней — молодой любовник, над ними — летнее небо.

Труп вынули из чемодана и положили на расстеленный полиэтилен. В безжалостном прямом свете исчезают последние следы принадлежности к миру людей: убитая выглядела искусственным манекеном, будто кукла, которую пора класть в коробку. Ярко-желтые волосы у корней оказались каштановыми. При жизни девушка наверняка была хорошенькой — эдакая живая привлекательность, свойственная женщине-котенку. В ее мертвом лице не было ни красоты,

ни умиротворенности. Широко раскрытые бледно-голубые глаза навывкате. Казалось, кто-то так надавил на лоб, что они сейчас вывалятся на бледные щеки, словно стеклянные шарик. Полуоткрытый рот; красивые оскаленные зубы прикусили нижнюю губу. На верхней — высохшие сопли. С каждой стороны хрупкой шеи по кровоподтеку. Их оставили сильные руки — те, что вытряхнули из нее жизнь.

Дэлглиш молча стоял и наблюдал, как Кинестон ползает вокруг тела. Его бледные пальцы аккуратно поворачивали голову то в одну, то в другую сторону, чтобы получше рассмотреть кровоподтеки. Потом медэксперт из своего старого саквояжа, который всегда носил с собой, достал ректальный термометр. Через несколько минут предварительный осмотр был закончен, и Майлс встал на ноги.

— Причина смерти очевидна. Ее задушили. Убийца — правша, на нем были перчатки. Нет ни следов ногтей, ни царапин. Нет признаков того, что жертва пыталась ослабить хватку. Возможно, она очень быстро потеряла сознание. Главное усилие сделано правой рукой, спереди. Вы можете видеть след от большого пальца сразу под подбородком, в районе кадыка. На шее слева следы остальных пальцев. Они располагаются чуть ниже.

— Это могла сделать женщина? — спросил Дэлглиш.

— Здесь требовалась некоторая сила, но не выдающаяся. Жертва была хрупкой, с тонкой шеей. Женщина крепкого сложения, не страдающая артритом, могла это сделать. Время смерти? Сложно сказать: чемодан почти не пропускает воздуха. Возможно, после вскрытия я смогу ответить точнее. На данный момент я бы сказал, что она мертва уже около четырех дней. Может быть, ближе к пяти.

— Дюпейн умер в прошлую пятницу около шести часов вечера, — сказал Дэлглиш. — Какова вероятность, что эта смерть произошла примерно в то же время?

— Вероятность весьма велика. И тем не менее я в любом случае не смогу с такой точностью назвать время. У меня завтра утром окно, и я постараюсь уже в начале дня отправить тебе отчет.

В кармане пиджака покойницы они нашли мобильный телефон — одна из новейших моделей. Отойдя в дальний конец комнаты, Пирс, не снимая перчаток, нашел номер последнего звонившего.

— Гараж Мерсера, — ответил мужской голос.

— Вы, кажется, только что нам звонили.

— Да, сэр. Я хотел сообщить, что машина Селии Меллок готова. Она сама ее заберет или нам ее доставить?

— Она сказала, что лучше доставить. Кстати, у вас есть ее адрес?

— Конечно, сэр. Мэнингтри-гарденз, Иэрлз-Корт-роуд, 47.

— Знаете, лучше оставьте машину пока у себя. Вы совсем немного разминулись с мисс Меллок, а она может захотеть забрать ее сама. В любом случае я ей передам, что машина готова. Спасибо.

— Теперь у нас есть имя и адрес, сэр, — сказал Пирс. — И мы знаем, почему она приехала в музей не на машине. Та была в ремонте. Имя девушки — Селия Меллок, адрес Мэнингтри-гарденз, Иэрлз-Корт-роуд, 47.

Руки девушки обернули полиэтиленом. Ее красные ногти продолжали светиться, будто вымазанные кровью. Доктор Кинестон бережно поднял руки убитой и сложил их на ее груди. Потом все тело закрыли полиэтиленовым мешком и застегнули молнию. Фотограф принялся разбирать лампу, а доктор Кинестон, уже без перчаток, снял халат и теперь запихивал его в свой саквояж. Катафалк вызвали, Пирс пошел его встречать. В этот момент открылась дверь, и в комнату целенаправленной походкой зашла женщина.

— Миссис Стрикленд, что вы здесь делаете? — резко спросила Кейт.

— Сегодня среда, — холодно ответила миссис Стрикленд. — По средам я здесь с половины десятого до часу, а по пятницам — с двух до пяти. В это время я ухожу. Я думала, что вам это известно.

— Кто вас впустил?

— Мисс Годбай, естественно. Она вполне осознает, что нам, добровольцам, следует добросовестно подходить к сво-

им обязанностям. Она сказала, что для посетителей музей закрыт, но я не посетитель.

Миссис Стрикленд подошла к мешку с телом; никакого отвращения она не выказывала.

— Так, у вас тут мертвое тело. Я узнала этот ни с чем не сравнимый запах, как только открыла дверь библиотеки. Мое обоняние никогда меня не обманывает. Я недоумевала, что же такое произошло с мистером Акройдом и его гостями. Мне сказали, что они должны зайти в библиотеку, и я выложила им несколько изданий поинтереснее. Теперь, насколько могу понять, они уже не придут.

— Они ушли, миссис Стрикленд. Боюсь, мне и вас придется попросить уйти, — сказал Дэлглиш.

— Через десять минут я именно это и сделаю, мое время подходит к концу. Мне только надо все убрать на место. Наверное, я зря потеряла время. Прошу сказать мне, что здесь происходило. И что происходит. Получается, это уже вторая подозрительная смерть, случившаяся в вашем деле, коммандер? Надеюсь, что это не кто-нибудь из музея?

— Не из музея, миссис Стрикленд.

Дэлглишу не терпелось от нее избавиться, но он не хотел вступать с ней в конфликт и поэтому держал себя в руках.

— Это, полагаю, мужчина. Не вижу у вас сумочки. Найти женщину без сумочки невозможно. Увядшие цветы? Похоже на фиалки. Фиалки и есть, да? Это женщина?

— Женщина. Я должен попросить вас никому ничего не рассказывать. Нам нужно поставить в известность ближайших родственников. До тех пор любые разговоры могут нанести им моральный ущерб или повредить следствию. Вам, я не сомневаюсь, это понятно. К сожалению, мы не знали, что вы в музее. Хорошо, что вы не зашли сюда раньше.

— Мертвые тела не способны нанести мне вред. Вот живые — это бывало. Я ничего не скажу. Семья знает? Я имею в виду Дюпейнов.

— В тот момент, когда было найдено тело, и мисс Дюпейн, и мистер Калдер-Хейл были здесь. Не сомневаюсь, что

один из них — если не оба — уже позвонили Маркусу Дюпейну.

Миссис Стрикленд наконец направилась к выходу.

— И она была в чемодане.

— Да, — ответил Дэлглиш, — она была в чемодане.

— С фиалками? Кто-то пытался указать на дело Вайолет Кэй?

Их глаза встретились: узнавания не было и следа. Будто они никогда и не проводили тот час в Барбикане — наедине, за бокалом вина. Адаму казалось, что он разговаривает с незнакомкой. Или это ее способ отдалиться от того, с кем она вела себя слишком доверительно?

— Миссис Стрикленд, я настаиваю на вашем немедленном уходе: нам пора вернуться к тому, чем мы должны заниматься.

— Конечно. Я не собираюсь препятствовать полиции в выполнении ее долга.

Ее голос звучал насмешливо. Теперь она пошла к двери. Потом повернулась и сказала:

— В прошлую пятницу, в четыре часа, ее еще там не было — если вам от этого есть какая-то польза.

Стало тихо. Если миссис Стрикленд хотела сделать собственный уход достаточно драматичным, то в этом она преуспела.

— Почему вы так уверены, миссис Стрикленд? — холодно спросил Дэлглиш.

— Потому что я была здесь в тот момент, когда чемодан был открыт Райаном Арчером. Вы, наверное, хотите знать, зачем он его открывал?

Дэлглиш подавил нелепое желание ответить, что он и не думал об этом спрашивать. Миссис Стрикленд продолжила:

— Из здорового любопытства. Или нездорового — это слово здесь подойдет больше. Думаю, мальчику всегда хотелось заглянуть внутрь. Он только что закончил пылесосить коридор у библиотеки. Время, конечно, было не самое подходящее. Впрочем, оно никогда не бывает подходящим. Мне трудно сосредоточиться при постоянном внешнем шуме.

Если в библиотеке есть посетители, Райану приходится на время прекращать уборку. В общем, мальчик был там. Выключив пылесос, он зашел в библиотеку. Не знаю зачем. Возможно, ему хотелось побыть в компании. Я только что закончила писать несколько новых табличек к экспонатам по делу Уоллеса, и он подошел на них посмотреть. Я упомянула, что собираюсь отнести их в Комнату убийств, и он спросил, нельзя ли ему пойти вместе со мной.

— Вы уверены, что точно запомнили время?

— Да, уверена. Мы зашли сюда незадолго до четырех, пробыли здесь минут пять, и Райан пошел за дневной платой. Я ушла вскоре после пяти. Мюрел Годбай сидела за столом и, как вам уже известно, предложила подвезти меня до метро. Я дождала, пока они с Талли Клаттон проверят музей. Когда мы наконец отъехали, было около двадцати минут шестого.

— И чемодан был пуст? — спросила Кейт.

Миссис Стрикленд на нее посмотрела.

— Райан не самый умный и честный из всех мальчиков, однако найди он в чемодане тело — думаю, он хотя бы упомянул об этом. А кроме того, пролежи она там некоторое время, были бы другие признаки.

— Вы помните, что было сказано между вами? Что-нибудь значимое?

— Вероятно, я сказала Райану, что он здесь не затем, чтобы трогать экспонаты. Его действие казалось совершенно естественным. Вероятно, он сказал, что чемодан пуст и что он не обнаружил пятен крови. Мальчик был разочарован.

— Постарайтесь найти Райана Арчера, — сказал Дэлглиш, провернувшись к Кейт. — Сегодня среда, он должен быть здесь. Вы его не видели?

— Нет, сэр. Он может оказаться где-нибудь в саду.

— Найдите Арчера, чтобы он все подтвердил. Не говорите ему, почему вы спрашиваете. Мальчик скоро сам узнает о случившемся, но чем позже, тем лучше. Сомневаюсь, что он сможет держать язык за зубами. Главное сейчас — найти родственников.

Миссис Стрикленд опять направилась к двери.

— В любом случае заставьте его подтвердить. Впрочем, я не стала бы пугать мальчика. А то он будет все отрицать.

И она ушла. Сбегая по лестнице, Кейт видела, как миссис Стрикленд входила в библиотеку.

У входной двери стоял на страже Бентон-Смит.

— Они начинают терять терпение, — сказал он, кивнув на офис. — Дважды выходила мисс Дюпейн и спрашивала, когда к ним придет командер. Ей, похоже, нужно в колледж. Они собираются принимать новую учащуюся, там ее родители. Леди Суотлинг тогда звонила по этому поводу.

— Скажите миссис Дюпейн, что теперь уже недолго. Вы не видели Райана Арчера?

— Нет, мэм. А в чем дело?

— Миссис Стрикленд сказала, что в прошлую пятницу в четыре часа дня она была вместе с Райаном Арчером в Комнате убийств. Он открывал чемодан.

— Интересно. — Бентон уже отпирал дверь. — А она уверена насчет времени?

— Говорит, что уверена. Я пошла разбираться с Райаном. Сегодня среда. Парень должен быть где-то здесь.

Хоть день и пасмурный, хорошо было оказаться на свежем воздухе, не в музее. Кейт пробежала по дорожке, но Райана нигде не было видно. Приехал катафалк. Из музея быстро вышел Бентон-Смит и направился к шлагбауму. Кейт не стала ждать. С телом разберутся и без ее помощи. Ее дело — искать Райана. Проходя мимо сгоревшего гаража на задворки музея, она увидела, что мальчик работает в саду Талли Клаттон. На нем были грязные джинсы, теплая куртка и вязаная шапка с помпоном; он стоял на коленях перед клумбой у окна и сажал в выкопанные ямки какие-то луковичы. Когда Кейт приблизилась, Райан на нее посмотрел. В его глазах застыли беспокойство и страх.

— Ты должен сажать их глубже, Райан, — сказала она. — Разве миссис Фарадей тебе не показывала?

— Она не знает, чем я здесь занимаюсь. Ей до этого и дела нет. Когда у меня есть время, я могу заниматься садом миссис Талли. Это ей сюрприз на следующую весну.

— Это будет сюрпризом и для тебя, Райан, — когда они не взойдут. Ты сажаешь их недостаточно глубоко.

— Это имеет значение? — Он в смятении уставился на последнюю ямку.

— Думаю, они оклемаются и в конце концов взойдут. Я не специалист. Райан, ты заглядывал в чемодан в Комнате убийств? Я говорю о последней пятнице. Ты поднимал крышку?

Он злобно воткнул в землю лопатку.

— Нет, никогда. Зачем я стал бы это делать? Меня не пускают в Комнату убийств.

— А миссис Стрикленд говорит, что вы там были вместе. По-твоему, она врет?

— Ладно. Может, и открывал, — сказал он, помолчав. — Я забыл. Я все равно не сделал ничего плохого. Это просто пустой чемодан.

— Просто пустой — и все?

— Ну, когда я туда заглянул, там не оказалось мертвой шлюхи. Там даже крови не было. Миссис Стрикленд там была, она вам скажет. А кто вам донес-то?

— Никто не донес, Райан. Мы просто хотели проверить факты. Значит, теперь ты говоришь правду? Перед тем как уйти, ты заглянул в чемодан?

— Я ведь уже сказал, так?

Потом Арчер поднял глаза, и она увидела, как их наполнил ужас.

— Почему вы спрашиваете? При чем тут полиция? Вы что-то нашли, да?

Если он все раструбит до того, как будет оповещены родственники, случится катастрофа. Лучше бы ему вообще ничего не говорить. Хотя особого смысла скрывать произошедшее не было. Он вскоре сам все узнает.

— Мы нашли в чемодане тело, но не знаем, как оно там оказалось. Важно, чтобы ты ничего не рассказывал до тех пор, пока мы это не выясним. Если ты не будешь молчать, мы об этом узнаем, потому что болтать больше некому. Ты меня понял, Райан?

Он кивнул. Кейт смотрела, как парень берет очередную луковицу голыми грязными руками и аккуратно засовывает ее в ямку. Райан казался невозможно молодым и хрупким. Кейт охватило неуютное и, по ее мнению, нелепое чувство жалости.

— Ты обещаешь молчать, Райан? — еще раз спросила она.

— А как с миссис Талли? — проворчал он. — Могу я сказать миссис Талли? Она скоро будет здесь. Она носила в починку велосипед и собиралась сделать в Хэмпстеде кое-какие покупки.

— Мы поговорим с миссис Талли. Почему ты не уходишь домой?

— Это мой дом. Я пока что останусь здесь, у миссис Талли. Я уйду, когда смогу.

— Когда миссис Талли вернется, скажи ей, пожалуйста, что здесь полиция, и попроси ее зайти в музей. Чтобы она зашла, Райан. Не ты.

— О'кей, я передам. Но я могу сказать, по какому поводу?

Он посмотрел на нее; его лицо было безмятежным и невинным. Кейт не поддалась.

— Ничего ей не рассказывай, Райан. Просто сделай так, как я тебя просила. С тобой мы поговорим позже.

Не сказав больше ни слова, Кейт ушла. Катафалк, зловещий, черный, безличный, все еще стоял у входа. Она уже дошла до передней части музея, когда услышала шорох шин по гравии. Обернувшись, Кейт увидела ехавшую по дорожке миссис Клаттон. Корзинка ее велосипеда была полна полиэтиленовых пакетов. Талли слезла с велосипеда и аккуратно повела его по газону, объезжая шлагбаум. Кейт пошла ей навстречу.

— Я только что разговаривала с Райаном. Боюсь, у меня для вас невеселые новости. В Комнате убийств мы нашли еще одно тело — молодую женщину.

Руки миссис Клаттон вцепились в руль.

— Но я этим утром вытирала там пыль, в девять часов. Ее там тогда не было.

Смягчить рассказ не получалось.

— Она была в чемодане, миссис Клаттон.

— Ужасно! Это то, чего я всегда боялась: какой-нибудь ребенок заберется внутрь и окажется в ловушке. Нелепый страх. Детей в Комнату убийств не пускают, а взрослый не даст себя поймать. Крышка не запирается, и она не такая тяжелая. Как это произошло?

Он вместе пошли к дому.

— Боюсь, это не несчастный случай, — сказала Кейт. — Эту женщину задушили.

Талли пошатнулась, и Кейт протянула руку. Ее спутница оперлась о велосипед; глаза Талли смотрели на катафалк. Она видела его не в первый раз и знала, что это такое, однако держала себя в руках.

— Еще одна смерть, еще одно убийство, — сказала она. — Кому-нибудь известно, кто убитая?

— Мы думаем, что ее зовут Селия Меллок. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

— Нет, ни о чем. Как она туда попала? Когда мы с Мюрел прошлым вечером проверяли музей, там никого не было.

— Здесь сейчас командер Дэлглиш, а также мистер и мисс Дюпейн и мистер Калдер-Хейл. Если вы присоединитесь к ним, мы будем вам очень благодарны.

— А Райан?

— Не думаю, что на данный момент требуется его присутствие. Если он нам понадобится, мы его вызовем.

Они дошли до музея. Миссис Клаттон сказала:

— Я только отвезу велосипед в сарай и сразу к вам приду.

Но Кейт осталась с ней. Они вместе пошли в сарай; потом инспектор подождала, пока миссис Клаттон отнесет свои пакеты в коттедж. Райана не было и следа, хотя его корзинка осталась лежать на клумбе. Женщины молча пошли к музею.

3

Кейт вернулась в Комнату убийств. Доктор Кинестон уже ушел.

— Где они? — спросил Дэлглиш у Кейт.

— Все перешли в картинную галерею, в том числе и Калдер-Хейл. Талли Клаттон вернулась, и она тоже там. Вы хотите встретиться с ними сразу?

— Разумнее будет выслушать их одного за другим. Мы более или менее точно знаем время смерти жертвы. Принимая в расчет сообщение миссис Стрикленд и предварительную оценку, сделанную доктором Кинестоном, можно сказать, что это произошло где-то в пятницу вечером, скорее раньше, чем позже. Здравый смысл подсказывает, что она умерла незадолго до или немного после убийства Дюпейна. Двойное убийство. Я отказываюсь верить в существование двух не зависящих друг от друга убийц, действующих в одном месте, одним вечером, примерно в одно и то же время.

Оставив Бентона-Смита в Комнате убийств, Дэлглиш, Кейт и Пирс пошли через пустой холл в галерею. На них одновременно посмотрели шесть пар глаз. Миссис Стрикленд и Кэролайн Дюпейн заняли кресла у огня. Мюрел Годбай и Талли Клаттон сидели на скамейке посреди комнаты. Маркус Дюпейн и Джеймс Калдер-Хейл стояли у одного из окон. Глядя на Мюрел Годбай и Талли Клаттон, Кейт вспомнила пациентов в приемной онколога, которые прекрасно осведомлены о делах друг о друга, однако не разговаривают и избегают встречаться глазами, понимая, что сил каждого хватит лишь на собственные заботы. Также она почувствовала всеобщее возбуждение и беспокойство, не коснувшиеся, казалось, только миссис Стрикленд.

— Раз уж все вы здесь, — начал Дэлглиш, — самое время подтвердить прежде полученную информацию или узнать нечто новое — если вам что-то известно — об этой последней смерти. Музей останется закрытым, чтобы наши офицеры

могли осмотреть все комнаты. Мне понадобятся все ключи. Сколько есть связок и у кого они?

Ему ответила Кэролайн Дюпейн:

— Связки есть у меня и у моего брата, а также у мистера Калдер-Хейла, мисс Годбай, миссис Клаттон и у обоих добровольцев. Одна запасная связка лежит в офисе. Мне пришлось сегодня впустить в здание миссис Стрикленд. Десять дней назад она сказала мне, что потеряла свои ключи. Я ответила, что перед тем, как заказывать новые, лучше неделю подождать.

Миссис Стрикленд оставила сказанное без комментариев.

Дэлглиш повернулся к Кэролайн:

— Сегодня, попозже, мне понадобится сходить в вашу квартиру.

Сдержалась Кэролайн с трудом.

— Это действительно необходимо, командер? Единственный выход из моей квартиры на галерею держится закрытым на засов, а от выхода на первом этаже есть ключи только у меня и у мисс Годбай.

— Не будь в этом необходимости, я бы не стал спрашивать.

— Мы не можем уйти из музея немедленно, — сказал Калдер-Хейл. — Мне нужно кое-что сделать у себя в комнате, забрать какие-то бумаги для завтрашней работы.

— Вас не просили уходить немедленно, — ответил Дэлглиш, — но я бы хотел получить ключи уже к концу дня. Тем временем здесь останутся офицеры, изучающие место преступления, и Бентон-Смит. Комната убийств, конечно, будет закрыта.

Подтекст был настолько же понятным, насколько нежеланным. Находясь в музее, все окажутся под скрытым, но эффективным наблюдением.

— Значит, это не несчастный случай? — спросил Маркус Дюпейн. — Мне кажется, что девушка могла из любопытства или на спор забраться в чемодан, а когда крышка хлопнулась, погибшая не сумела вылезти. Возможна смерть от нехватки воздуха.

— Этот случай другой, — сказал Дэлглиш. — И перед тем как перейти к делу, было бы уместно оставить музей в распоряжении офицеров полиции. Я не уверен, миссис Клаттон, но вы не станете возражать, если мы воспользуемся вашей гостиной?

Талли Клаттон и миссис Стрикленд встали. Талли неуверенно глядела на Кэролайн Дюпейн.

— Пока вы там живете, это ваш коттедж, — пожала та плечами. — Если вы можете нас принять — почему бы и нет?

— Я думаю, места хватит, — сказала Талли. — Можно принести дополнительные стулья.

— Тогда идемте и покончим с этим, — сказала Кэролайн Дюпейн.

Маленькая группа вышла из галереи и подождала, пока Дэлглиш запрет дверь. Они обогнули угол дома в молчании, будто друзья и родственники, только что вышедшие из крематория. Поднимаясь вслед за Дэлглишем на крыльцо, Кейт почти не сомневалась, что на столе окажутся бутерброды с ветчиной и бутылка с тонизирующим напитком.

В комнате случилась небольшая толкотня: Маркус Дюпейн с помощью Кейт принес дополнительные стулья. Все расселись вокруг стоящего посередине гостиной стола. Свободно себя чувствовали только Кэролайн Дюпейн и миссис Стрикленд. Обе выбрали понравившиеся стулья, тут же сели и стали ждать. Кэролайн — в мрачном смирении, а в сдержанности миссис Стрикленд чувствовалась решимость пробыть здесь ровно до тех пор, пока она не потеряет интерес к происходящему.

Комната не подходила для такой встречи: ее уютная гостеприимность вступала в противоречие с поводом. Газ уже был включен, но очень слабо. Кейт решила, что так сделано в интересах большого рыжего кота, свернувшегося в одном из двух кресел, стоящих у огня, более удобном. Пирс захотел наблюдать за происходящим немного со стороны. Не став садиться вместе с остальными за стол, он бесцеремонно наклонил кресло с котом, и тот возмущенно по-

шел к двери, размахивая на ходу хвостом, а затем вдруг рванул к лестнице.

— О Господи! — воскликнула Талли. — Он заберется в постель! Кот знает, что так делать нельзя. Извините...

Она бросилась за ним, а остальные ждали, чувствуя себя незваными гостями. Вернувшись вместе с успокоившимся котом на руках, Талли сказала:

— Я его выпущу на улицу. Обычно во второй половине дня он так и делает, но этим утром Кот сразу забрался в кресло и уснул. У меня не хватило духу его разбудить.

Все слышали, как Талли увещевала кота; потом она закрыла дверь. Кэролайн Дюпейн глянула на брата; при этом она подняла брови, а рот скривила в усмешке. Наконец собравшиеся устроились на местах.

Дэглиш стоял у южного окна.

— Имя погибшей девушки — Селия Меллок, — сказал он. — Ее кто-нибудь знает?

От него не укрылся быстрый взгляд, брошенный Мюрел Годбай в сторону Кэролайн Дюпейн. Однако Мюрел не сказала ничего — ответила Кэролайн:

— Мы обе, мисс Годбай и я, знаем ее. Точнее, знали. В прошлом году она училась в Суотлинге, однако в конце весеннего триместра ушла. То была весна 2001 года. В предыдущем семестре Мюрел Годбай работала в колледже секретаршей. С тех пор я Селию не видела. Сама я ее не учила, только проводила с ней и ее матерью собеседование, когда девушка к нам поступала. Она пробыла у нас только два триместра, и то неудачно.

— Ее родители живут в Англии? Нам известен адрес мисс Меллок, это Мэнингтри-гарденз, Иэрлз-Корт-роуд, 47. Мы туда звонили, и там в данный момент никого нет.

— Предполагаю, это ее адрес, а не родителей, — сказала Кэролайн. — Я могу вам кое-что рассказать о ее семье. За месяц до того, как Селия пришла в наш колледж, ее мать вышла замуж в третий раз. Не могу вспомнить имени ее нового супруга. Он, насколько я знаю, какой-то там промыш-

ленник. Богатый, естественно. Сама Селия бедной не была. Отец ее обеспечил; доступ к капиталу она получила в восемнадцать лет. Рановато, но так уж получилось. Припоминаю, что мать большую часть зимы проводит за границей. Если ее нет в Лондоне, возможно, она на Бермудских островах.

— Цепкость вашей памяти нам очень помогла. Спасибо, — сказал Дэлглиш.

Кэролайн пожала плечами:

— Обычно я не ошибаюсь с выбором. Но не на этот раз. У нас в Суотлинге неудачи случаются редко. И я не склонна их забывать.

Теперь в беседу включилась Кейт.

— Вы хорошо знали мисс Меллок, пока работали в колледже? — спросила она Мюрел Годбай.

— Не особенно. У меня не получалось общаться с учащимися. А если и получалось, удовольствия при этом я не испытывала. Некоторые из них постоянно на меня обижались — не знаю, за что. Одна или две были по-настоящему враждебны, я их хорошо запомнила. Селия не из их числа. Не думаю, что она часто бывала в колледже. Вряд ли нам с ней случилось хоть раз разговаривать.

— Знал еще кто-нибудь эту девушку?

Никто не ответил, все лишь отрицательно покачали головами.

— У кого-нибудь есть идеи, зачем она приходила в музей?

Собравшиеся опять покачали головами.

— Можно предположить, что она пришла как посетительница, одна или вместе со своим убийцей, — сказал Маркс Дюпейн. — Это не похоже на случайную стычку. Мисс Годбай могла запомнить девушку.

Все глаза обратились к Мюрел.

— Сомневаюсь, что узнала бы ее. Она могла бы меня узнать, но вряд ли. Я не могу ее вспомнить — так с какой стати ей помнить меня? Пока за столом была я, она не приходила.

— В Суотлинге могли сохраниться имя и адрес матери мисс Меллок, — сказал Дэлглиш. — Будьте добры, позвоните в колледж и попросите найти эту информацию.

Его просьба Кэролайн явно не понравилась.

— Вам не кажется это несколько странным? Девушка ушла в прошлом году, пробыв у нас лишь два триместра...

— А что, записи уничтожаются так быстро? Наверняка нет. Не обязательно говорить с леди Суотлинг. Можно попросить одну из секретарш найти нужную папку. Разве вы не входите в правление? Почему бы вам не обратиться за необходимой информацией?

Кэролайн все еще пребывала в нерешительности.

— Не могли бы вы выяснить как-нибудь еще? Смерть девушки не имеет никакого отношения к Суотлингу.

— Нам пока ничего об этом не известно. Селия Меллок училась в Суотлинге, вы входите там в правление, и она была найдена мертвой в вашем музее.

— Если вы представляете это так...

— Да, я представляю так. Нам необходима информация о ближайших родственниках. Есть и другие способы найти их адрес, но этот — самый быстрый.

Кэролайн не стала дальше возражать. Она подняла трубку.

— Мисс Косгроув? Мне нужен адрес и телефон матери Селии Меллок. Папка лежит в левом шкафу, в отделении «Выбывшие ученики».

Ожидание длилось целую минуту. Затем Кэролайн записала информацию и протянула листок Дэлглишу.

— Спасибо, — сказал тот и передал его Кейт. — Постарайтесь устроить встречу как можно быстрее.

Кейт не требовались указания. Она пошла звонить с мобильного телефона на улицу. За ней закрылась дверь.

Утренняя пасмурность прошла, и все же солнца не было. Дул холодный ветер. Кейт решила позвонить из машины. В адресе значилась Брук-стрит. Ответил голос, явно принадлежащий кому-то из обслуживающего персонала: леди Холстед и ее муж, сэр Дэниел, проживают в своем доме на Бермудских островах. Он не уполномочен давать их телефон.

— Я инспектор Мискин из Нью-Скотленд-Ярда, — сказала Кейт. — Если вам нужно подтверждение, могу продик-

товать вам номер телефона. Я бы предпочитала не терять времени. Мне нужно срочно поговорить с сэром Дэниелом.

Возникла пауза. Голос сказал:

— Будьте добры, подождите минутку, инспектор.

Кейт услышала звук шагов. Спустя тридцать секунд слушитель вернулся и продиктовал номер на Бермудах, аккуратно его повторив.

Кейт нажала отбой и на мгновение задумалась. Выхода не было: для сообщения новостей придется воспользоваться телефоном. Разница между гринвичским и бермудским временем около четырех часов. Звонить так рано было неудобно. Тем не менее она набрала номер, и ей почти сразу ответили.

— Да? Кто это? — В резком мужском голосе слышалось раздражение.

— Это инспектор Кейт Мискин из Нью-Скотленд-Ярда. Мне нужно поговорить с сэром Дэниелом Холстедом.

— Я у телефона. На редкость неудачное время для звонка. В чем дело? Очередная попытка ограбления в лондонской квартире?

— Вы один, сэр Дэниел?

— Я один! И хочу понять, какого черта происходит!

— Речь идет о вашей падчерице, сэр Дэниел.

Не дав Кейт продолжить, он взорвался:

— Господи! И что же она натворила на этот раз? Слушайте, моя жена больше не несет за нее ответственности, а я никогда и не нес! Девушке девятнадцать лет, у нее своя жизнь, она имеет собственную квартиру. Она должна сама разбираться со своими проблемами! Научившись говорить, Селия не доставляет своей матери ничего, кроме проблем. Что на этот раз?

Стало очевидно, что по утрам сэр Дэниел не в лучшей форме. Этим можно воспользоваться.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, сэр Дэниел, — сказала Кейт. — Селия Меллок убита. Ее тело было найдено сегодняшним утром в музее Дюпейна, в Хэмпстед-Хите.

Холстед молчал, и Кейт засомневалась, услышал ли он ее. Она уже собралась заговорить, как Холстед спросил:

— Убита? Как убита?

— Ее задушили, сэр Дэниел.

— Вы говорите мне, что Селию нашли задушенной в каком-то музее? Может, это не совсем удачная шутка?

— Боюсь, что нет. Вы можете проверить эту информацию, позвонив в Ярл. Мы решили, что лучше сначала поговорить с вами, а вы уже сообщите жене. Я вам сочувствую. Вашу супругу ждет ужасное потрясение.

— Господи, еще бы! Мы сегодня же прилетим самолетом, хотя нам нечего сообщить. Последние шесть месяцев мы с Селией не виделись. Она никогда не звонит. Ей это было незачем, насколько я мог понять. У нее своя жизнь. Она всегда ясно давала понять, как относится к вмешательству со стороны ее матери или моей. Теперь я пойду и все сообщу леди Холстед. Я дам знать о нашем приезде. У вас, наверное, пока нет предположений о том, кто это сделал?

— Пока нет, сэр Дэниел.

— Нет подозреваемого? Какого-нибудь бойфренда? Никого?

— Пока нет.

— Кто ведет дело? Я его знаю?

— Коммандер Адам Дэлглиш. Он встретится с вами и вашей женой, когда вы прилетите. Тогда мы будем знать немного больше.

— Дэлглиш? Фамилия знакомая. После разговора с женой я позвоню комиссару. И вы могли бы сообщить ваши новости с большим тактом. До свидания, инспектор.

Не успела Кейт ответить, как ее собеседник швырнул трубку. А он не дурак. Сообщи она об убийстве немедленно, не оказалась бы свидетельницей той маленькой вспышки. А так она узнала о сэре Дэниеле несколько больше, чем тому хотелось сообщить. Эта мысль принесла Кейт удовлетворение. Только ее удивляло, что одновременно ей стало немного стыдно.

Кейт вернулась в коттедж, села на свое место и кивнула Дэлглишу, подтверждая, что сообщение передано. Детали они могли обсудить позже. Она увидела Маркуса Дюпейна по-прежнему сидящим во главе стола. Его сцепленные руки лежали перед ним, лицо было похоже на маску. Он сказал Дэлглишу:

— Мы, конечно же, имеем полное право уйти, если у нас возникнет такое желание или необходимость?

— Полное. Я попросил вас прийти сюда, потому что опросить всех сейчас — самый быстрый способ получить нужную информацию. Если кому-то из вас это не подходит, я могу договориться о встрече на более поздний срок.

— Благодарю вас, — ответил Маркус. — Я хотел выяснить юридическую сторону вопроса. Естественно, мы с сестрой желаем оказать любую помощь, какая только в наших силах. Эта смерть — ужасное потрясение. И трагедия. Для девушки, ее семьи, музея.

Дэлглиш сомневался, что музей пострадает. Как только Комната убийств будет открыта опять, она привлечет в два раза больше людей. Адам ясно увидел сидящую в библиотеке миссис Стрикленд, ее больные артритом руки, аккуратно пишущие новую табличку. С каждой стороны от нее стояло по Дюпейну. «Подлинный чемодан, в котором были спрятаны тела Вайолет Кэй и Селии Меллок, в данный момент находится в распоряжении полиции. Данный чемодан того же времени и типа». Неприятно. Он сказал:

— Не могли бы вы рассказать, что с вами происходило в прошлую пятницу? Нам, конечно, известно, что вы делали после закрытия музея. Теперь нам нужен подробный отчет о том, что происходило в течение дня.

Кэролайн Дюпейн поглядела на Мюрел Годбай, а затем начала говорить. Постепенно и остальные, за исключением Калдер-Хейла, стали добавлять свое или подтверждать ска-

занное. Подробная картина того дня прояснялась час за часом, начиная с восьми часов, когда Талли Клаттон пришла делать каждодневную уборку, и до того момента, когда Мюрел Годбай наконец заперла дверь и вместе с миссис Стрикленд уехала к станции «Хэмпстед».

— Получается, что у Селии Меллок было две возможности попасть в музей незамеченной, — сказал в конце Пирс. — В десять часов утра и в полвторого, когда мисс Годбай пошла за миссис Клаттон и ее не было у стола.

— Стол остался без присмотра не больше чем на пять минут, — сказала Мюрел Годбай. — Будь наша система телефонов лучше продумана или согласись миссис Клаттон завести мобильный телефон, мне не пришлось бы ходить в коттедж. Нелепо пользоваться старомодной системой, в которой нет даже автоответчика.

— Возможно, мисс Меллок и ее убийца незаметно пробрались внутрь, — продолжал Пирс. — Существуют какие-то комнаты, в которых они могли спрятаться на ночь? Каков порядок обращения с дверьми внутри музея?

— Входная дверь запирается в пять, и после этого мы с Талли проверяем, не осталось ли кого в музее, — отвечала Мюрел Годбай. — Потом я запираю только две двери, к которым есть ключи: в картинную галерею и библиотеку. В них находятся самые ценные экспонаты. Больше никакие комнаты не запираются — за исключением офиса мистера Калдер-Хейла, но это вне зоны моей ответственности. В свое отсутствие он обычно держит его закрытым. Я не проверяю, заперта ли его дверь.

— Да если бы и проверили, — впервые заговорил Калдер-Хейл, — она была заперта.

— Как насчет подвала? — спросил Пирс.

— Я открыла дверь и увидела, что свет все еще горит. Выйдя на верхнюю железную площадку, глянула вниз. Там никого не было, и я выключила свет. На этой двери нет замка. Вместе с миссис Клаттон я проверила все окна. Мы с миссис Стрикленд ушли в четверть шестого, и я подбросила ее до

метро. Потом я поехала домой. Но это вам уже известно. Нас уже расспрашивали о той пятнице.

Пирс не обратил внимания на последнюю фразу.

— Значит, остается вероятность, что кто-то спрятался внизу, в архиве, среди выдвижных железных полок. Вы не спускались по ступенькам, чтобы проверить?

Тут в разговор вмешалась Кэролайн Дюпейн:

— Инспектор, у нас музей, а не отделение полиции! За последние двадцать лет у нас не случилось ни одного взлома, ни одной существенной кражи. С какой стати мисс Годбай проверять комнату с архивами? Даже если кто там и спрятался уже после закрытия музея, как бы он оттуда выбрался? Окна первого этажа на ночь запираются. Мисс Годбай и миссис Клаттон делали все как всегда.

Ее брат до сих пор молчал. Теперь он сказал:

— Мы тяжело переживаем это потрясение. Нет необходимости уточнять, что нам не меньше вашего хочется, чтобы эта загадка была разрешена, и мы намерены оказывать всевозможную помощь следствию. Однако нет оснований предполагать, что к смерти девушки имеет отношение кто-то из работников музея. Мисс Меллок и ее убийца могли прийти в музей в качестве обычных посетителей или с другой целью, известной лишь им. Мы знаем, как они могли попасть внутрь, где спрятаться. Нежеланному гостю ничего не стоит остаться незамеченным. После смерти моего брата мы с сестрой ждали вас в библиотеке. Зная о вашем приходе, мы оставили дверь приоткрытой. Вы пришли через час. У убийцы было достаточно времени для того, чтобы незаметно выбраться.

— Конечно, он очень рисковал, — сказала миссис Стрикленд. — Вы или Кэролайн могли выйти из библиотеки в любой момент, так же как мог войти через входную дверь коммандер Дэлглиш.

Маркус Дюпейн выслушал комментарий со сдержанным нетерпением, с каким он мог отнестись к реплике со стороны подчиненного, сделанной во время заседания.

— Конечно, он рисковал. Ему ничего другого не оставалось, если он не хотел остаться запертым в музее на ночь. Ему лишь пришлось выглянуть из подвала и убедиться, что холл пуст, а входная дверь открыта. Я не предполагаю, что убийство произошло именно в подвале. Скорее это случилось в Комнате убийств. Но архивы — лучшее, если не единственное место, в котором преступник мог спокойно дожждаться подходящего момента, чтобы сбежать. Я не настаиваю, что все произошло именно так. Это *могло* так произойти.

— Однако дверь в библиотеку была также открыта, — сказал Дэлглиш. — Пройди кто через холл, вы с сестрой обязательно услышали бы.

— Из того, что кто-то прошел через холл, а мы ничего не услышали, еще нельзя сделать никакого вывода. Мы сидели, я помню, у камина, с бокалами в руках. Дверь была далеко, и мы не видели холл.

Его сестра прямо взглянула на Дэлглиша.

— Я не хочу, чтобы у окружающих сложилось впечатление, будто я выполняю вашу работу, командер, но у Селии могли быть свои мотивы для посещения музея. Она могла прийти с любовником. Возможно, он из тех, кому в сексе нужен элемент риска — для пущей остроты. В качестве варианта Селия могла предложить Дюпейн. Знание о моей здешней роли могло добавить любовному приключению привкус опасности. Затем дела пошли как-то не так, и для нее все закончилось смертью.

Молчавшая какое-то время Кейт спросила у Кэролайн:

— Такое поведение было свойственно мисс Меллок — исходя из того, что вам о ней известно?

Возникла пауза. Вопрос Кэролайн не понравился.

— Я уже говорила, что не преподавала у нее и ничего не знаю о ее личной жизни. Она была несчастна, она запуталась, и учащейся Селия оказалась непростой. К тому же она легко следовала за другими. Что бы она ни сделала, я ничему не удивлюсь.

«Их стоит взять в наш отдел, — подумал Пирс. — Дай им полчаса, и они раскроют оба убийства. Хотя этот упертый осел Маркус Дюпейн действительно кое-что соображает. Его сценарий маловероятный, но возможный. Настоящий подарок для представителя защиты. Если все произошло именно так, то Нобби Кларк со своими мальчиками — при наличии удачи — найдет какие-нибудь доказательства; не исключено, что в подвале, в архивах. Однако все происходило иначе. Не бывает так, чтобы двое убийц независимо друг от друга, примерно в одно и то же время оказались в одном музее и убили столь разных людей». Селия Меллок умерла в Комнате убийств, не в подвале, и Пирсу начало казаться, что он знает почему. Он искоса глянул на шефа. Тот был серьезен и погружен в собственные мысли. Пирсу было знакомо это выражение. Интересно, их мысли текут в одном направлении?

— Мы уже располагаем отпечатками ваших пальцев, взятыми после убийства доктора Дюпейна, — сказал Дэлглиш. — Я сожалею, но Комната убийств опечатана. Музей временно закрывается, и это неудобно всем. Надеюсь, мы управимся к понедельнику. Я думаю, мы закончили беседу с вами, если не считать миссис Клаттон и миссис Стрикленд. Само собой, у нас есть ваши адреса.

— Может быть, мы имеем право знать, как умерла эта девушка? — спросил Маркус Дюпейн. — Не исключено, что новости вскоре просочатся в прессу. Не разумнее было бы рассказать сначала нам?

— Новости никуда не просочатся, и окружающие не будут о них знать до тех пор, пока мы не поставим в известность родственников, — ответил Дэлглиш. — Я буду вам очень признателен, если вы сохраните молчание — чтобы не заставлять родных и друзей жертвы страдать напрасно. Как только об убийстве узнает кто-то еще, оно тут же привлечет интерес прессы. С журналистами будет иметь дело отдел по работе с общественностью. Можете предпринять собственные меры предосторожности, чтобы не оказаться в центре внимания.

— А вскрытие? — спросила Кэролайн. — Дознание? Когда это планируется?

— Вскрытие состоится завтра утром, а дознание — в зависимости от обстоятельств. Все как в случае с вашим братом.

Дюпейны и Калдер-Хейл собрались уходить. Пирс заметил недовольство брата и сестры тем, что они не будут участвовать в дальнейшем обсуждении. Мисс Годбай, похоже, чувствовала то же самое. Она нехотя встала и искоса поглядела на Талли Клаттон. В ее глазах смешались любопытство и недовольство.

После того как дверь закрылась, Дэлглиш сел к столу.

— Благодарю вас за ваше молчание насчет фиалок, миссис Стрикленд.

— Вы просили меня не говорить, я и не говорила, — спокойно ответила миссис Стрикленд.

Талли Клаттон привстала. Ее лицо побледнело.

— Какие фиалки? — спросила она.

— На теле найдены четыре увядшие фиалки, миссис Клаттон, — мягко сказала Кейт.

Талли переводила расширенные от ужаса глаза с одного лица на другое.

— Вайолет Кэй, — прошептала она. — Значит, это так.

— Есть такая вероятность, и мы должны ее рассмотреть. — Кейт подседа к Талли. — Нам нужно выяснить, где убийца мог взять фиалки.

— Мы видели маленькие глиняные горшки с такими фиалками в двух комнатах: мистера Калдер-Хейла и вашей, — осторожно и медленно произнес Дэлглиш. — У мистера Калдер-Хейла я их заметил в десять часов утра в воскресенье, когда приходил с ним разговаривать. Тогда они были целы, хотя когда хранитель задергивал шторы, мне показалось, что он их сейчас обезглавит. Инспектор Мискин полагает, что, когда она без чего-то десять находилась в этой комнате вместе с посетителями, все цветки были целы. Сержант Бентон-Смит заметил их, когда заходил туда незадолго до обнаружения тела Селии Меллок. Сегодня около половины десятого все цветы были целы. Мы проверили: они целы и сейчас. А вот на одном из растений, стоящих на вашем подоконнике,

обломано четыре стебля. Выходит, что фиалки взяты здесь, и человек, положивший их на тело Селии Меллок, имеет доступ в коттедж.

Талли отвечала как ни в чем не бывало, словно у нее и мысли не возникало, что ей могут не поверить:

— Но этот цветок попал сюда из офиса мистера Калдер-Хейла! В воскресенье утром я поменяла его горшок на свой.

За время службы Кейт научилась скрывать эмоции.

— Как это произошло? — спросила она спокойно.

Однако Талли повернулась к Дэлглишу, будто желая все ему объяснить:

— Я подарила горшок с фиалками мистеру Калдер-Хейлу на его день рождения. Это было третьего октября. Наверное, я сделала глупость. Нужно сначала узнавать о людях побольше. Он никогда не держал в своей комнате цветов; возможно, он слишком занят, чтобы возиться с ними. Я знала, что в воскресенье мистер Калдер-Хейл будет работать — он почти всегда приходит по воскресеньям, — и думала до его прихода полить фиалки, убрать засохшие цветы и листья. Тогда я и заметила отсутствие четырех цветков. Я, как и вы, подумала, что мистер Калдер-Хейл сломал их, опуская жалюзи. Он вообще цветы не поливал, и листья выглядели не очень здоровыми. Так что я забрала тот горшок обратно к себе, а вместо него поставила свой. Не думаю, что он заметил.

— Когда вы видели фиалки, находящиеся в офисе мистера Калдер-Хейла, целыми? — спросил Дэлглиш.

— Наверное, в четверг, за день до убийства доктора Дюпейна, когда я там убиралась, — сказала, подумав, Талли. — Кабинет обычно закрыт, но в шкафчике есть ключи. Помню, я подумала тогда, что они выглядят не очень хорошо, хотя все цветки были целы.

— Во сколько вы меняли горшки?

— Точно не помню, это было рано, вскоре после моего прихода. Наверное, где-то между половиной девятого и девятью.

— Я не могу не задать вам этот вопрос, миссис Клаттон. Вы не срывали эти цветы?

Продолжая смотреть в глаза Дэлглиша, она ответила:

— Нет. Я не срывала эти цветы.

— Вы вполне уверены в том, что сейчас нам рассказали? Фиалки, находившиеся в офисе мистера Калдер-Хейла, тридцать первого октября, в четверг, были целы, а третьего ноября, в воскресенье, вы обнаружили, что они оборваны, и поменяли горшки. Вы в этом абсолютно уверены?

— Да, мистер Дэлглиш. Я совершенно в этом уверена.

Полицейские поблагодарили Талли за гостеприимство и собрались уходить. А вот миссис Стрикленд ясно дала понять, что не собирается спешить. Талли, которую ее компания вроде бы обрадовала, неуверенно предположила, что до прихода Райана у них есть время на суп и омлет. Райан не появлялся со времени разговора с Кейт, и его следовало найти и расспросить еще раз — теперь уже главным образом о том, чем он был занят в прошлую пятницу.

В понедельник, после того, как Талли вернула мальчика, он сообщил полезную информацию о конфликте между Невилом Дюпейном и его братом и сестрой в связи с будущим музея. По его рассказам, получив дневную плату, он отправился в свой прежний сквот с намерением пригласить друзей выпить, но оказалось, что дом вернулся в собственность хозяев. Поэтому Райан пошатался по Лесестер-сквер, пока не решил пройтись до Майда-вейл. По его оценке, он пришел домой около семи, хотя и не был в этом уверен. Все это не поддавалось никакой проверке. Его рассказ о стычке не противоречил рассказу майора, пусть парень и не признался, что такого оскорбительного он услышал в словах Аркрайта. Разглядеть в Райане Арчере главного подозреваемого было трудно, но одно то, что он оставался на подозрении, сильно осложняло дело. И где бы Арчер теперь ни был, Дэлглиш от всей души надеялся, что мальчик держит свой рот закрытым.

Калдер-Хейл еще не ушел. Кейт и Дэлглиш посетили хранителя вместе. Они не могли пожаловаться на отсутствие поддержки с его стороны, но он казался погруженным в апатию. Калдер-Хейл медленно собирал бумаги и запихивал их в бесформенный, потрепанный портфель. Когда ему рассказали о

четырёх цветках, найденных на теле, он заинтересовался столь мало, будто это была несущественная деталь, не входящая в сферу его интересов. Взглянув на фиалки на своем подоконнике, Калдер-Хейл сказал, что не заметил перемены горшков. Это очень мило со стороны Талли, что она помнит о его дне рождения, но он предпочитал бы не отмечать эти даты. И он не любит фиалки. Особых причин для такой нелюбви у него не было — просто эти растения его не привлекали. Говорить об этом Талли было бы жестоко, он и не говорил. Обычно он, уходя, запирает дверь, однако не всегда. После той беседы с Дэлглишем и Пирсом он проработал до половины первого и ушел домой; он не мог вспомнить, запер ли дверь. Поскольку музей был закрыт для посетителей вплоть до похорон Дюпейна, возможно, он решил не возиться и не запирать.

Все это время Калдер-Хейл продолжал собирать бумаги, приводить в порядок стол, потом сходил в ванную комнату ополоснуть кружку. Теперь он был готов к выходу и всячески демонстрировал свою решительность, не собираясь задерживаться ради дальнейших расспросов. Протягивая Дэлглишу ключи, он сказал, что был бы рад получить их обратно как можно скорее. Доступность этой комнаты важна для него, иначе ему придется испытывать крайние неудобства.

Только тогда Дэлглиш и Кейт позвали Кэролайн Дюпейн и Мюрел Годбай, ждавших в офисе на первом этаже. Мисс Дюпейн вроде бы смирилась с предстоящим осмотром квартиры. Дверь в помещение находилась позади дома, на его западной стороне, и была незаметной. Мисс Дюпейн отперла, и они вошли в маленький вестибюль с современным кнопочным лифтом.

— Лифт поставил мой отец, — сказала Кэролайн Дюпейн. — Он жил здесь в старости и был озабочен вопросами безопасности. Как и я, когда нахожусь здесь одна. Еще для меня большое значение имеет дистанция. Не сомневаюсь, что и для вас, командер. Я считаю этот осмотр вторжением.

Дэлглиш не ответил. Если обнаружатся признаки присутствия здесь Селии Меллок или выяснится, что она могла попасть в музей через квартиру, тогда мисс Дюпейн ждет профессиональный обыск, который будет и в самом деле на-

стоящим вторжением. Эта так называемая экскурсия по квартире была поверхностной, однако Адам пока не беспокоился. Мисс Дюпейн коротко показала две запасные спальни, обе с ванными комнатами (ни той ни другой, похоже, давно не пользовались), кухню с огромным холодильником, маленькую кладовку с большой стиральной машиной и сушильным шкафом, гостиную. Эта комната мало чем отличалась от гостиной в квартире Невилла Дюпейна. Здесь стояли два удобных кресла и диван, обитые бледно-зеленой тканью. Вдоль трех стен тянулся низенький книжный шкаф, большую часть пола покрывали ковры. По стенам над шкафом были развешаны небольшие фотографии, акварели, литографии и масляные картины. Сквозь оба окна Дэлглиш видел небо. Даже в этот пасмурный день гостиную заливал свет. Уютная комната; в ее прозрачной тишине можно было отдохнуть от шума, казенности и незащищенности, свойственным квартире мисс Дюпейн в Суотлинге. Детектив понимал, насколько это для нее важно.

Самой последней Кэролайн показала им спальню, удивившую Кейт. Она ждала другого. Комната была просторной, но уютной, даже роскошной и, несмотря на некоторую суровость, очень женственной. Как и везде, на окнах, помимо штор, имелись и жалюзи. Полицейские не зашли внутрь — лишь немного постояли у двери, широко открыв которую Кэролайн отступила в сторону и уперлась взглядом в Дэлглиша. В ее глазах Кейт почувствовала вызов и распутство. Инспектор была заинтригована видом Кэролайн. Это как-то объясняло отношение мисс Дюпейн к расследованию. Все так же молча Кэролайн закрыла дверь.

Дэлглиша интересовал возможный доступ в музей. Выкрашенная в белый цвет дверь вела к короткой, покрытой ковром лестнице и узкому коридору. Перед ними возникла дверь из красного дерева, с засовами сверху и снизу; справа на крючке висели ключи. Кэролайн Дюпейн неподвижно стояла и молчала. Достав из кармана резиновые перчатки и надев их, Дэлглиш отодвинул засовы и отпер замок. Ключ

повернулся легко, однако дверь была тяжелой; когда она открылась, командеру пришлось навалиться всем весом, чтобы не дать ей вернуться обратно.

Они увидели Комнату убийств. На них удивленно смотрели Нобби Кларк и один из офицеров, занимающихся отпечатками пальцев.

— Я хочу, чтобы со стороны музея с этой двери сняли отпечатки пальцев, — сказал Дэлглиш и закрыл ее, вернув на место засовы.

Последние несколько минут Кэролайн молчала, а мисс Годбай не проронила ни слова с самого начала. По возвращении в квартиру Дэлглиш спросил:

— Вы подтверждаете, что ключами от двери на первом этаже располагаете только вы двое?

— Я вам уже говорила, — ответила Кэролайн, — других ключей не существует. Из Комнаты убийств попасть в квартиру нельзя. На двери нет ручки. Конечно, отец сделал так специально.

— Когда вы пришли в квартиру впервые после убийства доктора Дюпейна?

Ответила Мюрел Годбай:

— Я пришла в субботу рано утром, зная, что мисс Дюпейн собиралась провести в квартире выходные. Я вытерла кое-где пыль и проверила, все ли готово к ее приходу. Дверь в музей была тогда закрыта.

— Вы обычно проверяете дверь? Зачем?

— В этом нет ничего необычного. Приходя в квартиру, я проверяю, все ли в порядке.

— Я приехала около трех часов и провела здесь ночь на субботу. Одна, — сказала Кэролайн Дюпейн. — Уехала в воскресенье, в половине одиннадцатого. С тех пор, насколько мне известно, здесь никого не было.

«А если кто и был, — подумал Дэлглиш, — педантичная Мюрел Годбай не оставила никаких следов». Все четверо молча спустились на первый этаж, где мисс Дюпейн и мисс Годбай молча протянули детективу свои ключи.

Вскоре после полуночи Дэлглиш наконец-то добрался до своей квартиры в Куинхите, располагавшейся высоко над набережной, наверху переделанного торгового дома, выстроенного в девятнадцатом веке. У Адама был свой вход и охраняемый лифт. Под ним находились офисы. В нерабочее время там было пусто и тихо; командер нуждался в таком уединении. В восемь часов уходили даже уборщики. Возвращаясь домой, Дэлглиш мог вообразить этажи пустых комнат: компьютеры накрыты, мусорные корзины чисты, на телефонные звонки никто не отвечает, и лишь иногда тишину нарушает сигнал факса. Изначально в здании торговали специями, и обшитые деревом стены были пропитаны их всепроникающим ароматом, который ощущался даже поверх запаха моря, идущего от Темзы. Как и всегда, Дэлглиш прошел к окну. Ветер стих. Над городом висело несколько обрывков облаков, которым свет города придавал рубиновый оттенок; пурпурное небо блестело звездами. Пятьюдесятью футами ниже его окна на фоне кирпичной стены вздымался и опадал полный прилив.

Дэлглиш получил от Эммы ответное письмо. Пройдя к столу, Адам опять его перечитал. Оно было коротким, но содержательным. Она могла бы приехать в Лондон вечером пятницы и хотела успеть на поезд, отходящий в пятнадцать минут седьмого и прибывающий на Кингс-кросс в три минуты восьмого. Мог бы он встретить ее у начала платформы? Ей нужно будет выйти в половине шестого, так что не мог бы он позвонить ей до этого, если у него не получится ее встретить? И внизу подпись: «Эмма». Он перечитал последние строки, написанные изящным почерком, стараясь понять, что кроется за словами. Не является ли это немногословие намеком на ультиматум? На Эмму не похоже. Однако после его недавнего отказа в Эмме могла заговорить гордость, и теперь она давала ему понять, что это последний шанс — их последний шанс.

Дэлглиш почти не надеялся на ее любовь, ведь она могла отступить. Ее жизнь принадлежала Кембриджу, его — Лондону. Конечно, он мог уйти в отставку. Деньги, доставшиеся Дэлглишу в наследство от тети, сделали его сравнительно богатым человеком. Он был известным поэтом. Уже мальчиком он знал, что главной в его жизни будет поэзия; при этом ему никогда не хотелось становиться профессиональным поэтом. Дэлглиш считал важным найти общественно полезное занятие — он был, в конце концов, сыном своего отца, — какую-то работу, требующую физической активности и желательно время от времени подвергающую его опасности. Он был способен сохранить себя в этом мире, далеком от умиротворенности норфолкского прихода, от последующих лет в привилегированной школе и Оксфорде. Работа в полиции давала ему все, что он искал, и даже больше. Его работа обеспечивала неприкосновенность, избавляла от обязанностей, которые накладывает успех: интервью, лекций, заморских поездок, постоянной огласки, а главное — от вхождения в лондонскую литературную элиту. И это давало замечательную пищу его поэзии. Дэлглиш не мог бросить службу, и он знал, что Эмма не попросит его о подобном, так же как и он не заикнется о ее отказе от карьеры. Если каким-то чудом она его полюбит, им придется найти способ жить вместе.

И он будет в пятницу на Кингс-кросс и встретит ее поезд. Какие бы события ни происходили днем в пятницу, Кейт и Пирс более чем компетентны и смогут справиться со всем в выходные. В Лондоне Адама мог задержать лишь арест преступника, а ничего такого вроде не предвиделось. Адам уже распланировал вечер пятницы. Он заранее приедет на Кингс-кросс и полчаса посидит в Британской библиотеке, оттуда недалеко до станции. Даже если упадут небеса, она увидит его в начале платформы, когда приедет.

Последнее, что он сделал, — написал письмо Эмме. Дэлглиш сам толком не знал, почему ему необходимо именно теперь, в этом умиротворенном состоянии, найти такие слова, которые убедили бы Эмму в его любви. Возможно, придет время, когда она не захочет слышать его голос или, услышав, будет нуждаться во времени, чтобы подумать. На такой случай письмо должно быть готово.

Как и всегда, в пятницу, седьмого ноября, ровно в половине десятого миссис Пикеринг приехала на Хайгейт открывать магазин благотворительных распродаж. У двери она заметила черный полиэтиленовый мешок и забеспокоилась. Из открытого верха пакета виднелась обычная мешанина из шерстяных и хлопковых вещей. Отперев дверь, миссис Пикеринг, побрякивая от раздражения, втащила мешок за собой. Это и в самом деле никуда не годилось. В приклеенной к внутренней стороне окна записке было четко сказано — жертвователям не следует оставлять мешки без присмотра из-за опасности краж, однако те все равно продолжали делать по-своему. Женщина прошла в небольшой офис, чтобы повесить пальто и шляпу, продолжая тащить мешок за собой. С этим можно было подождать до прихода миссис Фрейзер, ожидавшейся без чего-то десять. Фактически магазин находился в руках миссис Фрейзер, которая была признанным экспертом в оценке предметов. Она просмотрит содержимое мешка и решит, что стоит выставлять и сколько оно должно стоить.

Миссис Пикеринг не ждала от своей находки многого. Все добровольцы знали, что приличную одежду люди предпочитают приносить сами, а не оставлять под дверью. Но удержаться от предварительного просмотра она не могла. В этой куче оказались полинявшие джинсы, севшие после стирки шерстяные джемперы, очень длинная кофта ручной вязки, которая поначалу выглядела весьма многообещающе, пока миссис Пикеринг не заметил здоровенных дыр на рукавах; еще там лежало с полдюжины потрескавшихся пар ботинок. Оглядев предметы один за другим, порывшись среди них, она решила, что многое будет миссис Фрейзер отвергнуто. Вдруг ее рука наткнулась на что-то кожаное и на узкую цепочку. Цепочка запуталась в шнурках мужского ботинка, но миссис Пикеринг вытащила ее и уставилась на женскую сумочку, дороговизна которой не вызывала сомнений.

В местной иерархии положение миссис Пикеринг было не самым высоким, и она принимала этот факт спокойно. Она медленно соображала, давая сдачу, а банкноты и монеты евро запутали ее окончательно; ее обвиняли в потере времени, когда она, несмотря на то что в магазине полно народу, болтала с покупателями, помогая им принять решение: одежда какого размера и цвета больше всего им идет. Она признавала за собой эти недостатки, которые ее совершенно не беспокоили. Миссис Фрейзер однажды сказала другой сотруднице: «Она болтлива и безнадежна во всем, что касается расчетов. Однако на нее можно полностью положиться, и она умеет обращаться с покупателями, так что нам с ней просто повезло». Миссис Пикеринг уловила только последнюю часть этой фразы, но, возможно, она не была бы разочарована, услышав ее полностью. Хотя оценка качества и цены была привилегией миссис Фрейзер, миссис Пикеринг не могла не отметить выделку кожи. Сумочка была дорогая и необычная. Миссис Пикеринг погладила ее, чувствуя податливость материала, потом положила сумку на кучу.

Следующие полчаса она, как обычно, протирала полки от пыли, раскладывала вещи в порядке, предписанном миссис Фрейзер, перевешивала одежду, оставленную жадными руками покупателей не на тех вешалках, и наконец достала кружки «Нескафе», собираясь сразу по приходе миссис Фрейзер сделать кофе. Леди пришла, как и всегда, вовремя. Заперев за собой дверь и одобрительно оглядев магазин, она вслед за миссис Пикеринг направилась в дальнюю комнату.

— Вот, — сказала миссис Пикеринг. — Оставили у двери, как обычно. Люди так невнимательны, в записке же все ясно сказано. Там мало интересного — за исключением сумочки.

Компаньонке миссис Фрейзер было известно, что последняя не может устоять перед новым мешком с приношениями. Пока миссис Пикеринг включала чайник и насыпала «Нескафе», та пошла к пакету. Обе молчали. Миссис Пикеринг смотрела, как миссис Фрейзер взяла сумочку, внимательно изучила застежку, повертела ее в руках.

— Это Гуччи, и она выглядит так, будто ею почти не пользовались. Кому могло прийти в голову отдать нам такое? Вы не заметили, кто оставил мешок?

— Нет, он уже был здесь, когда я пришла. Вообще-то сумочка лежала не сверху. Ее засунули глубоко вниз. Я просто из любопытства там пошарила и нащупала ее.

— Очень странно... Это сумочка богатой женщины. Богатые не приносят нам ненужные вещи. Вместо этого они посылают с ними свою прислугу в дорогие комиссионные магазины. Именно так богатые и остаются богатыми. Они знают цену тому, чем владеют. У нас никогда не было сумочки такого качества.

В сумочке был потайной кармашек; миссис Фрейзер засунула в него пальцы и вытащила визитную карточку. Забыв про кофе, подошла миссис Пикеринг, и они вместе стали ее рассматривать. Карточка была маленькая, шрифт — изящный и ясный. Они прочли: «Селия Меллок», и внизу, в левом углу, «Полиэнн промоушнз, театральные агенты, Ковент-Гарден, 2».

— Может, нам следует связаться с агентством и попробовать найти хозяйку? — спросила миссис Пикеринг. — Мы бы вернули сумочку. Она могла попасть к нам по ошибке.

Миссис Фрейзер не любила вдаваться в такие тонкости, находя их неуместными.

— Если люди отдают нам вещи по ошибке, то идти сюда и просить их вернуть — их дело. Мы не можем думать еще и об этом. Если вещи оставлены на улице, мы имеем право выставить их на продажу.

— Можно показать сумочку миссис Робертс, — сказала миссис Пикеринг. — Думаю, она дала бы за нее хорошую цену. Кажется, она сегодня должна прийти?

У миссис Робертс, случайной и не особенно надежной работницы, был хороший глаз, и она всегда давала на десять процентов больше той суммы, которую миссис Фрейзер отваживалась спросить с покупателя.

Миссис Фрейзер не ответила. Она вдруг затихла — настолько, что в какой-то момент показалось, будто она не способна двигаться.

— Я вспомнила, — сказала она. — Мне знакомо это имя. Селия Меллок. Я слышала его этим утром по местному радио. Девушка, которую нашли мертвой в том музее... Дюпейна, что ли?

Миссис Пикеринг не сказала ничего. Возбуждение компаньонки заразило и ее, но она — хоть тресни — не могла ухватить, в чем тут суть. Почувствовав наконец, что нужно как-то отреагировать, она сказала:

— Получается, девушка решила отдать сумочку до того, как ее убили.

— Вряд ли она могла принять такое решение после собственного убийства, Грейс! И глянь на остальные вещи: они не могли принадлежать Селии Меллок. Наверняка кто-то спрятал среди них сумочку, чтобы избавиться от нее!

Миссис Пикеринг всегда уважала в миссис Фрейзер ее интеллект. Столкнувшись со столь незаурядными дедуктивными способностями, она судорожно искала подходящий ответ.

— Что, по-вашему, нам следует делать? — спросила наконец миссис Пикеринг.

— Ответ предельно прост. Мы оставляем на двери табличку «Закрето» и в десять не открываемся. А теперь звоним в полицию.

— Вы хотите сказать — в Скотленд-Ярд? — уточнила миссис Пикеринг.

— Именно. Они расследуют убийство Меллок — к ним надо обращаться в первую очередь.

Следующие час сорок пять доставили двум леди невообразимое удовольствие. Пока миссис Фрейзер звонила, ее подруга стояла рядом и восхищалась, как четко та рассказывает об их находке. Наконец миссис Пикеринг услышала:

— Да, мы уже так и сделали. Мы останемся в дальней комнате, поэтому люди не будут нас видеть и не начнут барабанить в дверь. Если вы хотите пройти незаметно, есть черный ход.

— Они кого-то к нам пошлют, — сказала миссис Фрейзер, положив трубку. — Они приказали не открывать магазин и ждать их в офисе.

Ожидание было недолгим. К черному ходу подъехала машина с двумя офицерами-мужчинами: тот, что поплотнее, явно был старшим, а второй, высокий и смуглый, был настолько симпатичным, что миссис Пикеринг буквально не могла отвести глаз. Старший представился инспектором Тарентом, а о своем коллеге сказал, что это сержант Бентон-Смит. Миссис Фрейзер, пожимая сержанту руку, одарила его взглядом, в котором угадывалось сомнение: следует ли офицерам полиции быть столь привлекательными? Миссис Пикеринг поведала свою историю еще раз; миссис Фрейзер стояла рядом, демонстрируя исключительные способности к самоконтролю, готовая поправить любые неточности и уберечь подругу от хлопот с полицией.

Перед тем как взять сумку, инспектор Тарент надел перчатки и сунул ее в большой пластиковый конверт, который закрыл и надписал.

— Мы благодарны вам обеим, леди, что поставили нас в известность о своей находке, — сказал он. — Сумочка может представлять определенный интерес. Если это так, нам нужно выяснить, кто до нее дотрагивался. Не могли бы вы поехать сейчас с нами? Необходимо взять у вас отпечатки пальцев. Естественно, только для исключения ненужных вариантов. Они будут уничтожены, как только не будут больше нужны.

Миссис Пикеринг вообразила себя подъезжающей к Нью-Скотленд-Ярду, на Виктория-стрит. Она столько раз видела ту вращающуюся вывеску по телевизору! Вместо этого, к некоторому ее разочарованию, их доставили в ближайшее полицейское отделение и с минимумом суеты взяли отпечатки. Когда каждый из пальцев миссис Пикеринг был аккуратно прижат к бумаге, она почувствовала возбуждение от совершенно новых ощущений и радостно болтала на протяжении всей процедуры. Миссис Фрейзер, не теряя достоинства, спросила лишь о том, как узнать об уничтожении отпечатков, когда тому придет время. Через полчаса они уже были опять в магазине и заваривали свежий кофе. После будоражащих утренних событий подругам это было просто необходимо.

— Они отнеслись ко всему очень спокойно, не правда ли? — заметила миссис Пикеринг. — Они нам ничего не рассказали — ничего существенного. Вы думаете, эта сумочка действительно для них важна?

— Конечно, важна, Грейс. Иначе они не стали бы просить наши отпечатки.

«Вся эта внешняя невозмутимость — лишь уловка», — чуть было не добавила миссис Фрейзер. Вместо этого она сказала:

— Полагаю, тому старшему офицеру незачем было намекать, что, если об этом станет известно, ответственность ляжет на нас. В конце концов, мы дали слово никому ничего не рассказывать, и наша разумность не вызывает никаких сомнений. Этого вполне достаточно.

— Ах, Элинора, я не думаю, что он намекал именно на это! Немного обидно, правда? Мне всегда нравилось в конце дня что-нибудь рассказать Джону. Мне кажется, ему нравится слушать о людях, которых я встретила, особенно о покупателях. Некоторые из них, стоит с ними разговориться, рассказывают такие интересные вещи, верно? А не рассказать о самом интересном — интереснее просто ничего не случилось — никуда не годится!

В душе миссис Фрейзер согласилась с приятельницей. Возвращаясь в полицейскую машину, она не могла не думать о миссис Пикеринг, которая должна была молчать, хотя вряд ли у нее это получится. Да и сама миссис Фрейзер не собиралась ничего утаивать от мужа. Как-никак Сирил — судья и понимает всю важность таких секретов.

— Боюсь, Джону придется подождать, — сказала она. — Если о новостях узнают в гольф-клубе, это будет катастрофа. И не надо забывать, Грейс, сумку нашла ты. Тебя могут вызвать в качестве свидетеля.

— Боже милостивый!

Миссис Пикеринг замолчала; чашка кофе с полдороги отправилась обратно на блюдце.

— Ты хочешь сказать, что мне придется войти в кабину для свидетелей? Я буду отвечать на вопросы суда?

— Ну разумеется, вряд ли они проводят процесс в кабинке общественного туалета!

«Да уж! — подумала миссис Пикеринг. — Для невестки предыдущего лорд-мэра Элинора иногда слишком груба!»

7

Встреча с сэром Дэниелом была назначена на половину десятого; время было предложено самим Холстедом, когда он за час до этого позвонил Дэлглишу. Они с женой вряд ли успели прийти в себя после полета, и все же нетерпение переговорить с полицией пересилило. Дэлглиш сомневался, спал ли кто-нибудь из супругов, узнав новости. Разве что урывками. Он считал правильным и разумным встретиться с этой парой самому, взяв Кейт с собой. В адресе Холстедов был указан современный квартал на Брук-стрит. Внизу их ждал швейцар, который тщательно изучил удостоверения полицейских, сообщил о них по телефону и затем показал на лифт с кодовым замком. Набрав код, он пустил детективов внутрь и сказал:

— Просто нажимайте эту кнопку, сэр. Это частный лифт, идущий прямо в квартиру сэра Дэниела.

Вдоль одной стены лифта стояло низкое мягкое сиденье; с трех остальных сторон висели зеркала. Дэлглиш увидел себя с Кейт отразившимися бесконечное число раз. Они молчали. Лифт гладко шел вверх, потом мягко остановился. Почти сразу двери беззвучно разошлись.

Полицейские оказались в широком коридоре, по каждой стороне которого тянулась шеренга дверей. На стене перед ними висели в два ряда изображения экзотических птиц. Выйдя из лифта, они заметили двух идущих к ним женщин; обе беззвучно ступали по мягкому ковру. Одна из них, в черном брючном костюме, державшая себя с несколько обеску-

раживающей самоуверенностью, напоминала секретаршу. Другая была моложе, со светлыми волосами, одетая в белый халат. У нее на плече висел складной массажный столик.

— До завтра, мисс Мерчинсон, — сказала старшая. — Если вам хватит часа, я бы записала вас между стрижкой и маникюром. Тогда вам придется приехать на пятнадцать минут раньше. Леди Холстед не любит спешить с массажем.

Массажистка вошла в лифт, и двери закрылись. Женщина повернулась к Дэлглишу:

— Коммандер Дэлглиш? Сэр Дэниел и леди Холстед ждут вас. Сюда, будьте добры.

На Кейт она внимания не обратила, а та не стала представляться. Они прошли за секретарем по коридору к одной из дверей, которую та с привычной уверенностью открыла и объявила:

— Коммандер Дэлглиш и его коллега, леди Холстед.

И закрыла за собой дверь.

Они вошли в большую комнату с низкими потолками и четырьмя окнами, выходящими на Мейфэр. Помещение было обставлено богато, даже роскошно, в стиле дорогого отеля. Хотя рядом с камином, на столике стояли оправленные в серебряные рамки фотографии, здесь мало что указывало на чей-то индивидуальный вкус. Покрытый орнаментом мраморный камин был явно пристроен позже. На полу лежал серо-серебристый ковер, в тон камину, а на ковре — россыпь больших подушек, по цвету чуть более ярких, чем диваны и кресла. Над камином висел большой портрет светловолосой женщины в алом бальном платье.

Изображенная на портрете сидела у огня, и когда вошли Дэлглиш и Кейт, она изящно поднялась и двинулась навстречу, протягивая дрожащую руку. Ее муж стоял за стулом; теперь он тоже вышел вперед и взял ее под руку. Хрупкую страдающую женственность поддерживало впечатляющее мужское начало. Дэниел Холстед бережно отвел супругу обратно к стулу.

Сэр Дэниел был крупным, широкоплечим мужчиной, с тяжелым лицом и жесткими серыми волосами, зачесанными с широкого лба назад. Небольшие глаза неотрывно смот-

рели на Дэлглиша, и от их взгляда не ускользало ничего. Под глазами были мешки. Рассматривая невыразительное лицо Холстеда, Дэлглиш вдруг вспомнил: как-то на обед в приходе один землевладелец, церковный староста, привел с собой мультимиллионера — а в те времена миллион еще кое-что значил. Тот тоже был большим, приветливым и простым в общении. Во время застольной беседы четырнадцатилетний Адам заметил в госте некоторую туповатость, и это сбilo его с толку. Тогда-то он и понял, что способность делать большие деньги — это своего рода талант, весьма выгодный обладателю и, возможно, полезный окружающим. Однако ему не сопутствуют ни добродетели, ни мудрость, ни ум — лишь безупречное владение своим несущим процветание ремеслом. Дэлглиш отдавал себе отчет, что подводить под один стереотип всех очень богатых заманчиво, но опасно, и все же те в самом деле обладали некоторыми общими качествами — хотя бы в результате постоянной тренировки самоуверенности. Коммандер и инспектор из городской полиции особого впечатления на сэра Дэниела произвести не могли.

— Спасибо, что пришли так быстро, — сказала леди Холстед. — Давайте присядем, не возражаете? — Она посмотрела на Кейт. — Извините, я не ожидала, что вы придете не один.

Дэлглиш представил Кейт, и все четверо прошли к колоссальным диванам и сели под правильными углами к окну. Адам предпочел бы почти любое другое сиденье в комнате этой удушающей роскоши. Он устроился на самом краешке и искоса глянул на Холстедов.

— Мне жаль, что нам пришлось сообщить столь ужасную новость, к тому же по телефону, — сказал он. — Еще слишком рано делать выводы, и о том, как умерла ваша дочь, я могу рассказать не очень много и тем не менее сделаю все, что могу.

— О, пожалуйста, прошу вас, пожалуйста! — Леди Холстед наклонилась вперед. — Я чувствую себя такой беспомощной! Мне кажется, будто я еще не осознала это. Я почти ждала, что вы сейчас расскажете о чудовищной ошибке. По-

жалуйста, простите меня, я так путано говорю. Перелет... — Она осеклась.

— Вы могли бы сообщить новость с большим тактом, командер! — сказал ее муж. — Звонившей женщине-офицеру — полагаю, это были вы, инспектор Мискин, — такта явно не хватало. Меня никак не предупредили об исключительной важности звонка.

— Мы не стали бы звонить в такой час и будить вас, будь повод менее важным, — ответил Дэлглиш. — Если вы почувствовали, что вам сообщили эту новость с недостаточной чуткостью, извините. Само собой, инспектор Мискин хотела поговорить с вами, а не с леди Холстед, дабы вы нашли наилучший способ рассказать ей.

— И ты был так добр ко мне, дорогой. — Леди Холстед повернулась к мужу. — Ты сделал все наилучшим образом! Ты не мог сообщить такую новость осторожнее, не правда ли? Нет, конечно. Рассказать матери, что ее ребенок убит, — такое невозможно смягчить! Никак!

Дэлглиш нашел ее отчаяние вполне искренним. Как же иначе? К несчастью, почти все в леди Холстед отдавало некоторой театральностью, от которой недалеко до лживости. На ней был безупречный черный костюм, сшитый в военном стиле, с рядом блестящих медных пуговиц вдоль обшлагов, с короткой юбкой. Светлые волосы казались только что уложенными, а ее макияж, эти аккуратные тени на скулах и тщательно обведенные губы — такое могла сделать только твердая рука. Юбка обнажила колени леди Холстед; она сидела, переставляя красивые худые ноги; колени обтягивал тонкий нейлон. Можно рассматривать такую безупречность как отважность женщины, предпочитающей встречать как трагедии, так и простые неприятности во всеоружии. Адам не заметил у леди Холстед сходства с дочерью, но в этом было мало удивительного. Насильственная смерть лишает убитого любых связей с жизнью.

Муж леди Холстед, как и Дэлглиш, сидел, свесив руки между коленей. На его лице читалось нетерпение, а глаза вниматель-

но смотрели на лицо жены. Дэниел Холстед не мог воспринимать смерть девушки как личную потерю. Он ее едва знал, и она могла быть лишь осложнением в его жизни, в которой и без того полно забот. А теперь он столкнулся с трагедией, о которой говорили, и от него ждали соответствующих чувств. Возможно, Холстед не отличался от остальных мужчин. Он хотел домашнего покоя, со счастливой или хотя бы довольной женой, а не с постоянно горюющей матерью. Впрочем, это пройдет. Она простит себя за то, что не любила дочь; может быть, убедит себя, что на самом деле *любила* своего ребенка, сколь бы это ни было безосновательно. Возможно, рассудок подскажет ей, что нельзя полюбить — даже свое дитя — усилием воли. Леди Холстед казалась скорее смущенной, нежели охваченной горем; ее руки тянулись к Дэлглишу, и в этом жесте не было трогательности — скорее признак истерики. Длинные ногти покрывал ярко-красный лак.

— Я все еще не могу в это поверить, — говорила она. — Даже ваше присутствие не помогает мне мыслить яснее. Поднимаясь в самолет, я воображала, как мы приземлимся и она будет нас ждать, объяснив затем, что все было ошибкой. Я бы поверила, если бы ее увидела, но я не хочу ее видеть. Не думаю, что я смогу это перенести! Мне не придется на нее смотреть, правда? Они ведь не могут меня заставить?

Леди Холстед обратила отчаянный взгляд на мужа. Сэр Дэниел с трудом сдерживал нетерпение в голосе:

— Конечно, не могут! Если будет такая необходимость, я ее опознаю.

Она посмотрела на Дэлглиша:

— Когда ребенок умирает до тебя — это неестественно, такого не должно случаться.

— Да, — ответил он. — Такого не должно случаться.

Его собственный ребенок умер вместе со своей матерью вскоре после рождения. В последнее время Адам думал о них чаще, чем за все эти годы. Эти мысли приносили с собой давно покоящиеся на дне его памяти воспоминания: мертвая молодая жена; ранняя необдуманная женитьба, после того как

он дал ей столь страстно желаемое — себя самого, и этот дар казался ему таким незначительным; лицо его сына, с выражением почти самодовольства — как если бы он раньше не знал ничего, а вот теперь знает все. Тоска по умершему сыну растворилась в агонии жены и в захватившем его осознании собственного участия в некой общей скорби; он стал частью чего-то неизвестного раньше. Впрочем, долгие годы постепенно залечили раны. Он по-прежнему в день смерти жены ставил ей свечу: она бы так хотела. Но теперь, думая о ней, Дэлглиш испытывал светлую печаль, а не боль. Теперь, если бы все пошло хорошо, у него опять был бы ребенок — его и Эммы. Эта мысль, в которой смешались страх и беспочвенное желание, заставила Адама нервничать.

Он буквально ощущал на себе взгляд миссис Холстед. Между ними словно что-то пробежало; и Дэлглиш назвал бы это внезапной симпатией.

— Вы понимаете, не правда ли? — спросила она. — Понимаете, я вижу! И вы найдете того, кто убил ее? Обещайте мне это!

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Дэлглиш. — Только нам нужна ваша помощь. Мы очень мало знаем о жизни вашей дочери, ее друзьях, ее интересах. Известен ли вам кто-нибудь близкий для нее, с кем она могла встречаться в музее Дюпейна?

Леди Холстед беспомощно посмотрела на мужа.

— Я думаю, вы неправильно оцениваете ситуацию, командер, — сказал тот. — Я вроде бы четко дал понять: моя падчерица вела жизнь самостоятельной женщины. В день своего восемнадцатилетия она получила право распоряжаться доставшимися ей деньгами, купила в Лондоне квартиру и практически исчезла из нашей жизни.

— Такова молодость, дорогой. — Жена развернулась к сэру Дэниелу. — Они хотят быть независимыми. Мне это понятно — нам обоим это понятно.

— Перед тем как уехать, она жила здесь с вами? — спросил Дэлглиш.

Ему снова отвечал сэр Дэниел:

— Как правило, да. Некоторое время она проводила в нашем доме в Беркшире. Мы держим там минимум прислуги, и время от времени Селия туда приезжала, иногда с друзьями. Они устраивали там вечеринки — обычно прислуга оставалась недовольна.

— Доводилось ли вам или леди Холстед встречаться с кем-нибудь из этих друзей? — спросил Дэлглиш.

— Нет. Предполагаю, что они были случайными нахлебниками, а не друзьями. Она никогда о них не рассказывала. Даже живя в Англии, мы редко ее видели.

— Думаю, она не приняла мой развод с ее отцом, — сказала леди Холстед. — А потом, когда он погиб в авиационной катастрофе, во всем обвинила меня: будь мы вместе, он не оказался бы на том самолете. Она обожала Руперта.

— Так что, боюсь, рассказать мы можем очень немного, — сказал сэр Дэниел. — Мне известно, что одно время она пыталась стать поп-звездой и истратила на уроки пения кучу денег. У нее и в самом деле был агент, но из этого ничего не вышло. Еще до ее совершеннолетия мы смогли убедить ее пойти в школу, в Суотлинг, на год. Ее образование было весьма беспорядочным: одна школа за другой. У Суотлинга хорошая репутация. И естественно, она там не осталась.

— Не знаю, известно ли вам, что Кэролайн Дюпейн, одна из попечительниц музея Дюпейна, входит в правление Суотлинга? — спросила Кейт.

— Вы имеете в виду, что Селия пришла в музей, чтобы встретиться с ней?

— Мисс Дюпейн говорит, что нет, да и не похоже. Однако таким образом она могла узнать о музее.

— Наверняка кто-нибудь видел, как она приехала. И не мог не заметить, кто был с ней.

— В музее не хватает работников, поэтому Селия и ее убийца могли попасть туда незамеченными, — сказал Дэлглиш. — Возможно, убийца смог уйти в пятницу вечером. На данный момент мы этого не знаем. Доктор Невил Дюпейн

был убит в ту же пятницу — возможно, здесь есть связь. Однако сейчас ничего нельзя утверждать с уверенностью. Расследование только началось. Мы, конечно, будем держать вас в курсе. Кое-каких результатов мы ждем этим утром. А причина смерти ясна — это удушье.

— Пожалуйста, скажите мне, что все произошло быстро! — сказала миссис Холстед. — Прошу вас, скажите, что она не страдала!

— Думаю, все произошло быстро, леди Холстед.

Что он мог еще сказать? Зачем взваливать на нее все, что выпало на долю ее ребенка?

— Когда выдадут тело? — спросил сэр Дэниел.

— Вскрытие состоится завтра. Я не знаю, когда выдадут тело.

— Похороны мы устроим скромные, — сказал сэр Дэниел. — Это будет кремация. И мы были бы благодарны вам за любую помощь в удерживании на расстоянии зевак.

— Мы сделаем все, что в наших силах. Лучший способ уберечься от посторонних — по возможности сохранить место и время похорон в секрете.

— Но, дорогой, — обратилась к мужу леди Холстед, — мы не можем вот так просто ее убрать, словно она была никем! С ней захотят попрощаться ее друзья! Нужно по крайней мере устроить панихиду в какой-нибудь симпатичной церкви. Лучше всего в Лондоне. Псалмы, цветы, что-нибудь красивое в память о ее жизни — такую службу, которую люди не забудут!

Она выжидательно поглядела на Дэлглиша, будто он сразу должен был начать искать подходящее место, священника, органиста, хор, цветы...

— Селия и близко не подходила к церкви, — заметил ее муж. — Если смерть вызвала большой шум и была достаточно драматичной, церковь уместна. Я сомневаюсь, что здесь имеет место нечто подобное. У меня нет желания давать шанс фотографам.

Он не мог продемонстрировать свое главенство более красноречиво. Жена посмотрела на сэра Дэниела, потом опустила глаза и покорно сказала:

— Если ты так решил, дорогой...

Вскоре они ушли. Сэр Дэниел попросил, точнее, потребовал держать его в курсе расследования. Внизу повторился тот же ритуал, что и при прибытии. Все было узнано, все сказано. Сэр Дэниел проводил полицейских до лифта и затем доехал с ними до первого этажа. Дэлглиш подумал, что за такой почтительностью скрывалось желание сказать что-нибудь с глазу на глаз, но Холстед молчал.

В машине Кейт сказала:

— Мне интересно, сколько у нее времени ушло на этот макияж и ногти. Та еще горяющая мать, правда?

Дэлглиш смотрел на дорогу перед собой.

— Если для ее самомнения важно встречать день накрашенной, с ухоженными ногтями, если для нее это столь же привычно, как душ, с какой стати отказываться от этого? Чтобы выглядеть подавленной, как того требуют приличия? Богатых и знаменитых тоже убивают, как и любого из нас: привилегированность не дает иммунитета от семи смертных грехов. Нам следует помнить, что им тоже свойственны человеческие чувства, в том числе и скорбь.

Он говорил спокойно, сам себе, однако Кейт слышала его иначе. Дэлглиш редко критиковал, и все же когда это происходило, ей хватало соображения не объяснять и не извиняться. Она сидела красная, охваченная ощущением собственного ничтожества.

Адам продолжил, при этом его голос стал мягче, будто предыдущих слов не было:

— Я бы хотел, чтобы вы с Пирсом поговорили с леди Суотлинг. Выясните, не собралась ли она рассказать о Селии Меллок больше, чем Кэролайн Дюпейн. Суотлинг и Дюпейн, конечно, предварительно посоветовались. С этим мы ничего поделать не можем.

У Кейт запищал мобильный.

— Это Бентон-Смит, сэр. Ему только что позвонили из магазина благотворительных распродаж в Хайгейте. Похоже, они нашли эту сумочку. Пирс и Бентон-Смит уже на пути туда.

8

Помещение, в котором леди Суотлинг приняла Кейт и Пирса, было, несомненно, ее офисом. Царственно замедленным жестом она указала на диван и сказала:

— Пожалуйста, садитесь. Могу ли я вам что-нибудь предложить? Кофе? Чай? Мне известно, что вы не склонны выпивать на службе.

Кейт в ее тоне послышался намек, будто вне службы у полицейских принято напиваться до состояния столбняка. Не дав Пирсу заговорить, инспектор ответила:

— Спасибо, не надо. Мы не собираемся вас надолго отвлекать.

Офис сбивал с толку. У этой комнаты было двойное предназначение — непонятно, какое главное. Сдвоенный стол перед южным окном, компьютер, факс и тянущиеся вдоль левой стены металлические шкафы с папками играли роль собственно офиса. Правая сторона комнаты обладала домашним уютом гостиной. В изящном камине горел газ, давая мягкое тепло, дополняющее работу радиаторов. На каминной полке стояла вереница фарфоровых фигурок, а над ней висел масляный портрет. Женщина восемнадцатого века, с поджатыми губами и сверкающими глазами, в сильно декольтированном платье из дорогого синего атласа, держит в длинных пальцах апельсин — так осторожно, будто ждет, что он сейчас взорвется. У дальней стены стоял буфет со всевозможными фарфоровыми чашками и блюдами, розовыми и зелеными. Правая сторона комнаты создавала определенное впечатление, выгодно выделяющее леди Суотлинг.

Хозяйка офиса взяла инициативу в свои руки. Не успели Кейт или Пирс открыть рот, как она уже говорила:

— Вы здесь, конечно, в связи с трагедией в музее Дюпейна — смертью Селии Меллок. Естественно, я хочу помочь вам в ваших поисках, если смогу; только непонятно, в чем именно может заключаться моя помощь. Мисс Дюпейн на-

верняка сказала вам, что Селия оставила школу весной прошлого года, отучившись лишь два триместра. У меня нет никакой информации о ее дальнейшей жизни и занятиях.

— При любом убийстве нам нужно знать о жертве как можно больше, — сказала Кейт. — Мы надеемся услышать о Селии хоть что-нибудь. Например, о ее друзьях, какой она была учащейся, интересовалась ли она музеями?

— Боюсь, я не смогу. С такими вопросами следует обращаться к ее семье или к людям, которые ее знали. Эти две трагические смерти не имеют никакого отношения к Суотлинг.

Пирс устался на леди Суотлинг, и в его взгляде смешались восхищение и презрение. Кейт знала этот взгляд: леди Суотлинг ему не понравилась. Он вкрадчиво сказал:

— И все же связь есть, не правда ли? Селия Меллок здесь училась, мисс Дюпейн входит в правление, здесь работала Мюрел Годбай, а умерла Селия в музее Дюпейна. Боюсь, при убийстве приходится задавать вопросы, ставящие невиновного в не менее неловкое положение, чем виновного.

«Пирс придумал эту фразу заранее. Разумно, и он еще этим воспользуется», — сказала про себя Кейт.

На леди Суотлинг слова Пирса произвели впечатление.

— Училась Селия неудовлетворительно — главным образом потому, что была несчастным ребенком и ее совершенно не интересовало то, что мы могли предложить, — начала она. — Мисс Дюпейн не хотела ее брать, но леди Холстед, с которой я знакома, была очень настойчива. Девушку выгнали из двух предыдущих школ, и мать с отчимом очень хотели, чтобы она получила хоть какое-то образование. К несчастью, Селия пришла сюда не по собственному желанию, а такое начало не обещает ничего хорошего. Как я уже вам говорила, я ничего не знаю о ее жизни до школы. В Суотлинге мы встречались очень редко, а после ухода Селии я не видела ее ни разу.

— Хорошо ли вы знали доктора Невилу Дюпейна, леди Суотлинг? — спросила Кейт.

Вопрос вызвал у нее неудовольствие и недоумение.

— Ни разу с ним не пересекалась. Насколько мне известно, он никогда не приходил в школу. Года два назад мистер Маркус Дюпейн приезжал на концерт одной из наших учениц — но не его брат. Мы даже по телефону не разговаривали. И совершенно точно не встречались.

— К нему не обращались по поводу какой-нибудь из ваших учащихся? — спросила Кейт. — Например, по поводу Селии Меллок?

— Нет, я уверена. Кто-то высказывал такие предположения?

— Никто не высказывал, леди Суотлинг. Мне просто пришло в голову спросить.

— Какими были отношения между Селией и Мюрел Годбай? — вмешался Пирс.

— Никаких. Откуда? Мисс Годбай была всего лишь секретаршей. Некоторые девочки ее не любили, хотя, насколько я помню, от Селии Меллок жалоб не поступало. — Помолчав, она добавила: — Возможно, вы хотите задать мне еще один вопрос. Должна признаться, он мне не по нраву, но я отвечу. В прошлую пятницу после обеда, с трех часов и до самого вечера, я была в колледже. Дневные дела записаны в моем настольном ежедневнике, а мои посетители, в том числе и юрист, приходивший в половине пятого, подтвердят мои слова. Мне жаль, что я больше ничем не могу помочь. Если я вспомню о чем-либо, относящемся к делу, обязательно с вами свяжусь.

— И вы уверены, что не встречались с Селией со времени ее ухода из Суотлинг? — еще раз спросила Кейт.

— Я уже говорила об этом, инспектор. А теперь, если вопросов больше нет, меня ждут дела. Само собой, я напишу леди Холстед письмо с соболезнованиями.

Поднявшись, она направилась к двери. Швейцар, пустивший детективов внутрь, уже ждал. Кейт не сомневалась, что он там простоял на протяжении всей беседы.

Уже у машины Пирс сказал:

— Ловко устроилась, а? О ее приоритетах гадать не приходится: на первом месте — она, на втором — школа. Заметила

разницу между этими двумя столами? Один почти пуст, на втором полно бумаг. О том, кто где сидит, гадать опять же не приходится. Элегантная леди Суотлинг поражает воображение родителей, а Кэролайн Дюпейн выполняет всю работу.

— Зачем это ей? Что она с этого имеет?

— Возможно, Дюпейн надеется на то, что школа перейдет к ней. Дом она, однако, не получит, если только он также не будет завещан. Возможно, именно на это Кэролайн Дюпейн и рассчитывает.

— Наверное, ей хорошо платят за работу, — сказала Кейт. — Что мне интересно, так это не причины, удерживающие Дюпейн здесь, а что ее заставляет так печься о музее.

— Семейная гордость. Квартира — ее дом. Она не может время от времени не убираться из школы. А ты ведь тоже не в восторге от нее?

— Как и от школы. Привилегированное местечко. Богатенькие шлют в такие своих детишек в надежде на время от них отдохнуть. Обе стороны понимают, что к чему. Родители платят неподъемные деньги, а школьные служащие следят, чтобы девчонка не забеременела, держат ее подальше от наркоты и выпивки, обеспечивают встречи с правильными мужчинами.

— Это ты слишком. Я как-то встречался с такой девушкой. Образование ей не повредило. В Оксфорде ее не ждали, но готовить она умела.

— А ты, само собой, был тем самым «правильным мужчиной».

— Ее мама так не считала. Хочешь сесть за руль?

— Хочу прийти в себя, лучше ты. Ну что, Эй-Ди сообщим, что леди Суотлинг, возможно, что-то знает, да говорить не хочет?

— Ты считаешь ее одной из подозреваемых?

— Нет. Она не стала бы предоставлять такое алиби, не будь она в нем уверена. Проверим, если понадобится. На данный момент это будет потерей времени. Она чиста в отношении обоих убийств, хотя и может оказаться соучастницей.

Пирс отмахнулся.

— Ты преувеличиваешь. Посмотри на факты. Сейчас мы пришли к выводу о связи между этими двумя смертями. Из этого следует, что если леди Суотлинг замешана в смерти Селии, то она замешана и в смерти Невила Дюпейна. Я сразу поверил только в одно: когда она сказала, что ни разу не пересекалась с ним. И почему она должна беспокоиться, закроется музей или нет? Ей даже удобнее, если Кэролайн еще теснее привяжется к школе. Да, она чиста. О'кей, леди Суотлинг может лгать или что-то утаивать, но в этом нет ничего нового.

9

Седьмого ноября пятнадцать минут четвертого команда Дэлглиша собралась для обсуждения проделанной работы. Это была среда. Бентон-Смит заранее принес бутерброды, а секретарша сварила большую порцию крепкого кофе. Теперь все следы трапезы были убраны, и детективы разложили на столе бумаги и блокноты.

Найденная сумка представляла интерес, но не продвинула следствие вперед. Засунуть сумку в черный пакет мог любой из подозреваемых — спланировав все заранее или приняв сиюминутное решение. Такая идея скорее пришла бы в голову женщине, а не мужчине, и все же надежной такую улику назвать было нельзя. Ответ от оператора сотовой связи на их запрос о местоположении Мюрел Годбай в момент ее звонка Талли Клаттон еще не пришел. Эта услуга пользовалась большим спросом, и там выполняли более срочные заказы. Параллельное изучение профессиональной жизни Невила Дюпейна до переезда в Лондон из центральной Англии в 1987 году увенчалось лишь молчанием местной полицейской службы. Хотя ничего особенно разочаровывающего в этом не было: делу не исполнилось еще и недели.

Сейчас Кейт и Пирс собирались отчитаться о посещении квартиры Селии. Дэлглиша немного удивило молчание Кейт — говорил Пирс. Несколько секунд спустя стало ясно, что он наслаждается собственным рассказом. Короткие, отрывистые фразы делали картину очень живой.

— Квартира на первом этаже, окна выходят на центральный парк. Деревья, клумбы, ухоженная лужайка; дорогая часть квартала. На окнах решетки, на двери два кодовых замка. Большая гостиная в передней части, в глубине — три двойные спальни, все с ванными комнатами. Возможно, папочкин юрист купил квартиру в качестве задела на будущее. Я бы сказал, что, по нынешним ценам, она стоит как минимум миллион. Дизайн кухни — агрессивно-современный. Непохоже, чтобы кто-то утруждал себя готовкой. Холодильник провонял прокисшим молоком, просроченными яйцами и полуфабрикатами из супермаркета. Она оставила дом в беспорядке. Одежда разложена на кровати, то же самое в двух остальных комнатах, ящики под завязку, комоды набиты. Около пятидесяти пар обуви, двадцать сумочек, несколько платьев, открывающих промежность и бедра ровно до той степени, когда арест еще не грозит. Осмотр стола особой удачи не принес. Она не заботилась об оплате срочных счетов, не отвечала на официальные письма — даже если они приходили от ее собственных юристов. Ее капиталами управляет некая фирма из Сити; акции государственного займа, обыкновенные акции — все как обычно. От денег она избавлялась с замечательной скоростью.

— Какие-либо признаки любовника? — спросил Дэлглиш.

Теперь заговорила Кейт:

— На простыне, лежащей в бельево́й корзине, есть пятна. Похоже на сперму, однако пятна давние. Больше ничего. Она принимала противозачаточные таблетки. Мы нашли пачку в шкафчике в ванной. Наркотиков нет, зато выпивки много. Похоже, она пробовала стать моделью: есть альбом с фотографиями. Еще одной заветной мечтой была карьера поп-звезды. Нам известно, что она была на учете в агентстве и платила бешеные деньги за уроки пения. Я думаю, ее использовали. Это странно, сэр, но мы не обнаружили ни одного приглашения — ничего, что указывало бы на наличие друзей. Можно было бы предпо-

ложить, что в такой квартире она могла бы жить не одна — для компании или чтобы уменьшить траты. Однако за исключением той простыни, нет никаких признаков присутствия кого-то еще. Наши «сумки для убийств» были с нами, и все-таки мы взяли простыню с собой. Я послала ее в лабораторию.

— Книги? Картины? — спросил Дэлглиш.

— Все дамские журналы, какие есть в продаже, в том числе журналы мод, — сказала Кейт. — Книги в мягких обложках, в основном популярная беллетристика. Фотографии поп-звезд. Больше ничего. — Потом она добавила: — Мы не нашли ни ежедневника, ни записной книжки. Она могла носить их в своей сумочке. Тогда они у убийцы — если он их не уничтожил. На автоответчике есть сообщение: звонили из местного гаража, сказали, что машина готова и ее можно забирать. Если она приехала не с убийцей, то скорее всего воспользовалась такси. Я не представляю такую девушку едущей в автобусе. Мы побывали в службе такси — в надежде, что они отследят водителя. Не было ни других сообщений, ни частных писем. Странно: такой беспорядок и никаких признаков общественной или личной жизни. Мне жаль ее. Я думаю, она была одинока.

Пирс отмахнулся:

— С какой это стати? Мы знаем, что современная святая троица — это деньги, секс и слава. Первые две составляющие у нее были, она надеялась заполучить третью.

— Беспочвенные надежды, — вставила Кейт.

— У нее были деньги. Мы видели банковские счета и пакет акций. Папочка оставил два с половиной миллиона. Не ахти какая удача по нынешним стандартам, но прожить можно. Девушке с такими деньгами и собственной квартирой в Лондоне не придется долго сидеть одной.

— Хоть она и не нуждалась, однако такие влюбляются, виснут и не отпускают, — сказала Кейт. — С деньгами или без денег — мужчины могли бояться с ней связываться.

— Один из них, чтобы не связываться, действовал на редкость эффективно. — Помолчав, Пирс продолжил: — Ребятам было бы непросто жить в таком бардаке. Кстати, в дверь была просунута записка от уборщицы: она сообщала, что не

сможет прийти в четверг, так как ей надо класть ребенка в больницу. Надеюсь, ей хорошо платили.

— Если вас убьют, Пирс, — раздался спокойный голос Дэлглиша, — а это нельзя назвать таким уж невероятным событием, — мы должны надеяться, что отвечающий за расследование офицер, роясь в ваших личных вещах, не будет слишком строгим.

— Я не забываю об этом, сэр, — серьезно ответил Пирс. — По крайней мере они найдут их в полном порядке.

«Я заслужил это», — подумал Дэлглиш. Данная часть работы всегда была для него тяжелой: полное отсутствие дистанции по отношению к жертве. Убийство сдерживает с человека больше, чем жизнь. Тело упаковывали, вешали на него ярлык, расчлняли; записные книжки, ежедневники, конфиденциальные письма — каждая сторона жизни извлекалась и внимательно изучалась. Чужие руки шарили в одежде, вытаскивали и ощупывали всякую мелочь, описывали и приклеивали этикетки, чтобы выставить на всеобщее обозрение печальные свидетельства чьего-то существования — иногда жалкого существования. Эта жизнь, при всей своей привилегированности, тоже оказалась жалкой. Они увидели богатую, но ранимую и одинокую девушку, ищущую вход в мир, который даже на ее деньги не купить.

— Вы опечатали квартиру? — спросил Дэлглиш.

— Да, сэр. И мы поговорили с уборщиком. Он живет в квартире на северной стороне; вступил в должность всего шесть месяцев назад и ничего о Селии не знает.

— Судя по записке в двери, уборщице не доверяли ключи, — заметил Дэлглиш. — Если, конечно, письмо доставила она сама. Уборщица может нам понадобиться. Как там Брайан Кларк со своими ребятами?

— Завтра они первым делом направятся туда, сэр. Простыня — это и в самом деле важно. Она у нас. Вряд ли они найдут что-то еще. Ее там не убивали; место, где произошло убийство, так не выглядит.

— И все же пусть эксперты глянут, — сказал Дэлглиш. — Вы и Бентон-Смит можете встретиться с ними прямо там. Соседи могут что-то знать о посетителях.

Они перешли к полученному час назад заключению о смерти, составленному доктором Кинестоном. Беря свой экземпляр, Пирс сказал:

— Изучая заключение о смерти, созданное нашим доком Кинестоном, можно многое узнать, но как терапевтическое средство оно никуда не годится. Его полнота и дотошность достойны восхищения, хотя главное — это какая ему нравится музыка. Мне показалось, что вы грохнетесь в обморок, сержант.

Глянув на Бентона-Смита, Кейт увидела, как потемнело его лицо, а черные глаза превратились в блестящие угли. Тем не менее он спокойно перенес насмешку и холодно сказал:

— В какое-то мгновение так и случилось. — Он помолчал и взглянул на Дэлглиша. — Я впервые присутствовал на вскрытии молодой женщины.

Глядя в заключение, Адам сказал:

— Да, с ними тяжелее всех: с молодыми женщинами и детьми. Любому, кто может смотреть на их вскрытие без содрогания, стоит спросить себя: не ошибся ли он с выбором профессии? Давайте глянем, что нам сообщил доктор Кинестон.

Отчет патологоанатома подтвердил его первоначальные предположения. Главное давление оказала правая рука. На затылке небольшой кровоподтек, позволяющий предположить, что в борьбе девушку прижали к стене, но на физический контакт между жертвой и убийцей ничто не указывает. Под ногтями не обнаружено ничего, что указывало бы на попытки борьбы со стороны девушки. Важной новостью была ее двухмесячная беременность.

— Возможно, у нас появился еще один, дополнительный, мотив, — сказал Пирс. — Селия могла договориться о встрече с любовником, желая обсудить, что им делать дальше, или собираясь надавить на него с замужеством. Но почему в Дюпейне? У нее же была собственная квартира.

— В случае с такой девушкой, богатой и искушенной, беременность не похожа на мотив для убийства. Это так, неприятность, от которой можно избавиться, оставшись на ночь в какой-нибудь дорогой клинике, — сказала Кейт. — И как она забеременела, если сидела, судя по всему, на про-

тивозачаточных таблетках? Она сделала это намеренно или перестала предохраняться. Пачка была запечатана.

— Я сомневаюсь, что ее убили из-за этой беременности, — заговорил Дэлглиш. — Причина убийства кроется в том месте, где она оказалась. У нас есть единственный убийца и вторая жертва — Невил Дюпейн, которого изначально и собирались убить.

Картина, бывшая пока еще не более чем предположением, болезненно-ярко возникла в уме командера: человеческая фигура — пол пока неизвестен — открывает кран в садовом сарае. Сильный поток воды смывает следы бензина с одетых в резиновые перчатки рук. Рев огня. Потом раздается неясный звон разбитого стекла и треск первого занявшегося дерева. Что заставило Вулкана глянуть вверх? Предчувствие или опасение, что огонь может выйти из-под контроля? Бросив вверх единственный взгляд, в окне Комнаты убийств он увидел девушку, глядящую на него широко раскрытыми глазами; ее желтые волосы освещены огнем. Был ли это тот самый момент, тот самый единственный взгляд, после которого Селии Меллок было суждено умереть?

Дэлглиш услышал голос Кейт:

— Мы пока не ответили на вопрос, как Селия попала в Комнату убийств. Похоже, единственный путь — через дверь в квартире Кэролайн Дюпейн. А как она попала в квартиру и зачем вообще туда пошла? И как мы можем быть в этом уверенными, если возможно, что она и ее убийца проникли в музей в тот момент, когда на входе никого не было?

Зазвонил телефон. Кейт подняла трубку, выслушала и сказала:

— Правильно, я сейчас же спущусь. — Она повернулась к Дэлглишу: — Приехала Талли Клаттон, сэр. Хочет с вами встретиться. Говорит, это важно.

— Наверняка, если она ради этого сама приехала, — сказал Пирс. — Наверное, не стоит надеяться на то, что мы наконец сможем опознать водителя.

Кейт была уже у двери.

— Будьте добры, Кейт, отведите Талли в комнату для бесед, — сказал Дэлглиш. — Я сразу с ней встречусь. И вы тоже.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА

ЧЕТВЕРГ, 7 НОЯБРЯ — ПЯТНИЦА,
8 НОЯБРЯ

1

В полиции сообщили, что на осмотр музея уйдет остаток среды и половина четверга. Следователи собирались вернуть ключи к концу дня. Чемодан уже убрали. Проведя осмотр квартиры Кэролайн Дюпейн, командер Дэлглиш и инспектор Мискин, похоже, решили не забирать у нее ключи и не лишать ее доступа в собственное жилище.

В четверг Талли встала, как и всегда, рано. Уборка и протирание пыли были отменены; она маялась без дела. День потерял всякую форму. Осталось лишь сбивающее с толку ощущение ирреальности, неузнаваемости происходящего. Талли двигалась машинально. Зловещий мир вокруг казался ей плодом чужого воображения. Даже коттедж перестал быть укрытием: всепроникающий дух распада, крепнущее предчувствие беды ощущались и здесь. Для Талли дом все еще оставался средоточием ее жизни, средоточием покоя, однако с появлением Райана порядок был разрушен. В действиях парня не было ничего злонамеренного; просто для двух столь разных личностей коттедж оказался слишком мал. Один туалет, да еще совмещенный с ванной — более чем неудобное положение. Талли всегда становилось неуютно от мысли, что

он сейчас нетерпеливо ждет, пока она выйдет; сам же Райан не выходил оттуда чуть ли не часами, оставляя на полу мокрые полотенца и засохшие следы мыла в раковине. Арчер был очень чистоплотен и мылся дважды в день, так что Талли беспокоилась о счетах за тепло. Зато свою грязную одежду Райан бросал на пол, оставляя Талли подбирать ее и засовывать в стиральную машину. Накормить его оказалось непросто. Она подозревала, что у них разные вкусы, однако требующееся мальчику количество еды оказалось для нее неожиданностью. Райан денег не предлагал, а Талли не могла заставить себя спросить. Он рано ложился и тут же включал свою стереоустановку. Поп-музыка по вечерам была невыносима. Правда, после обнаружения тела Селии Меллок не оправившаяся от потрясения Талли попросила Райана сделать потише, и он без всяких возражений подчинился. И все же шум, хоть и приглушенный, оставался — в виде рвущего нервы ритма, от которого не удавалось спастись, даже накрыв голову подушкой.

В четверг, сразу после завтрака, пока Райан был еще в постели, Талли решила пойти в Уэст-Энд. Не представляя себе, насколько уходит, она не стала собирать рюкзак, взяв лишь сумку и положив в нее апельсин и банан в качестве завтрака. От метро «Хэмпстед» она доехала до набережной Виктории, прошла пешком до Нортамберленд-авеню, пробралась через толчею на Трафальгар-сквер, миновала Малл и оказалась в Сент-Джеймс-парке. Это был один из самых ее любимых лондонских маршрутов; постепенно, прохаживаясь вокруг озера, Талли почувствовала успокоение. Не свойственное осеннему времени тепло вернулось, и она села на скамейку, чтобы съесть фрукты, греясь на ласковом солнце и наблюдая, как бросают хлеб уткам родители с детьми, фотографируются на фоне воды туристы, прогуливаются рука об руку влюбленные. А еще там ходили парами загадочные мужчины в черных плащах, которые Талли всегда казались важными шпионами, обменивающимися всякими опасными секретами.

К половине третьего она пришла в себя, но возвращаться домой была еще не готова. Обойдя в последний раз озеро, Талли решила прогуляться к реке. Оказавшись на Парламент-сквер, у Вестминстера, она тут же решила присоединиться к небольшой очереди, стоявшей в палату лордов. До сих пор ей довелось побывать только в палате представителей. Здесь она получит новые впечатления и заодно спокойно полчаса посидит. Ждать пришлось недолго. Талли миновала дотошную охрану, дала осмотреть свою сумку, получила пропуск и стала подниматься по указанной ей лестнице на галерею для публики.

Она толкнула деревянную дверь и с любопытством уставилась на располагавшуюся далеко внизу палату. Талли часто видела ее по телевизору, но тут угрюмое великолепие вдруг ожило. Наверное, сегодня никто не смог бы создать такую палату; сама мысль о ней удивительна для любого времени. Отделка, архитектурные излишества, золото, дерево, витражи — казалось, что все эти герцоги, графы, маркизы и бароны викторианской поры не знали слова «слишком». Такой подход себя явно оправдал; возможно, строящим это здание были в принципе чужды сомнения. Архитекторы и ремесленники знали, для чего они это сооружают, и верили в то, что знали. В конце концов, мы тоже не без претензий: построили «Миллениум доум». Палата немного напоминала собор, хотя здание было совершенно светским. Золотой трон с пологом и канделябрами славил земное царство, в нишах стояли статуи баронов, а не святых, витражи высоких окон изображали оружие, а не сцены из Библии.

Величественный золотой трон находился непосредственно перед Талли, и теперь он увлек ее мысли, так же как и до этого сама палата. Если Британия когда-нибудь станет республикой, что сделается с ним? Несомненно, даже самое антимонархическое правительство не отправит его в переплавку. Но в каком музее найдется достаточно места? Для чего его можно использовать? Возможно, будущий президент, одетый в деловой костюм, воссядет под этим пологом. Опыт

Талли в этих вопросах был весьма ограниченным, но она заметила, что те, кто сам достиг могущества и высокого положения, стремятся к соответствующим атрибутам в не меньшей степени, чем получившие такое право по наследству. Талли с радостью села; ее охватила благодарность: как много пищи для ума и глаз. Часть насущных проблем отступила.

Погруженная в мысли, охваченная впечатлением от палаты, Талли поначалу едва замечала фигуры на красных скамейках внизу. И тут она услышала его голос; ощущение было ясным, у нее не возникло ни малейших сомнений. Сердце у Талли заколотилось. Она глянула вниз: человек стоял напротив одной из скамеек, потом он повернулся к ней спиной и побежал между скамейками правящей партии и оппозиции, говоря: «Государи мои, умоляю, дайте мне задать вопрос! Он значится в списке напротив моего имени!»

Талли почти вцепилась в руку сидящего рядом молодого человека и нетерпеливо прошептала: «Извините, а кто это? Кто это говорит?»

Тот нахмурился и протянул ей список. Затем не глядя на нее, парень сказал: «Лорд Мартлшем, независимый член палаты лордов».

Талли застыла, наклонившись вперед, неотрывно глядя на его затылок. Только бы он повернулся! Как она может быть уверена, не увидев его лица? Он обязательно должен почувствовать ее пристальный взгляд. Она не расслышала ни ответ министра, ни комментарии других членов парламента. Время вышло, и объявили следующий вопрос. Группа заседавших покидала палату, и, когда он встал, чтобы к ним присоединиться, Талли увидела его совершенно ясно.

Она не стала смотреть на лорда Мартлшема еще раз, не испытывая необходимости подтверждать мгновенно возникшее впечатление. Можно было спутать голос, однако голос и лицо вместе принесли уверенность, которая охватила ее всю, не оставив ни йоты сомнений. Талли не предполагала — она знала.

Она очнулась на тротуаре у входа в церковь Святого Стефана, не помня, как там оказалась. На улице была толчае,

будто в разгар туристического сезона. Бронзовый, твердый, стоящий на пьедестале Черчилль неотрывно смотрел — через улицу, забитую еле двигавшимися такси, машинами, автобусами — на свою любимую палату представителей. Полисмен сдерживал пешеходов, давая служебным машинам заехать во двор палаты, и поток туристов с висящими на плече камерами ждал сигнала светофора, желая пройти к аббатству. Талли присоединилась к ним. Она поняла, что надо обязательно успокоиться и собраться. Ей понадобилось сесть и подумать. Но у северного входа аббатства уже вытянулась длинная очередь: там найти покой вряд ли удастся. Вместо этого Талли зашла в церковь Святой Маргариты и села на скамейку.

Несколько посетителей прохаживались и, останавливаясь у статуй, вполголоса разговаривали, однако Талли их не замечала и не слышала. Переплет восточного окна, приданое Катарини Арагонской, две ниши со стоящими на коленях принцем Артуром и принцессой Катариной, двое святых над ними — в первый визит она была этим потрясена, но теперь глядела на них и ничего не видела. Почему же ее чувства пришли в такой беспорядок? В конце концов, она видела тело доктора Невила. Его почерневший, искаженный облик будет сниться ей до конца дней. А теперь эта вторая смерть, умножившая кошмар; даже если бы она сама подняла крышку чемодана, ее воображение не могло бы обрести большую четкость. Однако ни в одном из этих случаев на нее не ложилась ответственность. Талли рассказала полиции все, что знала. Больше ничего не требовалось. Теперь она оказалась непосредственно вовлеченной в убийство, как если бы его скверна попала и в ее вены. Она стояла перед личным выбором; ничто не могло облегчить лежащий на ней груз ответственности. Талли понимала, что должна действовать. От Виктория-стрит до Скотленд-Ярда всего полмили — но ей требовалось осознать последствия своих поступков. Лорд Мартлшем станет главным подозреваемым. Не может не стать. Ее свидетельство приведет именно к этому. На нее не давило его членство в палате лордов — об этом она почти не думала. Она не

была той женщиной, для которой важен статус. Проблема была в другом: Талли не могла поверить, что человек, склонившийся над ней с такой искренней заботой, был убийцей. Но если следствию не удастся найти ему альтернативу, он предстанет перед судом и даже может быть приговорен. Это будет не первый случай, когда приговор ляжет на невинного. А если предположить, что дело так и не раскроют, не останется ли на нем на всю жизнь метка убийцы? Ей мешали и еще менее рациональные основания, заставлявшие верить в непричастность Мартлшема. Где-то в глубине ее сознания затаился некий факт, который можно было извлечь лишь напряженным размышлением или тихой медитацией, — факт, который следовало вспомнить и рассказать.

Талли обнаружила, что вернулась к уловке времен своей юности. Сталкиваясь с проблемой, она вкладывала внутренний монолог в молчащие уста какого-то голоса, который иногда представлялся ей ее совестью, но чаще — скептическим здравым смыслом, ничем не обремененным вторым «я».

«...Ты знаешь, что должна делать. Что будет после — тебя не касается.

— И я так чувствую.

— Дальше. Если ты хочешь ощутить ответственность, возьми ее на себя. Ты видела, что произошло с доктором Невиллом. Если лорд Мартлшем виновен, хочешь ли ты, чтобы он остался на свободе? Если он невиновен, то почему не объявился? И если он невиновен, у него может быть информация, которая выведет на убийцу. Время уходит. Почему ты медлишь?

— Мне нужно сесть и подумать.

— Подумать о чем? И долго ли? Если командер Дэлглиш спросит тебя, где ты была, покинув палату лордов, что ты ему ответишь? Что сидела в церкви и молилась о знаке свыше?

— Я не молюсь. Я знаю, что должна делать.

— Тогда иди и делай. Это уже второе убийство. Сколько еще убийств должно произойти, чтобы ты собралась с духом и рассказала о том, что тебе известно?»

Талли поднялась на ноги и, ступая теперь тверже, толкнула тяжелую дверь церкви Святой Маргариты и пошла к

Виктория-стрит, в Нью-Скотленд-Ярд. В прошлое посещение ее туда привозил сержант Бентон-Смит; тогда она ехала с надеждой. Однако позже Талли не отпускало чувство собственной неудачи. Она отвергла все фотографии. Ни одна фотография, ни один коллаж из ловко подобранных черт не напомнил ей мужчину, которого они искали. Теперь она неслла командеру Дэлглишу хорошие новости. Тогда почему же у нее так тяжело на сердце?

Талли подошла к столу дежурного офицера. Она тщательно продумала свои слова.

— Будьте добры, могу ли я увидеть командера Дэлглиша? Я миссис Таллула Клаттон из музея Дюпейна. Это связано с произошедшими убийствами. Я располагаю важной информацией.

Дежурный офицер не удивился. Повторив ее имя, он потянулся к телефону.

— У меня здесь миссис Таллула Клаттон; она хочет встретиться с командером Дэлглишем по поводу убийств у Дюпейна. Говорит, что это важно.

Несколько секунд спустя полицейский положил трубку и повернулся к Талли:

— Одна из подчиненных командера Дэлглиша сейчас за вами спустится. Инспектор Мискин. Вы ее знаете?

— Да, конечно, я ее знаю. Но я бы предпочла поговорить с мистером Дэлглишем. Пожалуйста.

— Инспектор Мискин отведет вас к командеру.

Талли опустилась на специальное сиденье у стены. Ее сумочка, как и всегда, висела на левом плече. Вдруг Талли почувствовала, что эта предохраняющая от воровства мера выглядит здесь странно: ведь она как-никак в Нью-Скотленд-Ярде. Талли сняла через голову ремень и положила сумку на колени, крепко держа ее обеими руками. Она вдруг почувствовала себя очень старой.

Инспектор Мискин появилась на удивление быстро. Уж не опасались ли они, что она могла передумать? Однако инспектор спокойно, с улыбкой встретила Талли и провела к

лифтам. В коридоре было полно народу. Когда пришел лифт, они забились туда вместе с полудюжиной высоких и большей частью молчаливых мужчин и поехали вверх. Талли не заметила, какая была нажата кнопка.

Комната для бесед оказалась обескураживающе маленькой; мебель стояла лишь самая необходимая и очень функциональная. Талли увидела прямоугольный стол, два стула с прямыми спинками по сторонам и записывающее устройство на боковом стенде.

Словно прочитав ее мысли, инспектор Мискин сказала:

— Боюсь, место не самое располагающее, но здесь нам не будут мешать. Коммандер Дэлглиш придет прямо сюда. И вид отсюда хороший, не правда ли? Мы заказали чай.

Талли прошла к окну. Внизу она могла различить сдвоенные башни аббатства, а за ними — «Биг Бен» и Вестминстерский дворец. Словно миниатюрные игрушки, передвигались машины, пешеходы напоминали карликов. Она глядела и ничего не чувствовала; лишь прислушивалась, когда откроется дверь.

Дэлглиш вошел очень тихо и тут же направился к ней. Талли, увидев его, испытала такое облегчение, что чуть не побежала коммандеру навстречу. Дэлглиш подвел ее к стулу, а инспектор Мискин села напротив.

— Я видела водителя, который меня сбил, — без всякого вступления сказала Талли. — Сегодня я была в палате лордов. Он там сидел на скамейке для независимых членов парламента. Его зовут лорд Мартлшем.

— Он при вас говорил? — спросил коммандер Дэлглиш.

— Да. Наступил «час вопросов», и он задал свой вопрос. Я сразу его узнала.

— Вы не могли бы рассказать поподробнее? Что вы узнали сначала — голос или внешность? Независимые члены парламента сидят к галерее для публики спиной. Вы видели его лицо?

— Когда он говорил, не видела. Однако «час вопросов» подходил к концу, а он был последним. После того как ему ответили и высказались еще один или два человека, заседа-

ние продолжилось. Тогда он встал и повернулся к выходу. Я увидела его лицо.

Вопрос, которого она ждала, задала инспектор Мискин, а не командер Дэлглиш.

— Вы точно уверены, миссис Клаттон? Настолько уверены, что не дрогнув выдержите жесткий допрос в суде?

Талли смотрела на командера Дэлглиша. Она сказала:

— Абсолютно уверена.

Она замолчала, а потом спросила, стараясь не выдать волнения:

— Мне придется его опознать?

— Не сейчас. Возможно, это вообще не понадобится, — сказал командер Дэлглиш. — Все будет зависеть от того, что он нам скажет.

Глядя в глаза детектива, Талли спросила:

— Он хороший человек, не правда ли? И он беспокоился обо мне. Я не могла ошибиться. Я не могу поверить...

Она осеклась.

— У него может найтись самое невинное объяснение тому, что он делал в музее и почему не объявился раньше, — сказал Дэлглиш. — Он может обладать полезной информацией, которая нас выручит. Найти его было очень важно, и мы вам благодарны.

— Вы очень удачно оказались в палате лордов, — заметила инспектор Мискин. — Почему вы туда пошли? Вы заранее спланировали этот визит?

Продолжая смотреть на Дэлглиша, Талли спокойно отчиталась за день: о необходимости хотя бы временно покинуть музей; о прогулке и завтраке в парке; о спонтанном решении сходить в палату лордов. В ее голосе не чувствовалось триумфа. Дэлглиш слушал, и ему казалось, что она ждет от него успокаивающих слов: ее признание — не вероломство. Когда Талли, которая явно испытывала жажду, допила свой чай, он попытался убедить ее доехать до дома на полицейской машине, осторожно уточнив, что она не прибудет в музей под блеск синей мигалки. Столь же осторожно, но твердо Талли отказа-

лась. Она доберется до дома сама, как обычно. Поездка на машине с водителем почти наверняка привлечет внимание. Дэлглиш попросил Талли молчать. Он не сомневался, что она выполнит свое обещание, и больше всего не хотел, чтобы ее допрашивали вопросами. Миссис Клаттон — честная женщина, и ложь для нее была непереносима.

Адам спустился с ней и вышел попрощаться на улицу. Они пожали друг другу руки, и миссис Клаттон, глянув на Дэлглиша снизу вверх, спросила:

— Его ждут неприятности, да?

— Возможно. Хотя если на нем нет вины, он будет знать, что ему нечего бояться. Вы правильно сделали, что пришли. Думаю, вы и сама это знаете.

— Да, — сказала Талли, наконец поворачиваясь, чтобы уйти. — Я знаю. Но от этого не легче.

Дэлглиш вернулся в комнату. Кейт уже ввела в курс дела Бентона-Смита и Пирса. Они молча слушали, потом Пирс вновь задал тот самый вопрос:

— Насколько она была уверена, сэр? Если мы ошибемся, вонь поднимется невообразимая.

— Она сказала, что у нее нет никаких сомнений. Миссис Клаттон узнала его сразу, как только Мартлшем встал и заговорил. Увидев лорда анфас, она убедилась в своей правоте.

— Сначала голос, а потом лицо? — удивился Пирс. — Странно. Как она может быть столь уверенной? Миссис Клаттон видела его в течение нескольких секунд, в тусклом свете фонарей — когда он над ней наклонился.

— Каков бы ни был порядок ее мыслей, произошло ли узнавание по голосу, по лицу или по тому и другому, она твердо уверена — сбил ее именно Мартлшем, — ответил Дэлглиш.

— Что нам о нем известно, сэр? — спросила Кейт. — Он что-то вроде филантропа, не так ли? Я читала, что он снабжает одеждой, едой и медикаментами тех, кто в них нуждается в наибольшей степени. Это не он ездил в Боснию, сам сев за руль грузовика? О чем-то таком писали. Талли Клаттон могла видеть его фотографию.

Пирс подошел к книжному шкафу, взял с полки «Кто есть кто» и положил на стол.

— Этот титул достался ему по наследству, так? — сказал инспектор. — Это означает, что он был одним из обладающих наследным титулом и переизбранных в палату после той дурацкой реформы. Он подтвердил свою ценность. Никто не упоминал его в качестве совести независимых членов парламента?

— Маловероятно, — ответил Дэлглиш. — Разве они сами по себе не совесть? Вы правы насчет филантропии, Кейт. Он придумал схему, по которой богатые дают ссуды тем, кто не способен взять кредит. Это так же, как и в местных кредитных объединениях, только ссуды беспроцентные.

Пирс зачитал вслух из «Кто есть кто»:

— «Чарльз Монтегю Сигроув Мартлшем. Относительно позднее пэрство, полученное в 1836 году. Родился 3 октября 1955 года, получил соответствующее образование, принял титул в 1972 году. Его отец умер молодым. Женат на генеральской дочери. Детей нет. Хобби: музыка, путешествия. Адрес: Олд-Ректори, Мартлшем, Суффолк. Родового имени у него нет. Количество благотворительных проектов впечатляет. И этот человек, по нашим предположениям, виновен в двух убийствах. Это должно быть интересно.

— Успокойтесь, Пирс, — сказал Дэлглиш. — Старые возражения остаются в силе. С какой стати человек, стремительно покидающий место преступления, совершив особенно жестокое убийство, останавливается, желая убедиться, не нанес ли он вреда сбитой с велосипеда пожилой женщине?

— Вы будете его предупреждать, сэр? — спросила Кейт.

— Я скажу ему, что хочу с ним поговорить в связи с идущим в данный момент расследованием убийства. Если он почувствует необходимость взять с собой юриста — это его право. Впрочем, не думаю, что он станет сейчас это делать. — Дэлглиш присел за свой стол. — Возможно, он все еще в палате. Я напишу ему записку, в которой попрошу встретиться

со мной как можно быстрее. Ее доставит Бентон-Смит и привезет лорда сюда. У Мартлшема почти наверняка есть квартира в Лондоне, и мы можем подъехать к нему домой, если так будет удобнее. Однако я думаю, что он вернется вместе с Бентоном.

Кейт прошла к окну и стала ждать, пока Дэлглиш допишет.

— Он не похож на убийцу, — сказала она.

— Как и все остальные — Маркус Дюпейн, Кэролайн Дюпейн, Мюрел Годбай, Талли Клаттон, миссис Фарадей, миссис Стрикленд, Джеймс Калдер-Хейл, Райан Арчер. Да только один из них совершил двойное убийство. После встречи с лордом Мартлшем мы, возможно, приблизимся к пониманию, кто именно.

Кейт повернулась и посмотрела на Дэлглиша:

— Но вы уже знаете, сэр, не правда ли?

— Думаю, все мы знаем. Однако знать и доказать — две разные вещи, Кейт.

Кейт знала, что он не станет называть имя, пока они не будут готовы произвести арест. Вулкан останется Вулканом. И ей казалось, что она понимает почему. Еще молодым констеблем Дэлглиш оказался вовлеченным в расследование убийства, в котором были допущены грубые ошибки. Был арестован и приговорен невиновный человек. Констеблем Адам стал недавно, вины на нем не было, и все же кое-какие уроки Дэлглиш из случившегося извлек. Для Эй-Ди величайшая опасность, грозящая расследованию, особенно расследованию убийства, всегда одна и та же. Это слишком легкий выбор главного подозреваемого, концентрация усилий на доказательстве его вины, пренебрежение другими направлениями в поиске и неизбежные изъяны в суждениях, которые лишают работающих в команде людей способности допустить, что они могут ошибаться. Второй принцип — не совершать предварительного ареста, который способен свести на нет и само расследование, и последующие процедуры в суде. Исключение — необходимость защитить третье лицо. С мо-

мента второго убийства Вулкан перестал представлять опасность. Ждать осталось недолго. Финал стал виден раньше, чем Кейт могла предположить.

После отъезда Бентона-Смита в палату лордов Дэлглиш в течение минуты сидел молча. Кейт ждала. Потом он сказал:

— Я хочу, чтобы вы поехали в Суотлинг, Кейт, и привезли Кэролайн Дюпейн. Это не арест, но, по моим предположениям, она поедет. Правда, так будет удобнее нам, а не ей. — Заметив удивление на лице Кейт, он добавил: — Возможно, я рискую, и тем не менее я уверен в правоте Талли Клаттон. И что бы лорд ни сказал нам, у меня сильное предчувствие, что это окажется связано с Кэролайн Дюпейн и ее квартирой в музее. Если я ошибаюсь и связи нет, то постараюсь позвонить на ваш мобильный до того, как вы достигнете Ричмонда.

2

Лорд Мартлшем приехал в Ярд через тридцать минут, и его сразу препроводили в кабинет Дэлглиша. Аристократ был собран, хотя и очень бледен; войдя, он, казалось, сомневался, следует ли жать руку в знак приветствия. Собеседники сели к столу у окна, друг напротив друга. Взглянув на побледневшее лицо лорда, Дэлглиш убедился, что Мартлшем знает, зачем его вызвали. Формальность встречи, тот факт, что его привели в эту унылую, официального вида комнату, голое пространство светлого дерева между ними — все это говорило само за себя. Его призвали не для праздной беседы, а он явно и не предполагал ничего такого. Глядя на лорда, Дэлглиш понимал, почему Талли Клаттон нашла его симпатичным. Его лицо было одним из тех, к которым слово «красивое» не совсем подходит, однако выражение некой уязвимой доверчивости делало лорда по-мужски привлекательным.

Без всякого вступления Дэлглиш сказал:

— Миссис Таллула Клаттон, работающая в музее Дюпейна экономкой, сегодня днем узнала в вас автомобилиста, который в прошлую пятницу, первого ноября, около шести часов ее сбил. Тем вечером в музее Дюпейна были убиты двое: доктор Невил Дюпейн и мисс Селия Меллок. Мне придется спросить вас, были ли вы там.

До сих пор лорд Мартлшем держал руки на коленях. Теперь он их поднял и, сцепив, сложил на столе. Вены потемнели, под туго натянутой кожей мраморно светились костяшки пальцев.

— Миссис Клаттон права, — сказал он. — Я был там и действительно ее сбил. Я надеюсь, что нанесенный ей урон — не больший, чем мне тогда показалось. Она сказала, что с ней все в порядке.

— Она была всего лишь поцарапана. Почему вы не объявились раньше?

— Потому что надеялся, что этот момент никогда не наступит. Я не совершал ничего противозаконного, но не хотел, чтобы стало известно о местах, в которых я бываю. Вот почему я поспешил уехать.

— Однако позже, узнав о первом убийстве, вы не могли не понимать, что ваше свидетельство существенно, что объявиться — ваша обязанность.

— Да. Наверное, я и вправду это понимал. Как понимал и то, что не имею никакого отношения к убийству. Я даже не знал, что пожар возник в результате поджога. Если мне что и приходило в голову, так это мысль о разложенном кем-то праздничном костре, который вышел из-под контроля. Я убедил себя, что мой выход из тени лишь запутает следствие и поставит в неловкое положение и меня, и других. Когда этим утром я узнал о втором убийстве, все усложнилось. Я решил хранить молчание, однако в том случае, если меня узнают, говорить правду. Я не считал, что создаю тем самым помехи ходу следствия. Ни к одной из смертей я не имел никакого отношения. Я не пытаюсь себя защищать — просто

объясняю, как все происходило. После убийства доктора Дюпейна необходимости объявляться не было, и это повлияло на мои последующие действия. С каждым следующим часом мне становилось все сложнее действовать в соответствии с принятыми решениями.

— Так почему вы там оказались?

— Если бы вы задали мне этот вопрос после смерти Дюпейна, я бы ответил вам, что хотел съехать с дороги и отдохнуть, воспользовавшись для этого стоянкой музея. Когда же я проснулся, то понял, что опоздал на встречу, и должен был поторапливаться. Опыт вранья у меня небольшой, и я сомневался в убедительности моих слов и тем не менее считал, что попробовать стоит. Или я мог оспорить показания миссис Клаттон. Противопоставить ее слову — мое. Вторая смерть все изменила. Я знал Селию Меллок. В тот вечер я приехал в музей для встречи с ней.

Воцарилось молчание. Дэлглиш спросил:

— Вам это удалось?

— Нет. Ее там не было. Мы договорились встретиться на стоянке, за лавровыми кустами, справа от дома. Встреча была назначена на шесть пятнадцать — освободиться раньше я не мог. Я еще и опоздал. Ее машины там не было. Я пытался позвонить на мобильный, но она не отвечала. Решив, что она или вообще не собиралась там быть, или устала ждать, я уехал. Я не думал, что кого-нибудь повстречаю, и ехал быстрее, чем следовало. В результате — это происшествие.

— Каковы были ваши отношения с Селией Меллок?

— Мы в течение недолгого времени были любовниками. Я хотел разорвать отношения, а она — нет. Вот так. Впрочем, кажется, Селия смирилась с тем, что разрыв неизбежен. Нам вообще не следовало начинать. Она попросила меня о последней встрече. Стоянка была нашим обычным местом. Ночью там совершенно никого нет. Мы никогда не опасались, что нас обнаружат. А если бы кто и увидел — мы ведь все равно не делали ничего противозаконного.

Опять повисло молчание. Мартлшем смотрел на свои руки. Он опять положил их на колени.

— Вы сказали, что пришли сюда говорить правду, — произнес Дэлглиш. — А вот это неправда, не так ли? Селию Меллок нашли в музее мертвой. Мы полагаем, что ее убили именно в Комнате убийств. У вас есть какие-нибудь предположения, как она попала в музей?

Мартлшем съехался на своем стуле. Не поднимая глаз, он сказал:

— Никаких. Она могла прийти туда заранее — возможно, чтобы встретиться с кем-то еще, и спряталась — например, в подвале, в архивах, скажем, — а когда в пять заперли двери, оказалась в ловушке; возможно, вместе с убийцей.

— Откуда вы знаете об архивах и о том, что двери запирают в пять?

— Я бывал в музее. Имею в виду, в качестве посетителя.

— Вы не первый, кто дает такое объяснение. Я нахожу такое совпадение интересным. Однако у Селии Меллок был и другой способ попасть в Комнату убийств, не правда ли? Через дверь из квартиры Кэролайн Дюпейн. Не там ли вы договорились встретиться?

Теперь лорд Мартлшем поднял голову и встретился взглядом с Дэлглишем. Он был в отчаянии.

— Я не убивал ее. Я не любил ее и никогда этого от нее не скрывал. Наша связь была ошибкой, я нанес ей вред. Она думала, что нашла во мне все, в чем нуждалась: отца, любовника, друга, поддержку, защиту. Я не дал ей ничего из этого. Не свяжись Селия со мной, она не была бы мертва. Но я не убивал ее и не знаю, кто убийца.

— Почему музей Дюпейна? — спросил Дэлглиш. — Ведь вы не занимались любовью на автомобильной стоянке, верно? С какой стати вам заниматься сексом в столь неудобных условиях, когда в вашем распоряжении была ее квартира и весь Лондон? Я предполагаю, что вы встречались в квартире Кэролайн Дюпейн. Я попрошу объяснений от мисс Кэролайн, но сначала я хотел бы услышать ваши. Вы общались с мисс Дюпейн с тех пор, как умерла Селия Меллок?

— Да, — ответил лорд, — я позвонил ей, когда обо всем узнал. Я поставил ее в известность, о чем собираюсь гово-

рить вам, если буду опознан. Мисс Дюпейн исходила сарказмом. Сказала, что я так просто не отделаюсь. Она не была взволнована. Скорее жестоко, цинично веселилась. Я сказал ей, что, если на меня будут давить, мне, возможно, придется открыть всю правду.

Голос Дэлглиша прозвучал почти ласково:

— И какова же вся правда, лорд Мартлшем?

— Да, наверное, будет лучше, если я вам расскажу. Мы действительно время от времени встречались в той квартире. Кэролайн Дюпейн сделала для нас две копии ключей.

— Хотя у Селии имелась собственная квартира?

— Я туда как-то приходил. Только однажды. Я не чувствовал себя там в безопасности, и Селия сама не любила пользоваться своей квартирой.

— Как долго вы дружите с Кэролайн Дюпейн?

— Я бы не сказал, что мы дружим, — с несчастным видом ответил лорд Мартлшем.

— Нет, вы, несомненно, дружите. Будучи женщиной очень замкнутой, она предоставляет в ваше распоряжение квартиру, дает вам и Селии Меллок ключи. Мисс Дюпейн сказала мне, что не встречалась с Селией с тех пор, как та в 2001 году покинула колледж Суотлинг. Вы скажете — она лжет?

Мартлшем посмотрел на него. Помолчав, он, печально улыбнувшись, сказал:

— Нет, она не лжет. Не очень у меня складно выходит, правда? Для умелого следователя многовато противоречий.

— Это не игра, лорд Мартлшем. Селия Меллок мертва. Мертв и Невил Дюпейн. Вы знали его — близко или хоть как-то?

— Я никогда его не встречал. И впервые услышал о нем, прочитав об убийстве.

— Получается, что мы вернулись к моему вопросу. В чем заключается правда, лорд Мартлшем?

Вот теперь лорд был готов говорить. На столе стояли кувшин с водой и стакан. Мартлшем попытался налить себе воды, но его руки дрожали. Пирс наклонился и наполнил

стакан. Они ждали, пока лорд Мартлшем медленно пил воду. Когда он наконец заговорил, его голос был тверд.

— Мы были членами одного клуба и встречались в квартире Кэролайн Дюпейн. Он назывался «Клуб-96». Мы приходили туда ради секса. Думаю, клуб основал ее муж, хотя я не уверен. Там все секретно, в том числе и само членство. Мы могли привести одного человека и знали только его данные. Встречи устраивались через Интернет, на зашифрованном сайте. Мы приходили туда только ради этого — ради наслаждений. Секс с одной женщиной, с двумя, групповой секс — как угодно. Мы получали — или нам казалось, что получали, — столько радости от этого, мы почти не знали забот. И тем не менее все рухнуло. Мы не могли избежать некоторых проблем, которые сами себе создавали: время от времени на меня наваливалось черное отчаяние. Так бывает, когда понимаешь, что Англия, которую ты знал, Англия, за которую дрался твой отец, — она умирает, и ты умираешь вместе с ней. Приходило понимание, что моя жизнь основана на лжи. Я не надеюсь, что смогу объяснить. Никого из нас не эксплуатировали, не использовали, никто не занимался этим ради денег, там не было несовершеннолетних, никого, кому легко нанести вред. Для претензий — никаких поводов. Мы были как дети. Испорченные дети, если вам угодно. Однако во всем происходившем было что-то невинное.

Дэлглиш молчал. Квартира, что и говорить, подходила идеально. Не видный с дороги въезд, деревья, кусты, место для парковки, отдельный вход в квартиру, полнейшая неприкосновенность. Он спросил:

— Как Селия Меллок стала членом этого клуба?

— Не через меня. Не знаю. Это я и пытался объяснить. На этом был основан клуб. Никто никого не знает — за исключением того, кто ее впервые привел.

— И у вас нет никаких соображений, кто бы это мог быть?

— Никаких. Мы с Селией нарушили все правила. Она влюбилась. Опасная слабость, не предусмотренная порядками «Клуба-96». Мы встречались ради секса за пределами клуба, и это тоже было нарушением. Мы пользовались музеем для частных встреч. Что также против правил.

— Я нахожу странным тот факт, что Селию приняли в этот клуб, — сказал Дэлглиш. — Ей было девятнадцать лет. Вряд ли стоит ждать благоразумия от девушки этого возраста. Была ли она достаточно зрелой и искушенной для отношений такого рода? Не считали ли ее источником риска? И не умерла ли она именно потому, что представляла опасность?

На этот раз возражения были яростными:

— Нет! Нет, этот клуб не такой! Ни один из нас не чувствовал, что чем-то рискует.

Дэлглиш задумался. Может, так и было. Они ощущали себя в безопасности не только благодаря удобному расположению квартиры, изощренности в подходах и взаимному доверию. Эти мужчины и женщины привыкли к силе, к манипулированию ею; они никогда не поверили бы в то, что могут оказаться под ударом.

— Селия была на втором месяце беременности, — сказал Дэлглиш. — Могла ли она считать этого ребенка и вашим тоже?

— Могла. Возможно, именно поэтому ей и понадобилось со мной срочно встретиться. Однако я не мог сделать ее беременной. От меня не может забеременеть ни одна женщина. В отрочестве я переболел свинкой. Я никогда не смогу стать отцом. — В его глазах стояла боль. — Думаю, это повлияло на мое отношение к сексу, — продолжил он. — Я не оправдываюсь, но предназначение секса — в продолжении рода. Если это невозможно, никогда не будет возможно, то половой акт теряет значимость и становится лишь способом разрядки. Это все, что мне было нужно от «Клуба-96», — разрядка.

Некоторое время они сидели молча, потом лорд Мартлшем сказал:

— Есть слова и действия, из которых становится ясно, что представляет собой любой мужчина. Однажды сказанные, однажды сделанные, они исключают возможность оправдания или объяснения. Они говорят о вас; они то, что вы есть. Вы больше не можете «делать вид». Теперь вы знаете. Они остаются, и их нельзя ни изменить, ни забыть.

— Не исключено, что их можно простить, — заметил Дэлглиш.

— Не простят люди, когда узнают. Не сможет простить сам человек. Вот Всевышний... Наверное, он может простить. Однако, как кто-то сказал, «это его профессия». Когда я уезжал с пожара, то понимал — это не праздничный костер. Какой еще праздничный костер? Я понимал, что кому-то может грозить опасность или кого-то можно спасти. Но запаниковал и уехал.

— Вы остановились, чтобы проверить, все ли в порядке с миссис Клаттон.

— Вы указываете на это в качестве смягчающего обстоятельства, командер?

— Нет, я просто отмечаю этот факт.

Они опять замолчали.

— Перед тем как уехать, вы заходили в квартиру мисс Дюпейн? — спросил Дэлглиш.

— Я только отпер дверь. В холле было темно, лифт стоял на первом этаже.

— Вы вполне в этом уверены? Лифт находился на первом этаже?

— Уверен. Из этого я понял, что Селии в квартире нет.

После очередной паузы Мартлшем сказал:

— Получается, что я, как лунатик, пошел по дорожке, проложенной для меня другими. Я основал благотворительный фонд, потому что видел в этом необходимость и знал, как подойти к делу. Все было вполне очевидно. Тысячи людей приходят к финансовой катастрофе и даже самоубийству лишь потому, что не могут взять кредит — разве что у акул, которые потом начинают их эксплуатировать. Но в деньгах в основном нуждаются те, у кого их нет. И существуют тысячи людей со свободными деньгами — небольшими, для них это лишь карманные расходы, — и они готовы дать эти средства немедленно, без процентов, под гарантию того, что получают свой капитал обратно. И это работало. С организацией мне помогли несколько добровольцев. Вряд ли хоть что-то из этих денег уходит на аппарат. Постепенно благодарные люди начинают относиться к вам как к какому-то святому. Им необходимо верить, что доб-

ро существует, что не все движимы лишь страстью к накопительству. Они жаждут видеть сказочного героя. Я никогда не верил в собственную доброту и все же думал, что делаю добро. Я говорил речи, обращался с жалобами, которых от меня ждали. А теперь мне показали правду, показали, кем я на самом деле являюсь, — и это сбilo меня с ног. Я полагаю, случившееся нельзя удержать в тайне? Не ради меня. Я думаю о родителях Селии. Для них нет ничего хуже ее смерти, но я бы хотел, чтобы им сообщали не всю правду. Им расскажут про этот клуб? И еще моя жена. Я понимаю, что поздновато проявлять заботу, однако она не совсем здорова, и я предпочел бы не причинять ей лишний раз боль.

— Если все это будет фигурировать в суде как часть доказательств, они узнают, — сказал Дэлглиш.

— Как и остальные. Бульварная пресса будет за этим следить, даже если я не окажусь на скамье подсудимых. Я не убивал ее, но несу ответственность за ее смерть. Не встретиться Селия со мной, она была бы сегодня жива. Насколько понимаю, я не под арестом? Вы не озвучивали положенное предупреждение — «...все, что я скажу, может быть обращено...»

— Вы не под арестом. Нам требуется ваше заявление, и мои коллеги сейчас его у вас возьмут. Мне еще понадобится с вами поговорить. Вторая беседа будет записана.

— Наверное, вы посоветуете мне прийти на нее с юристом?

— Решать вам, — ответил Дэлглиш. — Думаю, это было бы разумно.

3

Несмотря на толчею на дорогах, Кейт вместе с Кэролайн Дюпейн уже через два часа была в Ярде. Кэролайн провела день, катаясь за городом верхом, и ее машина свернула на дорожку к Суотлинг за минуту до прибытия инспек-

тора. Дюпейн не успела переодеться и так и осталась в брюках для верховой езды. Дэлглишу подумалось, что для полноты образа (всякое там «садомазо») ей не хватает только кнута.

Хотя Кейт ничего по дороге не рассказывала, Кэролайн, услышав о том, что Талли узнала лорда Мартлшема, не проявила никаких эмоций, за исключением печальной улыбки.

— Чарльз Мартлшем звонил мне после обнаружения тела Селии Меллок. Он сказал, что, если его опознают, он попытается запутать следы, но затем признался: ему придется рассказать правду и о том, что он делал в Дюпейне в пятницу, и о «Клубе-96». По правде говоря, я не верила в то, что его найдут. Хотя и понимала — если его отыщут, он сумеет умело соврать. Какая досада, что Талли Клаттон в своей тяге к знаниям не ограничилась палатой представителей.

— Как возник «Клуб-96»? — спросил Дэлглиш.

— Основан шесть лет назад моим мужем. Четыре года назад он разбился на своем «мерседесе». Хотя вам это, конечно, известно. Вы о нас, наверное, разнюхали почти все. Идея клуба принадлежала ему. Он говорил, что деньги делаются ради удовлетворения очередных потребностей. Людей заставляют действовать деньги, могущество, слава и секс. Люди, достигшие могущества и славы, обычно также располагают и деньгами. С сексом — безопасным сексом — все не так просто. Успешные и амбициозные мужчины нуждаются в сексе, им нужна регулярность, они любят разнообразие. Вы можете купить это у проститутки, и все закончится тем, что вы увидите себя в бульварном листке или будете защищать свою честь в суде. Если вас заводит риск, вы можете кого-нибудь подцепить, разъезжая в машине вокруг Кингс-кросс. Вы можете спать с женами своих друзей — если вы готовы к эмоциональным и семейным осложнениям. Рэймонд говорил, что могущественный мужчина нуждается в сексе, который не оставляет чувства вины, в сексе с женщинами, которые любят такое времяпрепровождение не меньше его самого и которым не меньше, чем ему, терять. В основном это должны быть женщины, состоящие в браке, ко-

торый они ценят. Однако им должно быть скучно, они не удовлетворены или нуждаются в чем-то эдаком, приправленном тайной и легкой опасностью. И вот он основал этот клуб. В то же время умер мой отец, и квартира перешла мне.

— И Селия Меллок в нем состояла? В течение какого времени?

— Не могу вам сказать. Я даже не знала, что ее туда приняли. Таково было устройство клуба. Никто, включая меня, не знал о других членах. У нас был сайт, на котором участники могли договориться о дате следующей встречи, удостоверившись, что территория по-прежнему безопасна; конечно, так оно всегда и оказывалось. После смерти Невила все, что от меня требовалось, — это разместить на сайте сообщение, что любые встречи отменяются. Просить у меня список членов клуба бесполезно. Списка нет. Главная изюминка заключалась в полной секретности.

— Если только они не узнавали друг друга, — добавил Дэлглиш.

— Они носили маски. В этом была некоторая театральность, но Рэймонд полагал, что так еще интереснее.

— Если люди занимаются сексом и хотят остаться неузнанными, маски недостаточно.

— Хорошо, один или двое могли подозревать, кто их партнер. В конце концов, они по большей части принадлежали к одному кругу. И все же вам не удастся выяснить, кто они.

Дэлглиш сидел и молчал. Кажется, Кэролайн сочла это за давление и вдруг взорвалась:

— Ради Бога, я ж не с викарием местным разговариваю! Вы полицейский и видите такое не впервые. Люди собираются для группового секса, а Интернет — более изощренный способ для договора, нежели бросание ключей от машины в середину комнаты. Групповой секс со всеобщего согласия. Ну и что? Мы не делали ничего противозаконного. Может, не будем терять связь с реальностью? Пока что ресурсов вашей полиции не хватает даже на то, чтобы справиться с педофилией в сети. Сколько мужчин — тысячи? десятки ты-

сяч? — платят за то, чтобы посмотреть, как насилюют маленьких детей? Как насчет тех, кто поставляет туда изображения? Вы всерьез собираетесь тратить время и деньги на то, чтобы преследовать членов частного клуба, созданного для вполне взрослых людей на частной территории?

— Вот только один из его членов убит, — сказал Дэлглиш. — Там, где совершено убийство, нет ничего неприкосновенного. Ничего.

Кэролайн Дюпейн рассказала ему все, что он хотел знать, и командер ее отпустил. Он не чувствовал особого негодования. Какое у него право судить?

4

— С вами все будет в порядке, да, миссис Талли? — спросил Райан. — Я имею в виду, вы ведь здесь ко всему привыкли. Вы не думаете, что мне стоит остаться?

Талли наконец-то добралась до дома; позади осталась поездка в метро, во время которой не было никакой надежды сесть и где лишь теснота удерживала ее в вертикальном положении. Райан оказался в гостиной, с упакованным рюкзаком, готовый к отъезду. На столе лежал конверт, обратная сторона которого была исписана заглавными буквами. Талли рухнула на ближайший стул.

— Нет, Райан, я не думаю, что тебе стоит остаться. Тебе не было здесь уютно. Извини. Коттедж такой маленький...

— Это точно! — сказал он нетерпеливо. — Да, дело в том, что он маленький. Но я вернусь. Я имею в виду, что в понедельник выйду на работу, как обычно. Я к майору.

— А майор тебе обрадуется? — спросила она.

Райан не глядел на нее.

— Он сказал, что все нормально. Я к тому, что это ненадолго. У меня, знаете ли, свои планы есть.

— Не сомневаюсь, что они у тебя есть, Райан, но наступила зима. Ночи, должно быть, ужасно холодные. Тебе нужна крыша над головой.

— У меня есть крыша, в лучшем виде — понимаете вы или нет? Не беспокойтесь, миссис Талли, все нормально.

Взвалив тяжелый рюкзак на плечи, он повернулся к двери.

— Как ты доберешься до дома, Райан? Если мисс Годбай еще здесь, она может подвезти тебя до метро.

— У меня же есть новый велосипед, разве не так? Тот, что купил майор. — Помолчав, он сказал: — Ладно, я пошел. До свидания, миссис Талли. Спасибо, что приютили.

И ушел. Талли пыталась собраться с силами и сдвинуться с места, как раздался звонок в дверь. Это была Мюрел. Она надела плащ и явно готовилась ехать домой.

— Я все проверила, — сказала она, — потому что больше не могла вас ждать. Я видела Райана. На нем был рюкзак. Он насовсем уехал?

— Да, Мюрел. Он возвращается к майору. Все в порядке, Мюрел. Я привыкла жить одна. Я никогда здесь не нервничаю. У меня все в полном порядке, — повторила Талли.

— Мисс Кэролайн будет другого мнения. Вы должны ей позвонить и послушать, что она скажет. Она может захотеть, чтобы вы остались у нее, Талли. Или поедem ко мне, если вы и в самом деле напуганы.

Трудно себе представить менее любезное предложение. «Она чувствует, что должна это сделать, — думала Талли, — но не хочет, чтобы я соглашалась. Мюрел могла бы предложить приехать и остаться, однако после вчерашнего она так не делает». Ей казалось, что она видит в глазах Мюрел страх, и это принесло ей маленькую радость: Годбай напугана больше ее самой.

— Вы очень добры Мюрел, да только у меня все в полном порядке, — сказала Талли. — Я здесь живу. На окнах стоят засовы, в двери — два замка, есть телефон. Я не чувствую никакой опасности. Зачем кому-то меня убивать?

— Зачем им было убивать доктора Дюпейна и эту девушку? Кто бы это ни был, он — сумасшедший. Будет гораздо

лучше, если вы позвоните мисс Кэролайн и попросите, чтобы она вас забрала. Она могла бы найти где-нибудь в Суотлинге постель.

«Если ты так беспокоишься, почему не настаиваешь на своем, не заставляешь меня собрать вещи и поехать с тобой?» — подумала Талли. Впрочем, она не винила Мюрел, которая наверняка все продумала. Однажды переехав, Талли могла остаться на недели, а то и на месяцы. У нее не было бы повода возвращаться в коттедж до раскрытия убийств, а сколько на это уйдет времени — не знал никто. Возможно, они никогда не будут раскрыты. Талли не сомневалась, что, покинув теперь коттедж, она в него больше не вернется. При всей нелепости это чувство было слишком сильным, чтобы его игнорировать. Она представляла себя отчаянно ищущей комнату или поселившейся у кого-нибудь из Дюпейнов или у Мюрел в качестве постоянного источника беспокойства и раздражения. Нет, это место принадлежало ей, и она не позволит убийце выманить ее отсюда.

— Ладно, под вашу ответственность, — сказала Мюрел. — Я вам предлагала. Вообще-то я пришла отдать ваши ключи от музея. Мы получили их в два часа дня, и я сказала сержанту Бентону-Смиту, что передам вам связку. И я бы на вашем месте забрала у Райана ключи от коттеджа. Это единственная запасная связка, и пусть она находится в офисе.

— О Господи, Райан забыл их отдать, а я не подумала его спросить, — сказала Талли. — Но в понедельник он придет.

Мюрел делала обычную выволочку, и все же в этом не чувствовалось ее обычной хватки. После второго убийства она определенно изменилась.

— Вам вообще не следовало снабжать его ключами, — сказала Мюрел. — Он спокойно мог приходить в нормальное время суток, а вы бы его пускали. Если вы встретитесь с ним в понедельник раньше меня, обязательно заберите их у него.

И она ушла. Талли заперла за ней дверь, задвинула засовы и добралась до кресла, стоящего у окна. Ее тошнило от усталости. Травма, которую Талли нанесла встреча с лордом Мартлшемом, визит в Нью-Скотленд-Ярд, беспокойство за

Райана, а теперь еще и эта короткая перепалка с Мюрел усугубили ее состояние. Возможно, она поступила бы разумнее, приняв предложение командера Дэлглиша довести ее до дома. Правда, постепенно усталость стала почти приятной, покой, который она всегда чувствовала в конце дня, сидя одна, вернулся и развеял тревоги. Талли немного посмаковала это состояние, потом, освеженная, встала и начала приводить коттедж в порядок.

Райан не стал себя утруждать и не заправил постель. В его спальне было душно. Талли сняла с маленького крючка ключи от окна и открыла двойные створки. Комнату наполнил душистый осенний воздух. Талли постояла какое-то время, глубоко дыша и глядя в темную пустоту Хита. Потом снова заперла окно. Она заправила постель и сунула простыни и наволочки в бельевую корзину. Их можно постирать завтра: сегодня вечером шум стиральной машины будет невыносим. Талли подняла с пола ванной комнаты мокрые полотенца Райана, вымыла раковину и спустила воду в унитазе. Она чувствовала какую-то вину, словно вместе с беспорядком, оставленным мальчиком, смывала и его самого. Где же он заночует? Талли хотела позвонить майору и спросить, в самом ли деле тот ждет Райана, но мальчик не оставил ей номера, только адрес на Майда-вейл. Она могла посмотреть телефон в справочнике, да вот только звонок выглядел бы ничем не оправданным вторжением. Райану восемнадцать лет, Талли ему не бабушка и не опекуна. И все же тяжесть вины и ответственности осталась. Она упустила мальчика: ей не хватило терпимости и доброты. Коттедж был ее святая святых, ее любимым домом. Возможно, одинокая жизнь сделала ее эгоисткой. Талли вспомнила, как чувствовала себя в Бейсингстоке. Не так ли ощущал себя Райан, живя в ее доме?

Талли начала подумывать об ужине. Хотя со времени завтрака в парке она ничего не ела, голода не чувствовала и не соблазнилась ни одним из полуфабрикатов, которыми был забит холодильник. Вместо этого она заварила чай в кружке, залив кипящей водой только один пакетик, открыла пачку

шоколадного печенья и устроилась за кухонным столом. Еда вернула ей силы. Вскоре Талли надела плащ и, отперев дверь, вышла в темноту. В конце концов, она всегда заканчивала этим день. Данный вечер ничем не отличался. Талли нуждалась в короткой прогулке по Хиту, с неясным блеском раскинувшегося под ней Лондона, холодным воздухом на щеках, запахом земли и зелени, в моменте одиночества, которое никогда не бывало полным одиночеством, в волшебстве, в котором не было ни страха, ни сожалений.

Где-то там, среди темноты и молчания, могли ходить одинокие люди, некоторые ищут секс или дружбу, возможно — любовь. Сто пятьдесят лет назад местная служанка спустилась по этой же тропке и прошла через те же ворота, чтобы встретить любовника и жуткую смерть. Загадка так и не была разгадана, и эта жертва, как и те, что смотрели со стен Комнаты убийств, присоединилась к великой армии лишенных обличия мертвецов. Талли могла думать об убитой с мимолетной жалостью, однако эта тень не нарушала ночной покой, не пугала ее. Талли пребывала в блаженной уверенности, что не поддастся ужасу, что кошмар двух убийств не сможет запереть ее, словно пленницу, в коттедже или испортить одинокую прогулку под ночным небом.

Это произошло в тот момент, когда она, вернувшись из Хита, закрывала за собой калитку: глянув вверх, на темную массу музея, Талли увидела свет. Он шел из южного окна Комнаты убийств. Не такой яркий, как если включить все настенные светильники, а так — слабое, рассеянное свечение. Талли несколько секунд постояла, внимательно приглядываясь, не отражение ли это света, идущего из коттеджа. Исключено. Она оставила свет только в гостиной и холле, и он пробивался сквозь узкую щель в занавесках. Его было недостаточно, чтобы озарить какую-либо часть музея. Казалось, будто в Комнате убийств включен единственный светильник, одна из ламп для чтения, что у кресел перед камином. Может быть, кто-то из Дюпейнов или мистер Калдер-Хейл были в Комнате убийств, читали какой-то документ и забыли ее выключить. Даже если так, все равно странно, что Мюрел, делая последний обход, ничего не заметила.

Талли твердо сказала себе, что бояться не нужно, что ей следует действовать разумно. Было бы нелепо звонить Мюрел, которая должна уже находиться дома, или кому-то из Дюпейнов, не убедившись предварительно, что здесь нет простой ошибки. Звонить в полицию еще более нелепо. Разумнее проверить, заперта ли входная дверь и включена ли сигнализация. Если все так, она может не сомневаться — в музее никого нет и можно, ничего не опасаясь, войти. Если дверь окажется не запертой, она тут же вернется в коттедж, закроется изнутри и позвонит в полицию.

Талли, с фонариком в руке, вышла опять на улицу; стараясь ступать как можно тише, она пробиралась мимо черных, обгоревших остатков гаража к передней части дома. Теперь огней видно не было: лишь бледное свечение из южного и восточного окон. Входная дверь была закрыта. Войдя, Талли включила свет и кинулась к заоравшей сигнализации. После уличной темноты холл, казалось, просто купался в свете. Талли на мгновение остановилась, удивленная, каким странным и незнакомым он вдруг перед ней предстал. Как и все пространства, обычно наполненные людскими фигурами, звуками, действиями, а затем вдруг лишенные их, холл выглядел странно. Талли не могла двинуться дальше, словно, нарушив тишину, она выпустила бы на свободу нечто чуждое и вовсе не дружелюбное. Потом тот бескомпромиссный здравый смысл, который провел ее через эти несколько дней, снова взял верх. Для страха повода нет, она не видит ничего странного или неестественного. Она пришла с единственной целью: выключить единственную лампу. Вернуться, не сделав даже шага, пойти спать, зная, что свет включен, — значит потерять, возможно, навсегда, уверенность и покой, которые дарил ей этот коттедж последние восемь лет.

Талли решительно двинулась через холл, прислушиваясь к эху собственных шагов по мраморному полу, и начала подниматься по лестнице. Дверь Комнаты убийств была закрыта, но не опечатана. Полиция, должно быть, закончила свои поиски быстрее, чем ожидалось. Возможно, Мюрел, все еще не оправившаяся после истории с телом Селии Меллок, не решилась открыть дверь. Это было на нее не похоже, однако

мисс Годбай после той ужасной находки в чемодане была сама на себя не похожа. Она могла не признаваться себе, что боится, но Талли видела, как ее глаза потемнели от страха. Она могла побаиваться этого осмотра — особенно если учесть, что Мюрел была одна, — и провести его не так тщательно, как обычно.

Талли толкнула дверь и сразу увидела, что не ошиблась. Лампа у правого кресла оставлена включенной; на столе лежали два закрытых тома и нечто вроде блокнота. Кто-то здесь читал. Подойдя к столу, она поняла, что это был Калдер-Хейл. Блокнот принадлежал ему: Талли сразу узнала его мелкий, почти нечитаемый почерк. Хранитель должен был прийти в музей за ключами, как только полиция смогла вернуть их. Как он мог сидеть здесь и спокойно работать — после всего случившегося?

Она не была в Комнате убийств с тех пор, как нашли тело Селии Меллок; Талли понимала: что-то изменилось, произошло нечто странное; потом она поняла — исчез чемодан. Он наверняка остался в распоряжении полиции или находится в лаборатории на экспертизе. Чемодан был настолько значимым для этой комнаты, настолько привычным и зловещим одновременно, что его отсутствие бросалось в глаза даже больше, чем наличие.

Талли не прошла тут же к лампе и не выключила ее; она простояла в дверях не меньше полминуты. Фотографии ее не пугали; правда, она и раньше воспринимала их спокойно. Восемь лет Талли ежедневно вытирала пыль, отпирала и запирала шкафы, начищала до блеска стекло над экспонатами. Эти годы лишили фотографии почти всякого интереса в ее глазах. Однако теперь мягкий полусвет привнес в восприятие нечто новое и неприятное. Она говорила себе, что это не страх — просто ей не по себе. Придется заново привыкнуть к Комнате убийств; так почему бы не начать прямо сейчас?

Она подошла к восточному окну и выглянула в ночь. Не здесь ли стояла Селия в ту роковую пятницу? Не потому ли она умерла? Взглянула вниз, на пылающие деревья, а увиде-

ла убийцу, который склонился перед краном и отмывал одетые в перчатки руки от бензина. Что тот почувствовал, подняв глаза вверх, заметив белое лицо, длинные желтые волосы, расширенные от ужаса глаза? Селия не могла не понимать, что за этим последует. Так почему же она ждала этих торопливых тяжелых шагов, этих рук в перчатках, которые сдавят ей горло? Или она пыталась сбежать и безрезультатно ломилась в дверь квартиры, или бросилась вниз и попала прямо в объятия убийцы? Так ли все произошло? Дэлглиш, как и его подчиненные, ей почти ничего не рассказывал. Талли знала, что с момента первого убийства они присутствовали в музее постоянно: опрашивали, изучали, искали, обсуждали. Но что у полицейских на уме, не знал никто. Невозможно себе представить, чтобы двое убийц решили действовать в один день, в одно время, в одном месте. Между ними не могло не быть связи. А если такая связь и есть, то причина смерти Селии именно в том, что она увидела.

Талли на мгновение застыла, задумавшись о мертвой девушке, о той первой смерти, о лице склонившегося над ней лорда Мартлшема, о его глазах, в которых были ужас и сочувствие. И тут оно всплыло. Дэлглиш говорил ей, чтобы она аккуратно перебрала каждое мгновение той пятницы, рассказала ему все, о чем вспомнит позже, сколь бы маловажным ей ни показался тот или иной факт. Талли попыталась тщательно выполнить эту просьбу, но ничего нового в голову не приходило. И вот теперь, в течение секунды, исполненной точной определенности, Талли вспомнила. Это важная информация, и о ней придется рассказать. Она даже не задала вопрос, порядочно ли себя ведет, правильно ли ее поймут. Ничего похожего на неуверенность, которую она испытала в церкви Святой Маргариты, где мучилась после встречи с лордом Мартлшемом. Талли отвернулась от окна икнулась выключить лампу. Дверь в Комнату убийств была открыта; из холла и верхней галереи лился свет и ложился на деревянный пол темной позолотой. Она закрыла за собой дверь и поспешила вниз.

В возбуждении от своего открытия Талли и не думала подождать со звонком до возвращения в коттедж. Вместо этого она подняла трубку телефона, стоящего на столе в холле, и по памяти набрала номер, который ей дала инспектор Мискин. Однако к телефону подошла не Кейт.

— Сержант Бентон-Смит, — произнес голос.

Талли хотела передать сообщение именно командеру Дэлглишу и никому другому. Она сказала:

— Это Талли Клаттон, сержант. Я хочу поговорить с мистером Дэлглишем. Он здесь?

— Он сейчас занят, миссис Клаттон, но скоро освободится. Могу я ему передать ваше сообщение?

Вдруг Талли показалось, что ее сведения не столь уж важны. В утомленном мозгу начали толпиться сомнения.

— Нет, спасибо, — ответил она. — Я кое-что вспомнила, хотела ему сообщить, однако это терпит.

— Вы уверены? — спросил сержант. — Если дело срочное, мы можем им заняться.

— Нет, не срочное. Можно и завтра. Я бы лучше поговорила с мистером Дэлглишем лично, а не по телефону. Я полагаю, он завтра будет в музее, не так ли?

— Не сомневаюсь. Хотя он может встретиться с вами и сегодня вечером.

— О, зачем его беспокоить? Это так, пустяки; возможно, я придаю им слишком большое значение. Можно и завтра. Я буду здесь все утро.

Талли положила трубку. Больше тут делать было нечего. Она включила сигнализацию и быстро направилась к двери. Отперла, вышла и аккуратно заперла за собой оба замка. Две минуты спустя она благополучно вернулась в коттедж.

После того как закрылась входная дверь, в музее на мгновение стало тихо. Затем дверь офиса медленно, бесшумно отворилась, появилась темная фигура. Не задерживаясь у стола, человек прошел в холл. Свет включен не был, но неизвестный двигался аккуратно, уверенными шагами. Через холл,

затем по лестнице. Рука в перчатке потянулась к двери в Комнату убийств и медленно ее открыла, словно боясь привлечь чей-то внимательный взгляд. Она двинулась к стенду с делом Уильяма Уоллеса. Рука нащупала замочную скважину,插入了 ключ и подняла крышку стенда. Человек держал простой полиэтиленовый пакет; одна за другой шахматные фигуры были взяты со стенда и брошены в него. Затем рука начала шарить по дну стенда — пока не нашла то, что искала: металлический прут.

5

Вся команда собралась в одной комнате. Было около половины восьмого или чуть позже.

— Теперь мы знаем, кто, как и почему, — сказал Дэлглиш. — Но все улики косвенные. У нас нет ни одного конкретного доказательства, прямо связывающего Вулкана с любой из жертв. Расследование пока что не закончено. Дело могут допустить до суда лишь при вероятности обвинения больше пятидесяти процентов, и при наличии компетентного юриста на стороне защиты обвинение может провалиться.

— И одно можно сказать точно, сэр, — вступил Пирс, — защита будет более чем компетентной. Она может представить случай с Дюпейном как самоубийство. На его постоянный стресс указывает многое. А если Дюпейна не убивали, то связь между двумя смертями рухнет. Мотивы убийства Селии Меллок могут иметь сексуальную природу: ее мог убить насильник. Остается и тот неудобный факт, что она могла незаметно попасть в музей в прошлую пятницу, днем, а ее убийца тогда же незаметно исчезнуть. Она могла приехать в любой момент, чтобы позже встретиться с Мартлшем. Если она прибыла на такси, то жаль, что до сих пор не объявился водитель. Впрочем, он может оказаться в отпуске...

— И тем не менее пока все складывается, — сказала Кейт, повернувшись к Дэлглишу. — Может, это и косвенные улики, однако убедительные. Подумайте о бросающихся в глаза фактах. Утерянная сумочка и причины, по которым ее взяли. Отпечатки ладоней на двери в квартиру. Местоположение лифта: когда приезжал Мартлшем, он стоял на первом этаже. Оборванные фиалки. Попытка скопировать предыдущие убийства.

— Суверенностью можно говорить только о второй смерти, — сказал молчавший до сих пор Бентон-Смит. — Первая почти наверняка была совпадением. Хотя кто бы ни убил Селию Меллок, он мог знать — должен был знать — о первом убийстве.

— Выходит, сэр, время для ареста еще не пришло?

— Нам нужно продолжать допросы — теперь уже под запись и в присутствии адвоката. Если мы не добьемся чистосердечного признания — а я на такое не рассчитываю, — мы можем при наличии терпения дожидаться оговорки или нестыковки в показаниях. А теперь о сообщении миссис Клаттон. Что в точности она сказала?

— Что у нее есть некая информация, — ответил Бентон-Смит, — которую она хотела бы передать вам, сэр, но не по телефону. Миссис Клаттон беспокоилась, сумеет ли она увидеться с вами лично, сэр. Хотя сказала, что это не срочно, что можно и завтра. У меня возникло ощущение, будто она сожалеет о звонке.

— А Райан Арчер? Он живет в коттедже?

— Миссис Клаттон не говорила обратного.

Дэлглиш секунду помолчал. Потом сказал:

— Нет, завтра нельзя. Нужно увидеться с ней сегодня вечером. Я хочу, чтобы вы поехали со мной, Кейт. Нельзя оставлять миссис Клаттон одну в коттедже, лишь под защитой этого мальчика.

— Не думаете же вы, что она в опасности? — спросил Пирс. — Совершить второе убийство Вулкана вынудили обстоятельства. У нас нет оснований ждать третьего.

Дэлглиш не ответил. Он повернулся к Кейт:

— Вы не будете против, Кейт, если останетесь с ней на ночь? В свободной комнате, судя по всему, живет мальчик — возможно, вам придется провести ночь в кресле.

— Все будет в порядке, сэр.

— Послушаем, что нам расскажет миссис Клаттон. Будьте добры, позвоните ей, Кейт, и скажите, что мы уже в пути. Пирс и Бентон, если я не перезвоню, встречаемся здесь завтра, в восемь утра.

6

Будь все как обычно, Талли прикидывала бы теперь, что приготовить на ранний ужин, и нагружала поднос, если бы собиралась есть, сидя перед телевизором. Хотя скорее всего она накрывала бы сейчас стол скатертью. Талли предпочитала ужинать с соблюдением некоторых формальностей, иначе ее преследовало неясное чувство вины: если она слишком часто будет есть в кресле, с подносом на коленях, то скатится к неряшливости и самопотаканию. К тому же за столом удобнее сидеть. К этому моменту Талли обычно заканчивала со всеми делами, и вечерняя еда приносила радость, становилась еще одним уютным обычаем одинокой жизни.

Однако этим вечером у нее не получилось собраться и озаботиться даже простейшими приготовлениями. Наверное, она сделала ошибку, перехватив чая с печеньем. Талли обнаружила, что не переставая, без всякой цели ходит вокруг стола и, судя по всему, не может себя контролировать. Озарение, снизошедшее на нее в музее, было столь незатейливым и столь необычайным по своим последствиям, что ни о чем другом она не могла думать. В один из первых визитов командер Дэлглиш попросил ее подумать обо всем, что

произошло в день смерти доктора Дюпейна, и записывать каждую сколь угодно маленькую деталь. Таких не оказалось. Теперь же Талли недоумевала, почему мысль об этой детали не пришла ей в голову раньше. Хотя тогда даже тщательные размышления не привели бы к ней. Наверное, здесь одновременно повлияли мысли, картины перед глазами, звуки и чувство воображаемого соучастия, которое вспышкой осветило ее память. Она сидела за столом, вытянув вдоль его поверхности обе руки, неподвижная и отвлеченная, словно кукла, которую здесь посадили в ожидании невидимой тарелки с едой. Талли спрашивала себя, не ошиблась ли со временем, с последовательностью событий или выводами. И понимала: ошибки нет. Осознание было полным.

Звонок телефона заставил ее подпрыгнуть. Талли редко звонили после закрытия музея, и она подняла трубку не сразу. Могла опять звонить Дженнифер; Талли слишком устала, чтобы иметь дело с ее вопросами и изматывающей заботой. Она с облегчением вздохнула. Звонила инспектор Мискин, сказавшая, что командер Дэлглиш хочет ее увидеть сегодня вечером. Он и Кейт были уже в пути.

Внезапно Талли в ужасе вцепилась в край стола. Воздух сотряс потусторонний вопль. Сначала он показался ей человеческим, потом она поняла, что визг агонии исходит из глотки животного. Да это же Кот! Она наклонилась за ключами и бросилась к двери. Схватила лежащий на полочке фонарик, сорвала с крючка ближайший плащ — это оказался макинтош. Накинув его на плечи, она попыталась вставить ключи в оба замка. Они лишь скользили по металлу. Усилием воли Талли заставила руки перестать дрожать, и ключи вошли в свои гнезда. Теперь засовы. Наконец дверь отворилась, и она выбежала в темноту.

Этой ночью облака висели низко, звезд почти не было, мерцала ущербная луна. Единственный свет шел сквозь щель в двери, которую Талли оставила приоткрытой. Дул слабый ветер. Он шевелился в деревьях, в траве, словно был живым; дотрагивался до ее лица своими прохладными ладонями. Визг раздавался теперь где-то рядом; он доносился с окраины Хита. Сбежав по тропинке, она толкнула хлипкую калитку и

описала фонариком дугу, освещая деревья. Наконец Талли его увидела.

Кот висел на одной из нижних веток; вокруг его задней лапы был стянут ремень, другим концом привязанный к ветке. Животное извивалось и вопило, безрезультатно молотя по воздуху тремя свободными лапами. Талли машинально подбежала и потянулась за котом, однако ветка была слишком для нее высокой; она закричала от боли, когда когти полоснули по тыльной стороне ее руки, и Талли ощутила теплую струйку крови. «Я вернусь, вернусь...» — пробормотала она и побежала обратно к коттеджу. Ей нужны перчатки, стул и нож. Слава Богу, стулья в гостиной достаточно прочны для ее веса! Талли схватила один из них, взяла со стойки нож поострее и через несколько секунд опять оказалась под деревом.

Она быстро установила стул в мягкой почве — так, чтобы спокойно на него встать. Талли бормотала слова ободрения и утешения, но Кот не обращал на них никакого внимания. Держа перед собой макинтош, она обернула им животное и резким движением подняла Кота, взгромоздив его на сук. Вой неожиданно прекратился. С ремнем было труднее. Самый простой способ освободить Кота — ослабить петлю на ноге, но она боялась его когтей. Так что Талли подсунула лезвие под ремень и стала пилить. Прошло не меньше минуты, пока кожа наконец поддалась. Завернув Кота в макинтош целиком, она осторожно спустилась на землю, тут же освободила его, и тот рванул прочь — в Хит.

Вдруг ее охватила чудовищная слабость. Стул казался слишком тяжелым. С плащом, накинутым на плечи, она волокла его за собой. Талли почувствовала, что беззвучно плачет, слезы текли и текли по щекам, ледяные, словно зимний дождь. Все, что она теперь хотела, — вернуться в коттедж, запереть двери и ждать полиции. Кто бы ни сделал такое с Котом — это было жестоко, а в музее Дюпейна совершенно точно работал только один жестокий человек. Она втащила стул на крыльцо. Ключи остались в замке. Талли повернула их, потом потянулась к засовам. Дверь в маленький холл была

открыта, и, не пытаясь запереть ее, женщина почти вползла в гостиную. Она умудрилась подвинуть стул, поставив его на место, и затем на мгновение встала, согнувшись над ним, теряя последние силы.

А потом — слишком поздно — она услышала шаги через холл. Испытывая слабость, Талли даже не успела осознать опасность. Она только начала разворачиваться, когда металлический прут обрушился на нее, и женщина упала на ковер. Ее голова оказалась в фуге от горящего газа, макинтош все еще лежал на ее плечах. Она без всякого удивления заметила лицо нападавшего, а после уже больше не видела и не слышала ничего. На ее тело дождем просыпались шахматы. Прошло несколько секунд, прежде чем сознание покинуло Талли окончательно. Ей хватило времени, чтобы подумать, как проста и незатейлива смерть, и поблагодарить Всевышнего, в которого она всегда верила и у которого так мало просила.

7

Полицейские воспользовались машиной Дэлглиша; он вел молча. Адаму были свойственны эти периоды молчания, и Кейт слишком хорошо его знала, чтобы вмешиваться. Водителем он был опытным и умелым; они ехали так быстро, как это было возможно. Переживать из-за ставших невыносимыми задержек бессмысленно, но Кейт чувствовала все возрастающее беспокойство Дэлглиша.

Когда они доехали до Хэмпстеда, тот сказал:

— Позвони миссис Клаттон еще раз, Кейт. Скажи, что мы уже почти на месте.

Однако на этот раз никто не ответил.

Они повернули на дорожку к музею Дюпейна, и «ягуар» рванулся вперед. Свет его фар буквально пожирал темноту. Он серебрил покрытые травой обочины и покушающиеся на

пространство газона кусты. Когда Дэлглиш преодолел последний поворот, дом оказался освещенным как для светозвукового шоу. Они увидели, что шлагбаум поднят. Машина обогнула восточную сторону дома, миновала почерневшие руины гаража и, клюнув носом, остановилась на покрытой гравием дорожке. Света в коттедже не было, хотя дверь была открыта. Дэлглиш вбежал первым. Холл, гостиная. Его рука нащупала выключатель. Включенный газ слабо горел. Талли лежала на коврике, головой к огню, в накинутом на плечи макинтоше. Льющаяся из головы кровь была свежей и красной. По телу женщины были небрежно рассыпаны шахматные фигуры, черные и цвета слоновой кости, — в качестве прощального презрительного жеста.

Тут детективы услышали еле слышный звук машины, их настороженный слух ни с чем не мог его спутать. Кейт бросилась к двери, но Дэлглиш схватил ее за руку:

— Не теперь, Кейт. Вы нужны мне здесь. Пусть арест производят Пирс и Бентон-Смит. Вызовите «скорую», потом звоните Пирсу.

Пока она набирала номер, Адам склонился над телом Талли Клаттон. Кровь течь перестала, но когда командер положил пальцы на горло женщины, неожиданно пропал пульс. Быстро скатав макинтош, Дэлглиш подложил его под затылок Талли и открыл ей рот, проверяя, не носит ли она вставную челюсть. Склонив голову, он прижался своим ртом к ее и начал делать искусственное дыхание. Кейт выполняла срочные звонки, шипел газ — Дэлглиш ничего этого не слышал: для него существовало только собственное ритмичное дыхание и это тело, которое он стремился вернуть к жизни. И вот, как по волшебству, Дэлглиш почувствовал биение пульса. Талли дышала. Прошли минуты; она открыла глаза, остановила на полицейском невидящий взгляд и с тихим стоном, словно успокоившись, повернула голову и снова потеряла сознание.

Ожидание «скорой» было невыносимо, но Дэлглиш понимал, что перезванивать бесполезно. Они прняли звонок и

приедут так быстро, как только смогут. Со вздохом облегчения детектив услышал их приближение; в коттедж вошли фельдшеры. Квалифицированная помощь наконец была здесь.

— Извините за задержку, — сказал один из медиков. — В начале дороги случилась авария. Проезд сузили до одной полосы.

Кейт и Дэлглиш посмотрели друг на друга, но оба промолчали. Расспрашивать фельдшеров смысла не было: их забота — делать свое дело. А спешить, немедленно выяснять — зачем? В свое время они вернутся в Ярд, и Пирс, возможно, скажет им, удалось ли ему произвести арест. Вне зависимости от того, жив Вулкан или нет, преступление раскрыто.

Дэлглиш и Кейт наблюдали, как завернутую в одеяла, пристегнутую к носилкам Талли вносят в «скорую». Полицейские сообщили ее имя, еще несколько деталей, а им объяснили, куда ее отвезут.

Ключи от входной двери остались в замке. Кейт выключила газ, проверила наверху и внизу окна, и детективы вышли из коттеджа, везде выключив свет и заперев за собой дверь.

— Будьте добры, Кейт, сядьте за руль, — попросил Дэлглиш.

Он понимал, что инспектор просто счастлива. Садясь за руль «ягуара», Кейт каждый раз наслаждалась. Когда они подъехали к дорожке, Дэлглиш попросил ее остановиться и вышел, оставив напарницу ждать в машине. Он знал, что Кейт не присоединится к нему и не будет ни о чем спрашивать. Дэлглиш немного прошел и устоял на темную массу музея, гадая, доведется ли ему снова здесь побывать. Он чувствовал печаль и утомление, что было не внове: закончив расследование, Дэлглиш часто ощущал нечто подобное. Он думал о чужих жизнях, с которыми соприкоснулся так стремительно, об узанных им тайнах, о лжи и правде, об ужасе и боли. Эти жизни, столь близко сошедшиеся, пойдут дальше своим чередом — как и его собственная жизнь. Идя к машине, в которой его ждала Кейт, Дэлглиш переключил мысли на выходные, на то, что ждет впереди, и его наполнила радость.

За тридцать пять минут до этого Тоби Блейк, девятнадцати лет и двух месяцев от роду, направил свой «кавасаки» на Спаньердз-роуд; оставался последний участок пути домой. От сегодняшней езды были одни огорчения, да только по вечерам четвергов всегда так. С привычным мастерством лавировать между почти неподвижными машинами и автобусами, вырываться вперед, минуя дорогие автомобили с сидящими в них несчастными водителями, — в этом есть своя прелесть, но его «кавасаки» создан для другого. И вот Тоби увидел перед собой пустую, тускло мерцающую дорогу. Пришло время посмотреть, на что способна его машина.

Тоби открыл дроссель. Двигатель взревел, и мотоцикл устремился вперед. Под козырьком светились глаза водителя, он дрожал от наслаждения, ощущая навалившийся воздух, головокружительное наслаждение скоростью, возможность контролировать все. Впереди появился автомобиль, на высокой скорости выезжающий с боковой дорожки. Времени, чтобы затормозить или хотя бы осознать «вот она, эта машина», у парня не было. В течение секунды он оцепенело воспринимал окружающее, затем «кавасаки» врезался в правую сторону автомобиля, волчком перелетел через дорогу и ударился о дерево. Раскинувшего руки Тоби подбросило вверх, он рухнул на обочину дороги и остался там лежать. Мотоцикл раскрутило, и он отлетел на газон.

Следующие десять секунд стояла абсолютная тишина. Потом дорогу осветили чьи-то фары. Остановился «мерседес» и следом идущая машина. Торопливые шаги, восклицания, говорящие по мобильным телефонам взволнованные голоса. Обеспокоенные лица разглядывали сидящего в покоренной машине человека. Он лежал на руле. Люди сошлись на том, что следует подождать приезда «скорой». Подъехали еще машины. Спасательная операция началась.

На обочине покоился мальчик, очень тихо. Не было заметно ни ранений, ни крови. Окружающим казалось, что во сне он улыбается.

На этот раз больница оказалась современной и незнакомой Дэлглишу. Его направили в отделение справа, и в конце концов он обнаружил, что идет по какому-то полностью лишенному окон коридору. Больничного запаха не чувствовалось, однако этот воздух нельзя было спутать ни с каким другим: его будто очистили — неким научным методом — от малейшей примеси страха или болезни. Палату тоже искать не пришлось. Двое одетых в форму констеблей сидели у одной из дверей; при его появлении они встали и отдали командеру честь. Находящаяся внутри медсестра встала, тихо поздоровалась и вышла, закрыв за собой дверь. Он и Вулкан остались одни, лицом к лицу.

Мюрел Годбай сидела в кресле рядом с кроватью. Пластырь на левой руке, доходящий до запястья, и багровый синяк на левой щеке — вот и все повреждения. Солидный хлопковый халат в клетку. Она была совершенно спокойна. Блестящие, аккуратно причесанные необыкновенного цвета волосы удерживала на затылке роговая заколка. Зелено-желтые глаза уставились в лицо детектива с плохо скрываемой неприязнью пациента, к которому пришел очередной непрошенный посетитель. Страх в них не было.

Дэлглиш не подошел к Мюрел.

— Как ваши дела? — спросил он.

— Жива, как видите.

— Полагаю, вам известно, что мотоциклист умер. Он сломал шею.

— Он ехал слишком быстро. Я не единожды говорила мисс Кэролайн, что следует поставить более понятные предупреждения. Однако вы пришли говорить со мной не об этом. У вас есть признание, написанное моей рукой. Это все, что я могу сказать.

Признание было исчерпывающим, хотя содержало лишь факты — ни извинений, ни раскаяния. Убийство планиро-

валось заранее, в среду, после встречи доверенных лиц. В ту пятницу Годбай запаслась ведром, защитным халатом, перчатками, шапочкой для душа и длинными спичками. Также она взяла большой полиэтиленовый мешок, в который могла все это сложить. Домой Мюрел не поехала; подкинув миссис Стрикленд до метро, она вернулась в музей. Ей было известно, что Талли Клаттон в пятницу вечером уедет на занятия, а утром Годбай подстраховалась и сняла трубку с городского телефона — на случай если кто-нибудь позвонит. Мюрел ждала в темноте гаража до тех пор, пока Невил Дюпейн не сел в «ягуар». Тогда она вышла вперед и позвала его по имени. Удивленный, но узнавший голос, Невил повернулся к ней лицом, и его тут же окатили бензином. На то, чтобы зажечь и бросить спичку, ей понадобилось несколько секунд. Последним звуком, выдающим присутствие человека, был ее собственный голос. Когда ей позвонила Талли, она только добралась до дома. Годбай успела переложить трубку, засунуть одежду в стиральную машину, отдраить ведро и умыться. Затем она опять поехала в музей. В выходные Мюрел оторвала от ведра ручку, смяла его, изрезала перчатки и шапочку для душа и под покровом темноты засунула их в мусорный контейнер.

Признание не сообщило Дэлглишу почти ничего нового, за исключением одного факта. Селия Меллок еще в Суотлинге на дух не переносила Мюрел, донимала ее и попыталась лишить рабочего места. Волосы у нее тогда были рыжие. Селия перекрасила свои волосы в желтый цвет уже позже; несмотря на это, когда Годбай вошла в Комнату убийств, чтобы избавиться от Меллок, узнавание было полным и взаимным. Для Годбай это убийство было удовольствием и необходимостью одновременно.

— Не понимаю, зачем вы здесь, командер, — сказала она. — Нам больше нечего друг другу сказать. Я понимаю, что сяду на десять лет. Я заслужила более долгий срок. И мне удалось сделать то, что я хотела, не так ли? Ради памяти своего брата Дюпейны не закроют музей. Каждый день его ра-

боты, каждый следующий посетитель, каждый новый успех — все это будет моей заслугой. И они это понимают. Только оставьте в покое мою жизнь. Вам по должности положено знать, что я сделала и как я сделала. Ну вот, вы знаете, вы своего добились. Это ваша работа; вам скажут, что вы молодец. Вам даже не полагается выяснять, почему я это сделала, однако я могу объясниться, пожалуйста — если мои объяснения кому-то принесут радость. Я об этом написала, все очень просто. Доктор Невил Дюпейн убил мою сестру — своей халатностью. Она позвонила ему, а он не приехал. Сестра облила себя бензином и подожгла. Из-за него она потеряла жизнь. Я не собиралась терять из-за него работу.

— Мы навели справки о жизни доктора Дюпейна до Лондона, — сказал Дэлглиш. — Ваша сестра умерла пятнадцать лет назад, через двенадцать лет после вашего ухода из дома. Вы за это время встречались с доктором Дюпейном? Насколько вы были близки с сестрой?

И теперь она смотрела ему прямо в лицо; ему не доводилось видеть такое сочетание ненависти, презрения и — да! — торжества. Дэлглиш поражался, что ее голос может звучать столь обыденно; таким же голосом она всю последнюю неделю отвечала на его вопросы.

— Я говорила: вам положено знать, что я сделала. Вам не положено знать, что я такое. Вы не священник и не психиатр. Мое прошлое принадлежит мне. Я не собираюсь избавляться от него, подарив его вам. Мне кое-что известно о вас, командер Дэлглиш. Мне рассказала мисс Кэролайн после вашего первого приезда. Она знает такие вещи. Вы писатель, не так ли? Поэт? Вам недостаточно вламываться в жизни других людей, арестовывать их, добиваться их заключения в тюрьму, разбивать их жизни. Вы стремитесь понять их, проникнуть в их души, использовать их в качестве сырья. Меня вам использовать не удастся. У вас нет такого права.

— Да, у меня нет такого права, — сказал Дэлглиш.

Ее лицо словно расслабилось, его подернула печаль.

— Мы — вы и я — никогда не сможем по-настоящему узнать друг друга, командер Дэлглиш.

Уже находясь у двери, Дэлглиш опять повернулся к ней.

— Да, — сказал он, — не сможем. Но отличаемся ли мы в этом от других людей?

10

Палата Талли Клаттон, находившаяся в другой части госпиталя, была совсем другой. Дэлглиш вошел, и его охватил аромат цветов, победивший почти все другие запахи. Талли лежала в постели; ее голова была частично обрита и покрыта неуклюжей марлевой шапочкой, сквозь которую проглядывала толстая повязка. Она протянула командеру руку и улыбнулась:

— Какой вы молодец, командер. Я надеялась, а вдруг... Будьте добры, пододвиньте кресло. Понимаю, что у вас мало времени, но я хотела поговорить с вами.

— Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше. Рана на голове не слишком серьезная. Ей не хватило времени на то, чтобы меня прикончить, не так ли? Врачи сказали, будто сердце у меня остановилось ненадолго, в результате шока. Хотя, если бы вы не приехали, я бы умерла. Когда-то я думала, что эта смерть не имела бы особого значения. Теперь я чувствую иначе. Мне непереносима мысль, что я не увидела бы следующую английскую весну. — Помолчав, она продолжила: — Я знаю о мотоциклисте. Бедный мальчик... Мне рассказали, что ему было всего девятнадцать лет, единственный сын... Я все думаю о его родителях. Наверное, вы могли бы назвать его третьей жертвой.

— Да, — сказал Дэлглиш. — Третьей и последней.

— Вам известно, что Райан вернулся к майору Аркрайту?

— Да, майор позвонил нам. Он подумал, что мы, возможно, захотим знать, где Райан.

— Конечно, это его жизнь, Райана. Наверное, ему так хочется. Только я надеюсь, что он как-нибудь найдет время об этом подумать — я имею в виду его будущее. Если они уже ссорились, то могут начать снова, а тогда... тогда все может оказаться куда серьезнее.

— Не думаю, что это повторится, — ответил Дэлглиш. — Майор Аркрайт к нему привязан. Он не допустит, чтобы мальчик попал в беду.

— Я, естественно, знаю, что Райан гей. Однако не лучше ли было бы жить с кем-то более близким по возрасту, не столь богатым, не с такими возможностями?

— Не думаю, что они с майором Аркрайтом любовники. И Райан почти совершеннолетний. Мы не можем распоряжаться его жизнью.

Обращаясь скорее к себе, нежели к Дэлглишу, Талли сказала:

— Я думаю, он мог бы остаться у меня дольше. На столько, на сколько ему требуется, чтобы понять, что он хочет. Но Райан понимает, что на самом деле он мне в тягость. Я так привыкла жить одна, ни с кем не делить ванную комнату. Всегда это ненавидела — делить ванную комнату. Райан знает это, он не тупой. Хотя дело не только в ванной. Я боялась слишком у нему привязаться, пустить его в свою жизнь. Нет, не как к сыну, это было бы нелепо. Я говорю о человеческих чувствах: беспокоиться о нем, заботиться о нем. Возможно, это лучшая разновидность любви. Мы используем одно и то же слово для столь разных вещей. Мюрел любила Кэролайн, разве не так? Ради нее она пошла на убийство. Видимо, это тоже любовь.

— Возможно, это одержимость — опасная разновидность любви, — мягко сказал Дэлглиш.

— Любовь всегда опасна, не правда ли? Наверное, я всю жизнь ее боялась, боялась этих обязанностей. Теперь я начинаю понимать. — Талли посмотрела Адаму прямо в лицо. — Если ты боишься любви, ты жив лишь наполовину.

Она продолжала на него смотреть, словно ища какой-то надежды или утешения. Однако понять, о чем он думает, было невозможно.

— Вы что-то хотели мне рассказать, — сказал Дэлглиш.

Она улыбнулась:

— Теперь уже не важно, но, когда я позвонила, это казалось важным. Я кое-что вспомнила. Приехав вскоре после пожара, Мюрел первым делом сказала, что нам следует держать бензин под замком. Я не рассказывала ей, что доктора Невила облили бензином. И не могла рассказать, так как сама об этом не знала. Так откуда же ей стало известно? Сначала я сочла это важным, а потом сказала себе, что она могла и угадать. — После паузы Талли спросила: — О Коте, наверное, никаких новостей?

— Этим утром я в музее не был. Не слышал, чтобы он вернулся.

— Вряд ли он важнее остальных забот. Если он не вернется, я надеюсь, что его где-нибудь приютят. Он не особенно привлекательный, на обаяние ему рассчитывать не приходится. И Мюрел повела себя с ним так жестоко. Зачем? Постучи она, я бы ее пустила. Ей не пришлось бы беспокоиться, узнала ли я ее. В конце концов, я была бы мертва. Была бы, не появившись вы.

— Мюрел пришлось бы покончить с вами в гостиной, чтобы получилось убийство «под копирку», — ответил Дэлглиш. — И она не могла быть уверенной в том, что вы откроете ей. Я думаю, она могла подслушать ваш звонок из музея. И посчитать, что вы ее не пустите в дом.

Надеясь ее отвлечь, он сказал:

— Замечательные цветы.

— Правда? — Голос Талли стал звонче. — Желтые розы — от мистера Маркуса и мисс Кэролайн, а орхидеи — от миссис Стрикленд. Звонили миссис Фарадей и мистер Калдер-Хейл, они меня сегодня вечером навеснят. Быстро распространяются новости, не правда ли? Миссис Стрикленд послала мне записку. Она считает, что нам следует пригласить в музей священни-

ка. Я не совсем понимаю, для чего именно. Прочитать несколько молитв, побрызгать святой водой, изгнать злых духов? Миссис Стрикленд написала, что мистер Маркус и мисс Кэролайн всячески это приветствуют. Впрочем, они получили гарантии, что их участие не потребуется. Дюпейны также сказали, что толку от этого не будет, но и особого вреда, возможно, тоже. Для миссис Стрикленд поступок несколько неожиданный, да?

— Пожалуй, слегка неожиданный.

Теперь Талли выглядела очень усталой.

— Я, наверное, лучше пойду. Вам не стоит переутомляться, — сказал командер.

— О, я не утомлена. Наоборот, поговорить — такое облегчение. Сегодня рано утром приходила мисс Кэролайн и была очень любезна. Не думаю, что поняла ее до конца. Она хочет, чтобы я осталась в коттедже и приняла на себя в музее часть обязанностей Мюрел. Не прием посетителей и не бухгалтерию, конечно; они дадут объявления и найдут человека с соответствующей квалификацией. Нам теперь понадобится много дополнительных помощников. С уборкой квартиры помогу я. Мисс Кэролайн сказала, что будет чаще там бывать. Это совсем легкая работа: вытирать пыль, размораживать холодильник, класть в стиральную машину постельное белье. У нее есть несколько друзей, которым нужна постель на ночь. Конечно, я с радостью за это возьмусь.

Открылась дверь, и вошла сестра. Она взглянула на Дэлглиша.

— Я должна кое-что проделать с миссис Клаттон, — сказала медсестра. — Возможно, вам лучше подождать снаружи.

— Думаю, мне уже пора уходить, — сказал Дэлглиш.

Он нагнулся, чтобы пожать руку, бессильно лежавшую на покрывале. Однако ответное пожатие было твердым. Посмотрев в глаза под повязкой, Дэлглиш не увидел в них беспокойного выражения, свойственного пожилым людям. Они попрощались, и детектив опять пошел по безличному, стерильному коридору. Ему нечего было ей сказать, нечем помочь. Сказать, что именно включает в себя работа по квар-

тире мисс Дюпейн, — и Талли почти наверняка откажется от нее. Тогда она рискует потерять коттедж и средства к существованию. И ради чего? К тому же Кэролайн Дюпейн обладает необычайной способностью внушать... Впрочем, Талли не так наивна, как Мюрел Годбай. Она слишком осторожна по натуре, чтобы дать себя обвести вокруг пальца. Возможно, со временем Талли поймет, что происходит в квартире. Если такой момент наступит, она сама примет решение.

Навстречу Адаму по коридору шла Кейт. Дэлглиш знал, что она должна обеспечить перевозку Мюрел Годбай.

— Дежурный врач считает, что перевозка ничем не угрожает ее состоянию, — сказала Кейт. — Они явно хотят избавиться от нее как можно быстрее. Звонили из группы по связям с общественностью, сэр. Насчет пресс-конференции. Они хотели бы ее устроить сегодня, попозже.

— Мы можем предоставить им заявление для прессы, но если они ждут меня, то с конференцией стоит потерпеть до понедельника. Есть дела в офисе, да и мне надо уйти сегодня пораньше.

Кейт отвернулась, однако Дэлглиш успел заметить, как она погрузтела.

— Конечно, сэр, — ответила инспектор. — Вы мне говорили. Я понимаю: вам нужно уйти сегодня пораньше.

11

К половине двенадцатого с накопившимися срочными вопросами, требующими внимания Дэлглиша, было покончено, и он мог приступить к написанию отчета о расследовании. О нем уже спрашивали и комиссар, и министр. Дэлглиша впервые попросили представить такой отчет министру, и он надеялся, что это не станет прецедентом. Но сначала — еще одно неоконченное дело. Он попросил

Кейт связаться с Суотлингом и сообщить Кэролайн Дюпейн, что командер Дэлглиш хотел бы как можно скорее увидеть ее в Нью-Скотленд-Ярде.

Кэролайн приехала через час. Она была одета так, словно собиралась на деловой обед. Темно-зеленый плащ висел драматичными складками, поднятый воротник окаймлял лицо. На губах сверкала помада. Кэролайн села в предложенное кресло и посмотрела на командера. В ее глазах светился откровенный вызов, словно они встретились впервые и она оценивала его, забавляясь возможными вариантами.

— Наверное, мне следует вас поздравить, — сказала она.

— Нет ни необходимости, ни повода. Я попросил вас прийти сюда, потому что у меня осталось два вопроса.

— Все еще на посту, командер? Спрашивайте — если смогу, дам вам ответ.

— В прошлую среду — или позже — сообщали ли вы Мюрел Годбай, что увольняете ее и больше не нуждаетесь в ее услугах?

Он ждал.

— Следствие закончено, Мюрел арестована. Я не пытаюсь грубить или чинить препятствия, но ведь это вас больше не касается, командер, не так ли?

— Ответьте, пожалуйста.

— Да. Я сообщила ей об этом в среду, после того как мы с вами побывали в моей квартире. Не совсем в таких выражениях, и все же сообщила. Мы были на стоянке. Я ни с кем не советовалась, это было лишь моим решением. Ни мой брат, ни Джеймс Калдер-Хейл не считали ее человеком, подходящим для работы с посетителями. До этого я за нее сражалась: эффективность и верность кое-чего стоят. В среду я пришла к выводу, что они были правы.

Еще один пазл со щелчком встал на место. Так вот почему Годбай вернулась в музей в четверг вечером и оказалась в офисе, когда Талли звонила в полицию. На заданный ей по этому поводу вопрос Мюрел ответила, что накопилась куча работы и она хотела слегка разгрести эти залежи. Только если

это правда, то зачем уезжать и потом возвращаться, почему не остаться сразу?

— Годбай пришла, чтобы освободить стол, — сказал Дэлглиш. — Она не могла это делать, пока вокруг находились люди. Для нее это было непереносимым позором.

— Да, разобраться на столе и оставить мне список рекомендаций — что надо сделать в первую очередь, а также предложения по управлению офисом. Добросовестна до последнего.

В голосе Кэролайн не слышалось жалости. Она говорила почти с презрением.

— Ваши коллеги могли считать ее не тем человеком, который нужен на этом месте, — продолжил Дэлглиш, — но турнули вы Мюрел не поэтому, не так ли? К вечеру среды вы уже не сомневались, что вашего брата и Селию убила именно Годбай. Вы не хотели, чтобы она работала в музее в тот момент, когда я ее арестую. А еще эта связь с колледжем. Для вас было важно, чтобы история с убийством не коснулась школы. Правда ведь?

— Эти соображения были второстепенными. Немного удачи, и колледж будет завещан мне. Я не хочу, чтобы дела пошли на спад до того, как мне представится шанс получить его в свои руки. И вы не ошиблись насчет музея. Было важно избавиться от Мюрел до ареста. Хотя главным образом я руководствовалась не этим. Когда правда выйдет наружу, и на Суотлинге и Дюпейне появится несколько пятен. Впрочем, школе особого ущерба не будет: та девушка слишком давно ушла отсюда. И сомневаюсь, что музей вообще как-то пострадает. Люди уже с нетерпением спрашивают, когда он откроется. Музей Дюпейна наконец-то появился на карте.

— И когда вы пришли к заключению о вине мисс Годбай?

— Примерно тогда же, когда и вы, как я предполагаю, — когда узнала, что кто-то отодвигал засовы на двери, ведущей из квартиры в Комнату убийств. Ключи были только у меня и у Мюрел. Разница между нами заключалась в том, что вам

пришлось искать доказательства, а мне — нет. А теперь у меня появился вопрос к вам. Раз она созналась, процесс нам не грозит. Тогда до какой степени будет затронута моя личная жизнь? Естественно, я говорю о «Клубе-96». Он не имеет отношения к смерти любой из жертв. А разве не этим интересуется дознание — причиной смерти? Есть необходимость упоминать о клубе?

Вопрос был задан столь же спокойно, как если бы она договаривалась о встрече. Кэролайн не проявляла беспокойства, не умоляла.

— Многое зависит от того, какие вопросы судьи посчитают нужным задать, — ответил Дэлглиш. — Перед нами все еще два незавершенных дознания.

Она улыбнулась:

— О, я думаю, вы убедитесь, что они будут вести себя достаточно благоразумно.

— Вы говорили Мюрел Годбай, что знаете правду? Пытались вынудить ее к признанию?

— Нет. Конечно, она знала о «Клубе-96» или по крайней мере догадывалась. В конце концов, она застилала постели, выносила пустые бутылки из-под шампанского. Я не вынуждала Мюрел и, когда избавлялась от нее, убийства никак не упоминала. Я просто сказала, что нужно освободить стол и уйти, как только будут возвращены ключи. К тому времени ей не следовало вставать у меня на пути.

— Я хочу знать, что за разговор состоялся между вами. Как она отреагировала?

— А вы как думаете? Посмотрела на меня так, будто я приговорила ее к пожизненному заключению. Не исключаю, что так оно и было. На какое-то мгновение мне показалось, что Мюрел собирается упасть в обморок. Она пыталась заговорить, но вместо слов выходил хрип. «А как же музей? А как же моя работа?» — спросила Мюрел. Я сказала, чтобы она не беспокоилась: служащие вполне заменимы. Мой брат и Джеймс Калдер-Хейл уже не первый месяц хотели от нее избавиться. Уборкой моей квартиры займется Талли.

— И это все?

— Не совсем. Она закричала: «А что будет со мной?» Я сказала, что главная ее надежда — если полиция сочтет эти смерти убийствами «под копирку». Это было единственным упоминанием смертей в музее. Потом я села в машину и уехала.

Да, эти последние слова чуть не приговорили Талли Клаттон к смерти. Вслух Дэлглиш сказал:

— Смерть вашего брата была ее подарком вам. Она хотела сохранить музей ради вас. Возможно, она даже ждала от вас благодарности.

Теперь в ее голосе появилась жесткость.

— В таком случае она меня не знала — как, впрочем, и вы. Вы думаете, я не любила своего брата?

— Нет, я так не думаю.

— Мы, Дюпейны, не выказываем чувств на публике. Нас так учили, мы прошли жестокую школу. Мы не сентиментальны по отношению к смерти — что к своей, что к чужой. Мы не ударяемся в невротический вой и хныканье, как другие люди, которые заменяют такими выходками обязанности, накладываемые истинным состраданием. Я действительно любила Невила. Он был лучшим из нас. На самом деле его усыновили. Не думаю, что кто-нибудь знал, кем была его мать, — кроме нашего отца. Маркус и я всегда считали Невила его ребенком. Иначе почему брата усыновили? Отец был не из тех, кому свойственны благородные порывы. Моя мать выполняла его желания: такова была ее роль в жизни. Невил усыновили до моего рождения. Мы часто ссорились. К его работе я почтения не испытывала, как и он — к моей. Он мог презирать и меня, но я его не презирала. Невил всегда был рядом, я его всегда считала старшим братом. Он всегда был Дюпейном. И как только я все поняла, то уже не могла находиться с Мюрел Годбай под одной крышей. — Она замолчала, а потом спросила: — Теперь все?

— Все, о чем я имел право спрашивать, — сказал Дэлглиш. — Мне не дает покоя Талли Клаттон. Она сказала, что вы предложили ей принять обязанности Мюрел по уходу за квартирой.

Кэролайн поднялась и потянулась за сумочкой. Затем улыбнулась:

— Не беспокойтесь. Будут введены жесткие ограничения. Чуть-чуть вытереть пыль, пропылесосить полы. Я помню добро, даже если сама к нему не особенно стремлюсь. Если «Клуб-96» и возродится, встреч в Дюпейне больше не будет. Мы не хотим, чтобы местные копы с ревом ломились в наши двери лишь на том основании, что им кто-то стукнул о наркотиках и педофилах. До свидания, командер. Жаль, что мы с вами не встретились при других обстоятельствах.

Кейт, все это время хранившая молчание, вышла с Кэролайн, и за ними закрылась дверь. Через несколько минут инспектор вернулась.

— Господи Боже мой, как же она надменна! А все семейная гордость! Невила ценили потому, что он наполовину Дюпейн. Как вы думаете, усыновление — это правда?

— Да, Кейт, это правда.

— А «Клуб-96»? Что она с этого имела?

— Полагаю, деньги. Люди оставляли пожертвования в счет уборки и напитков. Однако в основном она наслаждалась могуществом. В этом они с Годбай похожи.

Дэлглиш представлял Годбай, которая сидит за своим столом и тайно лелеет мысль, что, если бы не она, музей был бы закрыт; прикидывает, как и когда она может признаться Кэролайн в том, что она для нее сделала — в этом слишком дорогим подарке любви.

Кейт сказала:

— Думаю, Кэролайн Дюпейн сохранит клуб. Если Суотлинг перейдет к ней, они смогут без большого риска встретиться там, особенно на каникулах. Как вы думаете, нам следует предупредить Талли Клаттон?

— Это не наше дело, Кейт. Мы не можем наводить порядок в жизни других людей. Талли Клаттон не дурочка. Она сама примет решение. Не нам ставить ее перед моральным выбором, сделать который, возможно, не в ее силах. Ей нужны эта работа и этот коттедж — вот так.

- Вы имеете в виду, что она может пойти на компромисс?
- Когда многое поставлено на карту, люди часто идут на такое. Даже самые добродетельные из них.

12

Последний на этой неделе семинар подошел к концу. Было пять часов вечера. Сидевшая напротив Эммы студентка было сегодня одна. Ее подруга слегла с гриппом — первая жертва в новом триместре. Эмма горячо надеялась, что это не начало эпидемии. Ширли не спешила уходить. Эмма искоса глянула на девушку: та ерзала на стуле, опустив глаза, сжимая лежащие на коленях маленькие, неуклюжие руки. Подавленность была слишком явной, чтобы проигнорировать ее. Эмма обнаружила, как про себя молится: «Господи, пожалуйста, не позволяй ей требовать от меня слишком многого. Не сейчас. Пусть это будет недолго».

Ей необходимо успеть на поезд, отходящий в половину седьмого; Адам встретит ее в три минуты восьмого на Кингс-кросс. Она с ужасом ждала телефонного звонка, сообщающего, что у него ничего не получится, но он не звонил. Такси Эмма заказала на половину шестого, с запасом, в расчете на пробки. Маленький чемодан был уже собран. Складывая ночную рубашку и халат, она улыбалась, представляя, как Клара, увидь ее, заявила бы, что подруга готовится к медовому месяцу. Она отогнала образ высокой темной фигуры, ждущей ее у турникетов, и спросила:

— Вас что-то беспокоит?

Девочка посмотрела в глаза преподавательницы:

— Другие студенты думают, будто я здесь потому, что ходила в общую школу. Они полагают, что государство заплатило Кембриджу и меня взяли. Поэтому я здесь, а не потому, что я умная.

— Кто-нибудь вам такое говорил? — резко спросила Эмма.

— Нет, никто. Никто ничего не говорил, но они так считают. Об этом пишут в газетах. И они знают, что так бывает.

— В этом колледже так не бывает, и с вами так не было. Ширли, это просто-напросто неправда. Послушайте меня, это важно. Правительство не указывает Кембриджу, как ему набирать студентов. Если бы оно попыталось так сделать — любое правительство, — Кембридж не обратил бы внимания. Какой нам смысл брать кого-либо, руководствуясь при этом не его умом и задатками, а чем-то другим? Вы здесь потому, что заслуживаете этого.

Голос Ширли был таким тихим, что Эмме пришлось вслушиваться, чтобы понять.

— Я не чувствую себя достойной.

— Ну подумайте же, Ширли. Ученый мир интернационален, там высокая конкуренция. И если Кембридж хочет сохранить свое положение, мы должны отбирать самых лучших. Вы здесь благодаря своим показателям. Мы хотим, чтобы вы были здесь и чтобы вам было хорошо.

— Другие выглядят такими уверенными... Некоторые знали друг друга еще до поступления. У них тут друзья. Кембридж им знаком, они знают, что делать, они вместе. А мне здесь все незнакомо. Я чувствую себя здесь чужой. Пойти в Кембридж было ошибкой — так говорили некоторые мамы подруги. Они говорили, что я не впишусь.

— Они ошибались. С друзьями и вправду легче. Но некоторые из студентов, выглядящих уверенными, на самом деле беспокоятся почти о тех же самых вещах, что и вы. Первый триместр в университете никогда не бывает простым. По всей Англии студенты испытывают такую же неуверенность. Когда нам плохо, мы уверены, что так себя никто никогда не чувствовал. Да только мы не первые. Это часть человеческой природы.

— Вы не можете ощущать такое, доктор Лавенам.

— Конечно, могу. Иногда. Вы вступили в какие-нибудь общества?

— Еще нет. Их так много. Я не уверена, что подойду.

— Почему бы не вступить в одно из тех, что вам по-настоящему интересно? Только не делайте это ради встречи с людьми, поиска друзей. Выберите что-нибудь доставляющее вам удовольствие, возможно, что-то новое. И вы встретитесь с людьми, и у вас появятся друзья.

Девушка кивнула и прошептала что-то вроде «попытаюсь». Эмма забеспокоилась. Эта проблема со студентами была самой серьезной. На какой стадии следует им советовать, чтобы они обратились к психологу или психиатру? И нужно ли это вообще? Если пропустить признаки угнетенного состояния, может случиться катастрофа. А если перестараться, то есть опасность разрушить ту самую уверенность в себе. Была ли Ширли в отчаянии? Эмма так не думала. Она надеялась, что не ошибается. Однако у нее была возможность — и необходимость — помочь еще одним способом.

Эмма мягко сказала:

— Когда мы только поступаем в университет, иногда сложно понять, как надо работать, чтобы добиться наилучшего результата, как распорядиться своим временем наилучшим образом. Его запросто можно потерять, изо всех сил трудясь над несущественным и пренебрегая главным. Умение писать рефераты приходит с опытом. В субботу и воскресенье меня в Кембридже не будет, но мы можем поговорить в понедельник — если вы чувствуете, что вам это поможет.

— О, поможет, доктор Лавенам, поможет! Спасибо вам!

— Тогда договоримся... скажем, на шесть часов?

Девушка кивнула и поднялась, чтобы уйти. У дверей она обернулась, шепнула в последний раз «спасибо» и исчезла. Эмма глянула на часы. Пришло время надеть плащ, взять чемодан, спуститься вниз и ждать такси. Она только на станции вспомнила, что оставила телефон в комнате. Возможно, это не столько оплошность, сколько подсознательный страх услышать его звонок. Теперь она будет ехать спокойно.

Наконец Дэлглиш был готов к выходу. В дверь заглянула его секретарша.

— Это из министерства внутренних дел, мистер Дэлглиш. Министр хотел бы с вами встретиться. Звонили прямо из его офиса. Это срочно.

Так было всегда, если звонили в пятницу вечером.

— Вы сказали им, что я прямо сейчас уезжаю на все выходные?

— Я им говорила. Они ответили, что это большая удача — застать вас. Там стряслось нечто важное. Еще звонил мистер Гаркнес.

Так, значит, там будет Гаркнес. Кто еще? Дэлглиш напяливал плащ и смотрел на часы. За пять минут срезать через станцию «Сент-Джеймс-парк» и попасть к Куин-Эннз-гейт. Возможна обычная задержка у лифта. По крайней мере его там хорошо знают, поэтому охрана задерживать не будет. В общем, если повезет, через шесть минут он будет у министра. Адам не стал тратить время и выяснять, вышел ли Гаркнес, а побежал к лифту.

Ровно через семь минут Дэлглиш входил в офис. Он увидел Гаркнеса, заместителя министра, Бруно Денолма из М16 и чиновника из министерства иностранных дел и по делам Содружества — молоджавого, обходительного человека средних лет, который своей холодной отстраненностью давал понять, что просто осуществляет надзор в интересах человека, представителем которого является. Все присутствующие привыкли к такого рода срочным вызовам и уже наострились неожиданное и нежелательное сводить к управляемому и безобидному. Однако Дэлглиш почувствовал общее напряжение, даже замешательство.

Министр махнул рукой и сделал короткое и большей частью бесполезное вступление. Он был человеком, превратившим хорошие манеры в рабочий инструмент, особенно при

общении с офицерами. Дэлглиш понимал, что в целом навыки общения сослужили министру хорошую службу. По крайней мере придавали ему оригинальность. Однако теперь его предложение выпить хересу — «если только вам, джентльмены, не кажется, что еще слишком рано; в этом случае есть чай и кофе» — и его тщательный подход к рассаживанию собеседников казались намеренными попытками тянуть время. А когда Гаркнес согласился — судя по всему, за всех — выпить хересу, это выглядело слабостью, равнозначной ранней стадии алкоголизма. Господи, начнут они когда-нибудь?! Херес был разлит — великолепный и очень сухой, — и все уселись за столом. Перед министром лежала папка. Когда он ее раскрыл, Дэлглиш узнал свой отчет.

— Поздравляем, командер, — сказал министр. — Это деликатное дело вы раскрыли быстро и эффективно. Поэтому есть повод опять поднять вопрос о распространении деятельности Специального отдела по всей стране. Я думаю о недавних изнасилованиях и убийствах детей. Общенациональный отдел с работающими в нем спецами мог бы продвинуться в этих нашумевших делах. Я полагаю, у вас есть предложения на этот счет.

Дэлглиш мог бы рывкнуть, что вопрос не нов и мнения по этому поводу, в том числе и его, уже известны. Тщательно скрывая нетерпение, он сказал:

— Если при расследовании требуется охватить всю страну, если преступление явно выходит за пределы муниципалитета, то выгоды очевидны. Но имеются и возражения. Мы рискуем потерять связь с местной общественностью, перестать владеть ситуацией, что при расследовании может оказаться важным. Существует проблема взаимодействия с силами, задействованными изначально. Также возможны проблемы нравственного порядка: самые сложные дела будут попадать в отдел, который пользуется привилегиями и при подборе кадров, и в финансировании. Нам необходимо повышать уровень подготовки всех детективов, в том числе и инспекторов. И общество потеряет уверенность в том, что местная полиция способна раскрывать преступления.

— Этим, конечно, и занимается ваш комитет в данный момент — подбором и подготовкой молодых детективов, — сказал министр. — Действительно, не знаю, есть ли смысл расширяться, создавая национальный отдел.

Дэлглиш не стал уточнять, что комитет не его, просто он там служит. Адам сказал:

— Председатель, возможно, согласится с последним увеличением сферы нашей деятельности, если министр хочет именно этого. Входи это в наши функции с самого начала, у нас был бы другой состав. С принятием новых членов на столь поздней стадии возникают проблемы.

— Но в дальнейшем это может быть взято на вооружение?

— Наверняка, если сэра Десмонда это порадует.

Дэлглиш понимал, что возвращение к старой теме было лишь вступлением. Теперь министр обратился к докладу.

— Из вашего доклада становится ясно, что частный клуб или, лучше сказать, друзья мисс Кэролайн Дюпейн не имеют отношения ни к смерти доктора Невила Дюпейна, ни к смерти Селии Меллок.

— Ответственность лежит на одном человеке: на Мюрел Годбай, — сказал Дэлглиш.

— Совершенно верно. А раз так, не стоит огорчать мать мисс Меллок, оповещая общественность о причинах ее пребывания в музее.

Дэлглиш сказал про себя, что способность считать остальных менее умными и более наивными — полезное качество профессионального политика, однако он не собирался играть в эту игру.

— Леди Холстед нет до этого дела, не так ли? Она и ее последний муж прекрасно знали об образе жизни ее дочери. Кого именно мы оберегаем в данном случае, сэр?

Дэлглиш хотел было из озорства сам предложить на выбор несколько имен, но сдержался. У Гаркнеса чувство юмора было зачаточным, а у министра — Бог его знает.

Последний искоса глянул на чиновника из МИДа и сказал:

— Один иностранец, большой человек и хороший друг нашей страны, требует гарантировать, что некоторые частные подробности останутся частными.

— А не зря ли он беспокоится? — спросил Дэлглиш. — Я думал, что только два греха способны заставить прессу предать кого-либо анафеме: педофилия и расизм.

— Не в его стране.

Министр торопливо продолжил:

— Перед тем как давать гарантии, мне нужно обговорить ряд деталей, главным образом касающихся работы суда — чтобы в нее никто не вмешивался. Впрочем, об этом можно и не говорить. Но от процесса не должны пострадать невиновные.

— Надеюсь, мой отчет достаточно прозрачен, министр, — сказал Дэлглиш.

— И прозрачен, и подробен. Возможно, это я выражаюсь недостаточно внятно. Мне следовало бы сказать, что я тоже хочу получить от вас ряд гарантий. Этот клуб, который принадлежит мисс Дюпейн... я так понимаю, что это частное объединение, находящееся на частной территории, все участники — совершеннолетние и там не замешаны деньги. Занятия этих людей кто-то может осудить, и все же они не делали ничего противозаконного.

— Кэролайн Дюпейн не содержала бордель, и ни один из членов клуба не имеет отношения ни к смерти Невилы Дюпейна, ни к смерти Селии Меллок. Девушка осталась бы жива, не окажись она в Комнате убийств. Хотя Селия бы там не оказалась, не будь она членом «Клуба-96», но, как я уже сказал, ответственность лежит только на одном человеке. Это Мюрел Годбай.

Министр нахмурился. Он старался не упоминать название клуба.

— Вы уверены? — спросил он.

— Да, министр. У нас есть ее чистосердечное признание. Если бы не оно, мы бы арестовали ее сегодня утром. Перед тем как потерять сознание, Таллула Клаттон ее узнала. Ис-

пачканый кровью железный прут найден в машине Годбай. Кровь сейчас на анализе, однако можно не сомневаться, что она принадлежит Клаттон.

— Совершенно верно, — сказал министр. — Только вернемся к происходящему в квартире мисс Дюпейн. Вы предполагаете, что девушка, которая должна была тем вечером встретиться с лордом Мартлшем, отперла дверь в Комнату убийств, подстрекаемая любопытством и тем, что входить в музей таким путем строго запрещено. Через восточное окно она увидела, как Мюрел Годбай моет руки под садовым краном. Годбай поглядела вверх, заметила девушку, зашла в музей, задушила свою жертву, которая была неспособна сбежать, так как на двери не было ручки, и потом засунула тело в чемодан. Сил для этого у нее явно достаточно. После Годбай зашла в квартиру через главный вход, от которого у нее имелись ключи, выключила везде свет, спустилась на лифте на первый этаж и ушла. Лорд Мартлшем прибыл почти сразу после этого. Отсутствие машины Селии Меллок, находившейся тогда в ремонте, выключенный свет и стоящий на первом этаже лифт убедили его, что девушка не пришла. Тут он увидел пылавший гараж, запаниковал и уехал. Следующим утром Годбай, прибывшая раньше обычного, имела возможность сорвать цветы с фиалок, стоящих в офисе Калдер-Хейла, и осыпать ими тело убитой. Естественно, цель — сделать и вторую смерть убийством «под копірку». Также она отперла дверь из квартиры в Комнату убийств и проверила, не оставила ли Меллок следов своего пребывания. Ни это, ни шутку с фиалками нельзя было проделать сразу после убийства. Как только пламя стало слишком заметным, ей пришлось спешить — пока не поднялась тревога. Я могу понять, зачем Годбай понадобилась сумочка. Было важно, чтобы ключи от квартиры не обнаружили на теле Селии Меллок. Быстрее было схватить сумку, а не тратить время на их поиски. Остались кое-какие детали, но суть дела в этом.

Он поднял глаза с удовлетворенной улыбкой человека, который очередной раз продемонстрировал, как мастерски умеет делать выводы.

— Таким это дело представляется и мне, — сказал Дэлглиш. — Я с самого начала не сомневался в связи между этими двумя убийствами. Это подтверждало свидетельство, о котором сказано в отчете: в пятницу в четыре часа чемодан был пуст. Два никак не связанных убийства, случившихся в одно время и в одном месте — в такое поверить невозможно.

— Но извините меня, девушка могла прийти в музей раньше и с другим любовником, встретиться с ним в архивах и дожждаться закрытия музея. Если же она и в самом деле попала в музей не через квартиру, то ее членство в частном клубе мисс Дюпейн и вовсе не имеет к убийству никакого отношения. Следовательно, в упоминании клуба нет никакой необходимости.

— Меня попросили сделать подробный отчет, сэр, — сказал Дэлглиш. — Он у вас есть. Я не собираюсь вносить в него изменений или составлять другой доклад. Так как Годбай подписала свое признание и не намерена отрицать вину, длительного процесса не будет. Если сокращенная версия расследования требуется для внутриведомственного употребления, департамент вполне может такую представить. А теперь, сэр, я хотел бы вас покинуть. Я опаздываю на личную встречу.

Он заметил, как удивился Гаркнес и нахмурился министр. Однако затем глава министерства вполне миролюбиво сказал:

— Хорошо. Я получил необходимую гарантию, что ни закон, ни суд не потребуют оглашения этой стороны личной жизни мисс Меллок. Полагаю, джентльмены, что мы закончили.

Дэлглиша подмывало уточнить, что он таких гарантий не давал и что никто из присутствующих, включая его самого, не имел на это права.

— Может, конечно, проговориться лорд Мартлшем, — вставил Гаркнес.

— Я говорил с лордом. У него больная совесть, и это доставляет ему неудобства, но у лорда нет желания доставлять неудобства другим.

— У нас все-таки ведется дознание в отношении уже двух трупов, а теперь появился еще один.

Министр спокойно сказал:

— О, я полагаю, все ограничится установлением причин этих смертей. В конце концов, именно это и требуется. Благодарю вас, джентльмены. Извините, что задержал, командер. Желаю приятно провести выходные.

14

Спеша к лифту, Дэлглиш глянул на часы. На то, чтобы добраться до Кингс-кросс — три четверти часа. Более чем достаточно. Он заранее продумал поездку. Ехать за рулем от Виктория-стрит до Кингс-кросс в пятницу в час пик — сущий кошмар. Особенно с тех пор, как стараниями мэра светофоры были перенастроены. Дэлглиш оставил машину на стоянке. Самый быстрый, самый очевидный путь — сесть на станции «Сент-Джеймс-парк-кольцевой» или «Дистрикт-лайн», проехать одну остановку до «Виктории» и перейти на одноименную линию. Всего пять станций, и, если повезет, он будет на Кингс-кросс за пятнадцать минут до назначенного срока. Планы с ожиданием в Британской библиотеке рухнули. Вызов к министру спутал все расчеты.

Поездка началась хорошо. На «кольце» поезд пришел через три минуты, на «Виктории» ждать не пришлось вообще. Оказавшись в идущем на север составе, Дэлглиш потихоньку расслабился и обрел способность выкинуть из головы перипетии этого дня, чтобы обратиться к совсем другим перспективам — и обещаниям — грядущего вечера. Но затем, после «Грин-парк», обозначились первые признаки беды. Поезд шел еле-еле, потом застрял на невыносимо долгий срок, потом опять сонно задержался. Они едва двигались. Тянулись минуты. Адам стоял зажатый теплыми телами, внешне совершенно спокойный, хотя в душе его бушевали отчаяние и бессильная ярость. Наконец они въехали на «Оксфорд-серкус», двери открылись и им объявили: «Конечная!»

В хаосе освобождающих вагоны пассажиров, продираясь сквозь ждущих поезд, Дэлглиш услышал, как какой-то мужчина крикнул служащему:

— В чем дело?

— Поезда нет, сэр. Впереди сломался поезд.

Дэлглиш больше не слушал. Он быстро соображал. Другой прямой линии до Кингс-кросс не существовало. Он попробует поймать такси.

На этот раз ему повезло. На углу с Эгрил-стрит высаживалась пассажирка. Сделав спринтерский рывок, Дэлглиш оказался там раньше, чем она успела расплатиться. Он нетерпеливо ждал, пока женщина препиралась из-за сдачи, потом сказал:

— Кингс-кросс, как можно быстрее.

— Хорошо сэр. Самое лучшее — добираться обычным путем: Мортимер-стрит, потом Гудж-стрит и по Юстон-роуд.

Они уже ехали. Сидя сзади, Дэлглиш пытался унять нетерпение. Если он опоздает, сколько она его прождет? Десять минут, двадцать? С какой стати ей вообще ждать? Он пытался дозвониться ей на мобильный, никто не отвечал.

Продвигались они, как Дэлглиш и ожидал, крайне медленно. Хотя по выезде на Юстон-роуд дела пошли лучше, ход машины все равно был черепашьям. Беда. Впереди грузовик столкнулся с легковушкой. Ничего серьезного, однако грузовой автомобиль развернулся поперек дороги. Все автомобили остановились. Пока прибудет полиция, наведет порядок и движение возобновится, пройдет неизвестно сколько времени. Дэлглиш сунул водителю десятифунтовую банкноту, выскочил и побежал. К тому моменту как Адам на всех парах ворвался в Кингс-кросс, он опаздывал на двадцать минут.

Если не считать одетых в форму служащих, в маленьком зале, обслуживающем кембриджскую линию, никого не было. Что бы сделала Эмма? Что сделал бы он на ее месте? Она не захотела бы пойти к Кларе и выслушивать, как гневается и сочувствует ей подруга. Эмма поехала бы обратно, туда, где ее дом, в Кембридж. Туда отправится и он. Ему нужно увидеть Эмму

этим вечером, нужно узнать: пан или пропал. Даже если она не захочет его выслушать, он сможет протянуть письмо. Спросив у дежурного офицера, когда следующий поезд, Дэлглиш понял, почему на станции так пусто. Проблемы с товарным поездом. Никто не знал, когда их удастся разрешить. Поезд, прибывший в три минуты восьмого, был последним. В чем дело? На него ополчились все дорожные боги? Офицер сказал: «Есть другие поезда до Кембриджа, сэр. Не экспрессы, с Ливерпуль-стрит. Лучше попробуйте оттуда. Большинство пассажиров так сделало».

Поймать такси шансов не было никаких: Дэлглиш видел очередь, когда пробежал мимо. Однако имелся другой и, если повезет, более быстрый путь. И по «кольцу», и по «Метрополитен-лайн» до Ливерпуль-стрит четыре остановки, если каким-то чудом ничего не произойдет. Дэлглиш пробежал через станцию в метро и попытался пробиться сквозь поднимающуюся по лестнице людскую массу. Поиск мелочи для турникета был невыносим, и все же он наконец оказался на платформе, и через четыре минуты на «кольцо» прибыл поезд. Дэлглиш пронесся по Ливерпуль-стрит, мимо современной башни с часами и остановился на верхнем уровне, разглядывая широкое синее табло, протянувшееся над нижним залом. Поезд до Кембриджа, рядом с которым имелся список из десяти остановок, отбывал с шестой платформы. На поиски Эммы у него не было и десяти минут.

В связи с закрытием Кингс-кросс у барьера толкались и пихались толпы людей. Присоединившись к ним, пробиваясь сквозь толпу, Адам крикнул служащей: «Мне нужно найти человека! Это срочно!» Она не пыталась его остановить. На платформе было полно народу. Дэлглиш видел ходивших вдоль поезда людей, которые в поисках свободного места заглядывали в двери купе.

И тут он заметил Эмму. Она шла — ему Эмма показалась несчастной — к голове поезда, держа в руке сумку. Дэлглиш вынул из кармана письмо, подбежал к Эмме и протянул его. Она обернулась, и Адам лишь на мгновение увидел ее удив-

ление, а затем, словно в сказке, невольную быструю улыбку; потом Дэлглиш вложил письмо прямо ей в руки и сказал:

— Я не капитан Уэнтуорт, но, пожалуйста, прочти это. Пожалуйста, прочти сейчас. Я буду ждать тебя у конца платформ.

Теперь Дэлглиш стоял один. Он отвернулся, так как не мог видеть, как Эмма сунет письмо в карман и войдет в поезд. Затем он заставил себя посмотреть. Эмма стояла в стороне от поредевшей толпы и читала. Дэлглиш помнил каждое написанное им слово:

«Я сказал себе, что пишу, дабы у тебя было время подумать перед тем, как ответить, но, возможно, это просто трусость. Прочитать об отказе мне легче, чем увидеть его в твоих глазах. У меня нет оснований надеяться. Ты знаешь: я люблю тебя. Но моя любовь не дает мне права что-либо требовать. Тебе эти слова уже говорили другие мужчины и еще не раз скажут в дальнейшем. Я не могу обещать, что сделаю тебя счастливой; было бы непорядочно намекать, что такой дар мне по силам. Будь я твоим отцом, твоим братом или просто другом, я бы нашел массу доводов против себя самого. Впрочем, тебе они уже известны. Только великим поэтам под силу выразить мои чувства, однако сейчас нет времени на слова других мужчин. Я могу написать лишь о том, что в моем сердце. Моя единственная надежда — твоя отвага. Тогда мы вместе рискнем и окунемся в это приключение. Хотя нет, я-то вне опасности. Для меня не существует счастья большего, чем быть твоим возлюбленным и твоим мужем».

Пока Адам стоял и ждал, ему показалось, что жизнь станции вдруг остановилась, как во сне. Нестройный топот идущих ног, ждущие поезда пассажиры, встречи, расставания, грохот, хлопанье дверей купе, магазины и кафе за его спиной, далекий шум города — все ступсешалось. Дэлглиш стоял под величественным сводом крыши, и будто не было никого, кроме них двоих — его самого и далекой женской фигуры.

Сердце Адама подпрыгнуло. Эмма шла к нему. Потом она побежала. Они встретились, и Адам взял ее протянутые руки

в свои. Эмма взглянула ему в лицо, и он увидел, что ее глаза полны слез.

— Любимая, тебе еще нужно время?

— Какое время! Ответ — да, да, да!

Адам не взял ее на руки, не поцеловал. Для этих первых дивных ласк они нуждались в уединении. Он довольствовался ее ладонями в своих руках, пока бьющий в нем ключ не отозвался в каждой вене. Тогда восторгу стало тесно, и Адам захохотал — откинув голову и торжествуя победу!

Теперь и она засмеялась:

— Что за место для предложения! Правда, могло быть и хуже. На том же Кингс-кросс. — Посмотрев на часы, Эмма добавила: — Адам, поезд уходит через три минуты. Мы можем проснуться под журчание фонтана в Тринити-Грейт-Корт.

Освободив ладони Эммы, Дэлглиш нагнулся и взял ее сумку.

— А у меня под окнами течет Темза.

Все еще смеясь, она накрыла свою руку его ладонью.

— Тогда пошли домой.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Джеймс Филлис Дороти
Комната убийств

Роман

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерная верстка: А.В. Массарский
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Книжная фабрика № 1»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25